

Российская академия наук

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
III

С. В. Бельский

МОГИЛЬНИК КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

(археологические исследования 2006–2009 годов)

Санкт-Петербург
«Наука»
2012

УДК 902(420.23)
ББК 63.4
Б44

Рецензенты:

д-р ист. наук, зав. отделом Америки МАЭ РАН Ю. Е. Березкин,
д-р ист. наук, вед. науч. сотрудник Института истории
материальной культуры РАН А. И. Сакса

Ответственный редактор

д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского филиала
Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики А. А. Селин

Ответственный редактор серии

канд. ист. наук Г. А. Хлопачев

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Благотворительного фонда
социальных инициатив «Куркиеки» по благотворительной программе «Наш край»*

Бельский С. В.

Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов). — СПб.: Наука, 2012. — 240 с., ил. — (Свод археологических источников. Вып. 3).

ISBN 978-5-02-038311-1

Монография посвящена публикации материалов, полученных в ходе исследований могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье в 2006–2009 годах. Цель публикации — введение в широкий научный оборот новых археологических и антропологических источников.

Внимание автора сосредоточено на истории археологических исследований в Северном Приладожье, особенностях погребальной обрядности изученного памятника, детальном описании открытых комплексов, типологии вещевых находок, поиске их параллелей в археологических памятниках сопредельных регионов, построении хронологии погребений могильника. Особое внимание уделено анализу комплекса письменных источников XIV–XVI веков, связанных с историей Кюлялашского погоста Новгородской земли.

Публикация предназначена не только для профессиональных археологов, но и для историков, краеведов, преподавателей, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Северо-Запада России, Финляндии и сопредельных регионов.

На обложке: фибула из погребения № 64 (МАЭ. Колл. № 7426-135).

ISBN 978-5-02-038311-1

© Бельский С. В., 2012

© МАЭ РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА ХИИТОЛА	13
Исследования археологических памятников железного века — Средневековья на территории Северо-Западного Приладожья в XIX—XX веках	13
Остров Килпола	14
Находки на материковой части Хиитола	17
История изучения окрестностей и могильника Кюлялахти	19
Глава II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ	22
Надмогильные сооружения могильника Кюлялахти	24
Способы обращения с телом умершего	25
Глубина могильных ям	26
Особенности погребального обряда Кюлялахти	26
Использование бересты	27
Использование савана	28
Расположение тела умершего	28
Ориентировка погребений	28
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ	30
Каменные конструкции времени, предшествующего функционированию могильника с ингумациями, и связанный с ними комплекс находок	129
«Чашечный» камень на юго-западном склоне холма Калмистомяки	132
Глава IV. ТИПЫ УКРАШЕНИЙ И ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТИПОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	133
Многобусинные височные кольца	133
Серьги	135

Замкнутые фибулы	136
Перстни	139
Привески.	142
Ременная гарнитура	144
Металлические бусы или пуговицы	147
Бусы стеклянные	150
Застежки-«аграфы»	151
Грузики	152
Ножи	152
Ножны	155
Поясные привески	156
Поясные сумки	161
Кресала	162
Железные игольники (?).	163
Глава V. ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ	165
Методика разработки хронологии	165
Хронология комплексов.	172
Глава VI. КЮЛЯЛАШСКИЙ ПОГОСТ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XV ВЕКОВ	184
Закключение.	192
Библиография	197
Список сокращений	203
Список иллюстраций	204
Резюме	219
Приложение	223

Может, из-за этих вопросов и роюсь я в древних могилах? — Задумчиво рассуждал сам с собою скудельник. — Золото что? Золото — так... Не оно манит. Тайна манит, понимаешь? Охота за грань времен взглянуть. Как жили люди? Зачем? В кого верили? Какие обряды творили? Почему исчезли с земли? Может, оттого и щадят меня демоны, что я не за кладами рыщу, а за истиной?..

Алексей Иванов. «Сердце Пармы»

ВВЕДЕНИЕ

Археологическое изучение погребальных памятников Карелии насчитывает уже более 150 лет. Начиная с 1840-х годов в Великом княжестве Финляндском гуманитарное направление общественно-политической мысли оформилось в движение «национального романтизма», для данного региона проявившегося в особом явлении «карелианизма» — романтического течения, в котором соединялось увлечение историческим прошлым, Карелией и «Калевалой». Его расцвет пришелся на 1890-е годы. Публикация эпоса, осуществленная Э. Леннротом в 1835–1836 годах и в расширенной редакции — в 1849 году, оказала огромное влияние на формирование финской самоидентичности. С этого времени в стране начинается небывалый подъем в литературе, музыке, архитектуре и живописи. В этом процессе проявился интерес к «древностям», что положило начало формированию источниковой базы археологии региона. К примеру, еще до массовых раскопок могильников, осуществленных преимущественно в 1880-е годы Т. Швиндтом, куратор этнографического музея в Университете Хельсинки Н. А. Рейнхольм провел небольшие раскопки на могильнике Ховинсаари Тонтинмяки в Раясяля. Данный памятник, на котором позднее, в 1886–1888 годах, Т. Швиндт произвел наиболее крупные раскопки, до настоящего времени является опорным в изучении карельских древностей эпохи Крестовых походов [Scwindt 1893: 51–81; Uino 1997: 290–296; Сакса 2010: 205–210].

Наиболее крупными работами в регионе стали исследования Т. Швиндта в 1885–1888 годах, когда он, получив поддержку от Археологической комиссии, произвел раскопки ряда могильников и укрепленных поселений на Карельском перешейке и Северном Приладожье. Раскопки могильников не только стали первыми масштабными исследованиями памятников

железного века Карелии, но и до недавнего времени были единственными работами такого рода. Сам Т. Швиндт и другие исследователи (А. Европеус, Э. Кивикоски, Н. Клеве, В. Войонмаа, А. М. Талльгрэн, С. И. Кочкуркина, А. И. Сакса) в дальнейшем предпринимали раскопки средневековых грунтовых могильников, но в значительно меньших масштабах. Материалы, полученные Т. Швиндтом в 1885–1888 годах до настоящего времени составляют основу наших знаний не только о погребальном обряде средневековой *корелы* XII–XIV веков, но и о типологии различных категорий инвентаря и периодах их бытования.

В этой связи обращает на себя внимание одно важное обстоятельство — в научных интересах Т. Швиндта значительную роль сыграли место его рождения и годы юности. Он родился в семье врача в поместье Пудория, которое располагалось возле села Ряйсяля (в настоящее время — поселок Мельниково Приозерского района Ленинградской области, точнее, его юго-восточная окраина), находившегося юго-западнее Кексгольма (современный Приозерск), в нижнем течении Вуоксы. Дальнейшая научная деятельность Швиндта была связана с изучением древностей родной округи, прежде всего прихода Ряйсяля, самого Кексгольма, и с примыкающими районами Северо-Западного Приладожья (территории приходов Хиитола и Куркийоки) (рис. 1).

Именно в этих местах в 1880-е годы Т. Швиндт провел археологические исследования и затем опубликовал их в своей докторской диссертации о железном веке Карелии [Schwindt 1893]. Исследователь активно работал и в других регионах: на островах Ладожского озера в районе Сортавалы, в центральной и южной частях Карельского перешейка (приходские центры Пюхьярви (совр. Отрадное), Саккола (совр. Громово), Рауту (совр. Сосново), Муола (совр. Правдино), Валкярви (совр. Мичуринское)). Но это были работы разведочного характера, за исключением, пожалуй, раскопок в Лаппинлахти, на южном берегу озера Суванто (совр. Суходольское), состоявшихся незадолго до его кончины в 1917 году.

В связи с этим представляется уместным посвятить несколько строк методике полевых работ Т. Швиндта. Бесспорно, она не была лишена недостатков, присущих в целом ранним этапам накопления археологических знаний, к которым можно отнести: крайне приблизительное описание места раскопок, затрудняющее его локализацию; отсутствие системы разбивки раскопов; раскопки траншеями, естественно, без просеивания извлекаемого грунта; раскопки за очень короткий промежуток времени (десять погребений могильника Кекомьяки — наиболее богатого археологического комплекса — были произведены за один (!), последний, день экспедиции); отсутствие фотофиксации; отрисовка чертежей в городе по окончании полевых работ на основании приблизительных зарисовок в поле; расхождения в описании комплексов и их чертежах и т. д. Но, пожалуй, основной недостаток заключался в том, что внимание Т. Швиндта, как и любого энтузиаста своего дела, привлекали прежде всего богатые комплексы, содержащие большое количество выразительных бронзовых и серебряных артефактов.

В случае, если могильник сразу не оправдывал надежд на получение выразительного материала, его исследования прекращались, и экспедиция, состоящая из самого Т. Швиндта и двух—трех коллег, перемещалась в другое место [Uino 1997: 28—32]. В результате не было уделено достаточного внимания поселенческим структурам, которые более чем вероятно попадали в площадь раскопа, а также погребальным конструкциям более ранних периодов, не был изучен ни один грунтовый могильник XII—XIV веков полностью или хотя бы в значительной части.

Это заключение имеет важное значение потому, что впоследствии этот методический недостаток так и не был преодолен. В отношении памятников железного века — Средневековья, особенно грунтовых могильников эпохи Крестовых походов, со времен работ Т. Швиндта в карельской археологии сложился своего рода «источниковедческий перекосяк». Уже было отмечено, что он уделял в своей деятельности первостепенное внимание древностям родной округи — Ряйсяля и Кексгольма. В результате, если взглянуть на карту распространения изученных памятников, в первую очередь могильников, наиболее изученным окажется северо-восточный район Карельского перешейка, в меньшей степени — Северо-Западное Приладожье и еще менее — Северное и Северо-Восточное Приладожье. А западная и южная части Карельского перешейка оказываются вовсе лишенными археологических памятников, особенно эпохи Средневековья, за исключением отдельных случайных находок (например, [Сакса 2010: 81, рис. 13]). Это произошло потому, что исследователи последующих поколений ориентировались прежде всего на работы Т. Швиндта и продолжали изучать археологические объекты в тех же местах, где он в свое время проводил раскопки, исходя из собственных задач и принципов исследования.

В период, непосредственно предшествовавший началу Второй мировой войны, археологические исследования на Карельском перешейке и в Северном Приладожье не приобрели системного характера. Часто, когда поступала информация о находках артефактов или человеческих костей, профессиональные археологи не считали нужным начинать раскопки, поскольку, по их мнению, на тот момент сохранности объекта ничего не угрожало. Например, С. Пяльси после проведения обследования на мысу Калмистониemi, у деревни Кюлялахти в приходе Хиитола, в небольшом отчете о результатах писал следующее: «...для памятника нет непосредственной опасности»; «...местные жители, фермеры, не проявляют особого интереса к находкам древних артефактов и не заинтересованы в их специальном поиске. Поэтому данное место следует посещать регулярно, поскольку они не станут информировать Национальный музей о новых находках» (цит. по: [Uino 1997: 36]).

Конечно, тогда никто не мог предположить, насколько драматические события ожидают Финляндию, особенно население Карельского перешейка и Приладожья, в 1939—1944 годах. По Парижскому мирному договору 1947 года эти территории были переданы Советскому Союзу. Местное население уходило в Финляндию за линию новой границы, а в покинутые места направлялись железнодорожные составы с переселенцами из цент-

ральных районов России, Белоруссии, Украины, Казахстана. В археологии Карелии начался новый период, в котором приоритетную роль начинают играть работы советских ученых.

Однако систематические раскопки археологических памятников в первые послевоенные десятилетия также не проводились. Лишь с начала 1970-х годов карельская проблематика стала частью планомерных исследований прибалтийско-финских древностей Ленинградской области и сопредельных регионов специалистами Сектора славяно-финской археологии ЛО ИА АН СССР, образованного в 1974 году. На первых этапах приоритет в изучении был отдан укрепленным поселениям региона. В 1972–1973 и 1975–1976 годах экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством А. Н. Кирпичникова работала на территории города Приозерска в Старой (Корела) и Новой крепостях, в самом городе [Кирпичников 1979: 52–73; Кирпичников 1984: 119–144], на Тиверском городке в 1971 году [Кирпичников 1984: 144–149]. По настоящее время экспедиция ИЯЛИ Карельского научного центра РАН под руководством С. И. Кочкуркиной успешно работает в Северном Приладожье. Последние десятилетия особое внимание уделялось исследованию городищ. Помимо уже упомянутого Тиверска, были произведены раскопки на Паасонвуори, Лопотти Линнамяки в 1971 году, в Соускуа, Хямеенлахти и Линнасаари в 2005–2008 годах [Кочкуркина 2010].

С 1978 года на Карельском перешейке и в Северном Приладожье ведет работы экспедиция ИИМК РАН под руководством А. И. Сакса. Одним из важных результатов исследований стала локализация в современном ландшафте, претерпевшем в течение XX века драматические изменения вследствие активного аграрного использования, археологических объектов, в первую очередь мест грунтовых могильников, изученных в конце XIX века. В процессе полевых исследований А. И. Сакса был сформулирован и успешно реализован новый принцип поиска и изучения археологических памятников железного века — Средневековья. Его смысл заключался в выделении отдельных культурных микрорегионов и изучении составляющих их объектов как единого комплекса, обладающего внутренней структурой и устойчивыми взаимосвязями, на определенном хронологическом срезе. Данный подход позволил найти и изучить синхронные могильникам поселения, культовые объекты (камни с чашевидными углублениями, скопления каменных выкладок), клады и отдельные находки артефактов. Выделенные микрорегионы были определены автором как средневековые поселенческие центры [Сакса 1984: 112–117; Сакса 1998: 157–160]. В итоге к началу XXI века в археологии Карелии железного века — Средневековья в первую очередь благодаря работам С. И. Кочкуркиной, П. Уйно и А. И. Сакса были обобщены результаты исследований более чем полуторастолетнего периода, разработана концепция развития культуры населения региона.

Между тем невозможно обойти стороной тот факт, что в основу работ исследователей в конце XX века были положены материалы погребальных памятников как единственной категории археологических объектов, дающей возможность построения дробной хронологии и, соответственно,

периодизации древностей региона. Изученные стратифицированные культурные слои крупных городов — Корелы и Выборга — относятся к более позднему периоду, чем массив карельских грунтовых могильников, а их материальная культура в значительной степени подвержена урбанистической «нивелировке» и стандартизации. Подавляющее же большинство могильников региона было изучено в довоенный период, а основная часть из них благодаря работам Т. Швиндта — в 1880-е годы. Диспропорция в изучении разных категорий археологических памятников была в определенной мере преодолена в 1970–1990-е годы, когда внимание исследователей уделялось изучению городищ, селищ, культовых мест, синхронных могильникам. При этом связать между собой в пространстве и времени эти категории объектов, предложить модель системы расселения на определенный хронологический срез удалось, пожалуй, лишь для окрестностей Лапинлахти (Ольховка).

В итоге для археологии железного века — Средневековья рассматриваемого региона характерна некоторая, если можно так выразиться, мозаичность: существует массив разнохарактерных древностей, который затруднительно организовать в определенную систему, в силу того что памятники либо раскопаны на ненадлежащем методическом уровне, либо не исследованы не полной площадью, либо не раскопаны вообще. Однако в ряде случаев известен факт их существования, чаще всего на основе информации о случайных находках древних вещей или костей. Нужно признать еще один факт: в ряде микрорегионов разведки не проводились или проводились не слишком тщательно.

Ситуация с исследованными могильниками выглядит на настоящий момент следующим образом: по подсчетам П. Уйно, на 1997 год было известно 40 в разной степени изученных могильников, на которых было открыто 186 захоронений. Поскольку были нередки случаи погребения двух и более индивидумов в одной могильной яме, то общее количество захоронений равняется 210. Из них приблизительно 60 содержали сопроводительный инвентарь (число неточное, поскольку не всегда возможно определить тот или иной комплекс на основе крайне запутанной или неточной полевой документации). Из этого числа чуть больше половины погребений содержали более или менее выразительный инвентарь, пригодный для статистического анализа [Uino 1997: 54]. Проблема заключалась в том, что в послевоенный период ни одного подобного комплекса не было открыто. Кроме того, следует отметить, что могильники локализуются в районе Лапинлахти (Ольховка), южного и северного берегов озера Вуокса (Тонтинмяки и Суотниemi) и (могильники Кекмяки и Кулхамьяки) на северном берегу озера Ковериланярви (Богатырское — около 12 км по прямой к северо-западу от могильника Суотниemi).

В Северном Приладожье ни одного подобного погребения не было известно, несмотря на кажущееся обилие отдельных находок. Здесь до недавнего времени наиболее полно раскопанным был могильник Кууппала, на площади которого было обнаружено большое количество артефактов, относящихся в том числе к железному веку — Средневековью, но хорошо сохранившихся могил (закрытых комплексов) с выразительным инвентарем,

сравнимым с раскопанными Т. Швиндтом, нет [Сакса 2010: 246–254]. Отсутствуют они также и в западной части Карельского перешейка, хотя там известны находки карельских артефактов XI–XIII веков, к примеру на территории Выборга [Kivikoski 1973: 116; Kopisto, Paloposki 1967: 27; Тюленев 1995: 16–17], и даже камней с чашевидными углублениями [Бельский 2005: л. 39]. С другой стороны государственной границы, в Финляндии, ситуация с изучением погребальных древностей складывается иным образом: в послевоенный период были изучены могильники Висулахти (34 захоронения), а также Каускила Кааппелинмяки и УкуниEMI ПаппинниEMI [Salo 1957; Laakso 2003: 139–154].

Проблематика железного века — Средневековья Карелии привлекала внимание разных исследователей, реализовывавших различные подходы к изучаемому материалу. Несмотря на несколько крупных обобщающих работ монографического характера, многие вопросы изучения культуры средневековой карелы по-прежнему остаются дискуссионными. Их решение в настоящее время зависит от обнаружения и раскопок археологических памятников на качественно новом методическом уровне.

* * *

Летом 2002 года я работал на раскопках могильника УкуниEMI ПаппинниEMI в Южной Финляндии по приглашению Вилле Лааксо. В один из дней в экспедицию приехала Эва-Риитта Майонен, которая тогда работала в музее «Кареликум» в Йоэнсуу. Она пригласила меня участвовать в проекте по поиску археологических памятников в Северном Приладожье. Проект намечался большой, и подготовка к нему заняла долгое время. Лишь весной 2005 года наша группа непосредственно приступила к полевым исследованиям. Основной целью была локализация в современном ландшафте известных археологических памятников железного века — Средневековья, в первую очередь могильников. Но была еще и дополнительная цель — найти могильник, на котором можно было бы перспективно произвести археологические раскопки. Поначалу все увиденные объекты энтузиазма не вызывали. Они были либо в значительной степени разрушены, либо информация о них была невнятной. Наконец, 28 мая 2005 года мы оставили нашу «Ниву» на обочине лесной дороги, понимая, что даже на ней дальше невозможно проехать, прошли несколько километров пешком и поднялись на холм Калмистомяки возле бывшей деревни Кюлялахти, от которой сейчас остались только фундаменты. Это до сих пор, к счастью, очень глухое место. Там нет ни деревень, ни современной коттеджной застройки, ни других признаков неумолимо наступающей цивилизации, а тот протяженный объект, который ведет в сторону памятника, «дорогой» можно назвать лишь условно. Здесь потрясающе красиво — со скалы, загораживавшей наш лагерь со стороны Ладоги, открывается великолепный вид на залив Тиуруланселька, остров Ууконсаари и маленькие острова рядом с ним, а также на место бывшего прихода Тиурула, где с довоенных времен и до сих пор сохранилось большое муниципальное здание.

Я прекрасно помню, как вечером, возвратившись в наш базовый лагерь, на вопрос коллег, нашли ли мы что-нибудь сегодня, я ответил: «Наконец мы нашли то, что так долго искали...» Но окончательной уверенности в этом, конечно, не было. На следующий год нам удалось организовать первые стационарные раскопки на холме Калмистомяки, носившие разведочный характер. Вначале большая экспедиции не была запланирована. Задачи ставились прикладные: необходимо было найти относительно хорошо сохранившийся могильник, понять его характер, время функционирования, сохранность антропологического и, если повезет, археологического материала. И открытые комплексы погребений № 1 и 3 продемонстрировали нам, что в Кюлялахти расположен уникальный по материалу и сохранности археологический комплекс. В 2007–2009 годах были организованы гораздо более масштабные раскопки, в результате которых площадка, где располагался некрополь, была изучена практически полностью.

Экспедиционные работы в Кюлялахти не могли бы состояться без финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда (*проекты № 07-01-18066e, № 08-01-18022e*), полевой комиссии МАЭ РАН, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Карельского культурного фонда (*Suomen Kulttuurirahasto*), Фонда поддержки изучения карельской культуры (*Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö*), Фонда поддержки культуры (*Karjalan Kulttuurirahasto*), Карельского фонда (*Karjalan-Säätiö*), Фонда Хиитола (*Hiitola-Säätiö*) (Финляндия). Также на средства МАЭ РАН были проведены консервационные и реставрационные работы с полученными в ходе полевых исследований материалами. Коллекция находок была передана на постоянное хранение в фонды отдела археологии МАЭ РАН и зарегистрирована под номером 7426.

За это время в экспедиции приняло участие множество людей. Кто-то приезжал на несколько дней, кто-то работал весь период. Автор выражает большую благодарность всем, но особенно признателен В. Лааксо как основному вдохновителю проекта с финляндской стороны; И. Д. Ткаченко (РЭМ), Д. В. Герасимову (МАЭ РАН), М. Хелминену, Ю. Руохонену и А. Хонкала (Университет Турку), Б. Г. Лычу, В. Ю. Соболеву (СПбГУ), И. В. Стасевич, И. Г. Широбокову и И. Л. Мармер (МАЭ РАН) — за проявленные самоотверженность и твердость характера; М. В. Медведевой и С. Н. Лисицыну (ИИМК РАН), И. Крюкову, А. Чернову, А. Никиенко, Г. Чугунову, Ю. и М. Раззак — за поддержание здорового и теплого климата в экспедиции; Н. Я. Березиной и Н. А. Суворовой — за внимание к нашим работам; И. К. Михайловой — за понимание. Особая благодарность — В. И. Хартановичу. Большую признательность автор выражает принимавшим участие в работах экспедиции студентам Мурманского государственного университета, Петрозаводского государственного университета и СПбГУ.

Также автор благодарит директора Куркийокского краеведческого центра М. И. Петрову, И. В. Петрова, директора Дома-усадьбы Ларса Сонка Л. Е. Иванову за постоянную поддержку и помощь в любых вопросах.

К нашим работам проявляли внимание и посещали место раскопок: д.и.н. С. И. Кочуркина, д.и.н. А. И. Сакса, к.и.н. А. М. Спиридонов, к.и.н. М. М. Шахнович, С. Н. Титов, к.и.н. Ю. В. Кожевникова, а также к.и.н. Ю. А. Купина и к.и.н. П. И. Погорельский. С финляндской стороны — профессор М. Саарнисто, профессор Ю.-П. Таавитсайнен, Ph.D П. Уйно и Lic Ph. К. Карпелан, М. Сухонен.

На разных этапах подготовки этой книги неоценимой для меня была помощь д.и.н. А. И. Сакса (ИИМК РАН) и к.и.н. Ю. М. Лесмана (Государственный Эрмитаж).

Отдельную благодарность автор выражает реставраторам С. Г. Буршневой, Н. Курганову и О. В. Жмур за сохранение артефактов, а также художнику А. О. Машезерской и фотографу С. Б. Шапиро за подготовку иллюстраций.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА ХИИТОЛА

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА — СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ В XIX–XX ВЕКАХ

На территории бывшего прихода Хиитола, в целом совпадающей с современными административными границами Хиитольского сельского поселения Лахденпохского района Республики Карелия, известно большое количество археологических находок, по наиболее полному каталогу П. Уйно — 51 пункт [Uino 1997: 214–225]. Здесь в 1880-е годы на многих объектах, в первую очередь на могильниках, производил работы Т. Швиндт, в результате чего в финляндской литературе появился вполне устойчивый термин «могильники Хиитола» — “Hiitolan kalmistot”, количество которых в процентном отношении превосходило даже известные на Карельском перешейке [Uino 1997: 224].

Однако именно здесь проявился уже отмеченный «источниковедческий перекосяк» в средневековой археологии Карелии, связанный с методами работы Т. Швиндта и последующей судьбой данного региона уже в XX веке. Несмотря на кажущееся обилие информации о находках древних артефактов или костей, до недавнего времени не было ни одного сколько-нибудь полноценно изученного могильника, не говоря уже о селищах. Фактически весь комплекс источников был получен только благодаря работам Т. Швиндта, который использовал простой, но эффективный метод полевой работы: получив информацию о месте находки древних предметов, выезжал на место, где производил раскопки. В случае с Хиитола ему не повезло — не были обнаружены выразительные комплексы с богатым инвентарем, как на Карельском перешейке, поэтому мы располагаем информацией обычно о двух–трех без- или малоинвентарных захоронениях на каждом памятнике. Ни один могильник не был исследован полной площадью. Впоследствии, в довоенный период, в регионе проводились только разведочные работы, связанные с именами С. Пяльси, Н. Клеве и В. Войонмаа, а в послевоенное время — С. И. Кочуркиной и А. И. Сакса [Сакса 2010: 237–245].

В 1980—1990-е годы многочисленные поля и угодья запустели и превратились в лучшем случае в луга, где поиск археологических памятников, по крайней мере, затруднен. Тем не менее ситуация с современным освоением региона все еще дает редкий шанс для изучения системы расселения на протяжении нескольких столетий. В послевоенный период ландшафт здесь практически не был изменен, в отличие от территории Карельского перешейка, где было развернуто колхозное строительство, зачастую радикально менявшее рельеф. Северо-Западное Приладожье по-прежнему является своеобразным, исторически сложившимся культурно-ландшафтным заповедником. Именно здесь возможен детальный анализ археологических источников в контексте окружающей среды за период железного века — Средневековья, позволяющий дать ответы на принципиальные вопросы о структуре расселения в эту эпоху (рис. 2).

В географическом отношении регион может быть разделен на материковую часть, примыкающую к первым северо-западным шхерам Ладоги, и островную, в которую входит один из наиболее крупных островов Ладожского озера Килпола.

ОСТРОВ КИЛПОЛА

В довоенный период остров был весьма плотно заселен, но в настоящее время фактически необитаем, за исключением отдельных дач и нескольких гостиниц-кемпингов. До Второй мировой войны здесь находились три крупные деревни — Хаапалахти, Тоунаа и знаменитая Кауппаранта, позднее Кильпола (ныне не существуют), разделенные незаселенными пространствами. На территории этих деревень, чаще всего на полях, расположенных между отдельными усадьбами, со второй половины XIX века известны многочисленные находки.

Бывшая деревня Хаапалахти располагалась в долине длинного и узкого залива Хаапалахти, в северной части острова Килполансаари. Долина шириной не более 1 км вытянута в направлении северо-запад — юго-восток и имеет ледниковое происхождение. Борта долины формируют скалистые возвышенности, поросшие боровым лесом. Северо-восточный склон более крутой и переходит в высокую возвышенность Соромяки. Юго-западный — относительно пологий, но неровный, перемежается небольшими холмами, на которых находились отдельные хутора и сейчас видны фундаменты. На пониженных участках долины располагаются луга, отдельные, более высокие холмы поросли лиственным и еловым лесом. В целом, подобный ледниковый ландшафт характерен для Северо-Западного Приладожья.

В 1880-е годы на прибрежном холме Хасситарха у дома Таттари была найдена овально-выпуклая фибула типа Н/П:2b [KM¹ 5418: 19]. У места находки Т. Швиндт произвел раскопки и обнаружил потревоженные чело-

¹ Здесь и далее в тексте аббревиатура КМ обозначает Kansallis museo — Национальный музей (Хельсинки, Финляндия), где в настоящее время хранятся указанные археологические находки. Следующие за ней цифры обозначают номер коллекции и номер единицы хранения.

веческие кости. Иных находок сделано не было [Schwindt 1893: 105; Кочкуркина 1981: 115 (№ 174); Uino 1997: 119–120]. Также исследователь передал в Национальный музей нателный бронзовый крест, найденный неподалеку от предыдущего места, на склоне холма Лавакумпу [КМ 2520: 41]. На находящемся рядом с этими местами находок холме Оменамяки Калмистокумпу (буквально «могильный холм») Т. Швиндт раскопал одно потревоженное детское погребение. Впоследствии, по сведениям В. Войонмаа, на этом месте находили монеты [Uino 1997: 224]. На холме Латсинмяки была обнаружена бронзовая цепочка [КМ 2486: 3]. Т. Швиндт произвел здесь раскопки и обнаружил разрозненные человеческие кости [Schwindt 1893: 105]. В 2005 году автор производил в данном районе обследование с целью фиксации современного состояния упомянутых объектов.

В процессе работ выяснилось, что на месте могильника Хаапалахти Хаситарха сейчас расположена частная усадьба, наследовавшая постройки довоенного времени. Могильные холмы Хаапалахти Оменамяки и Хаапалахти Таннинен видны на местности, но значительно разрушены в результате позднейшей хозяйственной деятельности. Наиболее сохранившимся является холм Латсинмяки, расположенный в 3,5 км к востоку от пос. Тиурула, в 0,15 км к югу от юго-западного заболоченного берега залива Хаапалахти, в 0,3 км к северо-востоку от проселочной дороги, ведущей от дамбы в заливе Уласканселька через остров Кильпола к проливу Килполансалми. Холм вытянут по линии запад–восток и имеет длину 0,13 км, ширину 0,7–0,8 км. С запада, юга и востока он ограничен небольшим лугом, с севера — заболоченным юго-западным берегом залива Хаапалахти. С северной и западной сторон его склоны достаточно круто обрываются в сторону долины, южный обрывистый склон переходит в практически вертикальную скалу высотой 6–7 м над лугом, восточный, напротив, пологий. Вершина холма относительно плоская. В западной части она поросла крупными березами и елями, ближе к центру и восточнее — мелколесьем и кустарником. В западной части холма на современной поверхности видны различные скопления камней и остатки окопов или пулеметных гнезд (летом 1941 года на острове Килпола происходили ожесточенные бои). Однако определенной системы они не образуют. Не ясно также, все ли из них являются искусственными сооружениями. На какой именно части холма была найдена цепочка и человеческие кости, понять сложно.

Далее на запад от Хаапалахти, в деревне Тоунаа, была найдена овально-выпуклая фибула [КМ 2520: 40], а также человеческие кости на юго-западном склоне холма Еупонкумпу. Другое название возвышенности — «калмистомяки» («могильник»).

На южной оконечности острова Килполансаари, в пределах долины пролива Килполансалми, Т. Швиндтом в 1885–1886 годах был исследован ряд могильников эпохи Средневековья и сделан ряд находок артефактов данного периода. Пролив Килполансалми шириной до 0,45 км, разделяющий острова Килпола и Пакатинсаари, вытянут в широтном направлении. С запада он переходит в узкую протоку, впадающую в залив Лехмялахти Ладожского озера, с востока — в относительно широкий залив Сукмилахти той

же Ладogi. Холмистая долина пролива шириной 0,3–0,5 км ограничена скалистыми возвышенностями и представляет собой типичную ледниковую форму рельефа, характерную для Северо-Западного Приладожья. В настоящее время в ее пределах расположены луга, перемежающиеся каменистыми возвышенностями, на которых представлены многочисленные хорошо сохранившиеся фундаменты домов довоенного периода. В то время эта местность была зоной активного аграрного освоения.

В 1884 году местными жителями на поле перед хутором Ханнукайнен (северный) была найдена копоушка. В 1886 году местный владелец книжного магазина Й. Каупи передал в музей в Гельсингфорсе овальную карельскую фибулу (типа C1/1, по Линтури). Предметы были найдены на участке Ханнукайненов «на холме». В том же году на это место прибыл Т. Швиндт и произвел раскопки. Он обнаружил три могилы, содержавшие погребальный инвентарь эпохи Крестовых походов [Nordman 1924: 153; Schwindt 1893: 104; Uino 1997: 216; Кочкуркина 1981: 104 (№ 119) и 115 (№ 171)].

Также летом 1884 года Т. Швиндт получил в свое распоряжение найденные в различных местах деревни вещи: бронзовый спиралеконечный цепедержатель, украшенную пальметками подвеску и трехчастный разделитель ремня [KM 2298: 174–176] с участка Пейсти, дисковидное навершие рукояти меча, неопределимое железное изделие [KM 2298: 177–178] и каменную бусину [2590: 16], найденные на прибрежном поле Йерикайнена, три бронзовых трехчастных разделителя ремня [KM 2298: 182–184] под большим камнем на горе Тюмялямяки, каменную бусину, фрагмент крестовидного цепедержателя и поясную накладку, обнаруженную на горе Киисанмяки (земля Борисова) [KM 2298: 179–180]. Среди местного населения бытовала устная традиция, что здесь была часовня и находили человеческие кости. Там же были найдены фрагмент игольника [KM 2520: 36], стеклянная черная бусина с желтыми полосками [KM 2520: 38] и металлическая иконка XV–XVI веков [Schwindt 1893: 104–105; Nordman 1924: 126; Кочкуркина 1981: 23 (№ 49), 115 (№ 171, 173); Uino 1997: 214–219; Saksa 1998: 127]. В настоящее время находки хранятся в Национальном музее Финляндии.

В той же деревне Кильпола Т. Швиндт на горе Кауппианмяки исследовал могильник, на котором погребенные были захоронены головой на север и перекрыты слоем земли с углями толщиной 5 см [Schwindt 1893: 105]. По рассказам местных жителей, в окрестностях Кауппианмяки находили много бронзовых и серебряных вещей. При раскопках в 1885 году на холме были найдены кости, уголь, обгоревшие камни и куски глины. Позднее исследователю были переданы глазчатая бусина [KM 2590: 16] и каменный (надмогильный?) крест из песчаника [Schwindt 1893: 105; Кочкуркина 1981: 23 (№ 49); Uino 1997: 219; Saksa 1998: 127]. Также на участке Саволайнена, на невысоком холме, Т. Швиндт раскопал три детских захоронения, ориентированных на северо-запад.

С острова Килпола происходит клад серебряных вещей, найденный на горе Пиимялямяки, неподалеку от устья залива, на его южном берегу, в 1886 году, в который входили подковообразная фибула, головное украше-

ние — сюкере, круглая брошь-медальон, фрагмент серебряной цепи с наконечником на конце [КМ 3641: 1–4].

Долгое время археологических обследований территории острова не проводилось, лишь в 1985 году А. И. Сакса произвел здесь разведки. В 1992 году российско-финляндская исследовательская группа отобрала на острове образцы донных отложений из небольших озер Револампи, Витсалампи и Суури Кокколампи. Эти исследования позволили уточнить геологические этапы истории Ладоги и время образования Невы [Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993: 27–29].

В 2005–2006 годах автор провел в данном районе обследование с целью фиксации современного состояния упомянутых объектов. В 2009 году памятники были осмотрены повторно [Бельский, Лааксо 2010: 195–199].

НАХОДКИ НА МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ХИИТОЛА

Подавляющее большинство находок в этом районе Приладожья также связано с именем Т. Швиндта. В 1884–1885 годах в Липола им были раскопаны четыре погребения, ориентированные на запад — юго-запад, лишь при одном из них был найден нож [КМ 2298: 1; Schwindt 1893: 102–103]. В деревне Кавонсалми Т. Швиндт раскопал безынвентарное погребение, ориентированное на запад. На соседнем поле была найдена фибула типа “F”3 [Schwindt 1893: 106]. В деревне Мустола в 1885 году он раскопал могильник, где были также безынвентарные захоронения, ориентированные на юго-запад, совершенные в гробах из толстых досок [Schwindt 1893: 106]. Также в деревне Петкола, на холме, где часто местные жители находили кости и вещи (цепедержатель и крестик), он раскопал одно погребение, ориентированное на север — северо-запад [Schwindt 1893: 107]. По сведениям А. И. Сакса, в той же деревне уже в послевоенный период была найдена, вероятно, западноевропейская монета [Сакса 2010: 243]. Наиболее интересный могильник был изучен Т. Швиндтом в деревне Тенхола. В 1885 году Т. Швиндт произвел раскопки на четырех небольших холмиках (фин. *kumpi*), расположенных на побережье залива Ладожского озера. Местные жители называли это место кладбищем и рассказывали, что находили там человеческие кости и «русские кресты». Название этого места — «Часовенская горка» (фин. *Sääsynäkumpu*) — также указывало на возможность расположения здесь кладбища. Т. Швиндт произвел раскопки на одном из этих холмов, где на поверхности были заметны четырехугольные обкладки из камней размерами 2×0,6 м, ориентированные по линии запад–восток. Им были обнаружены четыре могилы, содержавшие погребения по обряду ингумации, лишь при одном из них был найден точильный брусок [Schwindt 1893: 107–108; Кочкуркина 1981: 105 (№ 124)]. Также исследователь произвел раскопки на соседних трех холмиках, но ничего не обнаружил.

Достаточно подробное описание дало возможность локализовать место этого памятника. Долина длинного и узкого залива Тенхोलанлахти, вытянутого по направлению северо-запад — юго-восток, представляет собой харак-

терную форму ледникового рельефа. Пониженные участки долины заняты лугами, на более возвышенных участках находятся фундаменты хуторов довоенного периода. Памятник расположен на территории бывшей деревни Тенхола. Здесь действительно находятся четыре небольших холмика, описанные Т. Швиндтом. Черты рельефа, зафиксированные для места могильника, более всего подходят для холма 1 в южной части территории, у начала склона берега залива Тенхоланлахти.

Холм 1 имеет овальную форму, вытянут по линии северо-восток — юго-запад. Его длина составляет 23 м, максимальная ширина по линии северо-запад — юго-восток — 15 м. Склоны холма относительно пологие, возвышаются над поверхностью окружающего луга на высоту не более 3 м. Юго-западный склон более крутой, переходит в обрывистый и террасированный северный берег залива Тенхоланлахти. Поверхность холма относительно горизонтальная, покрыта луговой растительностью. В юго-восточной части холма в процессе была зафиксирована кольцевидная выкладка из камней, ориентированная приблизительно по линии запад—восток. Внутри нее наблюдалось некоторое понижение поверхности, относительно уровня с внешней стороны кладки. Вероятно, это остатки одной из могил, исследованных Т. Швиндтом. Также на поверхности холма и его склонах встречаются отдельные камни, не составляющие видимую с современной поверхности какую-либо конструкцию.

Археологическое изучение данного памятника представляется перспективным, тем более что поблизости, вероятно, находилась часовня, что отражено в названии местности. Наиболее вероятное место ее расположения — к западу от могильного холма 1, на относительно ровной площадке, ограниченной с юга и запада обрывистой скалой и берегом залива, а с севера — скалистой возвышенностью.

До недавнего времени лишь перечисленные могильники были изучены в процессе археологических работ в Хиитола. Выразительного материала они не дали. Но с данной территории происходит ряд примечательных случайных находок: в деревне Хуйскунниэми в 1880-е годы были найдены две овально-выпуклые фибулы типа C2/1a [KM 2298: 185–186]. Видимо, это указывает на место могильника, поскольку вещи, вероятнее всего, происходят из разрушенного женского погребения. К сожалению, сейчас на этом месте построен элитный коттеджный поселок. На том же поле был найден медный перстень-печатка с изображением воина со щитом и копьем [Schwindt 1893: 106; Кочкуркина 1981: 115 (№ 175)]. Также в деревне Нехвола была найдена крупная глазчатая бусина [KM 2520: 42] и медный перстень [KM 2520: 43]. По сведениям Т. Швиндта, там находился большой могильник, на котором умерших хоронили в колодах из толстых деревьев. Здесь же был найден маленький оселок с отверстием на одном конце [KM 2486:1] [Schwindt 1893: 106–107; Кочкуркина 1981: 104 (№ 121)]. В Мустола на холме Аркимяки был найден обрывок бронзовой цепи [KM 2520: 44] и у дома Пакаринена — бронзовая пластина с отверстиями [KM 2520: 46]. В деревне Вейала были обнаружены серебряная витая шейная гривна, два наконечника копий [KM 5349: 4, 5], в Коккола

на прибрежном поле найдены две копоушки типа I:2, по А. И. Сакса [KM 3247: 11, 12], и в неизвестном месте — узкий наконечник копья.

Существует объективная сложность в поиске и изучении погребальных памятников эпохи Средневековья в регионе. Для этого периода характерен грунтовый обряд погребения без возведения значительных, по крайней мере различных сейчас, надмогильных сооружений. Поэтому при прекращении функционирования могильника информация о месте его расположения могла постепенно исчезнуть из памяти последующих поколений. Основой хозяйства населения региона, начиная с эпохи раннего Средневековья, было земледелие [Taavitsainen, Ikonen, Saksa 1994: 29–39]. Соответственно, в условиях ледникового рельефа Карелии поселения и зачастую прилегающие к ним могильники располагались в совершенно определенном типе ландшафта — в ограниченных по площади озерных или речных долинах вблизи воды. Фактически система расселения, сложившаяся в XII–XIII веках, мало изменялась на протяжении Средневековья — Нового времени. При расширении сельскохозяйственной территории или переносе поселения, например при повторном заселении региона в XVII веке, места расположения более ранних кладбищ и поселений, как правило, распаивались. Особенно активное освоение региона происходило в период, когда он находился в составе независимой Финляндской Республики и был одним из важнейших сельскохозяйственных районов страны. Затем, в советский период, проходили интенсивное колхозное строительство и укрупнение деревень, что имело фатальные последствия для органически сложившейся на протяжении нескольких столетий системы расселения, землепользования и, в частности, сохранности археологических памятников. Сейчас приходится констатировать, что значительная часть объектов эпохи Средневековья — Нового времени разрушена или существенно повреждена, по сравнению с тем временем, когда их впервые зафиксировал Т. Швиндт.

Таким образом, к началу XXI века определились как минимум две существенные прикладные задачи в археологии погребальных древностей региона: выявление наименее разрушенных могильников и их раскопок максимально большой площадью с целью наиболее полного качественного изучения всех комплексов, составление пространственной стратиграфии, а также получение полноценной антропологической серии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ И МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

В 1920-х годах местными крестьянами в центральной части холма, называвшегося Калмистомяки (буквально «погребальный холм»), возле не существующей сейчас деревни Кюлялахти, был найден бронзовый крестообразный цепедержатель [KM 8887] (рис. 3)¹.

¹ В настоящее время находки зарегистрированы под номерами KM 8887, 9533: 1–3. Автор выражает большую признательность Л. Соуринки-Хармо (L. Söyrinki-Harmo), Л. Руонаваара (L. Ruonavaara) и П. Уйно (P. Uino) за возможность ознакомления с коллекциями и их публикации.

Также в большой яме в западной части холма, сделанной для хранения картофеля, находили человеческие кости и черепа. На берегу залива Ладоги у подножия холма были найдены железный наконечник копья и рукоятка ножа, впоследствии оказавшиеся утраченными. В 1931 году на поле была обнаружена овальная карельская фибула типа С2/2, по Линтури [Linturi 1980: 92–93], и наконечник копья [КМ 9533: 2] (рис. 3).

В 1928 году это место было обследовано Н. Клеве, а затем, в 1933 году, повторно С. Пяльси. В небольшом отчете, датированном 28 октября 1933 года, знаменитый финляндский археолог подробно описал местность и основные топографические ориентиры, благодаря которым в 2005 году без особого труда удалось его обнаружить (рис. 3, 4). Также он отметил, что на лугу, располагавшемся на вершине холма, находятся 30 западин, ориентированных по линии запад–восток, которые, по его предположению, могут быть могилами [Кочкуркина 1981: 115 (№ 177); Uino 1997: 222].

В послевоенный период археологические работы здесь не проводились. Давно назревшая необходимость комплексных исследований погребальных памятников послужила основанием для проведения в 2005 году разведочных работ в этом регионе. Главными задачами работ были локализация ранее известных объектов, преимущественно могильников, на местности и оценка их современного состояния с точки зрения перспективы проведения археологических раскопок. Всего было обследовано 30 памятников. Среди них для археологических раскопок наиболее перспективным представлялся участок, расположенный на вершине холма, в 2 км к юго-западу от поселка Тиурула, в 0,5 км к юго-востоку от фундамента православной церкви Тиурула, в 0,1 км к югу от юго-западного берега залива Тиуруланселька в Лахденпохском районе Республики Карелия [Бельский 2005: л. 12–13].

В настоящее время холм Калмистомяки максимальной шириной 0,11 км имеет подовальную форму и вытянут по линии северо-запад — юго-восток на длину 0,2 км соответственно общему направлению ледникового выпахивания в регионе. Высота над уровнем моря — 17 м (Балтийская система высот) (рис. 5).

Вершина холма относительно горизонтальная, поверхность ровная (рис. 6). Северо-западная часть холма более пологая, постепенно понижается в северо-западном направлении. На ней сейчас расположен луг. Характер растительности делит всю территорию холма на три приблизительно равные части. Первая — северо-западная треть — занята лугом, вторая — центральная — лиственным лесом, произрастающим на месте довоенного огорода, на третьей — юго-восточной, скалистой — части — начинают преобладать хвойные породы. Уровень поверхности постепенно повышается в юго-восточном направлении. Юго-западный склон скалистый и достаточно резко обрывается в сторону широкой долины безымянного ручья, огибающего холм с юго-западной стороны и впадающего в залив Тиуруланселька.

Здесь отдельные скальные выходы перемежаются пониженными участками, заполненными рыхлым грунтом. Северо-восточный склон также

частично занят лугом и опускается в сторону залива. У береговой линии луговая растительность сменяется кустарником.

В северо-западной части холма, у склона, на лугу, расположены две большие глубокие ямы правильных, четырехугольных очертаний. По всей видимости, именно в них находили человеческие кости. Яма 1 размером 4×4 м ориентирована по сторонам света, глубиной до 2 м. Она, по всей вероятности, является остатками погребя, поскольку с западной стороны имеет оформленный вход. Яма 2 расположена в 3 м к югу от ямы 1, размерами 2×2 м, глубиной 1,5 м, ориентирована также. Размеры первой ямы и ее правильная форма наводили на мысль о том, что она слишком большая для простого погребя. При проведении археологических разведок вокруг залива Тиуруланселька, приблизительно в 0,5 км к северу, была обнаружена практически идентичная по размерам и форме конструкция, сохранность и местоположение которой позволяли утверждать, что это остатки дзота времен Второй мировой войны. В июле—августе 1941 года в данном районе, но на противоположном берегу залива и лежащем далее острове Килпола проходили серьезные бои. Возможно, сооружение на холме Калмистомяки, с которого открывается хороший обзор на северную часть залива, являлся огневой точкой, для создания которой была расширена и углублена более ранняя хозяйственная яма. Это наблюдение приводит к двум выводам: во-первых, часть могильника имела большие разрушения, чем это представлялось ранее; во-вторых, на участке холма, прилегающего к северо-западному склону, рыхлые породы обладают относительно большой мощностью. Возможно, здесь есть остатки песчаной террасы, примыкавшей к моренному останцу. Вся поверхность, на которой расположен луг, была покрыта высокой травяной растительностью, которую пришлось скашивать для расчистки будущей площади раскопок. Никаких наземных конструкций или ям на современной поверхности не было заметно.

В 2006 году на холме Калмистомяки были проведены первые археологические раскопки силами Карельского и Североевропейского отрядов МАЭ РАН при участии Университета Турку (Финляндия), имевшие разведочный характер. В 2007—2009 годах были произведены раскопки широкой площадью. За четыре года исследований общая вскрытая площадь могильника составила 426 кв. м. Количество открытых непогребенных погребений составило 93: 91 ингумация и 2 кремации. Количество открытых погребений является наибольшим за весь период исследования карельских грунтовых могильников на территории Карельского перешейка и Северного Приладожья. Количество открытых погребений — 51 с сопроводительным инвентарем — наибольшее из всех известных могильников, включая могильники Восточной Финляндии. Эти результаты делают данный памятник опорным в изучении карельских древностей на позднем этапе существования культуры средневековой корелы.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

Анализ погребально-поминальной обрядности является одним из важнейших направлений в исследовании древних культур. Археологический материал обладает своей спецификой, но для изучения многих ранних обществ остается основной категорией источников.

Во всех известных на настоящий момент могильниках, связываемых со средневековой карелой, представлен исключительно грунтовый обряд захоронения без каких-либо, по крайней мере различимых сейчас, наземных сооружений. Принято считать, что могильники, принадлежавшие этому населению, занимают либо склоны возвышенностей, преимущественно южной ориентировки, либо их вершины [Schwindt 1893: 188; Кочкуркина 1982: 41; Uino 1997: 55]. Это правильное, но все же слишком обобщенное заключение. Гораздо важнее то, что карельские грунтовые могильники эпохи Крестовых походов (XII—XIV века) и позднее размещались именно на невысоких возвышенностях в определенном типе ландшафта. Естественно, в этом случае могильник будет находиться либо на склоне, либо на вершине. К сожалению, состояние полевой документации Т. Швиндта не предоставляет полной возможности для изучения внутренней структуры могильников. Вполне вероятно, что так называемые «могильники на склонах» представляют собой всего лишь раскопанные части более крупных могильников, занимавших целый холм, в том числе и вершину.

Полевые наблюдения над топографией могильников, проведенные на современной территории как России, так и Финляндии, позволяют сделать вывод о том, что выбор естественной возвышенности под будущее кладбище был определен далеко не случайными обстоятельствами. Во-первых, грунт должен быть мягким, чтобы была возможность выкопать относительно глубокую яму, достаточную хотя бы для того, чтобы засыпать тело умершего. В условиях ледникового рельефа, особенно в Северном Приладожье, где повсеместно присутствуют выходы древнейших гранито-гнейсов, это не простая задача. Во-вторых, полевые наблюдения позволяют сделать вывод, что во всех случаях с места могильника открывается вид на какую-либо водную поверхность — озера, реки или залива. Представляется, что это неслучайно и связано с определенными религиозными или эстетическими представлениями древнего населения. Надо полагать, что место регулярного кладбища не должно находиться в непривлекательном ландшафте, в глухом лесу,

скалах, болоте и т. п. Оно, естественно, было вынесено за пределы поселения, может быть, даже за водную преграду, хотя бы символическую, например ручей. В-третьих, могильники расположены на интенсивно использовавшейся аграрной территории, многие из них найдены при распашке полей. С оговорками для интерпретации можно привлечь наблюдения этнографов, поскольку речь все же идет о генетически родственном населении. Такие наблюдения показывают, что в XIX веке карельские общины традиционно имели отдельное кладбище для каждой деревни, которое могло быть расположено как на ее окраине, так и в центре. Более того, каждая группа родственников могла иметь собственное кладбище или собственную отдельную территорию на общем деревенском кладбище [Paulaharju 1924: 162, 166; Konkka 1985: 63]. То есть речь идет о родовых могильниках. Существующие археологические данные объективно не противоречат описанной ситуации. Наличие «коллективных» захоронений, открытых Т. Швиндтом, в одной могильной яме, причем разновременных, прямо свидетельствует о существовании традиции своего рода семейных склепов [Schwindt 1893: 17, 67].

Все вышеуказанные характеристики расположения могильников полностью соответствуют ситуации в Кюлялахти. Могильник был обнаружен на наиболее возвышенной и одновременно относительно плоской северо-западной части холма Калмистомяки, ограниченной достаточно крутыми скалистыми обрывами. Существует еще ряд дополнительных черт, характеризующих ситуацию в Кюлялахти. Дело в том, что сама довоенная деревня с таким названием существовала на противоположном от средневекового могильника холме, приблизительно в 0,2 км к северу от него. У подножия холма Калмистомяки, у его северо-западного склона, на поле находился хутор, принадлежавший семье Уккола. Именно ее представители впервые обнаружили человеческие кости при рытье погребка. На противоположном от могильника берегу безымянного ручья располагался хутор Аатинмяки. Но на самом холме Калмистомяки, несмотря на его чрезвычайно удобное положение, никаких долговременных строений не было, только С. Пяльси упоминает кузницу, но ни ее фундамента на поверхности, ни каких-либо ее следов за время раскопок обнаружить не удалось. Возможно, это было легкое деревянное сооружение.

Из этих наблюдений следует вывод о том, что местные жители знали о существовании кладбища на этом месте и старались не использовать его территорию под строительство или значительные земляные работы. На это же указывает и микротопонимия: само название холма — Калмистомяки — и мыса при впадении ручья в Ладожское озеро — Калмистонниэми (буквально «кладбищенский мыс»). Знание это могло существовать не только в силу устойчивости традиции, но и потому, что на поверхности были заметны могильные западины, ориентированные по линии запад—восток, которые отметил в своем отчете С. Пяльси. То, что они не были сnivelированы на протяжении столетий (хотя бы вследствие выпаса скота на этом месте), связано с особенностями погребальной обрядности

могильника. Очевидно, что С. Пяльси и местные жители довоенного периода видели не столько могильные западины, сколько слегка заметные овальные каменные оградки над погребениями и несколько пониженные участки поверхности внутри них. Можно представить себе, что и в эпоху Средневековья каждое последующее поколение жителей этих мест также имело представление о том, где находятся могилы погребенных предыдущего поколения, поскольку были видны оградки из камня. Следовательно, при совершении каждого последующего захоронения место предыдущих не нарушалось. В некоторых случаях даже стенка оградки более раннего погребения могла быть использована как стенка следующего. В результате образовывались отчетливые регулярные ряды захоронений. В силу этих обстоятельств подавляющее большинство погребений могильника Кюлялахти оказалось ненарушенным.

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

Принципиально важным открытием для изучения погребальной обрядности стало обнаружение в рассматриваемом могильнике многочисленных (всего 55) надмогильных сооружений, представляющих собой вытянутые, овальные в плане оградки из крупных валунов в один ряд, расположенные по периметру могильной ямы (рис. 7, 8, 9).

По краям оградки, чаще всего юго-западному и северо-восточному, располагались более крупные камни, ограничивающие таким образом место захоронения и придающие сооружению законченный вид.

Иногда в качестве таких «торцевых» камней были использованы естественные скальные выходы, в изобилии существующие на площадке могильника, к которым были пристроены надмогильные сооружения. В подавляющем большинстве случаев оградки имели стандартные размеры — около 2 м в длину и 1–1,3 м в ширину по внешнему периметру. Складывающие их валуны залежали непосредственно под дерном, на минимальной глубине, края многих из них были заметны на современной поверхности.

Я уже упоминал, что до раскопок в Кюлялахти подобного рода каменные оградки были известны на карельских могильниках. Например, кладбище в Тенхола Часовеская горка, где Т. Швиндт раскопал четыре погребения в каменных оградках, правда, безынвентарных [Schwindt 1893: 107–108; Кочуркина 1981: 105 (№ 124)]. Этот могильник расположен всего лишь в 4 км по прямой на восток от Кюлялахти и, несомненно, демонстрирует наличие единой погребальной традиции в регионе. Также в 2001 году над погребением № 1 в могильнике Укуниэми Паппинниэми на современной территории Финляндии, рядом с современной государственной границей, было обнаружено похожее надмогильное сооружение [Laakso 2003: 148]. Учитывая результаты раскопок в Кюлялахти, можно констатировать, что такой обряд погребения был характерен для позднесредневекового населения

Приладожской Карелии. На Карельском перешейке подобные сооружения пока не известны.

В количественном отношении надмогильные сооружения из камня на могильнике Кюлялахти зафиксированы над более чем половиной из раскопанных погребений. Они известны как над мужскими и женскими, так и над детскими могилами. Наряду с этим имелись погребения как взрослых индивидуумов, так и детей, над которыми подобные оградки не были сделаны. Такие погребения сконцентрированы по краям площади могильника, у склонов холма.

По сути, такой погребальный обряд полностью соответствует так называемым «жальничным» захоронениям, широко распространенным в Новгородской земле и на ряде сопредельных территорий.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛОМ УМЕРШЕГО

Как уже было отмечено, из 93 погребений могильника 91 представлено захоронением по обряду ингумации (рис. 10, 11). Кремациями были только погребения № 2 (раскопки 2006 года) и № 92 (раскопки 2009 года) (см. главу III). Важно отметить, что эти погребения могут считаться отдельными комплексами в определенной мере условно, в силу относительной компактности залегания кальцинированных костей. В случае погребения № 2 компактное гумусированное пятно с кальцинированными костями было локализовано между погребениями № 1 и 3 и было частично ими нарушено. В скоплении были обнаружены две (одна во фрагментах) тонкие бронзовые скобки, назначение которых не вполне ясно (рис. 17). В случае с погребением № 92 кальцинированные кости компактно залегали в пятне интенсивно темного гумуса со значительной примесью мелких камней, керамики и шлака (рис. 117). При расчистке данного объекта была обнаружена железная стрела — срезень (рис. 122). В каждом из случаев археологический контекст не позволяет однозначно утверждать, что это именно погребения, а не сохранившиеся участки поселения предшествующего периода. Кроме того, сохранившиеся по всей открытой раскопками площади каменные выкладки в виде сплошного горизонта мелких камней, среди которых было много камней со следами пребывания в огне, позволяют утверждать, что здесь до начала функционирования могильника с ингумациями существовал могильник с трупосожжениями. Не исключено, что погребения № 2 и 92 относятся к более раннему периоду. Этот вывод полностью подтверждается данными радиоуглеродного анализа образца угля из погребения № 92: 820 ± 25 (SPb-136) / 1170–1265 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 129—SPb-136)¹.

¹ Здесь и далее калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась в программе OxCal 3.10 [Bronk Ramsey 2005: 57–64].

ГЛУБИНА МОГИЛЬНЫХ ЯМ

Глубина могильных ям является важным элементом для характеристики погребальной обрядности могильника Кюлялахти. В подавляющем большинстве случаев она не превышает 0,5 м от современной поверхности, не изменившейся за прошедшие несколько веков. Это обусловлено естественными причинами, а именно — близким к поверхности уровнем залегания твердых коренных пород. Фактически погребения, особенно в случаях, когда отсутствовало надмогильное сооружение из камней, залегали непосредственно под дерном (рис. 10).

В этом случае возникает естественный вопрос о причинах, побудивших людей, живших здесь в позднем Средневековье, выбрать именно этот холм для места родового кладбища. Очевидно, важным фактором стали ландшафтные условия — господство холма над прилегающей долиной и его ориентировка на водную поверхность залива Ладоги. В процессе раскопок могильника, помимо находок погребений по обряду трупосожжения, было обнаружено достаточно большое количество артефактов — бус и металлических изделий, относящихся к более раннему времени (рис. 125; см. главу III). Вряд ли люди в XIV веке и позднее не обращали на это внимания, когда использовали выбранную территорию под свое кладбище. На наш взгляд, невозможно предположить, что выбор холма Калмистомяки был продиктован только удобством его расположения в ландшафте. Наоборот, здесь весьма затруднительно выкопать относительно глубокую могильную яму, и определяющим при выборе этого места было знание о нахождении здесь более раннего могильника. При этом несомненно, что кладбище Кюлялахти не являлось рядовым сельским могильником (фин. *kyläkalmisto*), а было значительным центральным некрополем, где, вероятно, были погребены представители не рядового населения, по крайней мере, в центральной его части.

В этой связи представляется важным отметить, что небольшая глубина могильных ям была характерна и для карельских грунтовых могильников предшествующего периода, известных в первую очередь по раскопкам Т. Швиндта [Schwindt 1893: 51]. Она колебалась от 0,2 до 1 м. Более глубокие могильные ямы стали характерны для кладбищ XVI–XVII веков, известных по новейшим раскопкам в Юго-Восточной Финляндии, Укуниэми и Каускила, когда уже были несомненными существенное церковное влияние и контроль над погребальной обрядностью.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КЮЛЯЛАХТИ

Из 91 погребения по обряду ингумации 47 были совершены в гробах, 4 (детских) — в колоде, выдолбленной из одного бревна. Возможно, это число может быть гораздо больше, но крайне низкая степень сохранности, а также тяжелый каменистый грунт во многих случаях не позволяют проследить наличие гробовища. Гробы были сделаны из досок толщиной, видимо, до 2 см,

длиной и шириной в зависимости от пропорций тела умершего. В ряде случаев, например в погребении № 3, удалось установить, что гроб имел в плане трапециевидную форму с расширением в районе головы погребенного (рис. 13). В подавляющем большинстве случаев было установлено, что гроб имел крышку. Обычно ее следы прослеживались поверх костей или артефактов в погребении. Также гробы имели дно, остатки которого прослеживались соответственно под костями или артефактами в погребении.

Все гробовища были сделаны без использования гвоздей. Углы таких гробов либо скреплялись шипами, либо связывались берестяными лентами. Такая черта характерна для погребальной обрядности именно православного населения Восточной Карелии, что археологически было прослежено при раскопках могильника Алозеро XVIII–XIX веков [Хартанович, Шахнович 2009: 104–109]. Использование такой технологии скрепления углов, а также крышки гроба известно в Карелии по этнографическим материалам [Paulaharju 1924: 84; Konkka 1895: 54].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕРЕСТЫ

Еще одной характерной чертой погребальной обрядности могильника Кюлялахти являлось выстилание дна гробовища берестой, а также зафиксированное в нескольких погребениях покрытие берестой тела умершего и даже гробовища с внешней стороны. В погребении № 1 фрагмент бересты был обнаружен на нагрудной подвеске (рис. 13). Установлено, что в погребении № 30 тело погребенной было покрыто берестой, сохранившейся на артефактах (рис. 46b, 49). То же обстоятельство установлено для погребений № 61 и 63, где также зафиксирован факт выстилания дна гробовища берестой (рис. 96). Очевидно, что это достаточно распространенная практика в погребальной обрядности данного могильника. К сожалению, степень сохранности не позволила проследить ее в большем числе случаев.

Использование бересты в карельских грунтовых погребениях зафиксировано и в памятниках предшествующего периода. В одних из наиболее богатых могил — № 1 и 3 — в могильнике Кекомьяки Т. Швиндт обнаружил большие фрагменты бересты на артефактах, окрашенных в красный цвет [Schwindt 1893: 187]. Фрагменты бересты были найдены также в ряде погребений как в Восточной, так и в Западной Финляндии [Cleve 1978: 82; Lehtosalo-Hilander 1982: 35]. В целом, такая традиция хорошо известна в средневековых погребальных памятниках Фенноскандии и севера Восточной Европы. Она также прекрасно известна по этнографическим материалам различных народов лесной зоны [Konkka 1985: 66; Karjalainen 1918: 110; Zachrisson 1985: 187].

В погребении № 30 между костяком, артефактами и дном гробовища в процессе расчистки и консервации в лабораторных условиях комплекса сложносоставной поясной подвески были обнаружены хорошо сохранившиеся листья березы. Очевидно, свежесрезанными ветками березы было

также выстлано дно гробовища. Они смогли сохраниться только благодаря расположению рядом бронзовых артефактов, в первую очередь оковок ножен. Вряд ли следует полагать, что это был единичный случай в погребениях данного могильника. Традиция выстилания дна гробовища ветками березы хорошо известна по этнографическим материалам, а также в единичных случаях в погребениях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ САВАНА

В некоторых случаях, преимущественно в женских погребениях, на бронзовых или серебряных украшениях или крупных железных предметах были зафиксированы следы текстиля (в погребении № 1 на бронзовой нагрудной привеске, № 3, 13 и 30 — на бусинах многобусинных височных колец, в последнем случае также и на железной копоушке) (рис. 50). Можно предполагать, что тела погребенных были обернуты в материю, от которой сохранились небольшие фрагменты или только отпечатки на артефактах.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА УМЕРШЕГО

Во всех случаях, когда были расчищены даже минимально сохранившиеся кости, реконструировать положение тел умерших было возможно. В могильнике Кюлялахти все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине. Руки в тех случаях, когда сохранялись кости плеча и предплечья, обычно были скрещены либо на груди, либо в районе таза (рис. 11). В двух случаях (в погребениях № 36 и 90) была зафиксирована ситуация, когда кисть правой руки находилась возле черепа погребенного, то есть рука была согнута в локте (рис. 59, 118). Вполне вероятно, что перемещение костей произошло в процессе разложения тела. Исключением является погребение № 4 (детское), где руки были вытянуты вдоль тела, но здесь ребенок был буквально втиснут в короткую и узкую яму так, что кости таза и позвоночный столб оказались смещены в сторону грудной клетки (рис. 20). Поэтому такое положение рук могло оказаться случайным, а не преднамеренным. Также в погребении № 19 кости правой руки были расположены вдоль тела, левой — в области таза (рис. 41). Здесь рука также могла сместиться в процессе естественного разложения тела. Такая же ситуация зафиксирована для погребения № 25 и, возможно, № 78 (рис. 20, 108). Единственным достоверным исключением является хорошо сохранившееся погребение мужчины № 70, где руки были вытянуты вдоль тела. Но это погребение было безынвентарным и находилось на периферии могильника (рис. 102).

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ

Ориентировка тел погребенных относительно сторон света традиционно считается одним из важнейших культурообразующих элементов, ей уделяет-

ся большое внимание при анализе материалов погребальных памятников. В науке также распространено мнение о том, что для погребальных памятников Карелии в частности и Восточнобалтийского региона в целом изменение ориентировки погребенных связано с процессом христианизации. Для подавляющего большинства погребений могильника установлена юго-западная ориентировка (азимут от 240° до 260°). Западная или приближающаяся к западной ориентировка (азимут от 260° до 280°) установлена для погребений № 1, 3, 79, 84, 85 и 86 (рис. 11). Естественно, границы между представленными выше значениями в ориентировках более чем условны. Единственным исключением для всего некрополя является погребение № 69, которое ориентировано головой на северо-запад (азимут 302°) (рис. 101). Но данное погребение, видимо, было потревожено в процессе функционирования могильника, возможно, кости его были перемещены.

Таким образом, ориентировка погребенных в могильнике Кюлялахти стандартизирована: все значения расположены в западном секторе, с большим тяготением к юго-западу. Это достоверное свидетельство устойчивой погребальной традиции.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

В публикации под термином «погребальный комплекс» понимается единство как надмогильного сооружения, так и погребения, включающее собственно останки погребенного, могильную яму, следы каких-либо конструкций (гробов или колод) и комплекса артефактов при погребении.

Автор принципиально отказывается от применения термина «сопроводительный инвентарь», поскольку при всех погребениях были обнаружены исключительно детали костюма и украшения — металлические изделия, одетые непосредственно на покойного (или покойную) перед совершением захоронения. При погребениях полностью отсутствовали археологически фиксируемые элементы тризны: жертвенная посуда, кости животных и так далее, а также оружие. При этом наличие металлических украшений или деталей костюма, например многочисленных пуговиц, а также поясной гарнитуры, поясных подвесок и ножей, на взгляд автора, ни в малейшей степени не свидетельствует о пережитках каких-либо «языческих» ритуалов в обряде погребения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 1

Надмогильное сооружение (№ 1)

Надмогильное сооружение № 1 было расчищено на площади кв. 97/198-199 на глубине 18,89 м¹ на юго-западном краю и 18,68 м на северо-восточном, на вершине холма ближе к его северо-западному склону. Оно представляло собой выкладку из семнадцати крупных (максимальной длиной до 0,45 м) гранитных валунов, поверхности которых, как и в подавляющем большинстве случаев на могильнике, были расчищены непосредственно под дерном, имевшим мощность 0,05–0,07 м (рис. 12).

Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной формы, ориентированную по линии запад–восток (азимут 270°), имевшую размеры по внешнему периметру 2,05×0,85 м, по внутреннему — 1,37×0,3 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным. На его юго-западном и северо-восточном краях располагались наиболее крупные

¹ Все абсолютные значения даны по Балтийской системе высот.

торцевые валуны¹. Внутреннее пространство сооружения было заполнено сероватым суглинком со значительной примесью небольших камней, по цветности фактически не отличавшимся от напластований за пределами сооружения. Однако по плотности он был более рыхлым.

Погребение № 1

Точные границы могильной ямы определить было затруднительно, поскольку грунт был чрезвычайно насыщен мореными валунами, а рыхлые отложения в целом имели монотонный характер окрашенности. Этому способствовало и то обстоятельство, что погребение было совершено очень близко к современной поверхности — всего на глубине 0,25–0,3 м. Тем не менее реконструируемые размеры могильной ямы, различаемые по ее заполнению, составили в длину (по линии запад–восток) около 1,6 м, в ширину (по линии север–юг) — около 0,6 м (рис. 13). Погребение было совершено в гробу, о чем свидетельствовали узкие, не более 2 см шириной, полосы древесного тлена в западной части могильной ямы, а также под черепом, над бронзовой нагрудной привеской и под костью правого предплечья. Приблизительная реконструируемая ширина гроба — около 0,35 м. Вероятно, он имел крышку, поскольку следы дерева были зафиксированы на бронзовой привеске. Фрагменты бересты, также расчищенные на ней, позволяют предполагать, что тело погребенной было дополнительно покрыто берестой.

Положение и сохранность костяка

Череп погребенной (вероятно, это была девочка-подросток 12–13 лет, по заключению В. И. Хартановича) находился в удовлетворительном состоянии (рис. 13, 14). Теменные кости были продавлены внутрь. Сохранились частично затылочные, височные, лобные кости, верхняя и частично нижняя челюсти. Посткраниальный скелет представлен фрагментарно: сохранились кости правой ключицы, частично правого предплечья, мелкие фрагменты позвоночных, бедренных и берцовых костей. Кости стоп не сохранились. В целом, сохранность костей достаточно плохая. Костяк располагался в вытянутом положении на спине головой на запад. Вероятно, руки были скрещены в районе живота.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 15)

1. С правой и левой сторон черепа погребенной девушки были обнаружены два многобусинных височных кольца (или серьги), состоявшие из бронзового стержня-основы, переменного в сечении: прямоугольного размерами 2,5×1,5 мм и округлого после ограничителя диаметром около 1,5 мм (колл. МАЭ РАН № 7426-1, 2). Один конец стержня завершен расклепанным четырехугольным ушком с отверстием, а другой расклепан и закручен в виде спирали, свернутой внутрь кольца. На изогнутый стержень диамет-

¹ Торцевыми здесь и далее я называю более крупные валуны, располагавшиеся в восточной и западной частях надмогильных сооружений.

ром около 4,5 см были напущены серебряные с позолотой полые бусины диаметром около 1,4 см, сделанные из двух спаянных тисненых половинок. От кольца, располагавшегося с левой стороны черепа, сохранился только стержень (рис. 15—1/1). Два фрагмента второго кольца располагались с правой стороны черепа (рис. 15—1/2а и 2б). При этом один из них, на котором находился один шарик, был обнаружен в 0,1 м к востоку от височной кости, а второй, на котором были два серебряных шарика, — возле черепа в положении *in situ*. Один фрагмент шарика был обнаружен возле нижней челюсти. Также несколько мелких фрагментов были расчищены возле височной кости. Очевидно, все они происходят от одного предмета, который был раздавлен и сломан уже после совершения погребения. По следам на стержне удалось подсчитать количество бусин, которое в данном случае равняется семи. Возле фрагмента кольца, располагавшегося *in situ*, были расчищены остатки дерева, волос и неопределимых в поле органических материалов.

2. В районе грудной клетки было расчищено крупное пятно размерами 0,12×0,08 м, состоящее из органических материалов: бересты, дерева, текстиля и кожи. Береста и остатки дерева покрывали сверху крупное бронзовое нагрудное литое украшение — нагрудную подвеску (рис. 15—2/а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-3).

Границы могильной ямы слабо выражены, дно плоское. Могильная яма овальной формы, вытянута по линии запад—восток, размеры по матерiku составили: 1,7 м по линии запад—восток, 0,6 м по линии север—юг. Ее максимальная глубина от уровня современной поверхности — 0,35 м.

Погребение № 2

Погребение № 2, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, было расчищено в кв. 95/199 между надмогильными сооружениями № 1 и 3 (рис. 13, 16). Оно проявилось на глубине около 0,2 м от уровня современной поверхности в виде пятна интенсивно-черного песка с углистыми включениями, смешанного с кальцинированными костями, наибольшие из которых имели в длину 2—3 см. Данная структура имела размеры 0,36×0,48 м и была неправильной формы, ее границы в плане четко не были проявлены. В восточной и юго-восточной части она была перекрыта крупными камнями, составляющими часть надмогильного сооружения над погребением № 1. Таким образом, полевые наблюдения дают основание сделать вывод, что погребение № 2 было совершено раньше погребения № 1. При расчистке структуры было выяснено, что она имеет максимальную мощность до 0,06 м. Для определения ее формы был сделан поперечный разрез. Дно ямы было округлым, четких границ выявить не удалось. Приблизительные размеры составили по линии север—юг 0,4 м, по линии запад—восток — 0,53 м.

Вероятно, кальцинированные кости были помещены в небольшое углубление и были потревожены при совершении последующих захоронений. Приблизительно в центральной части могильной ямы или углубления были расчищены два бронзовых артефакта в виде тонкой (до 2 мм в сечении)

проволоки длиной около 4 см каждый, загнутой на концах (рис. 17; колл. МАЭ РАН № 7426-4, 5). Точно атрибутировать эти предметы затруднительно, наиболее вероятным является предположение, что это оковки пояса.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 3

Надмогильное сооружение (№ 2)

Надмогильное сооружение № 2 было открыто в 0,3–0,6 м к югу от южного края сооружения № 1, параллельно ему, на глубине 18,76 м на юго-западном краю и 18,66 м на северо-восточном. Оно представляло собой вытянутую по линии запад–восток (азимут 285°), сложенную из одного ряда десяти крупных валунов (размеры наиболее крупного, располагавшегося на западном краю — 0,5×0,4×0,2 м) конструкцию овальной формы длиной по линии запад–восток 2,4 м и максимальной шириной по внешнему диаметру 1 м, по внутреннему — 0,4 м (рис. 9). Внутреннее пространство было свободно от крупных валунов. Вероятно, первоначально она представляла собой замкнутую конструкцию, аналогично надмогильному сооружению № 1, но затем ее южная стенка была частично разрушена, вероятно, при совершении последующих захоронений, находящихся в непосредственной близости.

Погребение № 3

Могильная яма оказалась достаточно большой: 2,2 м в длину по линии запад–восток и 0,79–0,88 м в ширину по линии север–юг. Ее границы не были прямыми, поскольку она была сделана в каменистом грунте (рис. 13).

Остатки гробовища чрезвычайно плохой сохранности представлены лишь на отдельных участках в виде древесной трухи или тлена. Лучше сохранилась стенка гроба с левой стороны костяка, расчищенная на длину 0,8 м и имевшая в ширину не более 0,02 м, ориентированная по линии запад–восток вдоль костяка (азимут 270°). Также остатки гроба в виде коротких и узких полос древесной трухи были зафиксированы в восточной части, справа от костяка, и в западной части могильной ямы. Таким образом, реконструируемые размеры гроба составили: в длину 1,76 м, в ширину на восточном краю 0,27 м, в центральной части 0,31 м, в западной — 0,41 м. Не исключено, что он имел трапециевидную в плане форму. Возможно также, что у него была крышка, поскольку остатки дерева были обнаружены с правой стороны черепа и частично покрывали его, также они были расчищены над отдельно лежащим височным кольцом.

Положение и сохранность костяка

Кости погребенной (вероятно, это была молодая женщина 20–23 лет, по определению В. И. Хартановича) находились в удовлетворительном состоянии, насколько это вообще возможно в подобных почвенных условиях (рис. 18). Сохранилась значительная часть костей черепа, а также тазовые и бедренные кости. Кости плеча и предплечья сохранились в виде обломков,

берцовые и кости стоп не сохранились. Таким образом, костяк располагался в вытянутом положении на спине головой на запад, руки были скрещены в районе живота.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 19)

1. С правой стороны черепа было расчищено целое височное кольцо аналогичного описанному в погребении № 1 типа, но иных размеров: с одиннадцатью полыми серебряными с позолотой бусинами, напущенными на бронзовый стержень-основу, фактически идеальной сохранности (рис. 19—1; колл. МАЭ РАН № 7426-6). Стержень прямоугольный в сечении размерами 3×2 мм. Диаметр колец — 7,8 см, диаметр бусин — 1,7 см.

2. Второе точно такое же височное кольцо было частично расчищено с левой стороны, но оно находилось почти под черепом (рис. 19—2; колл. МАЭ РАН № 7426-7). Возможно, это свидетельство того, что голова погребенной покоилась на особой подушке. Однако количество серебряных бусин на нем равно 10. На кольце и рядом с ним сохранились участки органики: дерева, волос и, возможно, текстиля.

3. В районе таза обнаружена отдельно лежащая целая полая бусина, аналогичная напущенным на височные кольца (рис. 19—3; колл. МАЭ РАН № 7426-8). Ее нахождение здесь представлялось загадочным, до тех пор пока в лаборатории не было расчищено второе височное кольцо, находившееся с левой стороны под черепом, на котором было 10 бусин, а один из концов бронзовой проволоки был обломан. Первое предположение — вероятно, еще в процессе захоронения, а может быть, перемещения к месту захоронения это височное кольцо было сломано, и одна из бусин переместилась в район таза умершей. Это могло произойти до разрушения гроба и заполнения его грунтом. Однако в процессе исследования могильника выяснилось, что среди артефактов при многих погребениях присутствует отдельно лежащая в районе грудной клетки или таза серебряная бусина, использовавшаяся, видимо, в качестве пуговицы. Таким образом, это не случайность, а особенность ритуального костюма.

4. Также в районе таза был найден плетеный многопроволочный серебряный перстень, надетый на палец правой руки (кости пальца внутри него частично сохранились) (рис. 19—4а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-9).

5. В пространстве между бедренными костями был обнаружен железный нож в деревянных ножнах (рис. 19—5; колл. МАЭ РАН № 7426-10). Общая длина изделия — 11,1 см, длина лезвия — 7 см, максимальная ширина — 1,2 см, толщина — 0,3 см. Ножны чрезвычайно плохой сохранности, фактически состояли из древесной трухи.

Погребение № 4

Могильная яма № 4 была зафиксирована в кв. 92-93/196 на глубине 18,5 м, в виде отчетливого пятна темного гумусированного суглинка с примесью мелких камней, вытянутого по линии запад—восток, размерами 0,76 м по линии запад—восток и 0,34 м по линии север—юг (рис. 11, 20). При его

расчистке на глубине 18,4 м был обнаружен костяк, принадлежавший ребенку 5–7 лет (по определению В. И. Хартановича), погребенному на спине, головой на запад (азимут 262°) (рис. 20). Захоронение было произведено в могильной яме, имеющей приблизительные размеры 0,9 м по линии запад–восток и 0,3 м по линии север–юг, на глубине около 0,3 м от современной поверхности. Границы и форма дна могильной ямы слабо выражены. Погребенный был буквально втиснут в короткую и узкую яму так, что кости таза и позвоночный столб оказались смещены в сторону грудной клетки. Возможно, ребенок был захоронен с подогнутыми ногами, руки были вытянуты вдоль тела. Кости имели удовлетворительную сохранность. Каких-либо артефактов при захоронении обнаружено не было.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 5

Надмогильное сооружение (?) № 3

В кв. 92-93/196 на глубине 0,25–0,3 м от современной поверхности была расчищена горизонтальная сплошная выкладка из достаточно плотно прилегающих друг к другу камней небольшого размера (до 0,3 м). Выкладка, расчищенная полностью, имела неправильные очертания, но была искусственного происхождения (рис. 9). Ее размеры по линии север–юг составили 2,1 м, по линии запад–восток — 1,2 м.

Погребение № 5

Непосредственно под этой выкладкой была расчищена поверхность могильной ямы в виде пятна темного гумусированного суглинка, вытянутого по линии запад–восток. Размеры пятна по линии запад–восток составили 1,3 м, по линии север–юг — 0,3 м. Затем на глубине 18,3 м было расчищено погребение ребенка 7–9 лет (по определению В. И. Хартановича), совершенное в могильной яме, имеющей размеры по линии запад–восток приблизительно 1,4 м, по линии север–юг — приблизительно 0,35 м (рис. 11). Остатки гроба, сделанного из тонких досок, были зафиксированы в центральной части могильной ямы, а также в районе стоп и частично перекрывали некоторые кости. В районе коленных суставов бедренные и берцовые кости оказались несколько приподнятыми относительно остального скелета, поскольку лежали непосредственно на камне, поверхность которого была на 3–4 см выше уровня дна могилы, расчищенного на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности. Вероятно, это произошло вследствие естественных причин.

Положение и сохранность костяка

Погребенный был захоронен в вытянутом положении головой на юго-запад (азимут 241°), на спине, руки скрещены в районе живота. Сохранность костей удовлетворительная. Хорошо сохранились череп и кости конечностей.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение № 6

На юго-восточном склоне холма Калмистомяки на площади кв. 90/196 на глубине от 18,1 до 18 м была расчищена сплошная горизонтальная выкладка из небольших камней (до 0,2 м) округлой в плане формы, диаметром около 0,6 м, имеющая едва заметное углубление в центральной части (рис. 9). После ее фиксации и снятия под ней была расчищена сильно поврежденная могильная яма размерами по линии север—юг приблизительно 0,45 м, по линии запад—восток — 0,55 м, заполнение которой состояло из слабогумусированного мешанного с желтоватым мореным песком суглинка. Яма была сделана в мореном желтоватом крупнозернистом чрезвычайно насыщенном камнями грунте и имела в глубину около 0,15 м. В ее западной части были расчищены фрагменты черепной коробки, принадлежащие ребенку неопределимого возраста (рис. 11). Иных костей и каких-либо артефактов обнаружено не было.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 7

Надмогильное сооружение (№ 4)

Надмогильное сооружение № 4 было расчищено в кв. 91/201-202 и 92/202. Оно представляло собой выкладку из двенадцати крупных (максимальной длиной до 0,6 м) гранитных валунов (рис. 9). Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии запад—восток (азимут 247°), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру 3×1 м, по внутреннему — 2×0,5 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным и было заполнено сероватым мореным суглинком со значительной примесью небольших камней, по цветности фактически не отличавшимся от напластований за пределами сооружения. Однако по характеру грунт был более рыхлым. На восточном краю (соответственно в ногах погребенного) был установлен наиболее крупный валун, поверхность которого зафиксирована на глубине 18,68 м. На западном краю в качестве торцевого камня была использована поверхность одного из выступов скального выхода, расположенного примерно в середине площадки, занимаемой могилом.

Примечательными оказались находки в заполнении внутреннего пространства сооружения. В кв. 91/201, в западной части надмогильного сооружения, на глубине 18,71 м, практически под дерном, были обнаружены небольшие фрагменты известнякового надмогильного креста, принадлежащие тому же кресту, первый фрагмент которого был обнаружен в 2006 году с противоположной стороны скального останца [Шахнович, Бельский 2009: 177–186]. Вероятнее всего, эти фрагменты попали сюда уже после совершения захоронения под данным сооружением. Тем не менее однозначно это утверждать затруднительно ввиду минимальной глубины их залегания. Также в кв. 91/201, на глубине 18,73 и 18,66 м, в пространстве между надмогильными сооружениями № 4 и 5, практически под дерном, были обнаружены два небольших фрагмента того же надмогильного креста.

Погребение № 7

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,37 м. Яма читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 2,2 м по линии запад—восток и 0,44 м по линии север—юг. После удаления валунов, слагавших надмогильное сооружение № 4, и зачистки поверхности могильной ямы стали заметны остатки гроба в виде очень слабовыраженных узких полос древесного тлена или даже гумуса, только по цветности несколько отличавшегося от окружающего грунта. Лучшее всего сохранились полоса древесного тлена длиной около 0,65 м и шириной не более 0,06 м с левой стороны костяка вдоль левой бедренной кости погребенного, расчищенная на глубине 18,26 м, а также пятно древесного тлена поверх нижнего отдела позвоночника погребенного, представлявшее собой, видимо, остатки крышки гроба. Таким образом, реконструируемые размеры гроба составили в длину около 1,8 м, в ширину около 0,4 м. Судя по конфигурации стенок, которую удалось проследить при расчистке, гроб имел форму правильного четырехугольника.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 242°) (рис. 21, 22).

Череп располагался на левом боку. Он был расчищен на глубине 18,21 м (основание черепа) и 18,2 м (берцовые кости), то есть фактически сразу под камнями, слагавшими надмогильное сооружение. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 45–55 лет. Череп плохой сохранности: отмечено отслоение компакты, разрушены правая теменная кость и правая глазница. Кроме того, зафиксирована прижизненная утрата всех коренных зубов.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 23)

1. В районе шейного отдела позвоночника была обнаружена кольцевидная пластинчатая серебряная с позолотой фибула, дуги которой соединены декоративным мотивом в виде рукопожатия (рис. 23—1а, b; coll. МАЭ РАН № 7426-11). Фибула в плане овальной формы, максимальный диаметр 4 см, минимальный — 3,7 см, ширина дуг — 0,6 см, максимальная ширина иглы — 0,4 см.

На внешней стороне одной половины дуги имеются тисненные (?) буквы латинского алфавита “MVA”, на другой, напротив предыдущих, — “ММ” (?). Возле «кистей» рук есть изображения «манжет» в виде узких четырехугольников, внутри которых выполнен орнамент в виде одинарной ломаной линии.

На изделии частично сохранилось дерево, по всей видимости, от крышки гроба, поскольку направление волокон соответствует общей ориентировке могилы. Под фибулой было отмечено пятно темного гумуса (возможно, остатки одежды).

2. Маленькая (диаметром менее 1 см) серебряная шаровидная бусина была обнаружена у проксимального конца левой бедренной кости погреб-

бенного на глубине 18,26 м (рис. 23–2; колл. МАЭ РАН № 7426-12). На ней также сохранились мелкие фрагменты дерева.

3. Рядом с бусиной с левой стороны левой бедренной кости был обнаружен железный нож в пятне темного гумуса (остатки ножен?) (рис. 23–3; колл. МАЭ РАН № 7426-13/1-2).

Общая длина изделия — 15,2 см, длина лезвия — 8,5 см, максимальная ширина — 2,3 см, толщина — 0,5 см. Рукоять не сохранилась, за исключением верхней и нижней оковок. Диаметр нижней — 2,3 см, верхней — 2,7 см. В процессе реставрации по всей длине ножа были обнаружены фрагменты кожи от ножен. С обратной стороны нижней оковки прикипели фрагменты дерева от рукояти, с наружной стороны — фрагменты кожи от ножен. На самой оковке наблюдается орнамент в виде прочеканенных полос. Верхняя оковка также покрыта остатками прикипевшей и пропитанной солями железа ткани и, возможно, кожи. Вероятно, тело погребенного было обернуто в саван, остатки которого в виде полностью минерализованной ткани сохранились на внешней стороне ножа. Внутри обоймы сохранились фрагменты деревянной рукояти. На конце лезвия — отпечатки органики черного цвета, вероятно, полностью деградировавшие остатки кожаных ножен.

4. В районе черепа зафиксированы 4 бронзовые спиральки, соединенные плотной органической субстанцией (текстиль?) (рис. 23–4; колл. МАЭ РАН № 7426-14). Очевидно, являются остатками нашивки на одежде погребенного.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,2 м, в ширину 0,76 м. Максимальная глубина — 0,22 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 4, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 8

Надмогильное сооружение (№ 5)

Надмогильное сооружение № 5 было расчищено в кв. 90/201-203 на глубине 18,6 м (рис. 7, 9). Оно представляло собой выкладку из двенадцати крупных (от 0,3 до 0,5 м в длину) гранитных валунов. Как и в предыдущем случае, валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии юго-запад — северо-восток (азимут 246°), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру 2,3×0,95 м, по внутреннему — 1,9×0,38 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным и было заполнено сероватым мореным суглинком со значительной примесью небольших камней, особенно на западном краю.

Погребение № 8

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,35 м. Могильная яма имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение. Она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами

приблизительно 1,6 м по линии запад—восток и 0,5 м по линии север—юг. В восточной части точнее определить границы могильной ямы не представлялось возможным, поскольку этому мешали многочисленные камни в засыпке могилы.

Остатки гроба сохранились лишь в восточной части могильной ямы в виде очень слабо читающихся полос древесного тлена. Реконструировать его длину не представляется возможным, а в ширину он был около 0,35 м, по крайней мере в восточной части (в районе ног). Гроб имел крышку, поскольку следы дерева обнаружены также поверх локтевых костей погребенной.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 246°) (рис. 21, 22, 24). Он был расчищен на глубине 18,25 м. Череп располагался на левом боку, кости левой руки — на тазовых костях, правой — на поясе. Не сохранились ребра, кисти рук (за исключением двух фаланг) и кости стоп. Череп с нижней челюстью сохранился во фрагментах: верхняя часть черепной коробки с лобной костью, фрагмент верхней челюсти, нижняя челюсть в двух фрагментах. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 25–35 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 25)

1. В районе шейного отдела позвоночника на глубине 18,22 м была обнаружена кольцевидная пластинчатая серебряная с позолотой фибула с 21 конусами скани и каплями зерни между ними (рис. 25–1а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-15). Диаметр изделия — 7 см.

2. В районе таза была обнаружена бронзовая шарообразная с ушком пуговица диаметром 2 см (рис. 25–2; колл. МАЭ РАН № 7426-21).

3. Бронзовые спиральки (колл. МАЭ РАН № 7426-18, 19):

а) бронзовые спиральки длиной 1,8 см и шириной 0,5 см (рис. 25–3) были расчищены у проксимального конца правой плечевой кости, на них были зафиксированы три сохранившиеся нити текстильного изделия красного, желтого и зеленого цветов. Под ними обнаружено темное пятно органики, возможно, остатки бересты и дерева — фрагмента днища гроба;

б) второе схожее изделие представляло собой 5 параллельных друг другу бронзовых спиралек в виде трубочек длиной 1,7 см, диаметром 0,3–0,4 см (рис. 25–4). Они были расчищены под костями правого предплечья. Внутри спиралек находились остатки текстиля.

4. Группы железных артефактов (на глубине 18,29–18,3 м)¹:

а) с правой стороны костяка, между костями предплечья и тазовой части, было расчищено скопление железных артефактов, имеющих размеры в основном 1–2×3 см;

¹ Подробное описание поясной гарнитуры после проведения реставрации см. в главе IV.

б) к востоку от правого предплечья было расчищено округлое пятно органики, видимо бересты (размерами 8×6 см). Под ним обнаружено скопление железных артефактов. Среди них были заметны две бляшки размерами 5×2,5 см;

в) между описанным выше скоплением железных артефактов у правого предплечья и лезвием ножа было также расчищено небольшое скопление железных артефактов, покрытых берестой;

г) частично поверх проксимального края правой бедренной кости также было расчищено скопление железных артефактов, среди которых были заметны два округлых предмета и полностью минерализованный фрагмент текстиля. Также справа от правого плеча был зафиксирован более крупный железный артефакт (наконечник ремня), под которым также был отмечен фрагмент текстиля.

Уже в процессе полевых исследований стало понятно, что все эти скопления железных артефактов разнообразной формы представляют собой части поясной гарнитуры (колл. МАЭ РАН № 7426-20/1-16). Странность заключалась в том, что пояс был положен вдоль тела погребенной с правой стороны, а не был одет на нее.

5. Маленькая бронзовая заклепка (1×1 см) была обнаружена у южной стенки могильной ямы (рис. 25–6; колл. МАЭ РАН № 7426-16). Возможно, данное изделие связано с комплексом ременной гарнитуры при рассматриваемом погребении.

6. У костей правого предплечья был расчищен железный нож с остатками рукояти (рис. 25–7а; колл. МАЭ РАН № 7426-17/1-3). Сверху ножа были зафиксированы фрагменты бересты, которая не относилась к возможным ножнам, поскольку занимала большую площадь, а направление ее волокон не совпадало с направлением, вдоль которого был расположен сам нож. Эти фрагменты бересты, не соотносящиеся с артефактами, возможно, свидетельствуют о том, что тело умершей было в нее завернуто или покрыто ею.

Общая длина ножа составила 14,1 см, длина лезвия — 8,8 см, максимальная ширина — 1,9 см, толщина — 0,7 см. Сохранились также верхняя и нижняя железные оковки рукояти. После реставрации с внутренней стороны верхней оковки стали видны зеленоватые окислы (рис. 25–7с). Вероятно, это следы припоя из медного сплава. На внешней стороне верхней оковки сохранился фрагмент полностью минерализованной ткани. Рядом было также обнаружено несколько небольших фрагментов деревянной рукояти (рис. 25–7b).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,2 м, в ширину 0,86 м. Наибольшая глубина была 0,17 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 5, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 9

Надмогильное сооружение (№ 6)

Надмогильное сооружение № 6 было открыто в кв. 89/201-202, южнее описанных выше сооружений № 4 и 5, на глубине 18,89–18,82 м, и представляло собой каменную конструкцию аналогичного типа, только несколько меньших размеров: по внешнему периметру 1,92×0,92 м, по внутреннему — 1,2×0,46 м (рис. 7, 9). Оно было ориентировано приблизительно по линии юго-запад — северо-восток (азимут 239°). Конструкция была сложена из 16 валунов размерами от 0,2 до 0,54 м. Наиболее крупными были валуны, располагавшиеся на западном и восточном краях конструкции, максимальной длиной 0,44 и 0,54 м.

Погребение № 9

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,47 м на западном краю и 18,35 м на восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1,14 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,46 м по линии северо-запад — юго-восток. Каких-либо остатков гробовища не прослежено.

Положение и сохранность костяка

Посткраниальный скелет не сохранился. В юго-западной части погребения на глубине 18,23 м обнаружен череп, лицевой частью обращенный на северо-восток, плохой сохранности, а также 7 шейных позвонков (рис. 26). Верхняя часть черепной коробки не сохранилась. Вероятно, это захоронение ребенка, умершего в возрасте около 5 лет.

Артефакт при погребении

В 0,06 м от фрагментов нижней челюсти, с правой стороны, обнаружен фрагмент миниатюрной серебряной сережки в виде полукольца из согнутой серебряной пластинки (рис. 27; колл. МАЭ РАН № 7426-22). Иных артефактов в погребении не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,25 м, в ширину — 0,6 м. Наибольшая глубина — 0,12 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 5, и 0,55 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 10

Надмогильное сооружение (№ 10)

На площади квадратов 85/205-206 и 86/206, на глубине 18,68 м, было расчищено надмогильное сооружение из валунов, аналогичное описанным

выше (рис. 9, 28). Оно имело небольшие размеры: по внешнему периметру — 1,42×0,6 м, по внутреннему — 0,8×0,4 м. Конструкция состояла из семи валунов, северная стенка частично разобрана, видимо, при создании соседнего сооружения № 11. Наиболее крупными оказались торцевые камни с западного и восточного краев: максимальная длина — 0,32 и 0,26 м. Надмогильное сооружение № 10 было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 241°).

Погребение № 10

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,34 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 1,1 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,46 м по линии северо-запад — юго-восток. При расчистке погребения были зафиксированы остатки гробовища на глубине 18,2 м в виде участков древесного тлена на черепе и в центральной части могильной ямы. Гробовище имело крышку, так как тлен был зафиксирован поверх некоторых костей погребенного.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 245°), на глубине 18,18 м (рис. 29). Не сохранились кости стоп и рук (за исключением правой плечевой). Череп с нижней челюстью также был плохой сохранности: лицевой отдел и лобная кость отделились от остальной части черепа, отмечено отслоение компакты, правая глазница и часть верхней челюсти разрушены. Очевидно, это захоронение ребенка, умершего в возрасте 7–9 лет.

Каких-либо артефактов в захоронении обнаружено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,2 м, в ширину — 0,5 м. Максимальная глубина — 0,16 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 10, и 0,47 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 11

Надмогильное сооружение (№ 11)

К югу от надмогильного сооружения № 10, на площади квадратов 85/205–206 на глубине 18,66 м было расчищено надмогильное сооружение из валунов, сходное по форме и размерам с описанным выше (рис. 9, 28). Можно отметить, что обе конструкции были смежными и сделаны над детскими погребениями. Размеры надмогильного сооружения № 11: по внешнему периметру — 1,22×0,74 м, по внутреннему — 0,67×0,3 м. Сделано из девяти валунов. Наиболее крупными были камни с западного и восточного краев: максимальная длина — 0,27 и 0,66 м. Надмогильное сооружение № 11 было

ориентировано по линии юго-запад — северо-восток, параллельно сооружению № 10 (азимут 242°).

Погребение № 11

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,4 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,4 м по линии северо-запад — юго-восток. При расчистке погребения на глубине 18,25 м были зафиксированы остатки гробовища в виде участков древесного тлена справа от черепа, а также в центральной части могильной ямы. Гробовище имело крышку, так как тлен был зафиксирован поверх некоторых костей погребенного. Реконструируемые размеры гробовища — 0,54×0,13 м.

Положение и сохранность костяка

В центре могильной ямы обнаружен фрагмент верхней челюсти, восточнее располагались неопределимые фрагменты черепа, фрагменты височных костей, нижней челюсти, 2 ребра, фрагменты лопаток плохой сохранности — следы потревоженного (грызунами?) погребения (рис. 29). Важно отметить, что череп располагался ближе к восточному краю ямы. Погребенный был ребенок, умерший в возрасте до 1 года.

Каких-либо артефактов в захоронении обнаружено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1 м, в ширину — 0,45 м. Наибольшая глубина составила 0,16 от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 11, и 0,35 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 12

Надмогильное сооружение (№ 9)

Надмогильное сооружение № 9 было открыто в кв. 87-88/201 и 88/202, южнее описанных выше надмогильных сооружений № 5 и 6, на глубине 18,64 м на восточном краю и 18,74 м на западном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, только несколько больших размеров: по внешнему периметру приблизительно 2,76×1,74 м, по внутреннему — приблизительно 2,65×0,9 м, и было ориентировано параллельно предыдущим по линии юго-запад — северо-восток (азимут 236°). По всей видимости, северо-восточный край сооружения был нарушен при создании примыкающего к нему следующего сооружения № 7 (см. ниже), поэтому точные размеры привести не представляется возможным. Следовательно, оно было сделано несколько ранее, чем сооружение № 7.

Надмогильное сооружение № 9 было сложено из 20 валунов средних размеров максимальной длиной от 0,2 до 0,4 м. Выделенных крупных валунов на восточном и западном краях не было, хотя, вероятно, на восточном краю

такой валун был использован позднее для оформления юго-западного края надмогильного сооружения № 7.

Погребение № 12

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,43 м на юго-западном краю и 18,12 м на северо-восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1,97 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,8 м по линии северо-запад — юго-восток. Остатки гроба сохранились лишь в виде небольшого (около 0,16 м в длину) фрагмента древесного тлена в северо-восточной части могильной ямы, на глубине 18,19 м, между левой и правой берцовыми костями погребенного.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 236°), на глубине 18,29 м (череп) и 18,19 м (район стоп) (рис. 30). Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 30—35 лет. Череп располагался на левом боку, кости правой руки — на тазовых костях, левой — на поясе. Не сохранились левая коленная чашечка, левая малая берцовая кость и кости левой стопы, а также кости кистей, за исключением фрагментов костей левой кисти (в ней была обнаружена серебряная бусина, благодаря которой, по всей видимости, кости и сохранились). Череп с нижней челюстью плохой сохранности: отмечено отслоение компакты, левая теменная кость и затылочная отделились (сохранились во фрагментах), лобная кость частично разрушена.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 31)

1. В районе дистального конца левой бедренной кости и колена, на глубине 18,19 м, рядом друг с другом, были обнаружены две бронзовые (так называемые «колоколовидные» подвески) — № 1 и 2 (рис. 31—1, 2; колл. МАЭ РАН № 7426-23, 24). Внутри одной из них сохранились остатки плетеного шнура (рис. 31—2).

2. Среди костей левой кисти была обнаружена гладкая серебряная бусина (рис. 31—3; колл. МАЭ РАН № 7426-25). Вероятнее всего, она была зажата в кулаке.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,2 м, в ширину — 0,7 м. Максимальная глубина составила 0,21 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 9, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 13

Надмогильное сооружение (№ 7)

Надмогильное сооружение № 7 было открыто в кв. 89/203-204 и 90/204 на глубине 18,88 м на юго-западном краю и 18,69 м на северо-восточном

(рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, имевшую размеры: по внешнему периметру — $2,74 \times 1,03$ м, по внутреннему — $1,8 \times 0,54$ м, и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 231°). Его юго-западный край смыкался с северо-восточным краем надмогильного сооружения № 9. Оно было сложено из 12 валунов максимальной длиной от 0,2 до 0,57 м. Наиболее крупными были валуны, располагавшиеся на юго-западном и северо-восточном краях конструкции: максимальная длина — 0,3 и 0,57 м соответственно.

Погребение № 13

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,21 м на юго-западном краю и 18,14 м на северо-восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток.

Остатки гроба в виде узких полос древесного тлена длиной 0,5 м, шириной 0,05 м были зафиксированы в юго-западной части могильной ямы, возле черепа погребенной, на глубине 18,2 м, а также вдоль правой бедренной и берцовой костей, на глубине 18,9 м. Полосы были длиной 0,37 м и шириной 0,04 м. Реконструируемые размеры гроба — приблизительно $1,75 \times 0,4$ м. Он имел крышку и был сделан из досок без использования гвоздей (как и другие в данном могильнике).

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 231°), на глубине 18,24 м (район черепа) и 18,2 м (район стоп) (рис. 32, 33). Кисти рук были сложены на груди. Не сохранились кости стоп, левая ключица, кости левой руки. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 20–25 лет. Череп с нижней челюстью крайне плохой сохранности: разрушены лобная кость и лицевой отдел, затылочная часть раздавлена, отмечено отслоение компакты.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 34, 35)

1. С правой и левой сторон черепа были расчищены многобусинные височные кольца (рис. 34—1, 2; колл. МАЭ РАН № 7426-26, 27). Кольца того же типа, что и в погребениях № 1 и 3, но иного варианта: несколько большего диаметра — 8,1 см, диаметр десяти бусин — 2,1 см. Стержень-основа прямоугольный в сечении, размером $2 \times 1,2$ мм. После ограничителя в сечении округлый, диаметром 1,5 мм. На каждом из колец поверх составляющих их серебряных бусин были зафиксированы следы дерева с волокнами, ориентированными в том же направлении, что и общая ориентировка могилы. Вероятно, это следы крышки гроба. На правом кольце поверх тлена зафиксированы остатки органического материала, возможно бересты (рис. 34—1). Также возле этого кольца и частично на одной из бусин было расчищено

несколько сохранившихся человеческих волос темного цвета. Кроме того, были зафиксированы волосы между самим кольцом и черепом погребенной. На одной из бусин правого кольца был расчищен очень маленький фрагмент текстиля. Также фрагмент текстиля был расчищен под левым кольцом.

2. Своеобразная подвеска-кулон была обнаружена у левой стороны нижней челюсти погребенной (рис. 34—3; колл. МАЭ РАН № 7426-28). Она представляла собой сферическую бусину, украшенную ложной зернью, диаметром около 1 см, с двумя ушками: в верхнее, по всей видимости, продевался шнурок, на нижнее крепилась плоская «листовидная» подвеска длиной 1,2 см.

3. Справа от левой плечевой кости на глубине 18,24 м были расчищены: серебряная с позолотой гладкая пуговица с ушком (рис. 34—4; колл. МАЭ РАН № 7426-30) и серебряный плетеный многопроволочный перстень, сходный с обнаруженным в погребении № 3 (рис. 34—5; колл. МАЭ РАН № 7426-29). Возможно, перстень был одет на палец правой руки. Изделия находились в пятне органики.

4. В районе таза и проксимального конца правой бедренной кости на глубине был обнаружен своеобразный комплекс артефактов (рис. 34—6; колл. МАЭ РАН № 7426-31):

а) комплекс поясной привески¹;

б) железное изделие трапециевидной формы (игольник?) (рис. 34—7; колл. МАЭ РАН № 7426-32);

в) нож с деревянной рукоятью и остатками ножен (рис. 35; колл. МАЭ РАН № 7426-33)². Он был расчищен на глубине 18,2 м справа от проксимального конца правой бедренной кости. Рядом с рукоятью найдены фрагменты пересохшей кожи, вероятно, от ножен. Несколько фрагментов кожи прикипели к дереву рукояти.

Остатки кожаных ножен были обнаружены по обеим сторонам лезвия и у рукояти (колл. МАЭ РАН № 7426-34/1-3). Они представляли собой очень хрупкие плоские полосы органики (видимо, кожи на какой-то, вероятно деревянной, основе) темно-оранжевого цвета, располагавшиеся вдоль лезвия ножа. Между лезвием и проксимальным краем правой бедренной кости были также зафиксированы мелкие фрагменты текстиля;

г) еще одним элементом, связанным с рассматриваемым комплексом, было порошковидное скопление белого цвета, расчищенное в 0,04 м к северо-западу от лезвия. После расчистки в реставрационной лаборатории выяснилось, что это дисковидный свинцовый грузик (рис. 34—8; колл. МАЭ РАН № 7426-35).

5. Под костями левого предплечья, в пятне органики, были расчищены две расшивки одежды — бронзовые спиральки длиной около 2 см (колл. МАЭ РАН № 7426-36, 37).

¹ Детальное описание см. в главе IV.

² Детальное описание см. в главе IV.

6. У правой берцовой кости, к югу от нее, под фрагментами дерева толщиной около 2 см (возможно, остатками крышки гроба) были расчищены остатки кожаных изделий, очевидно обуви. Самый большой фрагмент был длиной 21 см, шириной около 16 см. В дополнение к нему к востоку был расчищен еще один фрагмент размерами 5×2 см. Верхний край кожаного изделия, по всей видимости непотревоженный, располагался приблизительно в 4,5 см ниже колена. Под проксимальным краем малой берцовой кости были зафиксированы следы бронзы в пятне органики размерами 2×2 см, находящиеся в контакте с кожаным изделием. Возможно, на обувь в верхней части был нанесен узор из тонкой металлической проволоки. Возле левой берцовой кости каких-либо следов кожаных изделий зафиксировано не было.

7. В районе грудной клетки, в 0,07 м к востоку от нижней челюсти, был обнаружен кварцевый нуклеус. Вероятнее всего, он находился под днищем гроба и попал сюда случайно. Уже в процессе раскопок 2006 года был получен материал, наверное, связанный со стоянкой эпохи раннего металла, располагавшейся на краю холма Калмистояки. Очевидно, данный артефакт также соотносится с материалами стоянки, культурный слой которой, по крайней мере на открытом раскопками участке, полностью уничтожен.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,1 м, в ширину — 0,7 м. Максимальная глубина — 0,19 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 9, и 0,53 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 14

Надмогильное сооружение (№ 20)

Надмогильное сооружение № 20 было открыто в кв. 86/201-203 и 87/202-203 на глубине 18,67 м (на юго-западном краю) и 18,72 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, имевшую размеры: по внешнему периметру 3×1,12 м, по внутреннему — 2,3×0,7 м и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 249°). Как выяснилось в процессе расчистки, торцевой камень на северо-восточном краю являлся одновременно торцевым камнем юго-западного края надмогильного сооружения № 8. Также с юго-западного края конструкция смыкалась с надмогильным сооружением № 15, которое, по-видимому, было сделано позже, и этот край был частично разрушен, а торцевой камень перемещен. Надмогильное сооружение № 20 было сложено из 18 валунов длиной до 0,7 м.

Погребение № 14

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,29 м на юго-западном краю, 18,23 м — на северо-восточном. Она имела ту же ориенти-

ровку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 1,1 м по линии северо-запад — юго-восток.

Каких-либо следов гроба в погребении зафиксировано не было.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 249°), на глубине 18,1 м (район черепа) и 18,13 м (район стоп) (рис. 36, 37). Череп располагался на левом боку, кости рук сложены на тазовых костях. Не сохранились кости правой стопы. Череп с нижней челюстью удовлетворительной сохранности; зафиксирована прижизненная утрата первых верхних моляров. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 30—40 лет.

Каких-либо артефактов при погребении встречено не было.

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 690 ± 25 BP; 1270-1306, 1362-1385 календарных лет н. э. (вероятность 95,4%) (SPB-168) (рис. 129—SPB-168).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,25 м, в ширину — 1,4 м. Особенно широкой оказалась юго-западная часть ямы, видимо, вследствие того, что при рытье могилы отсюда был вынут крупный валун. Максимальная глубина составила 0,22 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 20, и 0,55 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 15

Надмогильное сооружение (№ 8)

Надмогильное сооружение № 8 было открыто в кв. 87/205 и 88/205-206 на глубине 18,72 м на юго-западном краю и 18,64 м на северо-восточном. Оно представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, имевшую размеры: по внешнему периметру 2,24×0,88 м, по внутреннему — 1,54×0,4 м, и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 232°) (рис. 7, 9). Любопытной особенностью данной конструкции было использование естественного скального выхода или большого валуна, явно не перемещавшегося в процессе функционирования могильника в качестве торцевого камня, оформляющего северо-восточный край сооружения.

Погребение № 15

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,29 м на юго-западном краю и 18,23 м на северо-восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 1,9 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,6 м по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение было совершено в гробу. Дерево сохранилось в виде отдельных небольших участков к юго-западу от черепа толщиной 0,15–0,16 м на глубине 18,31 м. Длина сохранившейся части более 0,1 м, волокна древесины ориентированы по линии юго-запад — северо-восток согласно общей ориентировке могилы. Над этим участком располагался торцевой камень размерами 0,45×0,2×0,06 м. Дерево сохранилось также поверх черепа погребенного и между головным камнем и черепом. По всей видимости, гроб был сделан из досок и имел крышку.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 232°), на глубине 18,3 м (район черепа) и 18,01 м (район стоп) (рис. 38). Череп немного отклонен на правый бок, кости левой руки на тазовых костях, правой — на поясе. У правой бедренной кости находился небольшой фрагмент неопределимой трубчатой кости. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 25–35 лет.

Каких-либо артефактов при погребении встречено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,14 м, в ширину — 0,84 м. На дне, в районе центра, ближе к юго-западному краю располагалась вершина большого плоского валуна, который не был извлечен из могилы в процессе ее сооружения. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,25 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 16, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ № 16 И 17

Надмогильное сооружение (№ 19)

Надмогильное сооружение № 19 было открыто в кв. 88/204 и 89/205 на глубине 18,76 м на юго-западном краю и 18,45 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию, имевшую размеры: по внешнему периметру приблизительно 2,25×0,9 м, по внутреннему — 1,74×0,4 м, и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 230°). В процессе расчистки ее границы были не совсем понятны из-за обилия камней, явно перемещавшихся несколько раз. Вероятно, к данной конструкции относятся десять валунов длиной 0,2–0,4 м. Поскольку это место было использовано дважды для совершения захоронений, не совсем понятно, какие из них относятся к первой конструкции, а какие — к последующей. Торцевых камней в юго-западном углу было расчищено два — один поверх другого.

Как и для надмогильного сооружения № 8, расположенного параллельно, любопытной особенностью данной конструкции было использование естественного скального выхода или большого валуна, явно не перемещав-

шегося в процессе функционирования могильника, в качестве торцевого камня, оформляющего северо-восточный край.

Погребение № 16

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,12 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка, размерами приблизительно 2,2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток.

В процессе расчистки погребения выяснилось, что первоначальное погребение, получившее № 17, позднее было потревожено при совершении погребения № 16, которое сохранилось в анатомическом порядке. Далее при зачистке стенок ямы выяснилось, что она частично нарушает северо-восточный край могильной ямы, в которой совершено погребение № 12, что свидетельствует о том, что последнее было совершено ранее, чем погребение № 16.

Между костями черепа № 17 и костями грудной клетки № 16 зафиксированы следы древесного тлена подпрямоугольной формы по контуру гробовища общей длиной около 0,65 м и шириной 0,11 м в северо-восточной части и 0,18 м в юго-западной части.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 230°), на глубине 18,18 м (район черепа) и 18,13 м (район стоп) (рис. 38, 39). Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 35—45 лет. Кости рук сложены на поясе. Череп с нижней челюстью во фрагментах плохой сохранности.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 40)

Чуть ниже таза, между проксимальными краями бедренных костей на глубине 18,13 м были расчищены следующие железные артефакты, являющиеся частями поясной гарнитуры:

1) одна четырехугольная пряжка длиной 2,8 см, шириной 2,1 см (рис. 40—1; колл. МАЭ РАН № 7426-38);

2) кольцо (у правой бедренной кости) диаметром 2,8 см, четырехугольное в сечении размерами 0,5×0,3 см (рис. 40—2; колл. МАЭ РАН № 7426-39);

3) идентичное кольцо у левой бедренной кости (рис. 40—3; колл. МАЭ РАН № 7426-40).

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 515 ± 35 BP; 1320–1350, 1391–1447 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (SPB-166) (рис. 129—SPB-166).

Погребение № 17

Положение и сохранность костяка

Сам костяк не сохранился. В юго-западной части могильной ямы, в области тазовых костей мужчины из погребения № 16, на глубине 18,13 м был

расчищен череп плохой сохранности с разрушенной верхней частью: присутствовали фрагменты височных, теменных и затылочной костей, а также два фрагмента верхней челюсти (рис. 38, 39). Погребенный был ребенком, умершим в возрасте до 1 года.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,21 м, в ширину — 0,86 м. В восточном углу ямы ее контуры были ограничены скальным останцом, поверхность которого была расчищена на глубине 18,26 м. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,22 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 19, и 0,51 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 18

Надмогильное сооружение (№ 15)

Небольшое надмогильное сооружение № 15 было открыто в кв. 85/200-201 и 86/201 на глубине 18,62 м (на юго-западном краю) (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию аналогичного описанным выше типа, однако несколько меньших размеров: по внешнему периметру 1,2×0,86 м, по внутреннему — 0,7×0,46 м, и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 245°). Как уже было отмечено выше при описании надмогильного сооружения № 20, его юго-западный край был частично разрушен при создании надмогильного сооружения № 15, вероятно, последнее было сделано позднее. Данное сооружение состояло из восьми достаточно крупных валунов — максимальной длиной до 0,62 м. Валуны, складывающие длинную юго-восточную стенку, составляли одновременно часть конструкции надмогильного сооружения № 14, которое будет описано ниже. Нужно отметить, что в квадрате с условными координатами 86/202, на глубине 18,65 м, смыкались углы четырех надмогильных сооружений: № 13, 14, 15 и 20. Причем, как выяснилось в процессе раскопок, находящиеся под первыми тремя конструкциями могильные ямы не нарушали границы друг друга, то есть были выкопаны последовательно по мере расширения площади, занимаемой могильником.

Погребение № 18

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,15 м на юго-западном краю и 18,28 м на северо-восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами 1,24 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,41 м по линии северо-запад — юго-восток.

В районе нижней челюсти и в северо-восточной части могильной ямы, ближе к центру, на глубине 18,15 м, были расчищены остатки гробовища в виде полос древесного тлена длиной до 0,25 м и шириной до 0,07 м. Погребение было совершено в гробу, сделанном из досок общей длиной около 1,12 м.

Положение и сохранность костяка

Сам костяк не сохранился (рис. 37). В юго-западной части могильной ямы на глубине 18,11 м зафиксирован разрушенный череп, лицевой частью обращенный на северо-восток.

Каких-либо артефактов при захоронении встречено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,25 м, в ширину 0,68 м. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,11 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 15, и 0,54 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 19

Надмогильное сооружение (№ 16)

Надмогильное сооружение № 16 было открыто в кв. 86/199-200 и 87/200-201 на глубине 18,77 м на юго-западном краю и 18,74 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию размерами: по внешнему периметру 2,4×1,1 м, по внутреннему — 1,42×0,6 м — и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 234°). Она была сложена из двадцати валунов длиной от 0,2 м до 0,58 м. Наиболее крупными, как обычно, были камни с юго-западного (до 0,58 м) и северо-восточного краев (до 0,4 м). С северо-восточного края рассматриваемое надмогильное сооружение смыкалось с юго-западным краем надмогильного сооружения № 9 (над погребением № 12), но не нарушало его.

Погребение № 19

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,31 м на юго-западном краю и 18,4 м на северо-восточном. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темно-вато-серого суглинка размерами 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток.

Остатки гробовища в виде полосы древесного тлена длиной 0,44 м и шириной до 0,14 м были прослежены на глубине 18,19 м в юго-западной части могильной ямы, слева от костяка, вдоль черепа и костей левого плеча и предплечья. Гроб был сделан из досок. Его реконструируемая ширина в юго-западной части составила около 0,4 м, в северо-восточной части его остатков не сохранилось.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 234°), на глубине 18,2 м (район черепа) и 18,15 м (район стоп) (рис. 41). Череп находился на левом боку, нижняя челюсть обращена к северо-востоку. Кости правой руки располагались вдоль тела, левой — на тазо-

вых костях. Сохранились все кости скелета, включая подъязычную кость. Череп с нижней челюстью плохой сохранности: отслоение компакты, по-смертная деформация, левая теменная и затылочная кости разрушены; эмаль первых нижних моляров очень стерта.

Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 25–30 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 42)

1. Справа от правой бедренной кости на глубине 18,14 м была обнаружена большая серебряная с позолотой пуговица или бусина (рис. 42–1; колл. МАЭ РАН № 7426-41). Максимальный диаметр изделия — 2,1 см. Вероятно, она была либо зажата в кулаке, либо нашита на одежду погребенного.

2. У левой ключицы зафиксирована маленькая серебряная шаровидная пуговица с ушком (рис. 42–2; колл. МАЭ РАН № 7426-42).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,14 м, в ширину — 0,8 м. Максимальная глубина могильной ямы составила 0,22 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 15, и 0,57 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 20

Надмогильное сооружение (№ 18)

Надмогильное сооружение № 18 было открыто в кв. 86-87/197-198, ближе к юго-западному склону холма, на глубине 18,48 м на западном краю и 18,75 м на восточном (рис. 7, 9). На первом этапе расчистки складывалось впечатление, что оно представляет собой каменную конструкцию несколько иного типа, чем описанные выше. На площади указанных квадратов, на глубине от 18,65 м до 18,75 м, была расчищена кладка округлых очертаний диаметром около 1,3 м, состоявшая из небольших камней максимальной длиной до 0,15 м, уложенных вплотную друг к другу. Многие из них имели следы воздействия огня. После ее фиксации и расчистки они были удалены. Выяснилось, что данная выкладка состояла из одного сплошного горизонта камней, уложенных над могильной ямой. При этом на ее восточном краю был расчищен большой валун, располагавшийся поверх юго-западного торцевого камня надмогильного сооружения № 16. На западном краю, в кв. 86/197, на глубине 18,48 м была расчищена поверхность большого валуна или, вероятно, скального выхода, использованная в качестве торцевого камня для данного надмогильного сооружения в процессе его создания. Таким образом, по типу надмогильное сооружение № 18 не отличается от вышеописанных. Его особенность заключается в том, что оно и частично могильная яма были засыпаны мелкими камнями из более ранних конструкций, существовавшими на этом месте. Погребальные комплексы этого времени представляли собой практически поверхностные площадки, куда в течение длительного времени ссыпались остатки сожжений — кальцинированные

кости и артефакты, не образуя закрытых комплексов. После завершения определенного цикла захоронений эти площадки перекрывались одним или несколькими горизонтами камней. Мы предполагаем, что именно могильник (или несколько могильников) такого типа функционировал на холме Калмистомяки в период, предшествовавший кладбищу XIV–XVI веков.

Возможно, с этим же надмогильным сооружением связан ряд из трех более крупных (до 0,25 м) камней, выложенных с северной стороны восточного торцевого камня. Вероятно, они были частью конструкции северной стенки сооружения. Таким образом, его реконструируемые размеры (по внешнему периметру): 2,28 м в длину (приблизительно по линии запад–восток) и (приблизительно по линии север–юг) 0,8 м в ширину.

Погребение № 20

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,30 м на юго-западном краю и 18,38 м на северо-восточном. С этой глубины она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами 0,8 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,48 м по линии северо-запад — юго-восток.

Каких-либо остатков гробовища в яме не прослежено. Яма, в отличие от предыдущих, заполнена крупнозернистым слабогумусированным желтым песком с примесью мелких камней. Такой характер грунта был отмечен еще при раскопках 2006 года на склонах холма Калмистомяки или вблизи них. Видимо, более рыхлый грунт, чем на самой вершине холма, позволил сделать более глубокую могильную яму для данного захоронения.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 254°), на глубине 18,05 м (район черепа) и 18,02 м (район стоп) (рис. 41). Кости рук скрещены на поясе — кости правой руки были под костями левой. Череп с нижней челюстью удовлетворительной сохранности. Погребенный был ребенок, умерший в возрасте 10–12 лет.

Комплекс артефактов при погребении

1. В северо-восточной части могильной ямы, в районе берцовых костей погребенного, на глубине 18,16 м были расчищены фрагменты кожаной обуви, расположенные в интенсивном пятне органики. Обувь сохранилась на костях обеих ног. Вероятно, сохранению кожаных предметов способствовали несколько бо́льшая глубина могильной ямы и, возможно, своеобразная консервация сверху сплошным слоем камней. Других артефактов при погребении обнаружено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,8 м, в ширину — 0,84 м. Максимальная глубина могильной ямы — 0,35 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 18, и 0,65 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ № 21 И 22

Надмогильное сооружение (№ 20)

Надмогильное сооружение № 20 было открыто в кв. 95/201 и 96/202 на глубине 18,36 м на юго-западном краю и 18,68 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию размерами: по внешнему периметру — 2,24×1,16 м, по внутреннему — 1,66×0,74 м — и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 234°). Конструкция была сложена из двенадцати крупных валунов максимальной длиной до 0,67 м. Северо-восточный край сооружения был ограничен скальным выходом, поверхность которого была расчищена в кв. 96/202 на глубине 18,68 м. Наиболее крупным был торцевой камень на юго-западном краю. Поверх него располагался длинный (до 0,74 м) и узкий (до 0,26 м) камень. Под ним, как выяснилось в процессе расчистки, находился череп соседнего погребения № 22. Похожий камень был расчищен в центре конструкции. Видимо, они принадлежат к более раннему сооружению, нарушившему первоначальную конструкцию над погребением № 21.

Вследствие перекопа и чрезвычайной насыщенности грунта мелкими и средними камнями отчетливые границы могильной ямы проследить не удалось.

Положение и сохранность костяка

Погребение № 21 нарушено погребением № 22 — кости скелета располагались без анатомического порядка (рис. 43). Разрушенный череп без лицевой части располагался на правом боку, затылочной частью к северо-западу, на глубине 18,17 м. Остальные кости зафиксированы к северо-западу от скелета из погребения № 22: левая бедренная кость, обращенная верхним эпифизом к северо-востоку, к северу от нее — правая бедренная кость в естественном положении, к югу — фрагмент неопределимой большой берцовой кости, фрагменты правой плечевой, к юго-западу — фрагмент правой лопатки и фрагмент неопределимой большой берцовой, фрагмент левой плечевой, нижним эпифизом обращенной на северо-восток. Сверху над ними зафиксирован фрагмент правой стороны нижней челюсти, а над ней — фрагмент безымянной кости мужского таза. Фрагменты черепа плохой сохранности: затылочная и правая теменная кости, фрагмент правой стороны нижней челюсти со следами прижизненной утери первого моляра. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 40–50 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

По всей видимости, в процессе совершения захоронения № 22, описанного ниже, были обнаружены кости ранее совершенного погребения № 21 и сдвинуты на 0,1–0,2 м в северо-западном направлении, а рядом совершено погребение № 22.

Погребение № 22

Погребение № 22 было расчищено в кв. 95/201–202 на глубине 18,15 м (район черепа) и 18,18 м (район стоп) под надмогильным сооружением № 20

(рис. 43). Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 226°), лицевой частью обращен на северо-восток. Не сохранились кости левой руки, кисти и кости стоп. Череп с нижней челюстью плохой сохранности: зафиксировано отслоение компакты, лицевой отдел и лобная кость разрушены (сохранились лишь фрагменты). Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 40–50 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

После расчистки и снятия костяка № 22 удалось проследить приблизительные границы могильной ямы. Длина по линии юго-запад — северо-восток составляла около 2,7 м, максимальная ширина в юго-западной части — 1,55 м. Вероятно, первая яма, в которой было совершено погребение № 21, была несколько уже. Погребение № 22 было совершено позднее и разрушило юго-восточную стенку первоначальной ямы.

Глубина могильной ямы — около 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 20, и 0,65 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 23

Надмогильное сооружение (№ 25)

Надмогильное сооружение № 25 было открыто к северу от рассмотренного выше комплекса, в кв. 95-96/200 и 96/201 на глубине 18,66 м на юго-западном краю и 18,59 м на северо-восточном (рис. 9). Сооружение было частично разрушено в юго-западной части. Его реконструируемые размеры: по внешнему периметру приблизительно 2,76×1,18 м, по внутреннему — 2×0,66 м. Конструкция была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. На северо-восточном краю она, как и в предыдущем случае, была ограничена скальным выходом. В юго-западной части в качестве торцевого был также использован скальный выход или большой валун, расчищенный в кв. 95/200 на глубине 18,66 м.

Наиболее сохранившейся стенкой надмогильного сооружения № 25 была северо-западная, состоящая из ряда примыкающих друг к другу валунов, ограниченная по краям скальными выходами. По всей видимости, погребение было совершено внутри нескольких скальных выходов, на пониженном участке их поверхности, заполненным более рыхлым грунтом. Юго-восточная стенка, особенно ее юго-западный край, была частично разрушена в процессе совершения захоронения № 21. Вероятно, данное надмогильное сооружение являлось первоначальным в данной группе. Таким образом, в процессе функционирования могильника захоронения на данном участке совершались в юго-восточном направлении, от северного склона холма в сторону его центральной части.

Погребение № 23

Погребение № 23 было расчищено в кв. 96/201 на глубине 18,16 м, под надмогильным сооружением № 25 (рис. 43). Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 211°). Сохранились фрагменты черепа, фрагменты тазовых костей и бедренных костей без нижних эпифизов. Череп с нижней челюстью плохой сохранности: разрушены лицевой отдел и затылочная кость, нижняя челюсть представлена несколькими фрагментами.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 44)

1. С правой стороны костяка, справа от проксимального конца правой бедренной кости, расчищены остатки железных предметов очень плохой сохранности. Они были извлечены монолитом. После проведения реставрации выяснилось, что это сильнокорродированные нож (рис. 44—1; колл. МАЭ РАН № 7426-44) и фрагмент ажурного кресала «индивидуальной формы», по Б. А. Колчину (рис. 44—2; колл. МАЭ РАН № 7426-43) [Колчин 1959: 102—103, рис. 87]. Длина ножа — 16 см, черенок обломан. Длина лезвия — 15,8 см, ширина — 1,6 см, толщина обушка — 0,5 см.

2. На нем найден фрагмент бронзового артефакта в виде переплетенной проволоки с петлей на конце длиной 3 см. Возможно, это деталь ножен (рис. 44—3; колл. МАЭ РАН № 7426-45).

После расчистки и снятия костяка № 23 удалось проследить приблизительные границы могильной ямы. Длина по линии юго-запад — северо-восток составила 1,86 м, ширина — 0,58 м. Южный угол смыкался с западным углом могильной ямы, в которой были совершены погребения № 21 и 22. Между ними была расчищена слабовыраженная перемычка шириной менее 0,1 м, выявленная только в самой нижней части. Возможно, при совершении погребения № 21 была частично разрушена могильная яма, в которой ранее было совершено погребение № 23.

Глубина могильной ямы, в которой было совершено погребение № 23, составила от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 25, около 0,1 м, от уровня современной поверхности — 0,55 м.

Погребение № 24

Погребение № 24 было расчищено в кв. 85-86/199, южнее погребальных комплексов № 19 и 20, параллельно им, у края западного склона холма Калмистомяки (рис. 11, 41). Какого-либо надмогильного сооружения над погребением не было. На глубине 18,32 м в горизонте желтого крупнозернистого песка со значительной примесью мелких камней была прослежена поверхность могильной ямы в виде гумусированного пятна овальной формы, вытянутого по линии юго-запад — северо-восток, размерами: по линии юго-запад — северо-восток 0,86 м, по линии северо-запад — юго-восток 0,45 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк не сохранился. В процессе расчистки приблизительно в центральной части погребения зафиксированы фрагменты черепа и верхней челюсти без закладок зубов, несколько фрагментов ребер (рис. 41). Все кости очень плохой сохранности. Погребенный был ребенок, умерший в возрасте до полугода. Кости располагались на дне ямы на поверхности большого камня, который не перемещался при совершении захоронения, то есть погребенный был положен прямо на него.

Каких-либо артефактов при погребении не обнаружено.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 0,88 м, в ширину — 0,46 м. Максимальная глубина могильной ямы — 0,48 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 25

Надмогильное сооружение (№ 28)

Надмогильное сооружение № 28 было открыто в кв. 93/195 и 94/196 (рис. 7, 9). Оно представляло собой конструкцию из выложенных в одну линию пяти крупных валунов максимальной длиной до 0,56 м, открытую на глубине 18,82 м на юго-западном краю и 18,74 м на северо-восточном, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 234°). Общая длина линии валунов составила 2,3 м, что вполне сопоставимо с длинами овальных надмогильных сооружений, зафиксированных на могильнике.

Погребение № 25

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 28 слагающие его валуны были удалены. С данной поверхности пятно могильной ямы не читалось. Вся площадь на данном участке была занята монотонным серым суглинком со значительной примесью камней.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 234°), на глубине 18,35 м (район черепа) и 18,29 м (район стоп) (рис. 20, 45). Кости левой руки располагались на тазовых костях, правой — вдоль тела. Не сохранились кости правой кисти, правая ключица, ребра, левая малая берцовая и фаланги стоп. Череп с нижней челюстью удовлетворительной сохранности: разрушены правая скуловая и частично височная кости, отслоение компакты; прижизненная утрата двух нижних премоляров, все моляры сильно стерты. Погребенная — женщина, умершая в возрасте 30–40 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

После расчистки и снятия костяка № 25 удалось проследить приближенные границы могильной ямы, особенно в юго-западной части. Ее длина

по линии юго-запад — северо-восток составила приблизительно 1,74 м, максимальная ширина в юго-западной части — 0,48 м. Глубина — около 0,15 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 28, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 26

Погребение № 26 было расчищено в 0,4 м к северо-западу от погребения № 25, в кв. 94-95/196, на глубине 18,31 м (район черепа) и 18,29 (район стоп) (рис. 20, 45). Над погребением на том же уровне, что и надмогильное сооружение № 28, описанное выше, располагались четыре достаточно крупных (до 0,4 м) камня, примыкающие к нему с северо-запада.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 207°), череп на левом боку. Не сохранились кисти и фаланги ног, левая ключица смещена и располагалась к северо-западу от черепа, примерно в 0,1 м от нормального положения. Не приросли эпифизы плечевых, бедренных и больших берцовых костей. Череп удовлетворительной сохранности: разрушены правая теменная и затылочная кости (сохранились фрагменты). Погребенной была женщина, умершая в возрасте 16–20 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение было совершено на своеобразной кладке из мелких камней (до 0,1 м), выложенных сплошным горизонтом на площади около 4 кв. м в северо-западной части раскопа. Бедренные и берцовые кости были частично перекрыты этой кладкой. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод, что погребение было совершено позже создания каменной кладки из сплошного горизонта валунов, расположенных прямо на материке, поскольку находилось поверх него, частично его разрушало и было присыпано теми же камнями, составлявшими часть этой кладки.

Погребение № 27

Погребение № 27 было расчищено в 0,4 м к западу от погребения № 26, в кв. 94/195 на глубине 18,54 м (район черепа) и 18,31 м (район стоп) (рис. 20, 45). Каких-либо надмогильных сооружений над погребением не было. Также не прослеживались границы могильной ямы.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 207°). Погребение было нарушено: разрушенная перевернутая черепная коробка лицевой частью обращена на северо-восток. Под ней с юго-западной стороны расчищены 2 фрагмента верхней челюсти (также перевернуты), еще ниже располагалась нижняя челюсть в нормальном положении. Не сохранились кости ног ниже бедренных костей. Кости правой руки

находились на поясе, фрагмент левой лучевой располагался под позвонками. Все это свидетельствует о том, что погребение было нарушено, вероятно, вследствие очень близкого положения к современной поверхности. Темный гумусированный суглинок, в котором было расчищено данное погребение, также производил впечатление неглубокого позднего перекопа. Возможно, это произошло в близкий к современности момент времени. Череп с нижней челюстью был плохой сохранности, во фрагментах: фрагменты теменных, лобной, височных костей, верхней челюсти. Нижняя челюсть удовлетворительной сохранности. Погребенный был ребенком, умершим в возрасте 10–12 лет

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение (?) № 28

Надмогильное сооружение (?) № 17

К северу от надмогильного сооружения № 16, в кв. 88/200 на глубине 18,73 м, была расчищена выкладка из камней, примыкающая с севера к его северо-западной стенке (рис. 9). По типу и структуре данная конструкция была аналогична № 18 и представляла собой округлую в плане сплошную выкладку из небольших валунов (0,1–0,15 м) диаметром приблизительно 1,2 м. Скорее всего эта кладка была частью несколько большего сооружения, разрушенного позднее при создании соседних конструкций. Тем более что с северной стороны она была ограничена длинным рядом из пяти камней, напоминающим стенки надмогильных сооружений, описанных выше. Этот ряд примыкал с запада к юго-западному торцевому камню надмогильного сооружения № 6.

Приблизительно в центре конструкции была расчищена поверхность скального выхода или большого валуна, расположенного на глубине 18,64 м. С запада и востока к нему примыкали два пятна более темного гумусированного крупнозернистого песка, вытянутых очертаний, длиной не более 1,5 м и шириной до 0,4 м, напоминающие очертания могильных ям, в которых были совершены погребения детей. Поэтому они получили номера 28 и 29.

Погребение (?) № 28

Западина, заполненная крупнозернистым песком, более темным, чем окружающий материковый, длиной около 1,5 м, ориентированная приблизительно по линии запад–восток, была расчищена в кв. 88/201, на глубине 18,5 м (рис. 11). Ни костей, ни артефактов в заполнении данной структуры не было обнаружено. Ее глубина составила 0,3 м от уровня современной поверхности. Возможно, это погребение ребенка, в котором по естественным причинам не сохранился костяк.

Погребение (?) № 29

Аналогичная структура была расчищена в кв. 88/200 на той же глубине, имела ту же ориентировку, что и погребение № 28 (рис. 11). Но в ее заполне-

нии были встречены маленький обломок серебряного изделия и железное кольцо диаметром около 2,5 см (колл. МАЭ РАН № 7426-46, 47). Возможно, эти артефакты принадлежат детскому захоронению, кости которого вследствие естественных причин не сохранились. Глубина предполагаемой могильной ямы составила 0,35 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 30

Надмогильное сооружение (№ 21)

Надмогильное сооружение № 21 было открыто в центральной части раскопа, к северу от скального останца, в кв. 92/200-201 и 93/200-201 на глубине 18,78 м (рис. 7, 9). Видимо, оно представляло собой каменную конструкцию, аналогичную описанным выше, но частично разрушенную в восточной части, с реконструируемыми размерами: по внешнему периметру примерно 2,66×1,44 м, по внутреннему — 1,8×0,72 м. Конструкция была ориентирована приблизительно по линии запад—восток (азимут 248°).

Из надмогильного сооружения сохранился только большой торцевой камень на западном краю. Он был поставлен на меньший, размером до 0,4 м в длину. Как выяснилось при расчистке погребения, камни находились прямо над черепом, поэтому он был раздавлен и практически не сохранился. По всей видимости, северная и южная стенки сооружения были частично разобраны. Возможно, камни из последней были использованы при создании надмогильного сооружения № 4 (над погребением № 7), расположенного южнее. Внутреннее пространство надмогильного сооружения № 21 было заполнено как серым суглинком, так и значительным количеством мелких камней, особенно в восточной части, происходивших, возможно, из более ранних конструкций, предшествовавших могильнику.

Погребение № 30

Каких-либо выраженных границ могильной ямы выявить не удалось. Они были установлены в обратном традиционному порядке: сначала были расчищены значительные участки ее дна до поверхности светлого желтого крупнозернистого песка со значительной примесью мелких камней и гальки. Затем, по мере расширения расчищаемой площади и снятия костей и артефактов, были выявлены ее стенки. В каменистом грунте такая последовательность расчистки являлась зачастую единственным способом проследить границы земляных структур.

Остатки гроба были расчищены у правой бедренной кости и в восточной части могильной ямы, где полностью сохранился его край: торцевая часть и примыкающие стенки в виде скоплений или полос древесного тлена и трухи. Гроб длиной 1,7 м был сделан из досок, имел крышку (дерево сохранилось поверх костей и артефактов). В восточной части удалось измерить сохранившуюся толщину досок, она составила около 1 см.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, очевидно, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 248°) (рис. 46а). Сохранились небольшие фрагменты черепа, левых бедренной и большой берцовой костей, 2 фрагмента неопределимых трубчатых костей и фрагмент верхнего эпифиза локтевой кости. Фрагменты черепа плохой сохранности: фрагменты височной и затылочной костей, два зуба. Погребенной была женщина (это следует из состава комплекса артефактов), умершая в возрасте 20–30 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 48, 49, 50)

Погребение № 30 — наиболее богатое среди всех изученных комплексов могильника.

1. Два многобусинных височных кольца были расчищены в западной части могильной ямы на глубине 18,24 м (рис. 47, 48—1, 2; колл. МАЭ РАН № 7426-48, 49). Кольца практически не имели повреждений, находились в положении *in situ*, несмотря на то что от черепа сохранились лишь мелкие фрагменты. Изделия высокого качества, на бусинах лучше, чем на других схожих изделиях в погребениях могильника, сохранилась позолота. Диаметр стержня — 7,9 см, диаметр бусин — 1,6 см. Под левым кольцом были зафиксированы фрагменты органики: человеческий волос черного цвета и пятно органики (толщиной около 1 мм), возможно следы кожаного изделия или текстиля. Под этими объектами древесный тлен, очевидно, дно гробовища.

2. Немного восточнее этих колец, между ними, на той же глубине обнаружена крупная серебряная с позолотой, украшенная филигранью пуговица, сходная с найденной в погребении № 19 (рис. 47, 48—3а и 3б; колл. МАЭ РАН № 7426-50).

3. В центральной части могильной ямы, на глубине 18,25 м, в пятне органики, состоявшей из больших фрагментов бересты, дерева (возможно, крышки гроба) и, вероятно, текстиля, был расчищен бронзовый перстень-печатка с предположительно золотым щитком (рис. 48—4; колл. МАЭ РАН № 7426-51). На щитке имеется изображение хищника с головой, запрокинутой на спину. В шинке перстня была кость пальца, вероятно, правой руки.

4. В 0,06 м к северо-западу от перстня расчищена крупная серебряная пуговица, сходная с найденной возле височных колец в том же погребении, но несколько меньшего диаметра, также располагавшаяся в мощном пятне органики (колл. МАЭ РАН № 7426-51).

5. Сложный комплекс артефактов был расчищен с левой стороны погребенной в районе таза и левой бедренной кости (рис. 46б, 49, 50; колл. МАЭ РАН № 7426-53).

У проксимального конца левой бедренной кости были расчищены:

а) бронзовое (поясное) кольцо диаметром 4 см (рис. 50—1). На нем сохранились фрагменты дерева (вероятно, крышки гроба). К нему посредством железных цепочек и кожаных ремешков крепились следующие объекты:

б) комплекс поясной привески¹ (рис. 50–2). Она завершалась кожаной сумочкой (рис. 48–5);

в) железный нож с костяной рукоятью в кожаных ножнах с бронзовыми оковками (рис. 50–3а, 3б, 4а, 4б; колл. МАЭ РАН № 7426-54, 55). Его удалось расчистить только после снятия и консервации комплекса бронзовых предметов. Общая длина изделия — 21,1 см, длина лезвия — 10,8 см, максимальная ширина — 2 см, толщина — 0,6 см. Практически полностью сохранилась деревянная рукоять изделия, скрепленная с черешком посредством двух железных оковок — нижней и верхней. Диаметр нижней — 2,3 см, верхней — 2,4 см. Толщина железной пластины, из которой спаяны оковки 0,4 см. Нож находился в кожаных ножнах (рис. 50–4а, б). Верхний край ножен располагался под левой бедренной костью. Ножны состояли из нескольких слоев кожи толщиной не более 1,5 мм. Они хорошо сохранились и закрывали нож почти целиком до верхней обоймы на рукояти. Ножны скреплены с двух сторон бронзовыми накладками: две резные пластины шириной 0,6 см вдоль лезвийной части ножен, две обоймы на ножнах в средней части и на конце, все скреплено полосками бронзы вдоль шва на ножнах. Поверх ножен, в их верхней части, были расчищены фрагменты полностью минерализованного текстиля, а также дерева (крышка гроба?) и бересты. Ножны крепились к разделителю ремня посредством железной цепочки, от которой сохранились три звена;

г) железная копоушка, крепившаяся к кольцу с помощью железной цепочки (рис. 50–5; колл. МАЭ РАН № 7426-56/1, 2).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,06 м, в ширину — 0,81 м. Максимальная глубина могильной ямы — 0,23 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 21, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 31

Погребение № 31 было расчищено в центральной части раскопа, к северо-западу от скального останца, в кв. 91/197 и 92/198, на глубине 18,34 м (район черепа) и 18,38 м (район стоп) (рис. 51).

Вероятнее всего, надмогильное сооружение существовало, но было частично разрушено или разобрано при совершении последующих захоронений, расположенных рядом (рис. 9). Во всяком случае в указанных квадратах расчищен ряд из пяти крупных камней (до 0,4 м) на глубине 18,89 м (крайний юго-западный камень) и 18,76 м (крайний северо-восточный), ориентированный по линии юго-запад — северо-восток. Возможно, они являются частью северо-западной стенки надмогильного сооружения над данным погребением.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,48 м. С поверхности зачистки она читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка

¹ Подробное описание см. в главе IV.

в желтом крупнозернистом материковом песке, чрезвычайно насыщенном камнями. Ее размеры были приблизительно 1,48 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,8 м по линии северо-запад — юго-восток. Сразу после снятия камней стали видны остатки гробовища в виде полос древесного тлена и трухи вдоль левой стороны костяка, справа от черепа, вдоль левой стороны правой плечевой кости, между бедренных костей и в районе правой стопы. Максимальная ширина полос тлена — 0,1 м. Реконструируемые размеры гроба: длина около 1,6 м, ширина — 0,5 м. Гроб имел крышку, поскольку фрагменты дерева встречались поверх костей и артефактов.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 247°) (рис. 51). Череп на левом боку, лицевой частью обращен на север. Правая теменная кость разрушена. Сохранились фрагменты плечевых костей, небольшой фрагмент правой локтевой или лучевой кости (судя по направлению фрагмента, рука лежала на тазовых костях), фрагменты таза и бедренных костей. Череп с нижней челюстью плохой сохранности во фрагментах. Пол погребенного определить затруднительно (по составу комплекса артефактов, вероятно, мужчина). Возраст — 20–25 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 52)

1. Справа от нижней челюсти, в районе правого плеча, на глубине 18,37 м находилась серебряная с позолотой кольцевидная фибула подтреугольного сечения, без орнамента (рис. 52—1а, b; колл. МАЭ РАН № 7426-58). Диаметр изделия — 4,7 см, ширина дуги — 0,6 см, максимальная ширина иглы — 0,5 см. Под фибулой сохранился фрагмент дерева толщиной 1,3 см, вероятно, остатки дна гробовища.

2. Левее фибулы, в районе шеи, на той же глубине — маленькая шаровидная серебряная пуговица с ушком (рис. 52—2; колл. МАЭ РАН № 7426-59).

3. С левой стороны, на глубине 18,35 м, в районе таза находился гладкий серебряный пластинчатый перстень (рис. 52—3а, b; колл. МАЭ РАН № 7426-60). К северу от него расчищен фрагмент дерева — стенки гроба.

4. Справа от левой большой берцовой кости, между костью и остатками стенки гроба, на глубине 18,39 м был расчищен железный нож, на котором сохранились полностью минерализованные остатки кожаных ножен и деревянной рукояти (рис. 52—4; колл. МАЭ РАН № 7426-61). Общая длина изделия — 15,2 см, длина лезвия — 10,3 см, ширина — 2,3 см, толщина обушка — 0,5 см.

5. Две бронзовые спирали с фрагментами текстиля внутри были расчищены в 0,15 м к югу от черепа и в 0,15 м к западу от проксимального конца правой плечевой кости (рис. 52—5; колл. МАЭ РАН № 7426-62).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,72 м, в ширину — 0,62 м. Максимальная глубина могильной ямы — 0,48 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ № 32–33

Надмогильное сооружение (№ 22)

Надмогильное сооружение № 22 было открыто в центральной части раскопа, к западу от скального останца, в кв. 90/197-198 и 91/197-198 на глубине 18,4 м на западном краю и 18,35 м на восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой сходную с предыдущими, овальную в плане замкнутую кладку с частично нарушенной северной стенкой. Но отличалось некоторым своеобразием, выраженным в первую очередь в размерах: по внешнему периметру приблизительно 2,12×1,5 м, по внутреннему — 1,25×1 м, то есть было скорее округлой в плане формы, слегка вытянутой по линии запад–восток с отклонением к юго-западу (азимут 249°). На западном краю располагался один крупный валун овальной формы, длинной стороной (до 0,6 м) приблизительно по линии север–юг. Однако западнее него располагался еще ряд из трех менее крупных валунов, также ориентированный почти параллельно первому. Северная стенка сооружения состояла из ряда шести менее крупных валунов (до 0,3 м). На северо-восточном краю находился более крупный валун, также овальной формы и также ориентированный длинной стороной по линии север–юг.

Не совсем понятно соотношение данного надмогильного сооружения и возможного надмогильного сооружения над погребением № 31, описанного выше. Как показала расчистка погребений под сооружением № 22, они были парными, то есть совершенными в одной могильной яме (рис. 53). Над ними было сделано более широкое, чем над индивидуальными погребениями, описанными выше, надмогильное сооружение. Важно отметить, что оба погребения (№ 32 и 33) не были нарушены. Вероятнее всего, на данном участке сначала было совершено погребение № 31, затем одновременно — погребения № 32 и 33, в результате чего камни, слагающие первоначальное надмогильное сооружение, оказались перемещенными или использованными для нового. К сожалению, в подобном чрезвычайно каменистом грунте не во всех случаях удалось полностью реконструировать картину обряда и последовательность захоронений.

Погребения № 32 и 33

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,38 м на юго-западном краю и 18,43 м на северо-восточном. С данной глубины она читалась как овальное пятно серого суглинка размерами 1,44 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,95 м по линии северо-запад — юго-восток. Определить границы северо-восточного края крайне затруднительно, поскольку это пространство (между могильной ямой и скальным останцом в центре площадки могильника) заполнено только мелкими камнями. Не исключено, что скальный останец предполагался как единый «замковый» камень на северо-восточном краю всех погребений данной группы. В заполнении был обнаружен один фрагмент известнякового поминального креста.

Практически сразу после снятия камней прямо под ними, на глубине 18,33 м, в западной и центральной частях могильной ямы были расчищены остатки гробовища в виде достаточно больших участков древесной трухи, представлявших собой остатки крышки гроба толщиной около 1–1,5 см. Остатки дерева расчищены поверх практически всех костей погребения. Размеры гроба составляли по длине 0,9 м, по ширине — приблизительно 0,3 м. Отчетливых границ между двумя возможными гробами проследить не удалось, хотя дерево было чрезвычайно плохой сохранности и могло сильно деформироваться под давлением камней, находящихся внутри могилы, вследствие чего границы могли исчезнуть. Хотя не исключено, что оба гроба имели общую крышку (рис. 51, 53).

Положение и сохранность костяка № 32

Костяк не сохранился (рис. 51, 53). В юго-западной части погребения, на глубине 18,28 м, обнаружены фрагменты черепа: фрагменты теменной и лобной (?) костей, зуб. Очевидно, погребенный располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 250°). Погребен был ребенок, более точный возраст определить не представляется возможным из-за плохой сохранности костей.

Артефакт при погребении (рис. 54)

В 0,3 м к востоку от черепа была обнаружена ажурная серебряная с позолотой бусина, выполненная в технике скани (колл. МАЭ РАН № 7426-63).

Погребение № 33

Погребение № 33 было расчищено к югу от погребения № 32, в кв. 90/197-198 (рис. 51, 53).

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 249°). Сохранились фрагменты теменных и височных костей черепа, правой локтевой, безымянных и бедренных без нижних эпифизов костей. Возраст неопределим. Фрагменты черепа плохой сохранности: фрагменты теменных и височных костей.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 55)

1. В центральной части погребения, на глубине 18,28 м, был обнаружен бронзовый перстень с ромбическим щитком (рис. 55—1а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-64).

2. Восточнее него расчищены части поясной подвески и предметы, крепившиеся к поясу, по-видимому, кожаному, который не сохранился:

а) в 0,55 м к востоку от черепа, у фрагментов правой бедренной кости, на глубине 18,38 м обнаружен крупный бронзовый (возможно, с позолотой) орнаментированный разделитель ремня круглой формы, диаметром 5 см

(рис. 55—2; колл. МАЭ РАН № 7426-65). На одной из частей данного артефакта (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно пояса, шириной 0,8 см;

б) в 0,02 м к востоку от разделителя обнаружено пряслице (грузик?) из розового шифера (?) диаметром 1,5 см (рис. 55—3; колл. МАЭ РАН № 7426-66);

в) в 0,12 м к северу от него на той же глубине обнаружен артефакт, состоящий из двух частей: двойной Ф-образной бронзовой пронизки. Внутри нее была продета веревка, которая на другом конце была скреплена с железным артефактом трапециевидной формы (6,2×2,5 см), вероятно, игольником (рис. 55—4а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-67/1, 2). Данный комплекс был расположен по линии северо-восток — юго-запад;

г) к юго-западу от данного комплекса расчищено пятно беловатого порошковидного вещества диаметром около 1 см, вероятно, остатки оловянной бусины;

д) к северу от него расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти, расположенный по линии запад—восток (рис. 55—5; колл. МАЭ РАН № 7426-68/1, 2). В районе стыка рукояти и лезвия ножа он примыкал к одному из углов четырехугольного железного артефакта, описанного выше. Общая длина изделия составила 16,6 см, длина лезвия — 9,7 см, максимальная ширина — 2,2 см, толщина — 0,6 см. На черешке сохранились фрагменты деревянной рукояти. Средняя часть рукояти была утрачена, нижняя сохранилась в небольших фрагментах. Верхняя и нижняя части были закрыты железными оковками (диаметр нижней 2,1 см, верхней — 2,6 см). На верхней оковке по шву имеются продукты коррозии меди зеленого цвета, что позволяет предположить, что при изготовлении использовался припой на медной основе. Также на оковке были обнаружены фрагменты пропитанной окислами железа ткани.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,6 м, в ширину — 0,97 м в юго-западной части и 0,68 в северо-восточной. Максимальная глубина могильной ямы — не более 0,1 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 22, и 0,4 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 34

Надмогильное сооружение (№ 23)

Надмогильное сооружение № 23 было открыто в кв. 97/196-197 на глубине 18,49 м на юго-западном краю и 18,67 м на северо-восточном. Оно представляло собой каменную конструкцию сходного с описанными выше типа, размерами: по внешнему периметру приблизительно 2,44×1,3 м, по внутреннему приблизительно 1,8×0,8 м (рис. 7, 9). Конструкция была ориентирована по линии юго-юго-запад — северо-восток (азимут 212°). Юго-юго-западный край сооружения был разрушен: отсутствовал торцевой

камень. Вероятно, это произошло при совершении захоронения № 35, которое находилось в 1 м юго-западнее от описываемого, то есть погребение № 34 было совершено ранее, чем № 35. Сохранившаяся часть надмогильного сооружения № 23 состояла из 11 крупных валунов максимальной длиной от 0,2 м до 0,47 м. Наиболее крупным — торцевым — был валун, расположенный на глубине 18,67 м в северо-восточной части надмогильного сооружения, имевший размеры 0,47×0,4 м.

Погребение № 34

После фиксации и удаления камней, складывающих надмогильное сооружение, выяснилось, что тело умершей при захоронении было буквально втиснуто в скальную расщелину, видимо, подходящей глубины и размеров. С северо-востока, севера и юга погребение было ограничено скалой или огромными валунами, явно не перемещавшимися в процессе совершения захоронения. Только в юго-западной части, в районе черепа, данный участок был свободен от валунов. Поэтому как таковых контуров могильной ямы проследить не удалось. Заполнение могильной ямы — темный суглинок с большим количеством камней.

Погребение было совершено в гробу, сохранившемся в виде небольших фрагментов древесного тлена и трухи в центральной части погребения, справа от костяка (очень слабо выявленные следы тлена) и на артефактах. Очевидно, гроб имел крышку. Реконструировать его размеры не представляется возможным.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,21 м (около черепа) и 18,18 м (у берцовых костей), был ориентирован головой на юго-запад (азимут 212°) (рис. 56). Сохранились фрагменты черепа (фрагменты теменных костей и зубы), тазовых и бедренных костей с разрушенными нижними эпифизами. К северо-востоку от них был расчищен фрагмент неопределимой трубчатой кости (возможно, большой берцовой), а к северо-востоку от фрагментов черепа — 3 грудных позвонка.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 58)

1. С правой и левой сторон черепа, на глубине 18,18 м и 18,21 м соответственно, были расчищены многобусинные височные кольца (или серьги) (рис. 57, 58—1, 2; колл. МАЭ РАН № 7426-69, 70). Характерной чертой этих изделий является количество серебряных тисненых бус — девять, напущенных на бронзовый стержень, изогнутый в кольцо диаметром 6 см. Размеры и количеством бус эти кольца отличаются от найденных в погребениях № 3, 13 и 30.

2. Под правым височным кольцом, друг под другом, находились фрагменты кожаного изделия, текстиля (как минимум два фрагмента белого и темно-зеленого цветов) и дерева — дна гробовища.

3. В 0,3 м северо-восточнее черепа, в центральной части погребения, ближе к левому краю, обнаружена большая серебряная с позолотой бусина — пуговица, сходная с найденными в погребениях № 19 и № 30 (рис. 58—3; колл. МАЭ РАН № 7426-71). Но в данном случае она была раздавлена.

4. Под левым височным кольцом, в процессе расчистки в лабораторных условиях, была обнаружена застежка — аграф (рис. 58—4а, б, с; колл. МАЭ РАН № 7426-72/1, 2). Видимо, она скрепляла какой-то головной убор из ткани, может быть, два края платка, который не сохранился.

Могильная яма была выбрана до скального основания. Длиной она была приблизительно 1,8 м, шириной — максимум 0,7 м. Ее глубина составила от уровня древней дневной поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 23, не более 0,15 м, от уровня современной поверхности — 0,3 м.

Погребение № 35

Погребение № 35 было расчищено к северо-востоку от погребения № 34, в кв. 98/197-198. Какого-либо выраженного надмогильного сооружения на данном участке зафиксировано не было.

Следует заметить, что при раскопках 2006 года на северо-восточном краю раскопа была расчищена поверхность своеобразной каменной конструкции, представлявшей собой сплошную выкладку из мелкого камня со следами воздействия огня. Тогда было принято решение не расчищать полностью данное сооружение, а законсервировать его с целью полного исследования в будущий сезон. При раскопках было выяснено, что значительные участки данной конструкции находятся в переотложенном состоянии и в них совершены более поздние захоронения. В XIV—XV веках при совершении захоронений по обряду ингумации на холме Калмистомяки могильная яма выкапывалась путем извлечения мелких камней на достаточную для могилы площадь и глубину, а затем погребение засыпалось этими же камнями. Такого рода особенности имеют почти все погребения, расположенные в северной части раскопа. К ним относится и погребение № 35, которое было совершено в описанной выше каменной выкладке и засыпано теми же камнями.

Возможно, торцевой камень в северо-западном краю надмогильного сооружения № 23 (над погребением № 34), расчищенный в кв. 97/198 на глубине 18,67 м, был использован в этом же качестве в рассматриваемом погребении, только на его юго-восточном краю (рис. 7, 9). Однако полной уверенности в этом нет, хотя и не исключено, что захоронения № 34 и № 35 были совершены последовательно.

После расчистки и фиксации горизонта (поверхность которого была открыта на глубине 18,68 м) мелких камней, заполнявших собой помимо темного суглинка могильную яму, было расчищено погребение.

Положение и сохранность костяка

Костяк не сохранился. В юго-западной части могильной ямы, на глубине 18,15 м, был обнаружен череп с нижней челюстью во фрагментах, а к северо-востоку от них — фрагменты костей ног на глубине 18,24 м (рис. 56). Очевидно, что погребенный (ребенок, умерший в возрасте 9—10 лет) был расположен в вытянутом положении на спине (приблизительный азимут 244°).

Фрагменты бедренных костей оказались немного выше, чем череп, поскольку поверхность из-за обилия камней и скального выхода была неровной. Кроме того, погребенный был положен на часть описанной выше сплошной выкладки из мелких камней, видимо разобранной не полностью в процессе выкапывания могильной ямы, что еще раз свидетельствует о том, что она была сделана значительно раньше, чем время совершения захоронения.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Дно могильной ямы представляло собой скальную поверхность. Только на юго-западном краю в суглинке удалось проследить ее плохо выраженные границы и приблизительно реконструировать размеры: в длину — около 1,6 м, в ширину — около 0,7 м. Глубина могильной ямы от уровня современной поверхности составила 0,4 м.

Погребение № 36

По расположению погребение № 36 очень похоже на вышеописанное погребение № 35: оно было расчищено под сплошной выкладкой из мелких камней. Вероятно, ряд из шести крупных валунов (максимальной длиной до 0,25 м), расположенный по линии северо-восток — юго-запад, зафиксированный в раскопе 2006 года, является частью надмогильного сооружения над погребением № 36. Он зафиксирован в кв. 99/200, на глубине 18,72 м (крайний юго-западный камень) и 18,83 м (крайний северо-восточный камень) (рис. 7). Не исключено, что юго-западный край сооружения и северо-западная стенка были разобраны в процессе совершения погребения № 35, расчищенного в 1 м западнее.

Заполнение могильной ямы, в которой было совершено погребение № 36, состояло почти исключительно из мелких камней (некоторые из которых имели следы воздействия огня), происходящих, очевидно, из более ранней конструкции. Следовательно, могильная яма была сделана непосредственно в этой сплошной выкладке.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,27 м (у черепа) и 18,49 м (у костей стоп), ориентирован головой на юго-запад, лицом обращен на восток (азимут 224°) (рис. 59, 60). Левая рука была согнута в локте: левая локтевая находилась на месте левой плечевой, под черепом обнаружены фаланги пальцев левой руки. Не сохранились кости правой стопы, ребра и кости рук,

за исключением фрагментов двух локтевых и нижнего эпифиза правой плечевой, а также грудных и шейных позвонков. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности: отмечено отслоение компакты, правая теменная кость и край правой глазницы разрушены (сохранились фрагменты). Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 18–20 лет.

Артефакт при погребении (рис. 61)

Под нижней челюстью в пятне очень темного суглинка обнаружена новгородская серебряная монета: деньга (тип II, по И. И. Толскому), дата чеканки: 1420–1478 годы (более вероятно 1447–1478 годы)¹ (колл. МАЭ РАН № 7426-73). Она была зажата в кулаке левой руки, которая по каким-то причинам была согнута в локте, соответственно кисть оказалась в районе черепа.

Погребенный был, как в случае описанного выше погребения № 35, буквально втиснут в узкую расщелину скалы. Бедренные кости находились на невыбранном полностью горизонте мелких камней — остатках ранней каменной конструкции, поэтому располагались несколько выше черепа. Глубина могильной ямы от современной поверхности составила 0,48 м.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 37

Надмогильное сооружение (№ 26)

Частично разрушенное надмогильное сооружение № 26 было открыто в кв. 93/199-200 и 94/200 на глубине 18,66 м на юго-западном краю и 18,76 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию схожего с описанными выше типа, размерами: по внешнему периметру приблизительно 2,2×1 м, по внутреннему — приблизительно 1,7×0,6 м. Сооружение было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 240°), в 0,5 м к югу от надмогильного сооружения № 2, над погребением № 3, параллельно ему (рис. 9). По всей видимости, при совершении рассматриваемого погребения северо-западная стенка надмогильного сооружения № 26 была частично разрушена, а торцевые камни перемещены с юго-западной и северо-восточной сторон. У надмогильного сооружения № 26 сохранилась только юго-восточная стенка длиной 2,15 м, расчищенная в кв. 93/199-200. Она была сложена из шести крупных валунов (до 0,46 м) и ориентирована по линии юго-запад — северо-восток.

Четких границ могильной ямы выявить не удалось, поскольку ее заполнение представляло собой сплошной горизонт мелких и средних камней с небольшими участками темного суглинка между ними. Этот горизонт был расчищен на глубине около 18,4 м.

¹ По определению заведующего отделом нумизматики Государственного Эрмитажа В. А. Калинина, которому автор выражает большую благодарность.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,23 м (у черепа) и 18,16 м (у костей стоп), был ориентирован головой на юго-запад (азимут 240°) (рис. 62). Череп был крайне плохой сохранности, находился на правом боку, лицом обращен на юго-восток. Сохранились фрагменты лобной кости и верхней челюсти, нижняя челюсть была в двух фрагментах. Погребенным был, вероятно, мужчина, умерший в возрасте 25—35 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 62—I, II)

1. Северо-восточнее нижней челюсти, в районе шейного отдела, на глубине 18,23 м была обнаружена маленькая (диаметром менее 1 см) сферическая пуговица с ушком, сделанная из свернутой серебряной проволоки, вероятно, с позолотой (рис. 62—I; колл. МАЭ РАН № 7426-74).

2. Под костями в районе грудной клетки был обнаружен фрагмент серебряной бусины (рис. 62—II; колл. МАЭ РАН № 7426-75).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,3 м, в ширину — около 1 м. Ее максимальная глубина — 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 26, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 38

Погребение № 38 было расчищено в кв. 89/196-198 на глубине 18,4 м (у черепа) и 18,42 м (у костей стоп) (рис. 11, 63).

Какой-либо выраженной надмогильной конструкции над данным погребением не было зафиксировано. Однако на глубине от 18,73 м до 18,87 м, в тех же квадратах, было расчищено аморфное скопление относительно крупных камней (максимальной длиной до 0,45 м), которые, возможно, связаны с надмогильным сооружением, разрушенным вследствие какой-то более поздней активности на данном участке. Сам костяк при этом не был потревожен.

Сразу после фиксации и снятия верхнего горизонта камней удалось проследить границы могильной ямы, по крайней мере ее северо-восточного края. Они читались в виде слабо выраженного гумусированного пятна в желтоватом крупнозернистом песке, чрезвычайно насыщенном мелкими камнями, на глубине 18,55 м, в кв. в 90/197-198. Заполнение ямы представляло собой слабогумусированный песок, насыщенный мелкими камнями.

Погребение было совершено в гробу, сохранившемся в виде двух длинных полос древесной трухи вдоль костяка, расчищенных на глубине 18,42 м с левой стороны и 18,45 м с правой (рис. 63). Длина полосы древесной трухи вдоль левой стороны костяка, начинающаяся у черепа и заканчивающаяся у дистального конца берцовой кости, составила 1,38 м, ширина — до 0,1 м. Длина полосы тлена вдоль правой стороны костяка, начинающаяся у проксимального конца правой плечевой кости и заканчивающаяся у костей стоп, составила 1,3 м, ширина — до 0,07 м. Зафиксированная толщина стенок — 0,01—0,015 м, на некоторых участках толщина достигала 0,05 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, был ориентирован головой на юго-запад (азимут 246°), череп находился на левом боку (рис. 63). Кости рук были сложены на поясе — кисть правой руки под кистью левой. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности: отмечено отслоение компакты, правая сторона лицевого отдела и правая височная кости раздавлены. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 25–35 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 64)

1. Между костями правого предплечья и таза, на глубине 18,43 м, обнаружен бронзовый (возможно, с примесью серебра) плетеный многопроволочный перстень, схожий с найденным в погребении № 3, но несколько худшего качества и меньшего диаметра (рис. 64–1; колл. МАЭ РАН № 7426-76). В перстне была фаланга пальца.

2. Юго-восточнее перстня, у проксимального конца правой бедренной кости, на той же глубине расчищен железный нож с деревянной рукоятью, возможно, остатками кожаных ножен в виде полностью минерализованных полос по обеим сторонам лезвия (рис. 64–2а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-77). Общая длина изделия — 17 см, длина лезвия — 8,7 см, ширина — 2,3 см, толщина обушка — 0,6 см.

На деревянной рукояти ножа имеются две оковки (рис. 64–2б; колл. МАЭ РАН № 7426-78). Нижняя сохранилась во фрагментах, шириной около 2,3 см, с обратной стороны прикипели фрагменты рукояти. Верхняя, шириной 2,5 см, была покрыта остатками ткани, прикипевшей и пропитанной солями железа, и остатками неопознаваемой органики. Остатки дерева сохранились на всю длину рукояти, что дает основания для ее реконструкции. На торце верхней оковки сохранилось звено железной цепочки. Сохранились также железные оковки ножен в виде треугольного наконечника и отходящих от него узких (шириной до 1 см) пластин, которые с двух сторон крепили шов кожаных ножен посредством маленьких заклепок. Кроме того, сохранились два фрагмента пластин длиной 6,2 см. Таким образом, приблизительная длина оковок ножен составила около 17 см.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину около 2,1 м, в ширину — 0,65 м. Ее максимальная глубина была 0,45 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 39

Надмогильное сооружение (№ 27)

Надмогильное сооружение № 27 было открыто в северо-восточной части раскопа, в кв. 97/200–201 и 98/201, на глубине 18,74 м на юго-западном краю и 18,82 м на северо-восточном (рис. 7, 9). Видимо, оно представляло собой каменную конструкцию схожего с описанными выше типа, но частично

разрушенную в юго-западной части и меньших размеров: по внешнему периметру приблизительно 1,4×0,74 м, по внутреннему — 0,86×0,32 м. Она была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток.

Надмогильное сооружение было сложено из восьми крупных валунов, из которых выделялись два — на юго-западном и северо-восточном краях конструкции (до 0,4 м и 0,27 м соответственно). Но, по всей видимости, некоторые из составлявших ее камней, особенно с северо-западной и юго-восточной стенок, были перемещены, возможно, в процессе создания надмогильного сооружения № 26 (над погребением № 23). Но это только предположение.

Погребение № 39

Могильная яма оказалась полностью заполненной мелкими камнями, многие из которых имели следы воздействия огня и происходили из более ранней кладки, упоминавшейся выше. Костяк был полностью засыпан ими, фактически без примеси рыхлого грунта. Могила была сделана внутри мощной каменной конструкции, участки которой были расчищены на достаточно широкой площади в северной части раскопа. Под давлением камней, заполнявших могильную яму, она, очевидно, просела, вследствие чего и костяк, и остатки гроба оказались внутри мощного горизонта камней.

Погребение № 39 было совершено в гробу, сохранившемся в виде длинных полос древесного тлена и трухи вдоль правой и левой сторон костяка (рис. 59). С правой стороны костяка полоса оказалась менее выраженной и была зафиксирована только на первом этапе расчистки, на глубине 18,41 м. Ее длина составила около 1,1 м, ширина — около 0,06 м. С левой стороны костяка полоса древесного тлена сохранилась лучше, особенно в придонной части, на глубине 18,44 м. Ее длина составила 1,2 м, максимальная ширина (в районе левой берцовой кости в северо-восточном краю могильной ямы) — 0,2 м, толщина — более 0,01 м. Таким образом, гробовище имело следующие реконструируемые размеры: в длину около 1,7 м, в ширину около 0,6 м. Гроб имел крышку, поскольку фрагменты дерева были расчищены поверх левой плечевой и берцовой костей.

Положение и сохранность костяка

Костяк практически не сохранился (рис. 59). В юго-западной части погребения на глубине 18,33 м был обнаружен череп плохой сохранности, без лицевой части, обращен на северо-восток. Положение рук реконструировать не удалось. Сохранились только фрагменты левых лопатки и плечевой кости, фрагменты тазовых костей, двух бедренных и двух больших берцовых костей на глубине 18,41 м. Очевидно, костяк был расположен в вытянутом положении на спине (азимут 230°). Череп сохранился во фрагментах: задняя часть с затылочным отверстием и затылочной костью, два фрагмента верхней челюсти, нижняя челюсть с сильно стертými вторыми и третьими молярами. Вероятнее всего, погребенной была женщина, возраст трудноопределим.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 65)

Ниже костей таза, между проксимальными концами бедренных костей, были зафиксированы следующие артефакты.

1. Чуть ниже костей крестцового отдела, на глубине 18,37 м, обнаружена четырехугольная железная пряжка (рис. 65—1; колл. МАЭ РАН № 7426-79).

2. Выше нее, уже под костями крестцового отдела, — одна серебряная бусина, идентичная напущенным на височные кольца (рис. 65—2; колл. МАЭ РАН № 7426-80).

3. Под проксимальным концом правой бедренной кости — железный нож (рис. 65—3; колл. МАЭ РАН № 7426-81). Общая длина изделия — 14,5 см, длина лезвия — 8,5 см, максимальная ширина — 2,2 см, толщина — 0,5 см.

4. Чуть правее него, также под костями, — железное (поясное) кольцо (рис. 65—4; колл. МАЭ РАН № 7426-82).

5. Чуть выше него, ближе к костям таза, — две железные иглы, возможно, находившиеся в чехле или сумочке, которая не сохранилась (рис. 65—5, 6; колл. МАЭ РАН № 7426-83, 84).

Все перечисленные артефакты, кроме серебряной бусины, представляют собой части поясной гарнитуры и предметы, возможно, находившиеся в небольшой сумочке, которая не сохранилась. Основа пояса также не сохранилась.

С юго-западного и северо-восточного краев могильная яма была ограничена естественными выходами скалы, поверхности которых были расчищены на глубине 18,62 м и 18,57 м. Таким образом, ее приблизительные размеры составили: в длину — около 1,94 м, в ширину — 0,65 м. Максимальная глубина могильной ямы от уровня древней дневной поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 27, — 0,3 м, от уровня современной поверхности — 0,45 м.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ № 40 И 41**Надмогильные сооружения (№ 13 и 13а)**

Надмогильное сооружение № 13 и более позднее надмогильное сооружение № 13а, частично нарушившее погребение № 13, были расчищены в кв. 85-86/202-203 и 86/204 (рис. 7, 9). У надмогильного сооружения № 13 сохранилась только юго-восточная часть в кв. 85-86/202 — торцевой камень размерами 0,44×0,36 м, расчищенный на глубине 18,67 м, и часть северо-западной стенки, сложенной из четырех валунов. Этот ряд валунов был ориентирован по линии северо-восток — юго-запад. Сохранилась также и часть юго-восточной стенки, состоящая из двух валунов. Причем северо-западная стенка надмогильного сооружения № 13 и продолжившая ее в северо-восточном направлении часть стенки надмогильного сооружения № 13а являлись одновременно юго-восточной стенкой надмогильного сооружения № 20 (над погребением № 14). Также юго-восточная стенка рассматриваемых сооружений одновременно являлась северо-западной стенкой надмогиль-

ного сооружения № 12 (над погребением № 46, которое описано ниже). Причем последнее сооружение было сделано, по всей видимости, позднее остальных в данной группе, поскольку не имело явных следов разрушения или перемещения составлявших его камней.

В 0,35 м к востоку от юго-западного торцевого камня надмогильного сооружения № 13, то есть ближе к его центру, на глубине 18,67 м, был расчищен торцевой камень надмогильного сооружения № 13а. Приблизительные размеры данного сооружения по линии северо-восток — юго-запад 2,26 м, по линии северо-запад — юго-восток 1,1 м. Вероятно, надмогильное сооружение № 13 имело сходные размеры — стандартные для большинства конструкций в данном могильнике.

Погребение № 40

Яма, в которой было расчищено погребение № 41, частично нарушала восточный край ямы, в которой было зафиксировано погребение № 40. Могильные ямы имели одинаковую ориентировку, такую же, что и надмогильные сооружения. Несмотря на то что одна из них была позднее нарушена другой, размеры каждой удалось определить: размеры могильной ямы, в которой зафиксировано погребение № 40: длина 1,65 м по линии юго-запад — северо-восток и ширина 0,55 м по линии северо-запад — юго-восток. Яма, в которой было зафиксировано погребение № 41, была длиной 2,1 м по линии юго-запад — северо-восток и шириной 0,44 м по линии северо-запад — юго-восток. Ее северо-западный край был ограничен скалой, поверхность которой была расчищена на глубине 18,4 м в кв. 86/204-205.

Погребение № 40 было совершено в гробу, сохранившемся в виде полосы древесного тлена вдоль левой стороны костяка длиной 0,55 м, максимальной шириной 0,07 м (на северо-восточном краю в районе костей таза).

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,16 м, был ориентирован головой на юго-запад (азимут 243°) (рис. 66, 67). Череп был на правом боку, кости правой руки на груди, кости левой — согнуты в локте, кисть в верхней части груди. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности: отмечено отслоение компакты слева, левая скуловая кость и край левой глазницы разрушены; зафиксирована прижизненная утеря всех правых верхних моляров. Кроме того, первые два правых нижних, первый нижний моляры слева и третий справа были очень сильно стерты. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 30—40 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение № 41

На восточном краю могильной ямы, на глубине 18,27 м, были расчищены остатки гробовища в виде полосы древесного тлена длиной 0,6 м, шириной 0,09 м.

Костяк № 41 располагался параллельно костяку № 40, слева от него, но в отдельной могильной яме, на той же глубине — череп на уровне правой бедренной кости погребения № 40 (рис. 66, 67). Это свидетельствует о том, что временной разрыв между моментами совершения каждого из рассматриваемых погребений минимален.

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине на глубине 18,24 м (у черепа) и 18,16 м (у дистальных концов берцовых костей), ориентирован головой на юго-запад (азимут 236°). Кости рук были сложены на груди — кости левой были расчищены на костях правой. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности: зафиксировано отслоение компакты справа, разрушены правая скуловая кость и край правой глазницы; отмечена прижизненная утрата всех зубов, кроме верхних правых второго и третьего моляров и нижних резцов и клыков. Погребенной была взрослая женщина (более точный возраст определить не удалось).

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 470 ± 25 BP; 1415–1450 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (SPB-167) (рис. 129–SPB-167).

Максимальная глубина могильной ямы, в которой было совершено погребение № 40, составила 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 13, и 0,49 м от современной поверхности. Максимальная глубина могильной ямы, в которой было совершено погребение № 41, составила 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 13а, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 42

Погребение № 42 было зафиксировано в западной части раскопа, в кв. 89-90/195-196 (рис. 11). Над погребением было расчищено несколько небольших камней, не составлявших, по всей видимости, надмогильного сооружения. Каких-либо границ могильной ямы также проследить не удалось. Грунт над захоронением был чрезвычайно насыщен мелким камнем, на отдельных участках состоял исключительно из камня, практически без примеси суглинка.

Погребение было совершено в гробу, имевшем крышку, поскольку многие кости были покрыты древесным тленом. Гроб сохранился в виде значительных по площади участков древесной трухи и тлена на глубине 18,27–18,29 м, покрывавших почти весь костяк, и имел приблизительные размеры 1,15 м в длину и 0,3 м — в ширину. Толщина отдельных фрагментов составляла 1–1,5 см.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине на глубине 18,28 м (у черепа)

и 18,32 м (у костей стоп), ориентирован головой на юго-запад (азимут 221°), лицом на восток. Череп сохранился во фрагментах: затылочная кость, лицевой отдел с разрушенными глазницами и костями носа. Кости рук были сложены на поясе — кости левой руки расчищены под костями правой. Погребенный был ребенком, умершим в возрасте 7–9 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было. Также не было прослежено явных границ могильной ямы.

Погребение № 43

Погребение № 43 было зафиксировано в северо-восточной части раскопа, в кв. 92/203–204 (рис. 11). Оно было перекрыто выбросом из позднейшей хозяйственной ямы. Выброс состоял из мешанного темного суглинка с примесью камней и глины. Возможно, над погребением было надмогильное сооружение, но оно было разрушено. Хотя не исключено, что в качестве торцевого камня на юго-западном краю был использован северо-восточный торцевой камень надмогильного сооружения № 4 (над погребением № 7).

Только на глубине приблизительно 0,5 м от современной поверхности были выявлены границы могильной ямы, которая проявилась в виде пятна темного мешанного суглинка, насыщенного камнями, овальной формы, вытянутого приблизительно по линии запад–восток, длиной 1,22 м и шириной 0,4 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк не сохранился. В западной части, в кв. 92/203 на глубине 17,9 м сохранился только череп, обращенный лицевой частью на северо-восток. Верхняя часть черепа была разрушена. Но очевидно, что погребенный был расположен в вытянутом положении на спине головой на юго-запад (азимут 259°).

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Могильная яма оказалась относительно глубокой и была ориентирована приблизительно по линии запад–восток с некоторым отклонением на юго-запад. С южного края могила была ограничена естественным выходом скалы, поверхность которой была расчищена на глубине 18,11 м. Размеры могильной ямы составили: в длину около 1,5 м, в ширину — 0,55 м. Ее максимальная глубина от уровня современной поверхности была 0,65 м. Видимо, большей, чем обычно, глубине могильной ямы способствовал более мощный горизонт рыхлого грунта на данном участке холма.

Погребение № 44

Погребение № 44 было расчищено в кв. 97/193–194, на глубине 17,75 м (район черепа) (рис. 11). Над погребением какой-либо выраженной конструкции из камня не зафиксировано. Погребение находилось под горизонтом мелких камней, поверхность которого была расчищена на глубине 17,89 м.

Положение и сохранность костяка

Погребение было совершено в гробу, сохранившемся в виде трех небольших участков древесного тлена в центральной и северо-восточной частях могильной ямы (рис. 11). Гроб, вероятно, имел крышку, поскольку фрагменты дерева были расчищены поверх железного ножа.

Костяк не сохранился. В юго-западной части погребения обнаружен череп с нижней челюстью на левом боку, с разрушенной правой теменной костью. Очевидно, костяк был расположен в вытянутом положении на спине (азимут 226°). Череп с нижней челюстью был плохой сохранности: разрушены правая сторона лицевого отдела, правая теменная кость, часть затылочной, зафиксированы отслоение компакты и прижизненная утеря всех нижних моляров. Погребенный был, вероятно, мужчина, умерший в зрелом возрасте.

Артефакт при погребении (рис. 68)

В северо-восточной части могильной ямы, в 0,1 к юго-востоку от северо-западного края могильной ямы, на глубине 17,7 м был обнаружен железный, сильно сточенный нож с треугольным лезвием (колл. МАЭ РАН № 7426-85). Общая длина изделия — 9,9 см, длина лезвия — 5,6 см, ширина — 1,4 см, толщина обушка — 0,6 см.

После расчистки, фиксации и снятия костяка дно и борта могильной ямы были зачищены по материке. Она была ориентирована приблизительно по линии северо-восток — юго-запад. Размеры могильной ямы составили в длину 1,22 м, в ширину — 0,6 м. Максимальная глубина могильной ямы от уровня современной поверхности — 0,55 м.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 45

Надмогильное сооружение (№ 24)

Надмогильное сооружение № 24 открыто в кв. 95/194-195 на глубине 18,6 м (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию сходного с описанными выше типа, но, по всей видимости, частично разрушенную в юго-западной части, с реконструируемыми размерами: по внешнему периметру приблизительно 1,4×0,6 м, по внутреннему — 0,9×0,3 м. Надмогильное сооружение было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток. В качестве юго-западного торцевого камня был использован огромный валун, расчищенный несколько ниже основной конструкции на глубине 18,56 м.

После фиксации и удаления камней данного надмогильного сооружения практически сразу под ними был зафиксирован костяк. Каких-либо отчетливых границ могильной ямы выявить не удалось.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,38 м (у черепа)

и 18,36 м (у берцовых костей), ориентирован головой на юго-запад (азимут 211°) (рис. 69). Кости рук расчищены на тазовых костях. Сохранились фрагменты черепа с нижней челюстью: верхняя часть черепной коробки, фрагменты затылочной и теменных костей, фрагменты верхней челюсти, нижняя челюсть в двух фрагментах. Также сохранились кости таза, плечевых, бедренных, больших берцовых, правых лучевой и локтевой костей. Погребенным был, вероятно, мужчина, умерший в зрелом возрасте.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Видимых границ могильной ямы также выявить не удалось, поскольку ниже находился край сплошной каменной выкладки.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 46

Надмогильное сооружение (№ 12)

Надмогильное сооружение № 12 было открыто в кв. 85/202-204 и 84/203, южнее описанных выше надмогильных сооружений № 13 и 13а (рис. 9, 67). С северо-востока к нему примыкали надмогильные сооружения № 10 и 11, а с северо-запада — № 14. Оно было расчищено на глубине 18,39 м на юго-западном краю и 18,68 м на северо-восточном и представляло собой каменную конструкцию сходного с описанными выше типа, размерами: по внешнему периметру 2,65×1 м, по внутреннему — 2,1×0,6 м. Сооружение было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 244°) и сложено из тринадцати крупных валунов (0,3—0,5 м). Торцевой камень на юго-западном краю отсутствовал. Торцевой камень на северо-восточном краю был расчищен в кв. 85/204 и имел размеры 0,42×0,36 м.

Погребение № 46

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,33 м на юго-западном краю и 18,37 м на северо-восточном. Яма читалась как нечеткое овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,75 м по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение № 46 было совершено в гробу, фрагменты которого в виде небольших участков древесного тлена сохранились только в районе таза. Гроб имел крышку, поскольку древесная труха была зафиксирована на бедренных костях и бронзовых артефактах. Но его точные размеры установить не представляется возможным.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,17 м (у черепа) и 18,21 м (у костей стоп), ориентирован головой на юго-запад (азимут 244°), череп находился на правом боку (рис. 66, 70). Кости рук были расчищены на тазовых костях — кисть левой руки под правой. Лопатки разрушены, эпифи-

зы локтевых костей разрушены, ключицы и ребра плохой сохранности. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности. Верхние премоляры очень стерты, зафиксирована прижизненная утрата всех нижних моляров. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 40–50 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 71)

1. Поясная гарнитура (рис. 72–1а, б, с, d, е; колл. МАЭ РАН № 7426-86/1-5).

На тазовых костях на глубине 18,24 м была расчищена бронзовая поясная гарнитура, состоящая из пяти основных элементов.

а) На проксимальном конце правой бедренной кости расчищен «сердцевидный» наконечник пояса. На нем сохранились фрагменты дерева (от крышки гроба). Под ним, на кости, — остатки кожаного изделия (пояс) толщиной 1–2 мм (рис. 72–1а).

б) Севернее него, слева от проксимального конца правой бедренной кости, — бронзовое поясное кольцо диаметром 2 см (рис. 72–1б).

в) Севернее него — ременная пряжка фигурной формы с язычком (рис. 72–1с).

г) Справа от проксимального конца левой бедренной кости — кольцо, скрепленное с ременной бляшкой (рис. 72–1d).

д) На проксимальном конце левой бедренной кости — идентичный ременной наконечник, под ним и справа от проксимального конца той же кости — остатки кожаного ремня, состоящие из двух фрагментов кожи, длиной до 3 см, по периметру которых расположены мелкие отверстия (прошивка) (рис. 72–1е).

2. Справа от тазовых костей, между ними и проксимальным концом правой бедренной кости, обнаружен железный нож в ножнах (рис. 72–2; колл. МАЭ РАН № 7426-87). Его общая длина — 14,1 см, длина лезвия — 10 см, ширина — 2 см, толщина — 0,4 см.

Вдоль всего ножа сохранились фрагменты ткани. В местах, где сохранились фрагменты кожаных ножен, они лежали непосредственно под остатками кожи. Под ножом по всей длине были зафиксированы остатки пересохшего и деградировавшего дерева, отличного по цвету и фактуре от древесины рукояти, очевидно остатки днища гроба. В районе рукояти сохранились фрагменты кожи, видимо от ножен. На конце лезвия также сохранились остатки кожаных ножен, на обратной стороне — шов с остатками ниток. Вдоль всего ножа и под ним, а также под элементами ременной гарнитуры расчищены неопределимые остатки органики, перемешанные с жестким длинным волосом темно-коричневого цвета. Волос напоминает мех животного. Вероятно, погребенный был одет в какую-то одежду из меха.

3. При расчистке в лабораторных условиях под тазовыми костями была обнаружена тканевая сумочка, крепившаяся к поясу посредством кожаного ремешка, в которой был крупный отщеп серого кремня — огниво (колл. МАЭ РАН № 7426-88, 89).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,1 м, в ширину — 0,9 м. Ее максимальная глубина была 0,24 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 12, и 0,46 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 47

Надмогильное сооружение (№ 14)

Надмогильное сооружение № 14 было открыто в кв. 85/201-202, южнее описанного выше надмогильного сооружения № 15, параллельно ему (рис. 7, 9). С северо-востока к нему примыкали надмогильные сооружения № 13 и 13а. Конструкция была расчищена на глубине 18,54 м на юго-западном краю и 18,65 м на северо-восточном и частично разрушена на юго-западном краю — отсутствовали торцевой камень и часть примыкающей к нему кладки с обеих сторон. Надмогильное сооружение имело приблизительные размеры: в длину — 1,4 м, в ширину по внешнему периметру — 0,9 м, по внутреннему — 0,5 м. Оно было ориентировано параллельно предыдущим по линии юго-запад — северо-восток (азимут 242°). Сохранившаяся часть была сложена из десяти крупных валунов (максимальной длиной 0,2–0,4 м). Торцевой камень овальной формы, расположенный длинной стороной приблизительно по линии север–юг, на северо-восточном краю был расчищен в кв. 85/202 и имел размеры 0,44×0,2 м. Вероятно, на северном углу данная конструкция частично разрушала юго-восточную стенку сооружения № 15 (над погребением № 18), следовательно, была сделана позднее него.

Погребение № 47

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,21 м на юго-западном краю и 18,32 м — на северо-восточном. С данной глубины она читалась как нечеткое овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1,2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,42 м по линии северо-запад — юго-восток. Заполнение ямы — темный мешанный суглинок с большим количеством мелких камней.

Остатки гроба в виде полос древесного тлена были зафиксированы справа и слева от костяка на глубине 18,1 м (рис. 73). Слева от костяка была расчищена полоса длиной 0,3 м, шириной 0,03 м, толщиной около 0,01 м, начинавшаяся приблизительно у проксимального конца левой бедренной кости и продолжавшаяся до костей стоп. Справа от костяка, на той же глубине, была расчищена полоса древесного тлена длиной 0,15 м, шириной 0,03 м, толщиной около 0,01 м, начинавшаяся у проксимального конца правой бедренной кости и продолжавшаяся приблизительно до дистального конца той же кости. Таким образом, стало возможным определить, по крайней мере, ширину гробовища: она составляла около 0,2 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,12 м (у черепа) и 18,1 м (у костей стоп), ориентирован головой на юго-запад (азимут 242°), лицом обращен на северо-восток (рис. 73, 74). Кости рук были расчищены на тазовых костях. Сохранились почти все кости скелета, в том числе череп с нижней челюстью. Погребенный был ребенок, умерший в возрасте 4–5 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Границы могильной ямы составили: в длину максимально 1,22 м, в ширину — 0,52 м. Максимальная глубина могильной ямы — 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 12, и 0,57 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 48

Погребение № 48 было открыто в 0,55 м к югу от погребения № 47, параллельно ему, в кв. 84-201 и 202 (рис. 73, 74). Какого-либо надмогильного сооружения над ним зафиксировано не было. Более того, данный участок был почти свободен от камней, что было редкостью для данного могильника. На глубине 18,27 м, сразу после снятия дерна, в горизонте крупнозернистого желтого песка были выявлены границы могильной ямы, заполненной мешанной темной супесью. С данной глубины она читалась как овальное пятно, ориентированное по линии северо-восток — юго-запад, размерами около 1,35×0,4 м.

При ее расчистке каких-либо следов гробовища зафиксировано не было.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, на глубине 18,18 м, ориентирован головой на юго-запад (азимут 240°), череп располагался на левом боку (рис. 73, 74). Сохранились фрагменты левых бедренной и большой берцовой костей, правой плечевой, шести ребер. Череп сохранился во фрагментах.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Границы могильной ямы составили: в длину максимально 1,28 м, в ширину — 0,5 м. Ее максимальная была 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 49

Надмогильное сооружение (№ 29)

Надмогильное сооружение № 29 было открыто в кв. 92-93/206-207, на глубине 18,49 м на юго-западном краю и 18,31 м на северо-восточном, и представляло собой каменную конструкцию сходного с описанным выше

типа, но существенно разрушенную (рис. 7, 9). Сохранились лишь часть стенки на северо-восточном краю, сложенная из пяти крупных валунов (максимальной длиной до 0,6 м), и отдельные камни на юго-западном. Вероятно, были перемещены и торцевые камни. Сооружение имело приблизительные размеры: в длину — 2,4 м, в ширину по внешнему периметру — 1,2 м. Оно было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток. Сохранившаяся часть надмогильного сооружения № 14 была сложена из десяти крупных валунов (0,2–0,4 м в поперечнике).

Погребение № 49

После фиксации и удаления камней сохранившейся части надмогильного сооружения № 29 был расчищен горизонт темного мешанного суглинка с примесью камней над погребением № 49. Каких-либо видимых границ могильной ямы выявить не удалось.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад, лицом обращен на северо-восток (азимут 248°) (рис. 11). Череп был раздавлен, сохранились фрагменты правой плечевой, правых локтевой и лучевой, двух бедренных и больших берцовых костей, фрагмент правой тазовой кости, а также четыре поясничных и один грудной позвонки (все зафиксированные позвонки располагались под костями руки). Погребенный был мужчина, умерший в зрелом возрасте.

Как выяснилось в процессе расчистки, погребение № 49 нарушило более раннее захоронение (отдельного номера не получившее, поскольку было полностью в переотложенном состоянии). Вне пределов могильной ямы, в 0,35 м к югу от черепа погребения № 49, у скального выхода, на глубине 17,93 м был расчищен раздавленный череп на правом боку, лицевой частью обращенный на восток. К северо-востоку от погребения № 49 на глубине 17,84 м сохранились фрагменты правой тазовой кости, фрагменты двух бедренных костей без эпифизов, фрагмент правой плечевой кости и два неопределимых фрагмента трубчатых костей. Эти останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 40–50 лет.

Артефакт при погребении (рис. 75)

В центре погребения, на глубине 17,85 м, был обнаружен железный нож (колл. МАЭ РАН № 7426-90). Общая длина изделия — 9,3 см, длина лезвия — 5,5 см, максимальная ширина — 2,1 см, толщина — 0,4 см.

Границы могильной ямы составили: в длину максимально 1,68 м, в ширину — 0,52 м. Ее максимальная глубина была 0,48 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 29, и 0,62 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 50

Надмогильное сооружение (№ 30)

Надмогильное сооружение № 30 было открыто в кв. 95-96/193-194 на глубине 18,74 м на юго-западном краю и 18,48 м на северо-восточном, в 0,35 м к северо-востоку от частично разрушенного надмогильного сооружения № 24, описанного выше (рис. 7, 9). Оно представляло собой каменную конструкцию сходного с описанными выше типа, размерами: по внешнему периметру 2,72×1,2 м, по внутреннему — 1,94×0,8 м, ориентированную по линии юго-запад — северо-восток (азимут 218°). Данное сооружение было сложено из 16 крупных валунов (максимальной длиной 0,3–0,4 м). По размерам выделялись валуны на юго-западном и северо-восточном краях: до 0,42 м и 0,68 м. Северный угол сооружения и частично северо-западная стенка, вероятно, были нарушены позднее.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,15 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1,76 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,64 м по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение № 50

Погребение № 50 было совершено в гробу, сохранившемся в виде узких полос древесного тлена и трухи с обеих сторон костяка и в торцевой части на северо-восточном краю могильной ямы (рис. 69, 76). Лучше сохранилась стенка гроба вдоль левой стороны костяка, начинавшаяся приблизительно от дистального конца левой плечевой кости и продолжавшаяся до района костей стоп, где были расчищены угол гроба и стык продольной и торцевой стенок, в кв. 96/194, на глубине 17,95 м. Длина зафиксированной стенки вдоль левой стороны костяка составила 1,1 м, ширина — до 0,1 м, толщина — до 0,02 м. Торцевая стенка гроба сохранилась, по всей видимости, на всю длину. Ее длина составила 0,31 м, ширина — 0,05 м, толщина — до 0,02 м. С правой стороны костяка сохранилась часть стенки гроба вдоль костей таза и правой бедренной кости длиной 0,41 м. Таким образом, реконструируемые размеры гроба составили в длину 1,6 м, в ширину — до 0,35 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 218°), череп находился на правом боку (рис. 69, 76). Правая рука была согнута в локте, кисть располагалась в верхней части груди, кости левой руки — на поясе. Сохранились фаланги пальцев рук и ног. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности, но зафиксировано отслоение компакты. Левая сторона лицевого отдела и левая теменная кость были частично разрушены; первый верхний моляр слева сгнил, зафиксирована прижизненная утрата первого нижнего моляра слева и, воз-

можно, первого правого моляра. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 30–35 лет.

Артефакт при погребении (рис. 69–I)

С левой стороны черепа, на глубине 18,03 м, была обнаружена одна сложенная серебряная с позолотой серьга в виде знака «?» диаметром 2,7 см с двумя проволочными ограничителями (колл. МАЭ РАН № 7426-91).

С юго-восточного края могильная яма была ограничена скальным выходом или большим валуном, явно не перемещавшимся при совершении захоронения. Ее границы составили: в длину максимально 2,8 м, в ширину — 0,75 м. Максимальная глубина была 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 30, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 51

Надмогильное сооружение (№ 31)

Надмогильное сооружение № 31 было открыто в кв. 87-88/196 и 87/197 на глубине 18,72 м на юго-западном краю и 18,76 м на северо-восточном, в 0,9 м к северо-востоку от надмогильного сооружения № 18 (над погребением № 20), описанного выше (рис. 11). Оно представляло собой каменную конструкцию сходного с описанными выше типа, размерами: по внешнему периметру 2,1×0,9 м, по внутреннему — 1,4×0,4 м, и было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток (азимут 248°). Данное сооружение было сложено из 14 крупных валунов (максимальной длиной 0,3–0,4 м). По размерам выделялись валуны на юго-западном и северо-восточном краях: до 0,6 м и 0,48.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,43 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как слабовыраженное овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 1,4 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,6 м по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение № 51

Погребение № 51 было совершено в гробу, сохранившемся в виде полосы древесного тлена вдоль правой берцовой кости и костей стоп, длиной 0,37 м, шириной 0,1 м, расчищенной на глубине 18,2 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, был ориентирован головой на юго-запад (азимут 248°), лицом обращен на северо-восток (рис. 63). Кости рук были расчищены на костях таза — кости кисти левой руки располагались на костях кисти правой. Ребра, ключицы и лопатки были плохой сохранно-

сти. Череп с нижней челюстью был удовлетворительной сохранности. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 35–45 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

С северного края могильная яма была ограничена скальным выходом. Ее границы составили в длину максимально 2 м, в ширину — 0,66 м. Максимальная глубина — 0,32 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 30, и 0,53 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 52

Погребение № 52 было расчищено в кв. 92/203–204 между восточными краями надмогильных сооружений № 4 и 5 (над погребениями № 7 и 8) (рис. 11). Очевидно, описываемое погребение было совершено позднее. Какого-либо надмогильного сооружения над погребением не зафиксировано.

На глубине 18,2 м был расчищен фрагмент гроба в виде участка древесного тлена размерами 0,2 м в длину и 0,08 м в ширину, зафиксированный на западном краю могильной ямы. Под ним были обнаружены мелкие неопределимые фрагменты костей (очевидно, черепа) и один молочный зуб (моляр).

Погребение было совершено в могильной яме размерами 1,24 м по линии запад–восток и 0,66 м по линии север–юг (приблизительный азимут 257°). Глубина составила 18,01 м от современной поверхности. Костей (за исключением мелких фрагментов черепа) и артефактов в данном погребении обнаружено не было. Исходя из размеров могильной ямы, очевидно, что это было захоронение ребенка.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 53

Надмогильное сооружение (№ 32)

Надмогильное сооружение № 32 было расчищено в кв. 84-85/204-205 (рис. 9, 77). Оно представляло собой выкладку в один ряд из двенадцати крупных (максимальной длиной от 0,3 до 0,6 м) гранитных валунов, ориентированную приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 224°), имевшую максимальные размеры: по внешнему периметру 2,5×1,05 м, по внутреннему — 2×0,6 м. На северо-восточном краю был использован более крупный валун, поверхность которого была расчищена на глубине 18,73 м, не более 0,1 м от уровня современной поверхности. Торцевой камень на юго-западном краю отсутствовал. Внутреннее пространство сооружения было заполнено сероватым мореным суглинком.

Погребение № 53

После графической и фотофиксации надмогильного сооружения № 32 было принято решение попытаться расчистить погребение без удаления

камней для того, чтобы более отчетливо выявить стратиграфическое соотношение всех элементов данного комплекса (рис. 78). Расчистка костяка производилась по площади внутреннего пространства надмогильного сооружения, лишь затем слагающие его камни были удалены.

На глубине 18,31 м на юго-западном краю и 18,26 м на северо-восточном были расчищены остатки гроба в виде полос и отдельных участков древесного тлена. Реконструируемая длина гроба — 1,42 м, ширина на северо-восточном краю — 0,29 м, на юго-западном — 0,27 м. Он был сделан из досок без использования гвоздей и имел крышку, сохранившуюся в виде отдельных древесных волокон поверх черепа, левой бедренной кости и артефактов.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, со сложенными на груди руками, ориентирован головой на юго-запад (азимут 223°) (рис. 78, 79). Череп размещался на правом боку, лицевой частью к юго-востоку. Он был расчищен на глубине 18,32 м. Сохранились фрагменты правых лопатки, лучевой и локтевой костей, обе плечевые кости, два фрагмента ребер, фрагмент левой ключицы, два позвонка, фрагменты левых большой берцовой и бедренной костей, фрагмент тазовой. Погребенный был подросток в возрасте 11–13 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 80)

1. В центральной части могильной ямы, между бедренными костями, была расчищена серебряная биконическая бусина длиной 3,2 см (рис. 80—1а, b; колл. МАЭ РАН № 7426-94).

2. У проксимального конца правой бедренной кости был обнаружен «футляр» для кисти (поясное украшение) длиной 7,2 см, который представлял собой бронзовую трубку с гладкой поверхностью, расширяющуюся книзу (рис. 80—2а; колл. МАЭ РАН № 7426-93/1). Диаметр верхнего отверстия 1,2 см, нижнего — 1,9 см. Верхний край дополнительно оформлен расширением из трех параллельных друг другу валиков, выступающих над остальной гладкой поверхностью изделия. Его нижний край оформлен четырьмя такими валиками. Еще одно расширение из трех валиков есть в центральной части артефакта. Как было выяснено в процессе реставрации, внутри него сохранилась веревка сложного плетения, пропитанная окислами бронзы. К ней же отдельными нитями была привязана тонкая бронзовая иголка длиной 4,5 см (рис. 80—2б; колл. МАЭ РАН № 7426-93/2). В верхней части предмета (имеющей наименьший диаметр) сохранился фрагмент кожаного изделия, между ним и деревянной рукояткой ножа сохранились фрагменты кожи, вероятно, от ножен.

3. Нож железный с остатками деревянной рукояти был найден рядом с «футляром», параллельно ему (рис. 80—3; колл. МАЭ РАН № 7426-92). Общая длина изделия — 13 см, длина лезвия — 9 см, максимальная ширина — 2,3 см, толщина обушка — 0,5 см.

4. В районе стоп, в северо-восточной части могильной ямы, на глубине 18,25 м, был расчищен фрагмент кожаного изделия, возможно обуви, размерами 15,5×5 см, состоящий из двух или трех слоев.

Границы могильной ямы составили: в длину максимально 2,1 м, в ширину — 0,5 м. Максимальная глубина — 0,3 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 32, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 54

Надмогильное сооружение (№ 33)

Надмогильное сооружение № 33 было расчищено в 0,4 м к юго-востоку от сооружения № 32, в кв. 82/205 и 83/206 на глубине 18,68 м (рис. 9, 77). Оно представляло собой выкладку из семнадцати гранитных валунов (максимальной длиной от 0,3 м до 0,4 м). Торцевых камней по краям конструкции обнаружено не было. Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 218°), имевшую максимальные размеры: по внешнему периметру 2,1×0,9 м, по внутреннему — 1,7×0,4 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,4 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,78 м по линии юго-восток — северо-запад.

Погребение № 54

Сразу после удаления валунов, слагавших надмогильное сооружение № 33, и зачистки поверхности могильной ямы стали заметны остатки гроба в виде слабовыраженных отдельных участков древесного тлена или даже гумуса, только по цветности несколько отличавшегося от окружающего грунта. В основном фрагменты крышки и дна гроба сохранились в комплексе бронзовых артефактов в центральной части. Основываясь на их сохранности реконструировать размеры гроба невозможно.

Интересной деталью заполнения могильной ямы было наличие большого количества древесного угля. Не исключено, что погребение было совершено в зимний период, когда существовала необходимость отогревать почву путем разведения костра на месте будущей могильной ямы.

Положение и сохранность костяка

Фрагменты костяка крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке (рис. 79). Сохранились фрагменты длинных костей без эпифизов, а также раздавленный череп во фрагментах, расположенный на

правом боку. По всей видимости, погребенный располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован на юго-запад (азимут 205°), что несколько отличается от ориентировки надмогильного сооружения, но связано, очевидно, с процессом разрушения самого захоронения. Погребенный был ребенок (судя по комплексу артефактов, девочка) в возрасте 9–10 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 81)

1. С левой и правой сторон черепа были расчищены многобусинные кольца (или серьги) сходного найденным в других погребениях могильника типа, но несколько меньших размеров: диаметр стержня — 5,2 см, диаметр восьми бусин — 1,5 см (рис. 81–1, 2; колл. МАЭ РАН № 7426-95, 96). Левое кольцо сохранилось полностью, правое имеет значительные повреждения. Под правым кольцом также были обнаружены человеческие волосы, а под ними — остатки дна гробовища.

2. У нижней челюсти была расчищена отдельно лежащая гладкая серебряная бусина (рис. 81–3; колл. МАЭ РАН № 7426-97).

3. В центральной части могильной ямы было расчищено железное изделие конусовидной формы (рис. 81–4; колл. МАЭ РАН № 7426-99). Данное изделие располагалось несколько выше остального комплекса подвески, описание которой дано ниже, поэтому его связь с ней не вполне ясна. После проведения реставрационных работ выяснилось, что этот предмет длиной 6,3 см был спаян из одной свернутой конусом пластины. Внутри него сохранились фрагменты дерева. Возможно, это наконечник или вток какого-то деревянного изделия, положенного на тело погребенной поверх скрещенных на груди рук.

4. Комплекс украшений в центральной части могильной ямы (рис. 81–5а, б, с, d, e, f; 82):

а) Круглый кольцевидный разделитель ремня, разделенный внутренними перемычками на три сектора, диаметром 2,8 см, округлого сечения дуги диаметром 0,3 см (рис. 81–5а; колл. МАЭ РАН № 7426-98). На нем сохранился фрагмент кожаного ремешка (шириной около 1 см), завязанного в узел, и две нити красного цвета. Эти фрагменты были относительно короткими — не более 1,5 см длиной, но, очевидно, они продолжались изначально от данного разделителя под правой рукой погребенной в восточном наплавлении, и на них крепился комплекс украшений, расчищенный ниже.

б) Под фрагментами лучевых костей зафиксированы два кожаных шнура, оплетенные бронзовыми спиралями, которые проходили через стеклянную бусину из черного непрозрачного стекла с тремя волнистыми белыми линиями (рис. 81–5б; колл. МАЭ РАН № 7426-100/1). Далее они были привязаны к биспиральному бронзовому цепедержателю, который завершал данное поясное украшение (колл. МАЭ РАН № 7426-100/2).

в) Возле цепедержателя было расчищено фрагментированное дисковидное пряслице (грузик?), сделанное из эпифиза кости животного (рис. 81–5с; колл. МАЭ РАН № 7426-100/3).

г) Далее в северо-восточном направлении на том же уровне были расчищены: орнаментированная бронзовая обоймица (рис. 81–5d; колл. МАЭ РАН № 7426–101), бронзовая ременная петля для подвешивания какого-то изделия к поясу (рис. 81–5е; колл. МАЭ РАН № 7426–103), непосредственно под ней — бронзовая полая зооморфная подвеска — конек (рис. 81–5е; колл. МАЭ РАН № 7426–102), завершавшая этот элемент поясного украшения. Причем бронзовая орнаментированная обоймица крепилась на веревку, проходившую сквозь сквозное отверстие в зооморфной подвеске. Соотношение этих артефактов и комплекса, скрепленного с цепедержателем, не совсем ясно. Но вероятно, что все они крепились на ремешках к разделителю ремня или ременной петле и свисали вдоль правого бедра погребенной.

Очевидно, в комплексе данного погребения представлены характерные для могильника Кюлялахти многокомпонентные поясные привески, однако заканчивающиеся не только железными игольниками, как в погребениях № 13 и 30, но и бронзовыми украшениями.

Границы могильной ямы составили: в длину максимально 1,95 м, в ширину — 0,8 м. Максимальная глубина — 0,2 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 33, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 55

Надмогильное сооружение (№ 40)

Надмогильное сооружение № 40 было расчищено в кв. 76/211–213 на глубине 18,46 м (рис. 8, 9). На этом участке раскопа грунт был менее каменистым и представлял собой серый мореный суглинок. Поэтому глубина залегания надмогильного сооружения и самого погребения была несколько большей, чем в других частях раскопа. Поверхность торцевого камня на северо-восточном краю сооружения была расчищена на глубине 0,1 м от современной поверхности.

Надмогильное сооружение № 40 представляло собой выкладку из шестнадцати крупных (максимальной длиной до 0,5 м) гранитных валунов. С юго-западного и северо-восточного краев были выделены торцевые камни. Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 234°), имевшую максимальные размеры: по внешнему периметру 2,5×1,15 м, по внутреннему — 1,8×0,6 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным.

Погребение № 55

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,28 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно

2,2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,88 м по линии юго-восток — северо-запад. В ее заполнении присутствовало большое количество кусков древесного угля.

В центральной части, на глубине 18,09 м, были расчищены две крайне слабовыраженные полосы древесного тлена длиной не более 0,45 м, шириной не более 0,12 м, являющиеся следами гробовища.

Положение и сохранность костяка

Фрагменты костяка крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке (рис. 83). Сохранились фрагменты черепа, а также тлен костей ног. Костяк был ориентирован на юго-запад (азимут 234°). Сохранились массивные фрагменты костей, но пол неопределим. Погребенный был преклонного возраста — 50–60 лет.

Артефакт при погребении (рис. 83–I)

В центральной части могильной ямы был расчищен плетеный многопроволочный серебряный перстень (колл. МАЭ РАН № 7426-104).

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,89 м, в ширину — 0,4 м. Максимальная глубина была 0,25 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 40, и 0,53 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 56

Надмогильное сооружение (№ 45)

Потревоженное надмогильное сооружение № 45 было зафиксировано в кв. 87-88/209 на глубине 18,55 м. Оно представляло собой выкладку из тринадцати средних по размеру (максимальной длиной до 0,4 м) гранитных валунов (рис. 8, 9). Северо-восточный край и юго-восточная стенка сооружения были частично разрушены. Наиболее сохранившимся был юго-западный край с выделенным торцевым камнем, имеющим размеры 0,4×0,3 м. Очевидно, валуны были выложены в один ряд в виде замкнутой конструкции овальной в плане формы, ориентированной приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 216°), размерами по внешнему периметру 2,2×1,1 м, по внутреннему — 1,9×0,5 м.

Погребение № 56

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,19 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как слабовыраженное овальное пятно сероватого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,9 м по линии юго-восток — северо-запад.

После зачистки поверхности могильной ямы стали видны остатки гробовища в виде отдельных участков и полос древесного тлена. Видимо, оно

было сделано из тонких досок без использования гвоздей и имело крышку, поскольку отдельные участки древесного тлена встречались поверх костей. Реконструируемые размеры гробовища: длина около 1,5 м, ширина — 0,4 м.

Положение и сохранность костяка

Фрагменты костяка крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке (рис. 11). Видимо, погребение было совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано головой на юго-запад (азимут 215°). Сохранились фрагменты черепа, а также два фрагмента трубчатых костей, в том числе фрагмент левой бедренной. Погребенный был, вероятно, мужчина в возрасте старше 55 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Приблизительные размеры могильной ямы составили в длину около 2,1 м, в ширину — 0,56 м. Максимальная глубина — 0,15 от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 45, и 0,33 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 57

Надмогильное сооружение (№ 38)

Надмогильное сооружение № 38 было расчищено в кв. 85-86/207-208, на глубине 18,46 м на юго-западном краю и 18,51 м на северо-восточном (рис. 8, 9). Оно представляло собой сходную с описанными выше замкнутую каменную выкладку овальной в плане формы, состоящую из четырнадцати гранитных валунов среднего размера (максимальной длиной до 0,6 м), ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 216°), имевшую, однако, иные размеры, чем предыдущие сооружения: 2,9 м в длину, 1,3 м в ширину. В качестве торцевого камня на северо-восточном краю сооружения был использован скальный останец.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,3 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно серого суглинка размерами приблизительно 1,75 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,8 м по линии юго-восток — северо-запад. В ее заполнении было обнаружено большое количество древесного угля. На глубине приблизительно 0,2–0,25 м от современной поверхности характер заполнения несколько изменился: более светлый суглинок сменился более темным. Границей между ними была тонкая (менее 1 см) прослойка древесного тлена в центральной части могильной ямы, расчищенная, тем не менее, на достаточно большой площади: 1,57×0,73 м (на северо-восточном краю). Вероятно, эта прослойка является следами либо большой крышки единого гроба для двух погребенных, либо своеобразного деревянного перекрытия широкой могильной ямы. Во всяком случае каких-либо следов днища гроба обнаружено не было.

Погребение № 57a

Положение и сохранность костяка

Поскольку в данном комплексе в одной могильной яме были обнаружены два захоронения, они получили отдельные индексы “a” и “b” (рис. 84, 85).

Вдоль юго-восточной стенки могильной ямы располагался костяк плохой сохранности в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на юго-запад (азимут 220°), со скрещенными на тазовых костях руками — кости правой руки расчищены над левой. Череп располагался на глубине 18,22 м и был сильно разрушен. Сохранились длинные кости конечностей на глубине 18,14 м, поясничные позвонки, тазовые кости и крестец, несколько костей стопы и кисти. Погребенный был, вероятно, мужчина в возрасте 45–55 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 86)

С внешней стороны левой бедренной кости рядом друг с другом были расчищены:

1. Железный нож длиной 13,6 см, длина лезвия — 8,5 см, максимальная ширина — 2 см, толщина обушка — 0,4 см (рис. 86–1; колл. МАЭ РАН № 7426-105). Деревянная рукоять сохранилась только в виде пятна древесного тлена.

2. Железное кресало овальной формы (фрагментированное) (рис. 86–2; колл. МАЭ РАН № 7426-106).

3. С внутренней стороны правой плечевой кости была расчищена гладкая сферическая пуговица с ушком диаметром около 1 см (рис. 86–3; колл. МАЭ РАН № 7426-107).

Погребение № 57b

Положение и сохранность костяка

Фрагменты костяка крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке вдоль северо-западной стенки могильной ямы, в вытянутом положении на спине (рис. 84, 85). Костяк ориентирован головой на юго-запад (азимут 219°). Череп был на правом боку на глубине 18,32 м, сильно фрагментирован. Сохранились мелкие фрагменты трубчатых костей левой руки и фрагмент правой тазовой. Погребенной была женщина в возрасте 30–35 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 87)

1. В районе таза был обнаружен пластинчато-щитковый незамкнутый бронзовый перстень. Внутри перстня сохранился фрагмент кости пальца, очевидно, правой руки (рис. 87–1; колл. МАЭ РАН № 7426-108).

2. В 0,15 м к юго-востоку от него, в районе правой плечевой кости, расчищены четыре бронзовые спиральки с остатками ткани внутри длиной 2 см каждая (рис. 87–2; колл. МАЭ РАН № 7426-109).

3. Аналогичный комплекс спиралек расчищен в районе таза (рис. 87-3; колл. МАЭ РАН № 7426-110).

Размеры могильной ямы составили в длину около 2,21 м, в ширину — 1,05 м. Максимальная глубина — 0,15 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 38, и 0,4 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 59

Надмогильное сооружение (№ 37)

Надмогильное сооружение № 37 было расчищено в кв. 83/206-207 на глубине 18,7 м (рис. 8, 11). Оно представляло собой сходную с описанными выше замкнутую каменную выкладку овальной в плане формы, состоящую из четырнадцати гранитных валунов среднего размера (максимальной длиной до 0,4 м), ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 223°), частично поврежденную на юго-западном краю, видимо, при создании надмогильного сооружения № 33. В результате этого повреждения торцевой камень на юго-западном краю конструкции № 37 оказался несколько смещенным к центру сооружения, из-за чего его первоначальные размеры установить затруднительно. Приблизительно данная конструкция имела в длину около 2 м, в ширину — около 1 м.

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,25 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как слабовыраженное овальное пятно сероватого суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,9 м по линии юго-восток — северо-запад.

Погребение № 59

При расчистке заполнения могильной ямы, на ее северо-западном краю, были обнаружены отдельные частично обугленные плахи, расположенные в 0,1–0,15 м над костяком. Наиболее крупная из них имела размеры 0,33×0,06 м. Направление волокон некоторых плах соответствовало общей ориентировке могильной ямы, у других отличалось на более чем 45° как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Вероятно, они происходят от единого куска дерева, случайно попавшего в заполнение при засыпке могильной ямы.

На глубине 18,4 м были зафиксированы остатки гробовища в виде участков и полос древесного тлена (рис. 88, 89). Гробовище было сделано из досок приблизительно 2 см толщиной и имело размеры: 1,7 м в длину, в ширину на юго-западном краю 0,38 м, на северо-восточном, хуже сохранившемся, — 0,24 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, с руками сложенными на груди, ориентирован головой на юго-запад (азимут 223°) (рис. 88, 89). Череп располагался

на правом боку, левая теменная кость разрушена. Позвонки (за исключением двух поясничных) и ребра не сохранились. Погребенный был индивидуум в возрасте 30–40 лет, пол определить не удалось (судя по комплексу артефактов, женщина).

Комплекс артефактов при погребении (рис. 90)

1. В центральной части могильной ямы, у костей левого предплечья, на глубине 18,17 м были расчищены:

а) биметаллический перстень с пластинчатой шинкой, на которую припаяна серебряная верхушка конической формы сечения, происходящая, очевидно, от другого артефакта, но использованная вторично (рис. 90–1а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-114). Внутри перстня сохранилась кость пальца правой кисти (кости пальцев левой кисти сохранились у бронзового разделителя ремня, см. ниже);

б) возле кольца была расчищена раздавленная серебряная бусина с гладкой поверхностью (колл. МАЭ РАН № 7426-115).

2. На костях таза и вдоль бедренных костей был расчищен комплекс поясной гарнитуры с привесками (рис. 82, 90–2, 3а, б; 91):

а) в 0,06 м к северо-востоку от костей левого предплечья был расчищен кольцевидный разделитель ремня круглого сечения, орнаментированный насечками диаметром 3,2 см, диаметр дуги — 0,3 см (рис. 90–2; колл. МАЭ РАН № 7426-116);

б) на него крепились два параллельных друг другу комплекса артефактов, представлявшие собой двойные кожаные ремешки, оплетенные бронзовой проволокой, разделенные на участки длиной около 2 см стеклянными или металлическими бусами (некоторые из них сохранились только в виде порошковидной субстанции белого цвета) (рис. 90–3а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-117, 118);

в) у проксимального конца правой бедренной кости, под левой привеской из спиралей, разделенных бусинами (заканчивающейся цепедержателем), было частично расчищено еще одно бронзовое (ременное?) кольцо диаметром около 2 см (рис. 90–4а; колл. МАЭ РАН № 7426-119), которое оказалось надето на трапецевидный железный артефакт (игольник?) толщиной около 4 мм (рис. 90–4б; колл. МАЭ РАН № 7426-120).

3. К юго-востоку от разделителя ремня были расчищены четыре параллельные друг другу бронзовые спиральки с остатками ткани внутри, каждая длиной около 2 см (рис. 90–5; колл. МАЭ РАН № 7426-123).

4. В процессе расчистки в реставрационной лаборатории выяснилось, что под правой бедренной костью располагался дисковидный свинцовый грузик, аналогичный найденному в погребении № 13 (рис. 90–6; колл. МАЭ РАН № 7426-124).

5. Вдоль проксимального конца правой бедренной кости, с внутренней стороны, был расчищен железный нож с остатками кожаных ножен, окованных по краю узкой железной пластиной, орнаментированной бронзовой рукоятью. Между ремненным разделителем и ножом были отмечены мелкие

фрагменты сильно корродированного железа. Вероятно, ножны крепились к нему посредством железной цепочки (рис. 92а, б, с; колл. МАЭ РАН № 7426-121, 122).

6. Между костями плюсны были расчищены два фрагмента кожного изделия, вероятно обуви, размером 3×3 см каждый.

Из-за чрезвычайно каменистого грунта границы могильной ямы определить было затруднительно. Ее приблизительные размеры составили в длину около 2 м, в ширину — около 0,7 м. Погребение было совершено на глубине 0,25 м от древней дневной поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 37, и 0,5 м от современной поверхности.

Погребение № 60

Погребение № 60 было расчищено в кв. 79-80/207-208 на глубине 18,2 м (рис. 11, 93). Какого-либо надмогильного сооружения над погребением обнаружено не было. После снятия дерна и зачистки по уровню серовато-желтого мореного песка на глубине 0,25 м от современной поверхности была зачищена поверхность могильной ямы, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад (азимут 215°), размерами 0,88 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,24 м по линии северо-запад — юго-восток. Заполнение ямы — слабогумусированный сероватый мореный песок.

В процессе расчистки на северо-восточном краю на глубине 18,12 м были обнаружены очень слабовыраженные следы древесного тлена, видимо от гробовища или колоды.

Положение и сохранность костяка

В юго-западном углу могильной ямы на глубине 18,12 м был обнаружен единичный молочный зуб. Каких-либо иных костей, а также артефактов в погребении обнаружено не было.

Размеры могильной ямы № 60 составили 1,2 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,5 м по линии северо-запад — юго-восток, глубина — 0,35 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 61

Надмогильное сооружение (№ 36)

Надмогильное сооружение № 36 было расчищено в кв. 79-80/206-207 на глубине 18,7 м на юго-западном краю и 18,4 м на северо-восточном (рис. 8, 11). Оно представляло собой замкнутую каменную выкладку овальной в плане формы, при этом в качестве длинной — северо-западной — стенки сооружения была использована юго-восточная стенка надмогильного сооружения № 35, следовательно, рассматриваемая конструкция и находившееся под ней захоронение были сделаны позднее, чем сооружение № 35.

Данная конструкция состояла из одиннадцати крупных гранитных валунов (максимальной длиной до 0,7 м), включая четыре валуна, составлявшие юго-восточную стенку надмогильного сооружения № 35, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 220°), размерами в длину около 2,15 м, в ширину 1,1 м.

Погребение № 61

Поверхность могильной ямы находилась на глубине 18,26 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как слабо-выраженное овальное пятно сероватого суглинка размерами 1,67 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,61 м по линии юго-восток — северо-запад на юго-западном краю и 0,35 м на северо-восточном, то есть имела трапецевидную форму, расширенную на юго-западном краю, в районе верхней части костяка.

На глубине 18,1 м в центральной части могильной ямы были расчищены остатки гробовища в виде слабовыраженных полос древесного тлена. Оно было сделано из тонких досок без использования гвоздей и имело крышку, поскольку некоторые артефакты были частично покрыты древесными волокнами. В центральной части могильной ямы, у северо-западной стенки, остатки крышки гробовища были перекрыты органической субстанцией, вероятно берестой, направление волокон которой было перпендикулярно направлению волокон деревянной крышки. Видимо, гроб был дополнительно обернут в бересту.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, очевидно, в вытянутом положении на спине, был ориентирован головой на юго-запад (азимут 220°), с руками, сложенными на груди, — левая над правой (рис. 93). Положение костей можно было зафиксировать только по направлению полос тлена, слабо читающихся в мореном песке. Череп располагался со смещением на левую теменную кость, лицевой частью к северо-востоку. Не сохранились позвонки, ребра, лопатки, кости стопы. Погребенной была, вероятно, женщина в возрасте 25—35 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 94)

В центральной части могильной ямы на глубине 18,14 м, у северо-западной ее стенки, были расчищены:

1. Бронзовое поясное кольцо диаметром 3,5 см, округлого сечения диаметром 0,5 см, без орнамента (рис. 94—1; колл. МАЭ РАН № 7426-125). На нем сохранился фрагмент кожаного ремешка. Рядом с ним в северном направлении располагались предметы, находившиеся, как можно предположить, в сумочке или мешке, крепившемся к данному кольцу.

2, 3. Две тонкие бронзовые иголки (рис. 94—2, 3; колл. МАЭ РАН № 7426-126, 127).

4. Рядом с ними — четыре параллельные друг другу бронзовые спиральки с остатками ткани внутри, длиной 2 см (расшивка сумки или одежды?) (рис. 94–4; колл. МАЭ РАН № 7426-128).

5. Также аналогичные три бронзовые спиральки были расчищены в 0,1 м к северо-востоку от кольца, ближе к центру могильной ямы (рис. 94–5; колл. МАЭ РАН № 7426-129).

6. «Сердцевидная» бронзовая подвеска располагалась с противоположной — северной — стороны от бронзового кольца (рис. 94–6; колл. МАЭ РАН № 7426-130).

После снятия данной группы предметов непосредственно под ними была расчищена тонкая прослойка трудноопределимой органической субстанции, возможно, бересты. Под ней — древесный тлен, очевидно, остатки дна гробовища.

7. Чуть южнее этой группы предметов был расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти, лежащий параллельно направлению стенки могильной ямы (рис. 94–7; колл. МАЭ РАН № 7426-131). Общая длина изделия — 10,6 см, длина лезвия — 6 см, максимальная ширина — 1,8 см, толщина обушка — 0,3 см.

8. Рядом с ним — железное кресало очень плохой сохранности.

9. В центральной части могильной ямы на той же глубине расчищена фрагментированная серебряная бусина. Под ней — древесный тлен, видимо, остатки днища.

10. Аналогичная серебряная бусина во фрагментах обнаружена в юго-западной части могильной ямы, в районе грудной клетки.

Размеры могильной ямы составили: в длину около 1,9 м, в ширину — 0,65 м на юго-западном краю и 0,45 м на северо-восточном. Ее максимальная глубина — 0,25 м от уровня древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 37, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 62

Надмогильное сооружение (№ 42)

Надмогильное сооружение № 42 было в кв. 84/204, в 0,2 м к северо-западу от северо-западной стенки надмогильного сооружения № 32 (над погребением № 53) на глубине 18,4 м (рис. 8, 9). Оно представляло собой сходную с описанными выше замкнутую каменную выкладку овальной в плане формы, но значительно меньших размеров: по внешнему периметру в длину — около 1,2 м, в ширину — около 0,5 м, по внутреннему в длину — 0,7 м, в ширину — 0,4 м. Северо-западная стенка конструкции была разрушена. Она была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (азимут 242°), параллельно надмогильному сооружению № 32, смыкаясь с ним.

Погребение № 62

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,4 м (рис. 11, 88). Ее приблизительные размеры составили: по линии северо-восток — юго-запад 0,88 м, северо-запад — юго-восток 0,25 м. Заполнение — слабогумусированный сероватый мореный песок.

При расчистке заполнения в центральной части могильной ямы на глубине 18,35 м был обнаружен фрагмент колоды в виде узкой полосы слабо-выраженного древесного тлена длиной около 0,04 м.

Костей и артефактов в могильной яме № 62 обнаружено не было. Очевидно, это захоронение ребенка в возрасте до 1 года.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину — около 1 м, в ширину — около 0,5 м, в глубину — не более 0,1 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 42, и 0,25–0,3 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 63

Надмогильное сооружение (№ 34)

Надмогильное сооружение № 34 было расчищено в кв. 81-82/205-206, между надмогильными сооружениями № 33 и 35, составив единый ряд с ними, на глубине 18,7 м (рис. 8, 9). Оно представляло собой сходную с описанными выше замкнутую каменную выкладку овальной в плане формы, состоящую из двенадцати валунов (максимальной длиной до 0,4 м). Размеры сооружения: по внешнему периметру в длину 2,3 м, в ширину — 0,9 м, по внутреннему в длину 1,6 м, в ширину — 0,5 м. Внутреннее пространство сооружения оставалось свободным. Его юго-западный и северо-восточный края были отмечены более крупными по размеру гранитными валунами (максимальной длиной до 0,6 м). Ориентирована конструкция была по линии северо-восток — юго-запад (азимут 225°).

Погребение № 63

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,35 м и представляла собой пятно слабогумусированного сероватого песка вытянутой по линии северо-восток — юго-запад формы. Его приблизительные размеры составили: по линии северо-восток — юго-запад 2,1 м, северо-запад — юго-восток 0,6 м.

На глубине 18,3 м в центральной части могильной ямы были расчищены остатки гробовища в виде пятна древесного тлена размерами 0,27×0,2 м (рис. 95). Гробовище было сделано из тонких досок без использования гвоздей, имело крышку, поскольку на правой бедренной кости и серебряной бушине в центре могильной ямы сохранились следы древесного тлена.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, на глубине 18,26–18,2 м, в вытянутом положении на спине, ориентирован

головой на юго-запад (азимут 220°), со сложенными на груди руками — левая над правой (рис. 95). Череп располагался на затылочной кости, с небольшим отклонением к левой теменной кости. Сохранились ключицы, фрагмент крестца, тазовые кости, а также длинные кости (за исключением костей стоп). Погребенной была женщина в возрасте 35–45 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 96)

1. В центральной части могильной ямы, у костей правого предплечья, на глубине 18,2 м была расчищена орнаментированная бронзовая Ф-образная пронизка длиной 6,2 см, диаметром 1,2 см (рис. 96–1; колл. МАЭ РАН № 7426-132/1). К каждому из «ушек» пронизки за кольцевидные окончания крепились бронзовые подвески: с правой стороны «∞»-образная подвеска, каждое из колец которой развернуто перпендикулярно друг другу, с левой — сходная подвеска, только завершающаяся «клешневидным» окончанием.

Сверху на данном комплексном артефакте сохранилась ткань и, вероятно, береста. Под ним — большой фрагмент бересты: по всей видимости, тело погребенной было дополнительно завернуто в бересту или покрыто ею сверху, также берестой было выстлано днище гроба. Данный комплекс был извлечен монолитом, и дальнейшая расчистка продолжилась в лабораторных условиях. Было выяснено, что большая Ф-образная пронизка помещалась в тканевый мешочек или чехол, хорошо сохранившийся под ней. При этом через ее сквозное отверстие был пропущен кожаный шнур, видимо, посредством которого она крепилась к поясу или несохранившемуся элементу верхней одежды, за другой конец которого был привязан хорошо заметным узлом пластинчатый бронзовый перстень диаметром 2,3 см (колл. МАЭ РАН № 7426-132/2).

2. Гладкая серебряная бусина диаметром 1,7 см была расчищена в центральной части захоронения, левее костей нижнего отдела позвоночника (рис. 96–2; колл. МАЭ РАН № 7426-133). На ней сохранились остатки дерева, вероятно, от крышки гробовища. Внутри нее, в сквозном отверстии, сохранилась тонкая веревка. Очевидно, изделие использовалось в качестве пуговицы.

3. Аналогичная серебряная бусина (пуговица) была обнаружена под нижней челюстью погребенной (рис. 96–3; колл. МАЭ РАН № 7426-134).

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,6 м, в глубину 0,15 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 42, и 0,6–0,5 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 64

Надмогильное сооружение (№ 39)

Надмогильное сооружение № 39 было расчищено в кв. 82-83/207-208 на глубине 18,6 м (рис. 8, 9). Оно представляло собой выкладку в один ряд из тринадцати гранитных валунов среднего размера (максимальной длиной

до 0,4 м) овальной в плане замкнутой формы, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 234°), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру 2,2×1 м, по внутреннему — 1,6×0,5 м.

Юго-западный край сооружения, вероятно, был частично нарушен при создании надмогильной конструкции № 34, в результате торцевой камень был перемещен, следовательно, рассматриваемое сооружение было сделано несколько ранее. Северо-восточный край сооружения не был потревожен и примыкал к высокому скальному выходу в центре раскопа.

Погребение № 64

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,35 м и представляла собой слабовыраженное пятно слабогумусированного сероватого песка вытянутой по линии северо-восток — юго-запад формы (рис. 88). Ее приблизительные размеры составили: по линии северо-восток — юго-запад 1,8 м, северо-запад — юго-восток 0,65 м.

Погребение было совершено в гробовище, его следы сохранились только в виде мелких участков древесного тлена на черепе и под ним, из чего следует, что гроб имел аналогичную другим обнаруженным в данном могильнике конструкцию — был сделан из тонких досок без использования гвоздей и имел крышку.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 245°) (рис. 88). Череп находился на затылочной кости, лицевая часть разрушена. Сохранились фрагменты костей левой руки, бедренных и тазовых костей, а также один шейный позвонок. Погребенной была женщина в возрасте 30–40 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 97)

1. Серебряная кольцевидная пластинчатая фибула (диаметр 4,6 см) с дугами, соединенными мотивом рукопожатия, была обнаружена в районе грудной клетки, на глубине 18,17 м (рис. 97–1а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-135).

На костях таза были расчищены:

2. Бронзовое поясное кольцо диаметром 3,3 см, округлое в сечении, диаметр — 0,4 см. На нем в двух местах сохранились фрагменты кожаного ремня (рис. 97–2; колл. МАЭ РАН № 7426-136).

3. Четыре параллельные друг другу спиральки с остатками ткани внутри длиной 2 см (рис. 97–3; колл. МАЭ РАН № 7426-137).

4. Такие же спиральки (расшивка одежды) были расчищены у правой бедренной кости, с ее внутренней стороны (рис. 97–4; колл. МАЭ РАН № 7426-138).

5. Железный нож с сохранившимися фрагментами деревянной рукояти на черешке был расчищен с внешней стороны правой бедренной кости (рис. 97–5;

колл. МАЭ РАН № 7426-139). Общая длина изделия — 15 см, длина лезвия — 9,5 см, максимальная ширина — 2 см, толщина обушка — 0,5 м.

Размеры могильной ямы составили: в длину 1,75 м, в ширину 0,65 м, в глубину 0,25 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 42, и 0,6 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 65

Надмогильное сооружение (№ 44)

Частично разрушенное надмогильное сооружение № 44 было расчищено в кв. 89-90/207, на глубине 18,3 м (рис. 8, 9). Оно представляло собой выкладку в один ряд из девяти гранитных валунов среднего размера (максимальной длиной до 0,4 м) овальной в плане замкнутой формы, поврежденную с северо-восточного и юго-западного краев, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 230°). Размеры сооружения по внешнему периметру 2,1×1 м. Видимо, оно было повреждено при создании надмогильного сооружения № 38 (над парным захоронением № 57a и b).

Погребение № 65

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,3 м. Она представляла собой пятно сильногумусированного темно-серого суглинка вытянутой по линии северо-восток — юго-запад формы. Ее приблизительные размеры составили: по линии северо-восток — юго-запад 1,8 м, северо-запад — юго-восток — 0,7 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 230°), с руками, сложенными на груди (рис. 98). При этом все кости левой руки расположены практически параллельно друг другу. Кости позвоночника, ребра, левая лопатка и ребра (за исключением двух правых) не сохранились. Погребенный был мужчина в возрасте 40–50 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 99)

1. У проксимального конца левой бедренной кости был расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 99–1; колл. МАЭ РАН № 7426-140). Общая длина изделия — 14,5 см, длина лезвия — 9 см, максимальная ширина — 2,1 см, толщина обушка — 0,5 см. Деревянная рукоять сохранилась в виде трухи вдоль черешка и внутри нижней оковки ножа диаметром 2 см. На оковке заметны полностью минерализованные фрагменты изделия из органического материала, очевидно кожаных ножен.

2. У рукояти ножа — железное кресало овальной формы с прямыми торцевыми краями длиной 6,3 см, максимальной шириной 2,5 см (рис. 99–2; колл. МАЭ РАН № 7426-141).

3. Между кресалом и бедренной костью был расчищен кожаный кошелек или сумка размерами 6×5 см, которая оказалась раскрытой, поэтому стало возможным уже в поле расчистить внутри нее отдельный зуб, принадлежащий взрослому человеку, на котором отчетливо видны зеленоватые окислы от другого лежащего в кошельке предмета. Также внутри кошелька было заметно порошковидное вещество желтого цвета, предположительно сера. Возможно, бронзовый предмет — маленький сосуд, в котором содержалась сера (колл. МАЭ РАН № 7426-142).

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину 1,9 м, в ширину 0,7 м (с некоторым сужением в центральной части до 0,45 м), в глубину 0,1 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 42, и 0,4 м от современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 66

Надмогильное сооружение (№ 43)

Частично разрушенное надмогильное сооружение № 43 было расчищено в кв. 88-89/206 на глубине 18,45 м (рис. 8, 9). Оно представляло собой выкладку в один ряд из десяти небольших гранитных валунов (максимальной длиной до 0,25 м) овальной в плане замкнутой формы, расположенную параллельно сооружению № 44, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад (азимут 222°). Размеры сооружения: по внешнему периметру 1,6×0,7 м, по внутреннему — 1,1×0,45 м. Его северо-западная и юго-восточная стенки были, видимо, повреждены в процессе функционирования могильника, а слагавшие их камни перемещены. На юго-западном и северо-восточном краях были использованы более крупные валуны (до 0,3 м).

Погребение (?) № 66

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,37 м. Она представляла собой пятно сильногумусированного темно-серого суглинка вытянутой по линии северо-восток — юго-запад формы. Ее приблизительные размеры составили: по линии северо-восток — юго-запад 0,55 м, северо-запад — юго-восток 0,3 м.

Костей и артефактов в яме не было обнаружено (рис. 98). Очевидно, здесь было совершено погребение грудного младенца, над которым, тем не менее, было сделано надмогильное сооружение.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 67

Надмогильное сооружение (№ 35)

Надмогильное сооружение № 35 было расчищено в кв. 80-81/205-206 на глубине 18,71 м, между надмогильными сооружениями № 34 и 36 (рис. 8, 9).

Оно представляло собой сходную с описанными выше выкладку из пятнадцати крупных (максимальной длиной от 0,4 м до 0,6 м) гранитных валунов. Валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 227°), имевшую максимальные размеры: по внешнему периметру 2,6×1,1 м, по внутреннему — 1,7×0,55 м. На юго-западном и северо-восточном краях располагались торцевые камни более крупного, чем остальные, размера — до 0,6 м.

Погребение № 67

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,33 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2,2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии юго-восток — северо-запад.

В процессе расчистки заполнения могильной ямы были прослежены остатки гробовища в виде очень слабовыраженных пятен древесного тлена, сохранившиеся на северо-восточном краю. Реконструировать его размеры не представлялось возможным.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке на глубине 18,08 м, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 227°) (рис. 95). Кости кистей были расчищены на костях таза. Череп располагался на левом боку. Кости позвоночника, ребра, правая лопатка (за исключением трех левых, на которых была застежка-образок) не сохранились. Погребенный был, предположительно, мужчина, умерший в возрасте 35–45 лет

Комплекс артефактов при погребении (рис. 100)

1. В районе грудной клетки, у проксимального края костей левого предплечья, была обнаружена серебряная застежка, состоящая из двух элементов: собственно петли круглой формы, диаметром около 1 см, на котором имеется прорезное изображение, и ушка (рис. 100—1а, b, c; колл. МАЭ РАН № 7426-143/1, 2). Ушко для крепления сделано не сверху, как у подвесок, а с правого бока. Второй частью был серебряный крючок, украшенный розетковидным элементом. То есть данный артефакт служил своего рода застежкой — типа аграфы (?), скреплявшей ворот или полы одежды. Под данным предметом сохранились фрагменты ребер и, вероятно, текстиля.

2. У проксимального конца правой бедренной кости был расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 100—2; колл. МАЭ РАН № 7426-144). Общая длина изделия — 15,6 см, длина лезвия — 8,2 см, максимальная ширина — 2,2 см, толщина обушка — 0,5 см. По форме он несколько отличается от других в погребениях могильника Кюлялахти. Здесь очевиден иной переход от лезвия к черешку: плавный в верхней грани и уступом

в нижней, максимальная ширина черешка также несколько большая, чем у других ножей.

Фрагменты деревянной рукояти сохранились на черешке в виде отдельных участков древесных волокон.

3. Чуть выше ножа, в районе таза, были расчищены две стандартные для данного могильника расшивки одежды в виде четырех параллельных друг другу бронзовых спиралек длиной около 2 см каждая, внутри которых сохранились фрагменты текстиля (красноватого и зеленоватого цветов) (рис. 100—3, 4; колл. МАЭ РАН № 7426-145, 146). Расположены обе расшивки под острым углом друг к другу.

4. Рядом с ними на том же уровне была найдена маленькая бронзовая «обоймица» (рис. 100—5; колл. МАЭ РАН № 7426-147).

5. Гладкая серебряная бусина диаметром 1,2 см была найдена возле нижней челюсти (рис. 100—6; колл. МАЭ РАН № 7426-148).

6. Такая же бусина расчищена между проксимальными концами бедренных костей, ближе к левой кости (рис. 100—7; колл. МАЭ РАН № 7426-149).

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,7 м, в глубину 0,4 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 35, и 0,6 м от современной поверхности.

Погребение № 68

Погребение новорожденного (в возрасте до 0,5 года) № 68 было открыто в кв. 84/206-207 на глубине 18,23 м (рис. 11). Какого-либо надмогильного сооружения над погребением не было. Оно было совершено в могильной яме размерами около 1,15 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,6 м по линии северо-запад — юго-восток. Яма имела овальную форму, вытянутую по линии северо-восток — юго-запад. Ее заполнение в виде слабогумусированного мореного песка читалось с уровня 18,3 м.

Погребение было совершено в деревянной колоде, выдолбленной из единого бревна. Фрагмент колоды хорошо сохранился в северо-восточной части могильной ямы на глубине 18,28 м. Его размеры составили: в длину 0,11 м, в ширину 0,15 м и в толщину 0,075 м. В юго-восточной части могильной ямы на глубине 18,22 м сохранились фрагменты черепа. Погребенный был ориентирован головой на юго-запад (азимут 220°).

Артефакт при погребении

В центральной части могильной ямы на глубине 18,23 м была расчищена гладкая серебряная бусина диаметром около 1 см (колл. МАЭ РАН № 7426-150).

Глубина могильной ямы от современной поверхности составила 0,3 м.

Погребение № 69

Погребение № 69 было расчищено в кв. 77-78/210-211 на глубине 18,17 м (район черепа) и 18,05 м (район берцовых костей) (рис. 11, 101).

Какого-либо надмогильного сооружения над ним не было. Погребение совершено в могильной яме размерами около 1,85 м по линии северо-запад — юго-восток и 0,85 м по линии северо-восток — юго-запад. Яма имела овальную форму, вытянутую по линии северо-запад — юго-восток. Ее заполнение в виде слабогумусированного мореного песка с большой примесью мелких камней и гравия читалось приблизительно с уровня 18,35 м. Могильная яма прорезала более раннее сооружение, состоявшее из выкладки в два—три слоя небольших камней вокруг естественного скального выхода в восточной части раскопа. Этими же камнями могильная яма и была частично засыпана после совершения захоронения, что напоминает ситуацию с погребением № 36.

К северу от черепа были расчищены слабовыраженные следы древесного тлена, возможно, от гробовища. Его размеры и форму установить не представлялось возможным.

Положение и сохранность костяка

Фрагменты костяка крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке (рис. 101). Погребение было совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано головой на северо-запад (азимут 302°). Разрушенный череп находился на правом боку, лицевой частью на юго-восток. Левая теменная кость и лицевой отдел также разрушены. Сохранились правые бедренная и большая берцовая кости без эпифизов, а также фрагменты левой бедренной кости. Пол погребенного установить не представляется возможным, возраст приблизительно 50—60 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Глубина могильной ямы от современной поверхности составила 0,35 м.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 70

Надмогильное сооружение (№ 41)

В кв. 77-78/206-207 на глубине 18,56 м, было расчищено частично сохранившееся надмогильное сооружение № 41 (рис. 8, 9). Его юго-западный край был разрушен, видимо, в позднейшее время, поскольку здесь, в пониженной части холма, проходила грунтовая дорога, ведущая на край мыса Калмистониemi. Следы этой дороги читаются до настоящего времени.

Сооружение представляло собой схожую с описанными выше выкладку из десяти валунов среднего размера (максимальной длиной до 0,4 м). Валунны были выложены в один ряд в виде замкнутой конструкции овальной в плане формы, ориентированной приблизительно по линии северо-восток — юго-запад (азимут 246°), имевшей реконструируемые размеры 1,9×0,7 м. Ориентировка сооружения несколько отличалась от соседнего, расположенного ближе к центру ряда погребальных комплексов. На северо-восточном краю располагался торцевой камень более крупного, чем остальные, размера — до 0,6 м.

Погребение № 70

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,21 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как слабовыраженное овальное пятно сероватого гумусированного суглинка размерами приблизительно 2,3 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии юго-восток — северо-запад.

В центральной части могильной ямы были прослежены крайне слабо-выраженные следы древесного тлена. Не исключено, что погребение было совершено в гробовище.

Положение и сохранность костяка

Костяк хорошей сохранности находился в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 244°), с расположенными вдоль тела руками, на глубине 17,98 м (у костей черепа) (рис. 102). Не сохранились только кости стопы, а также малые берцовые кости. Лопатки были фрагментированы. Череп располагался на правом боку. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 45–55 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 688 ± 25 BP; 1270–1309, 1361–1387 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (SPB-145) (рис. 129–SPB-145).

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,2 м, в ширину 0,65 м, в глубину 0,25 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 35, и 0,5 м от современной поверхности.

Погребение № 71

На площади кв. 78-79/205-207, на глубине 18,45–18,55 м, было расчищено скопление мелких камней, расположенных в один слой в горизонте серого гумусированного мореного песка (рис. 9). Определенной структуры они не образовывали. Вероятно, камни являлись остатками более раннего сооружения в виде сплошной каменной вымостки, разрушенной в процессе функционирования могильника. После их фиксации и снятия были зачищены поверхности двух могильных ям, содержащих захоронения № 71 и 72.

Погребение № 71 было совершено в могильной яме, поверхность которой зафиксирована на площади кв. 78/205-206, на глубине 18,25 м. С данной глубины она читалась как слабовыраженное овальное пятно сероватого гумусированного суглинка размерами приблизительно 2,1 м по линии запад–восток и 0,75 м по линии север–юг. В ее заполнении было встречено большое количество мелких валунов и гравия.

Погребение было совершено в гробовище, сохранившемся в виде отдельных полос древесного тлена вдоль северной стенки могильной ямы. Гробовище было сделано из тонких досок без использования гвоздей. Возможно, оно имело крышку, поскольку отдельные древесные волокна были расчищены поверх серебряной бусины при погребении.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад (азимут 258°) (рис. 102). Разрушенный череп находился на левом боку. Сохранились бедренные и правая берцовая кости без эпифизов. На черепе зафиксирован след прижизненной (зажившей) травмы. Пол погребенного установить не представляется возможным, возраст — 50–60 лет.

Артефакт при погребении (рис. 103)

У нижней челюсти, в районе шейного отдела позвоночника была расчищена крупная серебряная с позолотой бусина — пуговица (?) — с прочеканным орнаментом в виде косых линий, аналогичная найденной в погребении № 53, но более крупная (рис. 103—1а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-151).

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,2 м, в ширину 0,75 м, в глубину 0,35 м от современной поверхности.

Погребение № 72

Погребение № 72 было совершено в могильной яме, поверхность которой зафиксирована на площади кв. 79/204-205, на глубине 18,15 м (рис. 11, 102). С данной глубины она читалась как слабовыраженное овальное пятно сероватого гумусированного суглинка размерами приблизительно 2 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток. Юго-западный край ямы был частично разрушен старой грунтовой дорогой. В ее заполнении было встречено большое количество мелких валунов и гравия.

Каких-либо следов гробовища не было обнаружено.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 241°), со сложенными на груди руками (рис. 102). Череп практически не сохранился, за исключением нижней челюсти и фрагмента верхней. Сохранились кости позвоночника, фрагменты лопаток и ребер, плечевые кости, фрагменты тазовых костей, длинные кости конечностей (за исключением левой локтевой) и кости предплюсны правой стопы.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,75 м, в глубину 0,3 м от современной поверхности.

Погребение № 76

Погребение № 76 было расчищено в юго-восточной части раскопа, в кв. 77/207-208 на глубине 17,95 м (рис. 11). На этой площади под дерном, на глубине от 18,5 м до 18,3 м, были расчищены отдельные гранитные валу-

ны среднего размера (максимальной длиной до 0,45 м), не составлявшие какой-либо выраженной надмогильной конструкции. Поверхность могильной ямы была зафиксирована в виде пятна сероватого гумусированного суглинка овальной формы размерами около 2 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,55 м по линии северо-запад — юго-восток, вытянутого по линии северо-восток — юго-запад. В его заполнении было встречено большое количество мелких камней и гравия.

Положение и сохранность костяка

Кости крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке на глубине 17,95 м. Погребенный был расположен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад с большим отклонением к югу (азимут 214°) (рис. 11). Сохранились фрагменты черепа, расположенного на правом боку, без лицевого отдела и челюсти. Сохранились также фрагменты диафизов бедренных костей. Погребенный был ребенок в возрасте 10–12 лет.

Размеры могильной ямы составили: в длину 1,9 м, в ширину 0,5 м, в глубину 0,35 м от современной поверхности.

Погребение № 77

Погребение № 77 было расчищено в кв. 75/207-208, на глубине 17,8 м (рис. 11). Какого-либо надмогильного сооружения, даже скопления отдельных камней, над погребением обнаружено не было. На глубине 17,85 м, между отдельными крупными валунами и скальными выходами, была расчищена поверхность могильной ямы в виде слабовыраженного пятна сероватого гумусированного суглинка овальной формы размерами около 1,2 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,4 м по линии северо-запад — юго-восток, вытянутого по линии северо-восток — юго-запад. В его заполнении было встречено большое количество мелких камней и гравия.

Положение и сохранность костяка

Кости практически не сохранились. Но, очевидно, погребенный был ориентирован головой на юго-запад (приблизительный азимут 234°). В юго-западной части могильной ямы зафиксированы фрагменты черепа с нижней челюстью крайне плохой сохранности. Погребенный был индивидуум в возрасте 18–20 лет, пол определить не удалось.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину 1,2 м, в ширину 0,5 м, в глубину 0,35 м от современной поверхности.

Раскоп I. Участок 2

(Погребальные комплексы № 58, 73 и 74)

В процессе проведения работ на могильнике Кюлялахти в 2007 году, в кв. 94/202 на глубине 18,43 м было расчищено основание известнякового креста, фрагменты которого были обнаружены в 2006–2007 годах вокруг

скального останца в центре площадки, занимаемой могильником [Шахнович, Бельский 2009: 177–186]. Данный участок был изучен одним из последних, а часть основания уходила за пределы раскопа, поэтому было принято решение не извлекать его, а оставить на месте до следующего года, проводя необходимую фиксацию. Такое решение было обусловлено тем, что, по всей видимости, основание креста было использовано при возведении очередного надмогильного сооружения. Оно представляло собой узкий и длинный гранитный камень, может быть, специально подтесанный с краев (рис. 104). В его центре имелось сквозное отверстие овальной формы, параллельное граням камня, размерами 0,2×0,09 м. Именно его наличие дало основание определить данный камень как основание креста.

Для того чтобы полностью изучить данный участок, к площади раскопа 2007 года была сделана прирезка площадью 6 кв. м, получившая координаты 93-95/202-204.

После нивелировки поверхности и снятия дерна мощностью не более 0,1 м в кв. 93-94/203 на глубине 18,37 м были расчищены шесть относительно крупных (до 0,35 м) гранитных валунов, расположенных по линии север–юг. Отчетливого надмогильного сооружения прослежено не было (рис. 9). Вероятно, валуны являются остатками значительно разрушенного надмогильного сооружения и были перемещены в процессе функционирования могильника.

После их фиксации и удаления в кв. 93-94/202-203 на глубине 18,1 м были зачищены поверхности двух могильных ям.

Погребение № 58

Могильная яма № 58 с данной глубины была прослежена в виде пятна темно-серого гумусированного мореного песка овальной формы размерами 0,21 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,6 м по линии северо-запад — юго-восток. В процессе расчистки заполнения могильной ямы № 58 на ее северо-восточном краю на глубине 18,05 м были выявлены остатки гробовища в виде двух почти перпендикулярных друг другу полос древесного тлена шириной 1–1,5 см, длиной 0,3 м (вдоль юго-восточной стенки могильной ямы) и 0,25 м (вдоль северо-восточной стенки). Гробовище было сделано из тонких досок без использования гвоздей. Видимо, имело крышку и днище, поскольку пятна древесного тлена были обнаружены под скоплением артефактов.

Положение и сохранность костяка

Погребение было нарушено (рис. 105). Костяк располагался в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 220°), на глубине 18,07 м. Череп находился лицевой частью к северо-востоку. Сохранились кости правой руки, согнутые в локте в сторону погребения № 73. Сохранились правая тазовая кость и кости правой ноги (включая стопу), а также левая плечевая кость, три фрагмента ребер, фрагмент лопатки, три шейных позвонка, фрагмент правой ключицы и верхний эпифиз левой локтевой. Погребенной была женщина в возрасте 50–60 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 106)

1. У проксимального конца правой бедренной кости на глубине 18,03 м был расчищен крупный «∞»-образный бронзовый артефакт (разделитель пояса?), на нем сохранилось несколько нитей красного цвета (рис. 106—1; колл. МАЭ РАН № 7426-111).

2. Непосредственно под ним в пятне органики (следы одежды?) была расчищена Ф-образная бронзовая пронизка, через отверстие в которой был пропущен кожаный шнурок, оплетенный бронзовыми спиралями, сохранившимися с обеих торцевых сторон пронизки. У западного «ушка» пронизки сохранились фрагменты текстиля (колл. МАЭ РАН № 7426-112/1).

3. Далее, к юго-востоку от нее, находилась зонная бусина темно-красного цвета (рис. 106—2а; колл. МАЭ РАН № 7426-112/3).

4. Возле бусины — вторая бронзовая Ф-образная пронизка (другого типа) (рис. 106—2б; колл. МАЭ РАН № 7426-112/2).

5. С противоположного торцевого края второй пронизки была обнаружена гладкая стеклянная бусина из черного глухого стекла, инкрустированная тремя волнистыми белыми линиями (рис. 106—2с; колл. МАЭ РАН № 7426-112/4).

Очевидно, данные артефакты составляют единый набор украшений, типологически схожий с обнаруженными в некоторых других погребениях данного могильника. Комплекс, крепившийся к поясу или поясному разделителю, состоял из оплетенного тонкой бронзовой проволокой ремешка (ремешков), пропущенного через бронзовые пронизки и бусы.

6. На поверхности правой бедренной кости обнаружена маленькая гладкая серебряная бусина с ушком (рис. 106—3; колл. МАЭ РАН № 7426-113).

Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод, что погребение № 58 среди двух других, расположенных рядом (№ 73 и 74), было наиболее древним, потревоженным при совершении последующих захоронений.

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,6 м (на юго-западном краю) и 0,4 м (на северо-восточном краю), в глубину 0,5 м от современной поверхности.

Погребение № 73

Погребение № 73 было расчищено к югу от юго-западного края могильной ямы № 58, в кв. 93/202-203 на глубине 18,2 м (рис. 105). Оно частично разрушило юго-восточную стенку могильной ямы № 58, следовательно, было совершено позднее. Погребение было совершено в могильной яме размерами 0,8 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,2 м по линии северо-запад — юго-восток, читавшейся с глубины 18,17 м как слабовыраженное пятно гумусированного мореного песка.

Погребение было совершено в колоде, сохранившейся в виде полосы древесного тлена длиной 0,6 м, шириной 0,1 м в центральной части захоронения, расчищенной на глубине 18,18 м. Кости плохой сохранности располагались в анатомическом порядке. Погребение ориентировано на юго-

запад (азимут 239°). Сохранились только фрагменты черепа с нижней челюстью.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Глубина могильной ямы от современной поверхности составила 0,4 м.

Погребение № 74

Погребение № 74 было расчищено к северо-востоку от погребения № 58 в кв. 93-94/202-203 на глубине 17,9 м (рис. 105). Оно было совершено в относительно глубокой могильной яме, проявившейся в виде пятна темного гумусированного суглинка на глубине 18,16 м, размерами 2 м по линии северо-восток — юго-запад и 0,5 м по линии северо-запад — юго-восток. В процессе расчистки в северо-восточной части могильной ямы на глубине 18,1 м, в районе левой плечевой кости костяка № 74, были обнаружены два фрагмента отдельной левой бедренной кости. Очевидно, эта кость относилась к костяку № 58 и была переотложена в процессе совершения погребения № 74, то есть данное погребение, согласно стратиграфическим наблюдениям, было совершено позже погребения № 58.

В процессе расчистки заполнения могильной ямы № 74 на глубине 18,05 м было выявлено хорошо сохранившееся гробовище в виде практически сплошного горизонта древесной трухи, покрывавшей костяк. Оно имело размеры в длину 1,76 м, в ширину 0,37 м на северо-восточном краю и 0,45 м — на юго-западном. Также сохранилась в полную высоту северо-восточная торцевая стенка гробовища, ее высота составила 0,18 м. Это единственный случай такой хорошей сохранности среди открытых погребений данного могильника. Толщина стенок гробовища составила 0,05 м. Оно было сделано без использования гвоздей.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 228°), со сложенными на груди руками (рис. 105). От черепа сохранились только фрагмент затылочной кости и зубы. Сохранились также длинные кости рук и ног, кости правой стопы с фрагментами кожаной обуви, фрагмент правой тазовой кости. Погребенной была, вероятно, женщина в возрасте 25–35 лет.

Комплекс артефактов при погребении

1. Между правой плечевой костью и костями таза была обнаружена свернутая в спираль диаметром около 1 см тонкая бронзовая проволока (расшивка одежды?).

2. Вокруг костей правой стопы в пятне органики темно-коричневого цвета был расчищен большой фрагмент кожаного изделия, очевидно обуви.

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,6 м, в глубину 0,6 м от современной поверхности.

Таким образом, первоначальным погребением в данной группе следует считать № 58, над которым было сделано надмогильное сооружение, в котором среди других камней находилось во вторичном использовании основание каменного креста. Затем были совершены детское погребение № 73 и погребение взрослого индивидуума № 74, в результате чего и надмогильное сооружение, и само погребение № 58 оказались нарушенными.

Раскоп II

Раскоп II был размечен в 8 м к востоку от восточной стенки основного раскопа I, между двумя высокими скальными останцами. Здесь, на восточном краю возвышенности, почти у самой западной кромки лиственного леса, занимающего центральную часть холма Калмистомьяки, имеется относительно небольшая плоская площадка около 40 кв. м, на которой визуальнo не фиксировались какие-либо большие валуны или скальные выходы (рис. 3). В процессе работ было сделано предположение, что здесь также могут быть погребения. Для его проверки был размечен разведочный раскоп площадью 12 кв. м, получивший координаты 77-81/222-225.

После разметки раскопа, нивелировки поверхности и снятия дерна, имевшего мощность до 0,1 м, была расчищена каменная выкладка, поверхность которой зафиксирована на уровне 18,6–18,7 м (рис. 107).

В основном она была зафиксирована на площади кв. 77-79/222-224 и представляла собой сплошную выкладку из крупных гранитных валунов (0,4–0,5 м в поперечнике) в один слой. Тем не менее отчетливо выделялся ряд из четырнадцати крупных камней, выложенных в направлении северо-восток — юго-запад, зафиксированный на площади кв. 79/222-224. Этот ряд на северо-восточном краю смыкался с более крупным камнем (максимальной длиной до 0,6 м), расчищенным в северо-восточном углу раскопа, в кв. 80/224, на глубине 18,75 м. От этого камня продолжался отчетливо заметный другой, параллельный предыдущему ряд из десяти камней схожего размера, но менее длинный, по всей видимости, разрушенный на юго-западном краю. Расстояние между этими двумя рядами по линии северо-запад — юго-восток составляло около 0,7 м. Длина первого, северо-западного, ряда составляла около 3 м. Пространство между ними было заполнено отдельными крупными валунами, а также большим количеством мелких. По всей видимости, на исследованном участке присутствовало надмогильное сооружение, схожее с раскопанными на площади раскопа I, но несколько отличающееся от них размерами и заполнением внутреннего пространства. Возможно, это свидетельство развития во времени единой погребальной традиции. Поскольку под данной конструкцией было обнаружено непотревоженное погребение № 75, ей был дан порядковый номер 46.

Скопление более мелких камней было расчищено в юго-западном углу раскопа, на площади кв. 77/222-223, на глубине 18,35–18,6 м. Они не составляли выраженной конструкции. Поскольку под ними была обнаружена более поздняя яма, заполненная костями животных и относящаяся к селищу, видимо, она была засыпана сверху этими камнями.

В кв. 79-80/223-224 была расчищена поверхность могильной ямы в виде овального пятна темного сильногумусированного суглинка, вытянутого по линии северо-восток — юго-запад, имевшего размеры: по линии северо-восток — юго-запад 2 м, по линии северо-запад — юго-восток 0,5 м. В заполнении встречались отдельные камни. Следует отметить особый характер грунта на площади раскопа II. Он отличался от грунта раскопа I большей прослойкой суглинка и меньшим количеством мореного гравия, видимо, из-за более глубокого залегания коренных кристаллических пород. Поэтому погребения здесь были совершены в более глубоких могильных ямах, чем в раскопе I.

Погребение № 75

Погребение № 75 было расчищено в могильной яме на площади кв. 79/222-223 на глубине 18,3 м (район черепа) и 18,2 м (район стоп) (рис. 108). На северо-восточном краю могильной ямы на глубине 18,23 м были отмечены крайне слабовыраженные следы древесного тлена, возможно, остатки гробовища.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 230°), со сложенными на груди руками. Череп находился на левом боку, лицевой отдел разрушен. Сохранились плечевые и бедренные кости, тазовые кости, правая ключица и правые ребра. Погребенный был, вероятно, мужчина, умерший в возрасте 25–35 лет.

При просеивании грунта из заполнения могильной ямы № 75 были обнаружены фрагменты гладкой серебряной бусины. При погребении каких-либо артефактов обнаружено не было.

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,7 м, в глубину 0,2 м от древней поверхности, на которой было сделано надмогильное сооружение № 46, и 0,55 м от современной поверхности.

Погребение № 78

Погребение № 78 было расчищено в 0,5 м к северо-западу от погребения № 75, у северо-западного угла раскопа II, в могильной яме на площади кв. 80/222-223 на глубине 18,3 м (район черепа) (рис. 108). Границы могильной ямы стали видны на глубине 0,2 м от современной поверхности. Она проявилась в виде выраженного пятна темного суглинка овальной формы размерами 1,7 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,6 м по линии северо-запад — юго-восток, вытянутого по линии юго-запад — северо-восток (азимут 273°). Заполнение ямы — темный сильногумусированный суглинок с небольшой примесью мелких камней.

В процессе расчистки заполнения могильной ямы в юго-западной части на глубине 18,34 м и в северо-восточной части на глубине 18,35 м, были выявлены участки древесного тлена длиной 0,18 м и шириной 0,08 м на юго-

западном краю (возле фрагментов черепа) и длиной 0,2 и шириной 0,1 м на северо-восточном. Также участки древесного тлена были расчищены под костяком. Очевидно, погребение было совершено в колоде длиной около 1,1 м, шириной около 0,25 м.

Положение и сохранность костяка

Костяк крайне плохой сохранности располагался в анатомическом порядке. Погребенный был расположен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 273°). Сохранились фрагменты черепа с нижней челюстью, трубчатые кости ног без эпифизов, а также кости левой руки, которая, вероятно, была вытянута вдоль тела или же располагалась на тазовых костях. Погребенный был ребенок, пол и более точный возраст определить не удалось.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину 1,6 м, в ширину 0,6 м, в глубину 0,4 м от современной поверхности.

Погребение № 79

Погребение № 79 было расчищено в 1 м к югу от погребения № 75, вдоль южной стенки раскопа II, в могильной яме на площади кв. 77/222-223 на глубине 17,95 м (район черепа) (рис. 108). Границы могильной ямы стали видны на глубине 0,3 м от современной поверхности. Она проявилась в виде выраженного овального пятна темного суглинка размерами 2,2 м по линии запад—восток и 0,6 м по линии север—юг, вытянутого по линии запад—восток с небольшим отклонением на северо-запад (азимут 213°). Заполнение ямы — темный сильногумусированный суглинок с небольшой примесью мелких камней.

В процессе расчистки заполнения могильной ямы в центральной и юго-западной частях на глубине 0,8 м были выявлены крайне слабовыраженные следы древесного тлена, сохранившиеся в длину около 1,1 м, очевидно остатки гробовища. Оно имело крышку, поскольку поверх костей были встречены следы древесного тлена.

Положение и сохранность костяка

Кости крайне плохой сохранности располагались в анатомическом порядке. Погребенный был расположен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад — северо-запад. Сохранился череп с разрушенными теменными костями, фрагменты лопаток, шейные позвонки и несколько ребер. Погребенный был ребенок, пол и более точный возраст определить не удалось.

Размеры могильной ямы составили: в длину 2,1 м, в ширину 0,5 м, в глубину 0,7 м от современной поверхности.

Таким образом, погребения № 75, 78 и 79 по обрядности и сохранности несколько отличаются от массива остальных погребений, изученных на

площади раскопа I. По всей видимости, они были совершены в более поздний период функционирования могильника.

Работы 2009 года на основном раскопе I **Погребение № 80**

Погребение № 80 было расчищено на площади кв. 71-73/212-214, у края склона холма Калмистомяки (рис. 11, 109). Контуры могильного пятна овальной формы были выявлены непосредственно после снятия дерна, имевшего на данном участке мощность до 0,15 м, на глубине 17,93 м. Какой-либо надмогильной конструкции над погребением не было, хотя на северо-восточном краю могильной ямы, на глубине 18,21 м, был расчищен большой валун подквадратной формы, являвшийся, в свою очередь, юго-западным торцевым камнем надмогильного сооружения № 49. С другой стороны, на юго-западном краю, могильная яма также была ограничена отдельным валуном, поверхность которого была расчищена на глубине 18,13 м на площади кв. 71/212. По-видимому, погребение № 80 было совершено по характерному для могильника обряду, но без создания полного надмогильного сооружения, и маркировано лишь двумя торцевыми камнями. Расстояние между ними составило 1,8 м.

Могильное пятно достаточно резко выделялось на фоне светло-желтой супеси с примесью большого количества мелких камней, характерной для склоновых отложений холма Калмистомяки. Заполнение могильного пятна представляло собой темную гумусированную супесь. Размеры пятна составили: по линии юго-запад — северо-восток 1,7 м, по линии северо-запад — юго-восток 0,55 м. Каких-либо остатков гробовища не обнаружено.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 239°) (рис. 109). Череп был фрагментирован, его кости располагались частично под плоским камнем подквадратной формы размерами 0,4×0,4 м. Нижняя челюсть была разрушена. Сохранились кости плеча и предплечий, бедренные и берцовые кости сохранились во фрагментах. Судя по расположению костей предплечья, руки погребенного были скрещены в районе груди. Погребенным был, вероятно, мужчина, умерший в возрасте 50—55 лет.

Артефакт при погребении (рис. 109—I)

В 0,1 м к югу от юго-восточного края могильной ямы на глубине 17,88 м была найдена маленькая (диаметром 2,3 см) бронзовая кольцевидная застежка (колл. МАЭ РАН № 7426-152). В связи с тем что она была найдена вне границ могильной ямы, не вполне очевидно, связана ли она с этим погребением, хотя это более чем вероятно. Возможно, она была перемещена вследствие активности землеройных животных, следы которых встречались повсеместно на площади раскопа.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 1,8 м, в ширину 0,6 м. Максимальная глубина была 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребение № 81

Погребение № 81 было зафиксировано в кв. 73/208 на глубине 17,94 м. В 0,3 м от современной поверхности было расчищено вытянутое пятно темной мешанной супеси, ориентированное приблизительно по линии юго-запад — северо-восток (рис. 110). Глубина могильной ямы после зачистки по материку оказалась минимальной — около 0,1 м, поэтому поверхность свода черепа погребенного была выше, чем край борта ямы. При расчистке выяснилось, что погребения № 81 и 82 совершены в одной могильной яме. При этом яма, в которой было совершено погребение № 82, нарушила контур предыдущей в ее юго-восточной части, следовательно, оно было совершено позднее, чем погребение № 81, хотя глубину обе могильные ямы имели приблизительно одинаковую. В результате образовалась общая могильная яма, имеющая расширение в юго-западной части. Максимальная длина ее составила 2,4 м, ширина — 0,9 м.

Положение и сохранность костяка

Видимо, погребенный был расположен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут приблизительно 238°) (рис. 110). Пол неопределим. Единственный сохранившийся зуб — верхний премоляр — не имеет следов стертости. Очевидно, погребение принадлежит подростку, умершему в возрасте 14–18 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было.

Погребение № 82

Фрагменты черепа плохой сохранности были зафиксированы в 0,2 м к югу от фрагментов черепа погребения № 81, на той же глубине, в той же могильной яме, в кв. 73/209 (рис. 110). Судя по контуру дна могильной ямы, прослеженному в процессе зачистки по материку, она была более вытянута в юго-западном направлении. Именно в этой части можно было проследить разницу в форме между двумя ямами, впущенными друг в друга.

Погребенный был также расположен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад. Точную ориентировку определить не представлялось возможным. Судя по сохранившейся толщине костей черепа, погребенный был взрослым индивидуумом, умершим в возрасте 50–60 лет.

Артефакт при погребении (рис. 110–I)

Приблизительно в 0,15 м к северо-востоку от наиболее крупных фрагментов черепа, возле мелких фрагментов костей нижней челюсти, на глубине 17,82 м, в кв. 73/209, была обнаружена серьга из серебряной проволоки с ажурным оформлением одного из концов, 2,7 см в диаметре, проволока округлая в сечении диаметром 0,2 см (колл. МАЭ РАН № 7426-153).

Погребение № 83

Могильная яма, в которой совершено погребение № 83, была расчищена в 0,2 м к юго-востоку от юго-восточного края могильной ямы № 82, на глубине 17,85 м, в кв. 73-74/209-210. Она проявилась в виде пятна темной супеси овальной формы, вытянутой по линии юго-запад — северо-восток, размерами приблизительно 1,5 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,5 м по линии юго-восток — северо-запад (рис. 110). Яма была сделана в чрезвычайно каменистом грунте и заполнена большим количеством мелких камней, поэтому ее границы читались не очень отчетливо. Какого-либо надмогильного сооружения над погребением прослежено не было.

Положение и сохранность костяка

Фрагменты черепа крайне плохой сохранности были расчищены у юго-западного края могильной ямы, на глубине 17,93 м, в кв. 73/209 (рис. 110). Также были зафиксированы мелкие фрагменты костей предплечья, бедренных и берцовых костей. Костяк располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 225°). Погребенной была, вероятно, женщина (возраст определить не удалось).

Комплекс артефактов при погребении

1. С правой стороны костяка, в 0,28 м к северо-востоку от фрагментов черепа, была расчищена гладкая серебряная бусина или пуговица диаметром около 1 см (колл. МАЭ РАН № 7426-154).

В 0,1 м к северо-востоку от нее была расчищена плохо сохранившаяся тонкая полоска древесного тлена длиной около 0,05 м, волокна которой соответствовали направлению юго-запад — северо-восток. Вероятно, это следы гробовища, однако каких-либо иных его следов в погребении не было зафиксировано.

2. С левой стороны костяка, в районе таза, были расчищены четыре бронзовые спиральки, внутри которых сохранились нити желтого и красноватого цветов (колл. МАЭ РАН № 7426-155).

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину максимум 1,55 м, в ширину 0,55 м. Северо-западная стенка читалась неотчетливо вследствие присутствия большого количества камней в заполнении и по уровню материка. Максимальная глубина — 0,5 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 84

Надмогильное сооружение (№ 53)

Надмогильное сооружение из камней № 53 оказалось одним из наиболее крупных на могильнике (рис. 111). Оно было расчищено на площади кв. 66-67/217-219 практически сразу под дерном, на глубине от 18,39 м на восточ-

ном краю, до 18,54 м — на западном. Сооружение было сложено из семнадцати крупных камней (максимальной длиной от 0,3 до 0,5 м). На восточном краю располагался крупный валун подквадратной формы, поверхность которого была расчищена на глубине 17,39 м практически сразу после снятия дерна. Западный край сооружения был оформлен иначе: сначала он был сложен из трех крупных валунов, один из которых был расположен ближе к центру и являлся торцевым для данной конструкции, а с севера и юга к нему были приставлены два других. Но затем в центре конструкции был поставлен еще один, более крупный валун так, чтобы предыдущие три служили для него своего рода фундаментом. Таким образом, массивность конструкции была усилена.

Остальные валуны были выложены в один ряд в замкнутую конструкцию овальной в плане формы, ориентированную приблизительно по линии запад—восток (азимут 266°), имевшую максимальные размеры по внешнему периметру 2,84×1,3 м, по внутреннему — 1,72×0,4 м. Внутреннее пространство сооружения было заполнено мелкими камнями.

При расчистке надмогильного сооружения № 53 был применен методический прием, когда расчистка погребения производилась внутри надмогильного сооружения без предварительного удаления слагавших его камней. Применение такого метода давало возможность точнее зафиксировать соотношение собственно погребения и расположенной выше конструкции. В результате выяснилось, что условные осевые линии надмогильного сооружения и находящегося ниже погребения оказались смещенными относительно друг друга. Костяк был расположен фактически под северной стенкой, сооруженной из камней надмогильного сооружения. Это произошло вследствие того, что площадь могильной ямы была значительно больше, чем площадь сооружения над ним. Поэтому, чтобы расчистить собственно погребение, пришлось в итоге удалить валуны, слагавшие надмогильное сооружение № 53.

Погребение № 84

Поверхность могильной ямы № 84, представлявшей собой пятно темного гумусированного суглинка овальной формы, вытянутого по линии запад—восток, размерами 2,1 м по линии запад—восток и 0,7 м по линии север—юг, была расчищена на глубине 18,03 м. Данная могильная яма оказалась одной из наиболее глубоких на могильнике.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад (азимут 267°) (рис. 112). Череп фрагментирован, был расчищен на глубине 17,87 м, в 0,2 м от верхнего края могильной ямы и в 0,8 м от современной поверхности. Также сохранились кости плеча, предплечий, фрагменты бедренных и берцовых костей, таза и левой плюсны, расчищенной на глубине 17,9 м. Судя по положению костей предплечий, руки погребенного были скрещены

в районе груди. Погребенный был престарелым мужчиной (зубы на нижней челюсти не сохранились, альвеолы моляров и премоляров заросли), умершим в возрасте свыше 60 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 113)

1. Железный нож был расчищен с внешней стороны левой бедренной кости (рис. 113—1; колл. МАЭ РАН № 7426-156). Общая длина изделия — 16 см, длина лезвия — 9,5 см, максимальная ширина — 2 см, толщина обушка — 0,5 см. На поверхности ножа, с внутренней стороны рукояти, было расчищено несколько древесных волокон, направление которых соответствует осевой линии запад—восток могильной ямы.

2. На том же уровне, у проксимального конца левой бедренной кости, была расчищена фрагментированная железная ременная пряжка, вероятно, округлой или овальной формы (рис. 113—2; колл. МАЭ РАН № 7426-157). Под ней также зафиксирована очень тонкая прослойка древесного тлена, что, видимо, свидетельствует о наличии гробовища.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,1 м, в ширину 0,8 м. Максимальная глубина была 0,9 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 85

Надмогильное сооружение (№ 54)

Надмогильное сооружение № 54 было расчищено в 0,5 м к северу от северной стенки надмогильного сооружения № 53, на площади кв. 68-69/216-218 (рис. 9). Оно представляло собой характерную для исследуемого могильника конструкцию овальной в плане формы и было сложено из девяти относительно крупных валунов (до 0,4 м), выложенных в один ряд. Конструкция была ориентирована по линии запад—восток (азимут 257°). Южная стенка сооружения оказалась разрушенной. Поверхности торцевых камней были расчищены на глубине 18,59 м на западном краю и 18,39 м на восточном практически сразу после снятия дерна. Реконструируемые размеры сооружения: 3×1,2 м по внешнему периметру, 2,5×0,6 м — по внутреннему.

Погребение № 85

Поверхность могильной ямы была зачищена на глубине 18,22 м. Она имела ту же ориентировку, что и надмогильное сооружение, и читалась как овальное пятно темновато-серого суглинка размерами приблизительно 2,4 м по линии запад—восток и 0,8 м по линии север—юг.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад

(азимут 257°) (рис. 112). Череп также удовлетворительной сохранности, но с разрушенным лицевым скелетом. Судя по положению костей предплечий, руки погребенного были скрещены в районе таза. Погребенный был мужчиной, умерший в возрасте 20–25 лет.

Артефакт при погребении (рис. 114)

Под левой бедренной костью, приблизительно посередине, на глубине 18,07 м была обнаружена серебряная с позолотой шаровидная пуговица с ушком, диаметр шарика не более 1 см (колл. МАЭ РАН № 7426-158).

В восточной части заполнения могильной ямы при расчистке грунта над костяком был обнаружен небольшой фрагмент известнякового надмогильного креста.

Размеры могильной ямы составили: в длину максимально 2,35 м, в ширину 0,65 м. Максимальная глубина — 0,1 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 54, и 0,6 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 86

Надмогильное сооружение (№ 52)

Надмогильное сооружение № 52 было расчищено в 0,7 м к северо-северо-востоку от северной стенки надмогильного сооружения № 54, на площади кв. 69-70/215-216 на глубине 18,45 м на юго-западном и 18,7 м на северо-восточном краях (рис. 9). Сооружение было сложено из десяти небольших валунов. Внутреннее пространство забутовано мелкими камнями. Сама конструкция, как и положение погребенного, ориентирована по линии запад–восток. Внешние размеры конструкции 1,7×1,5 м, внутренние — 0,75×1 м.

Погребение № 86

Контуры могильной ямы практически не прослеживались из-за очень каменистого грунта. Приблизительные границы могильной ямы могли быть выявлены только по распространению гумусированного заполнения и составили 2,25 м по линии запад–восток и 0,55 м по линии север–юг.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад — юго-запад (азимут 259°) (рис. 115). Вся верхняя половина черепа была проломлена внутрь, достаточно хорошо сохранились только лицевые кости. Кроме этого, в погребении в анатомическом порядке были расположены кости таза, длинные кости нижних конечностей (очень тонкие и хрупкие), а также ребра. Нижняя челюсть находилась в явно переотложенном состоянии, около 0,25 м ниже черепа. Положение черепа не совсем обычно, возмож-

но, он находился не *in situ*. Погребенный — ребенок, умерший в возрасте 6—8 лет.

Комплекс артефактов при погребении

1. Рядом с фрагментами нижней челюсти, на одном с ней уровне, на глубине 18,26 м, обнаружена гладкая серебряная с позолотой бусина-пуговица.

2. Точно такая же бусина обнаружена в центральной части погребения, в 0,1 м к юго-востоку от предыдущей, между фрагментами ребер.

Максимальная глубина могильной ямы составила 0,05 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 52, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 87

Надмогильное сооружение (№ 50)

Надмогильное сооружение № 50 было расчищено в 0,2 м к северу от северной стенки надмогильного сооружения № 52, параллельно предыдущим, на площади кв. 70-71/214-216 (рис. 9, 116). Поверхность юго-западного торцевого камня была расчищена на глубине 18,51 м, северо-восточного — 18,84 м. Сооружение состояло из тринадцати валунов среднего размера (максимальной длиной до 0,4 м). Наиболее крупным был северо-восточный камень подквадратной формы. Сооружение имело овальную в плане форму размерами 2,7×0,7 м по внешнему периметру и 2×0,45 м по внутреннему и было вытянуто по линии юго-запад — северо-восток (азимут 258°). Внутренняя часть погребения, так же как и пустоты между валунами, была забутована более мелкими камнями. Фактически мелких камней в заполнении внутреннего пространства было больше, чем грунта.

Погребение № 87

Это погребение удалось полностью открыть внутри надмогильного сооружения, не убирая камней обкладки (рис. 116). Внутри сооружение было узким — всего 0,4 м шириной, что отвечает параметрам костяка, который, вероятно, принадлежит молодой женщине или подростку. Контуры могильной ямы определить было затруднительно.

Положение и сохранность костяка

Костяк хорошей сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 258°) (рис. 115, 116). Кости черепа были расчищены на глубине 18,25 м, стоп — на глубине 18,24 м. Глубина расположения костяка от современной поверхности составила 0,4 м. Руки погребенной были сложены на животе — правая почти под прямым углом, левая — под углом 45°. Сохранились практически все относительно крупные кости скелета. Погребенной была девушка-подросток, умершая в возрасте 14—18 лет.

Артефакт при погребении

Единственной находкой в погребении была серебряная с позолотой гладкая пуговица, расчищенная в районе грудной клетки (колл. МАЭ РАН № 7426-159).

Приблизительные размеры могильной ямы составили: по линии запад—восток 1,65 м, север—юг 0,4 м. Максимальная глубина — 0,05 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 50, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 88

Надмогильное сооружение (№ 55)

Надмогильное сооружение № 55 было расчищено в северо-западной части могильника на площади кв. 70-71/218-219 на глубине от 18,69 м на юго-западном краю до 18,56 м на северо-восточном (рис. 9). Каменная кладка над погребением имела нехарактерную для могильника конфигурацию — валуны не образовывали овальной в плане конструкции, а, напротив, были сложены в два примыкающих друг к другу ряда непосредственно над останками погребенного. Один большой камень был положен в юго-западной части конструкции. Пустоты между рядами были заполнены более мелкими камнями. Общие размеры конструкции составляли 3,6×0,45 м. Она ориентирована по линии юго-запад — северо-восток (азимут 245°).

Границы ямы определить не удалось, так как по цветовой гамме внутреннее и наружное заполнение слоя (интенсивно гумусированный темный суглинок с примесью большого количества камней) здесь было практически однородно.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 245°) (рис. 117). Черепная коробка продавлена, относительно хорошо сохранились лишь лицевые кости черепа, так как голова погребенного находилась на боку (лицом на восток). Правая рука была согнута в локте под прямым углом, а левая — под углом 45°. Сохранились длинные кости конечностей и частично позвоночник. Погребенный был мужчина, умерший в возрасте 16–20 лет.

Каких-либо артефактов при погребении обнаружено не было, однако в кв. 70/219, на глубине 18,36 м, в 0,7 м к юго-востоку от черепа погребенного, но уже с внешней стороны надмогильного сооружения, была обнаружена серебряная кольцевидная пластинчатая фибула, дуги которой соединены в виде рукопожатия (рис. 117—1а, b; колл. МАЭ РАН № 7426-160).

Фибула схожа с найденной в погребении № 64 могильника Кюлялахти. Вероятнее всего, изделие относится к погребению № 88 и перемещено

вследствие активности землеройных животных, однако полной уверенности в этом нет.

Кроме того, при расчистке захоронения между бедренными костями и у кости левого плеча было обнаружено несколько мелких фрагментов лепной керамики, очевидно, связанных с разрушенным культурным слоем поселения предшествующего времени.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: по линии юго-запад — северо-восток 1,85 м, северо-запад — юго-восток 0,7 м. Максимальная глубина — 0,05 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 50, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 89

Надмогильное сооружение (№ 49)

Надмогильное сооружение № 49 было расчищено на площади кв. 72-73/212-214 на глубине 18,21 м на юго-западном краю и 18,4 м на северо-восточном (рис. 8). Оно представляло собой характерную для изучаемого могильника овальную в плане конструкцию из одиннадцати крупных (максимальной длиной до 0,4 м) камней, вытянутую по линии юго-запад — северо-восток (азимут 244°). Внешние границы конструкции были 2,2×1,25 м, внутренние — 1,4×0,3 м. Во внутреннем пространстве сооружения присутствовало большое количество мелких камней.

Погребение № 89

Границы могильной ямы читались крайне неотчетливо в чрезвычайно каменистом грунте и составили приблизительно 1,9 м по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток.

Положение и сохранность костяка

Костяк удовлетворительной сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 244°) (рис. 11). Фрагменты черепа были расчищены на глубине 17,9 м. Сохранились длинные кости ног, но без эпифизов. Положение рук погребенного определить не представлялось возможным. Погребенный был взрослым индивидуумом, умершим в возрасте 40–50 лет (пол определить затруднительно).

Артефакт при погребении

Единственной находкой в погребении был железный нож, обнаруженный под проксимальным концом левой бедренной кости на глубине 17,95 м. Общая длина изделия — 16 см, длина лезвия — 10 см, максимальная ширина — 2,3 см, толщина обушка — 0,5 см (колл. МАЭ РАН № 7426-161). Следов какой-либо органики возле изделия отмечено не было.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: по линии запад—восток 2,15 м, север—юг 0,8 м. Максимальная глубина — 0,1 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 49, и 0,45 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 90

Надмогильное сооружение (№ 47)

Надмогильное сооружение № 47 было расчищено на площади кв. 75-76/211-214 на глубине 18,40 м на юго-западном краю и 18,49 м на северо-восточном, практически сразу под дерном (рис. 9). Оно представляло собой характерную для изучаемого могильника овальную в плане конструкцию из выложенных в один ряд тринадцати крупных (максимальной длиной до 0,5 м) камней, вытянутую по линии юго-запад — северо-восток (азимут 244°), параллельную надмогильным сооружениям № 48 и 49. Размеры сооружения: по внешнему периметру 3,2×1,2 м, внутреннему — 2,1×0,3 м. В качестве торцевого камня на юго-западном краю был использован валун вытянутой формы максимальной длиной 0,8 м, ориентированный длинной стороной по линии север—юг, с небольшим отклонением к юго-западу.

Внутреннее пространство сооружения было заполнено большим количеством мелких обожженных камней, а также аморфных фрагментов обожженной глины и шлаков. Могильная яма для совершения погребения № 90 была впущена в более раннюю и более глубокую структуру, назначение которой осталось неясным ввиду полного отсутствия каких-либо диагностических находок. Тем не менее по углю со дна данной структуры была получена радиоуглеродная дата (SPB-137): 730 ± 25 BP, 1227-1295 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 129—SPB-137).

Погребение № 90

Пятно могильной ямы читалось крайне неотчетливо в чрезвычайно каменистом грунте — заполнении более ранней земляной структуры. Ее границы составили приблизительно 2,2 м в длину по линии юго-запад — северо-восток, в ширину 0,8 м в юго-западной части и 0,55 м в районе северо-восточной. Она оказалась, тем не менее, одной из наиболее глубоких на изучаемом памятнике. Общая ее глубина составила 0,45 м ниже уровня надмогильного сооружения.

Положение и сохранность костяка

Костяк не сохранился (рис. 118). Лишь в юго-западной части, на глубине 17,9 м, было расчищено аморфное пятно костного тлена, являющееся, очевидно, следами черепа. Во всяком случае очевидно, что погребение было ориентировано на юго-запад (азимут 244°) и погребенной была женщина, судя по составу комплекса артефактов.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 119)

1. С правой стороны пятна костного тлена, сохранившегося от черепа, на одном с ним уровне было расчищено многобусинное височное кольцо, составленное из тринадцати гладких серебряных с позолотой бусин, каждая диаметром 1,3 см; диаметр стержня-основы 7,8 см (рис. 119–1; колл. МАЭ РАН № 7426-162).

2. Точно такое же кольцо было расчищено на том же уровне с левой стороны пятна костного тлена (рис. 119–2; колл. МАЭ РАН № 7426-163).

На каждом кольце сохранились волосы темного цвета, на левом — длиной около 2 см. Также под каждым из колец были расчищены следы деревянного тлена, что, вероятно, свидетельствует о том, что погребение было совершено в гробу.

3. В 0,1 м к северу от левого височного кольца, на том же уровне, был расчищен серебряный перстень с круглым щитком с крестовидным изображением на щитке (рис. 119–3а, б; колл. МАЭ РАН № 7426-164).

Его местоположение здесь достаточно необычно, но может быть объяснено либо тем, что правая рука покойной лежала на ее левом плече, либо тем, что перстень был перемещен вследствие активности землеройных животных. В пользу последнего предположения свидетельствует отсутствие кости пальца внутри перстня, хотя такая особенность была зафиксирована во многих непотревоженных погребениях могильника.

4. Железный нож был расчищен в центральной части могильной ямы, у ее юго-восточного края (рис. 119–4; колл. МАЭ РАН № 7426-165/1). Общая длина изделия — 16 см, длина лезвия — 9,2 см, максимальная ширина — 1,9 см, толщина обушка — 0,5 см. Фрагменты деревянной рукояти сохранились только внутри верхней и нижней железных оковок. На нижней диаметром 2 см после проведения реставрационных работ стал заметен орнамент из параллельных друг другу продольных линий, по две у верхней и нижней кромок оковки. Между ними, в центральной части, — ломаная линия. Такой же орнамент есть на верхней оковке диаметром 2 см.

5. Рядом с лезвием, ближе к краю могильной ямы, были расчищены фрагменты железных оковок ножен (рис. 119–5; колл. МАЭ РАН № 7426-166/1-6). Они представляют собой треугольный наконечник, согнутый из одной пластины, от которого отходят две тонкие пластинки (5×0,8 см), крепившие шов кожаных ножен вдоль лезвийной части посредством маленьких заклепок. Одна из пластинок имеет U-образное окончание. В верхней части сделано отверстие диаметром 2,2 см, в которое входит звено железной цепочки. Цепочка сохранилась на длину около 9 см.

Приблизительные размеры могильной ямы составили: по линии юго-запад — северо-восток 2,1 м, северо-запад — юго-восток 0,55 м. Максимальная глубина была 0,45 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 49, и 0,65 м от уровня современной поверхности.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 91

Надмогильное сооружение (№ 48)

Надмогильное сооружение № 48 было расчищено на площади кв. 73-74/212-214 на глубине 18,37 м на юго-западном краю и 18,41 м на северо-восточном, практически сразу под дерном, между надмогильными сооружениями № 47 и 49 (рис. 9). По-видимому, каменная кладка вокруг погребения № 91 была разрушена, сохранилась только россыпь мелких камней в западной части погребения. Один большой торцевой камень (максимальной длиной около 0,45 м) был расположен на юго-западном краю и соответственно в северной стенке надмогильного сооружения № 49 (над погребением № 89).

Погребение № 91

Пятно могильной ямы читалось крайне неотчетливо в чрезвычайно каменистом грунте. Ее размеры составили приблизительно 2 м в длину по линии юго-запад — северо-восток и 0,7 м по линии северо-запад — юго-восток. В заполнении, так же как и в случае расположенного рядом погребения № 90, присутствовало очень большое количество мелких обожженных камней, а также шлака и обожженной глины.

Положение и сохранность костяка

Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад (азимут 243°) (рис. 118). Фрагменты черепа были расчищены на глубине 18,02 м. Он хотя и не продавлен полностью, но сильно деформирован, особенно лицевые и височные кости. Также сохранились длинные кости правой руки и фрагментарно кости нижних конечностей. Правое плечо расположено параллельно позвоночнику, а предплечье согнуто под углом 45° (рука в области таза). О положении левой руки сказать ничего нельзя, но очевидно, что руки были скрещены в районе груди. Погребенной была женщина, умершая в возрасте 18—20 лет.

Комплекс артефактов при погребении (рис. 120)

1. Справа от костяка, в районе таза, был обнаружен железный, сильно коррозированный предмет трапециевидной формы (рис. 120—1; колл. МАЭ РАН № 7426-168). Более широкая часть предмета была ориентирована в сторону головы погребенной, то есть на юго-запад. Длина изделия — 6,8 см, максимальная ширина верхней грани — 1,8 см, нижней — 3,4, толщина — 1,6 см. На верхней части сохранились полностью минерализованные фрагменты текстиля. Предмет, вероятно, является игольником, свисавшим с пояса вдоль правого бедра.

2. В 0,05 м к югу от нижней челюсти была найдена полая серебряная пуговица диаметром 1,1 см (рис. 120—2; колл. МАЭ РАН № 7426-167).

Приблизительные размеры могильной ямы составили: по линии юго-запад — северо-восток 1,8 м, северо-запад — юго-восток 0,6 м. Максимальная

глубина — 0,15 м от уровня, на котором было сделано надмогильное сооружение № 49, и 0,5 м от уровня современной поверхности.

Погребение (?) № 92. Кремация

На площади кв. 69-70/218-219 на глубине 0,4 м от современной поверхности, под поверхностным слоем темного гумусированного суглинка мощностью около 0,2 м с большой примесью мелких и средних камней, залегающего непосредственно под дерном, было расчищено углистое пятно (рис. 117). Пятно имело близкую к овальной форму (0,65×0,7 м) и было вытянуто по линии восток—запад. Отдельные кальцинированные кости, угольки встречались при этом на более широкой площади, приблизительно 1×0,5 м, в кв. 71-72/220-221. На поверхности четко выраженного пятна были различимы многочисленные включения небольших угольков, кальцинированных костей и красноватых фрагментов обожженной глины. В процессе расчистки было выяснено, что структура сложена темным гумусом с большим содержанием в нем бесформенных кусков глиняной обмазки, фрагментов красноглиняной так называемой «карельской» лепной керамики в кв. 70-72/ 220-221, на глубине 0,3–0,4 м от современной поверхности (рис. 123). В пятне зафиксирована большая концентрация кальцинированных костей (рис. 121, 122).

При расчистке пятна на глубине 18,39 м в кв. 69/218 был обнаружен фрагмент неопределимого железного изделия (возможно, наконечника стрелы — срезня) (рис. 122—Г).

Состав грунта был достаточно монотонный, отдельных прослоек не прослеживалось. Мощность структуры составила до 0,33 м в ее самой глубокой части. По всей видимости, она представляет собой остатки погребения, совершенного по обряду кремации. Вероятно, оно было частично разрушено в процессе функционирования могильника с ингумациями.

По углю из заполнения была получена радиоуглеродная дата (SPB-136): 820 ± 25 BP, 1170-1265 календарных лет н.э. (вероятность 95,4%) (рис. 129—SPB-136).

КАМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ ВРЕМЕНИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ МОГИЛЬНИКА С ИНГУМАЦИЯМИ, И СВЯЗАННЫЙ С НИМИ КОМПЛЕКС НАХОДОК

В процессе изучения могильника с ингумациями были открыты своеобразные каменные конструкции, которые, очевидно, относились к более раннему периоду.

В 2007 году в процессе расчистки надмогильных сооружений, располагавшихся в северной части раскопа, на площади, ограниченной линиями 96-100/198-203, на глубине от 18,55 м до 18,65 м, были зафиксированы участки каменной выкладки, сложенной мелкими (до 0,15 м) камнями, некоторые из которых имели следы воздействия огня. При этом угля, зольных

линз, прокаленного песка среди них отмечено не было. Камни были расположены плотно друг к другу. Мощность сплошного горизонта камней варьировалась от 0,2 до 0,65 м (в отдельных наиболее глубоких расщелинах скалы).

Под данным горизонтом или внутри него были расчищены захоронения (№ 23, 35, 36, 39), то есть данная большая конструкция (или несколько конструкций?) находилась полностью в переотложенном состоянии. Могильные ямы были сделаны в ней, а затем погребения были засыпаны теми же мелкими камнями практически без примеси рыхлого грунта.

Значительно лучше сохранился участок выложенной камнем поверхности в северо-западной части раскопа, в кв. 94-97/193-197, расчищенный на глубине 18,3 м. Здесь была зафиксирована сплошная выкладка из мелких камней в один—два, изредка три горизонта, вытянутой формы, длиной приблизительно 2,5 м, шириной 1,6 м. Но очевидно, что ее первоначальные контуры были нарушены в процессе совершения захоронений. Поверх данной кладки частично располагалось погребение № 45. На данном участке между камнями были расчищены линзы темного углистого суглинка, иногда включавшего отдельные угольки. По всей площади кладки и в целом в северной и северо-западной частях раскопа было обнаружено некоторое количество кальцинированных костей, не образывавших, тем не менее, выраженных скоплений. Под данной выкладкой из мелких камней, на глубине 18,18—18,2 м, был зафиксирован тонкий (0,05—0,07 м) горизонт темного суглинка с включениями отдельных угольков (древняя погребенная почва?). Под ним — горизонт крупнозернистого желтого песка, насыщенного камнями, являющегося материком.

Третий участок сходной кладки был расчищен в кв. 98-100/192-194 на глубине 17,55—17,65 м, в 2 м к северо-западу от предыдущего участка кладки. Между ними пространство было практически свободно от камней. Данный участок кладки был тоже вытянутой формы приблизительно по линии запад—восток, длиной 3 м и шириной 2 м, также сложен из мелких камней, некоторые из которых носили следы воздействия огня.

В 2008 году в площадь раскопа было включено несколько высоких скальных останцов. Вокруг центрального из них высотой около 1,5 м, расположенного практически в центре открытой площадки, на площади кв. 82-84/210-213, а также между ним и соседними скальными останцами, размещенными в 0,5 м к западу и 0,8 м к востоку от центрального, была расчищена выкладка из мелких камней в два горизонта явно искусственного происхождения (рис. 124).

Некоторые из камней имели следы воздействия огня. Первый горизонт камней был расчищен сразу под дерном, на высоте 18,65—18,55 м. Какой-либо определенной формы данной кладки выявить не удалось. Она занимала все пространство между скальными останцами или скалой в западном, северном и восточном направлениях. В восточном направлении продолжалась до границ раскопа. В южном направлении занимала площадь примерно 8 кв. м. Далее была нарушена могильными ямами. После фиксации первого

горизонта камней был расчищен их второй горизонт, хотя часто было затруднительно выйти на определенный уровень, поскольку какой-либо прослойки между ними не было. Этот горизонт зафиксирован на уровне от 18,35 м до 18,45 м. С данного уровня в южной части выкладки была выявлена углисто-зольная прослойка или грунтовое заполнение между камнями. Какой-либо определенной формы она не имела, но ограничивалась практически точно по периметру выкладки с ее южной и западной сторон. В заполнении между камнями встречались отдельные кальцинированные кости.

Между этими двумя горизонтами сплошной выкладки из мелких камней в кв. 81/211 на глубине 18,42 м и в кв. 80/212 на глубине 18,44 м были расчищены два развала лепных горшков, состоявшие из множества мелких керамических фрагментов. Сосуды, очевидно, баночной формы, практически непрофилированные. Толщина стенок 0,6–0,8 см, тесто с большим количеством дресвы. Также в узком промежутке между центральным и восточным скальными останцами (последний был частично расположен вне границ раскопа), в кв. 82/212 на глубине 18,43 м, была обнаружена железная ременная пряжка (рис. 125–14).

Второй слой камней был уложен непосредственно на материк, представляющий собой выраженную мореную поверхность — скальные выходы и валуны, пространство в западинах заполнено светлым крупнозернистым песком с примесью гравия. Поверхность материка была расчищена на уровне 18,2–18,3 м.

Достаточно сложно объяснить происхождение данных конструкций. Но очевидно, что они являются остатками либо одной большой, либо нескольких каменных выкладок, существовавших в северо-западной части холма Калмистомяки в период, предшествовавший времени функционирования могильника с ингумациями, то есть до XIV века. В процессе его функционирования они оказались полностью или почти полностью переотложенными. Вероятнее всего, это остатки погребальных сооружений типа *polttokenttäkalmisto*, то есть погребения нескольких индивидуумов по обряду трупосожжения под и/или внутри сплошных каменных выкладок. Ближайший памятник такого типа — известное погребение под городищем Линнамяки в Куркийоки, изученное Х. Аппельгреном [Appelgren 1891: 148–151, 153–158]. Существенным основанием для такого предположения являются достаточно многочисленные находки эпохи викингов и Крестовых походов на площади раскопа, сделанные в переотложенных участках или в заполнении могил, не образующие каких-либо компактных скоплений или закрытых комплексов. Это такие находки, как круглая литая орнаментированная подвеска с ушком (колл. МАЭ РАН № 7426-175), железная подковообразная фибула (колл. МАЭ РАН № 7426-174), стреласрезень (колл. МАЭ РАН № 7426-180), овальное кресало (колл. МАЭ РАН № 7426-179), серия бус X–XIII веков (колл. МАЭ РАН № 7426-171-173, 181–186), достаточно многочисленные мелкие фрагменты лепной керамики (рис. 125–2–11, 15–17).

Эти находки дополняют серию артефактов данного периода, обнаруженных в 2006 году, таких как бронзовая весовая гирька (колл. МАЭ РАН № 7426-169), «глазчатая» бусина (колл. МАЭ РАН № 7426-170), бронзовая поясная бляшка с орнаментом (колл. МАЭ РАН № 7426-190), нож с рукоятью, перевитой бронзовой проволокой (колл. МАЭ РАН № 7426-192) (рис. 125–1, 12, 13, 18).

Сама по себе достаточно многочисленная серия артефактов X–XIII веков свидетельствует, на наш взгляд, о наличии на краю холма могильника с трупосожжениями, разрушенного позднее, при совершении погребений XIV–XV веков.

«ЧАШЕЧНЫЙ» КАМЕНЬ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ СКЛОНЕ ХОЛМА КАЛМИСТОМЯКИ

В процессе работ на могильнике студент кафедры археологии Университета Турку М. Хелминен на юго-западном склоне холма Калмистомяки обнаружил скальный останец или большой валун, на поверхности которого различимо «чашевидное» углубление (рис. 3, 126). Гранитный валун красновато-коричневого цвета имеет максимальные размеры 1,1×0,8 м и возвышается над современной поверхностью на 0,25 м.

«Чашевидное» углубление овальной формы размерами 8,5×5 см, глубиной 2,5 см расположено на его поверхности с некоторым смещением к южному краю. Его северная половина гладко пришлифована, южная больше покрыта естественными углублениями и сколами. Кроме данного углубления, в 0,1 м от него к юго-востоку заметно еще одно углубление размерами 4×3,5 см и глубиной 1,5 см, но его антропогенное происхождение не столь очевидно, как в первом случае.

Несмотря на естественные сколы, видимо, на данном объекте присутствуют «чашевидные» углубления, сделанные человеком. В этом случае он становится первым объектом такого рода, обнаруженным в Северо-Западном Приладожье.

Глава IV

ТИПЫ УКРАШЕНИЙ И ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТИПОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Степень разработанности типологии для отдельных групп и категорий вещей эпохи позднего Средневековья для разных культурно-исторических регионов Европы весьма различна. Исследователи, предпринимавшие такого рода анализ, руководствовались собственными принципами выделения типов, необходимых для решения тех или иных вопросов. Поэтому задача атрибуции артефактов в рамках нескольких региональных типологий может быть решена не во всех случаях, поскольку они зачастую либо совсем не сочетаются между собой, либо сочетаются приблизительно или обобщенно. Тем не менее это не означает, что такое исследование в принципе невозможно. Карелия не являлась культурным изолятом. Кроме того, в Средневековье материальная культура различных регионов вокруг Балтийского моря, включая прямо или опосредованно Новгород, в силу активных торговых и политических связей приобретала схожие черты. Одни и те же типы вещей, например парадное оружие или ювелирные изделия, можно обнаружить в памятниках, географически весьма удаленных друг от друга. Обилие в комплексах погребений из Кюлялахти вещей импортного для Карелии происхождения позволяет, на наш взгляд, атрибутировать многие из них на основе уже разработанных региональных типохронологических систем.

При анализе соблюден региональный принцип. Изложение материала произведено по крупным культурно-историческим регионам: для Северной, затем Центральной, далее Восточной Европы, Новгорода¹ как части Восточной Европы, наконец, для Прибалтики и Финляндии.

МНОГОВУСИННЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА

Помимо случайной находки в районе Сортавала [KM 2647: 1: Kivikoski 1973: 135, abb. 1078] этот тип колец (тип IV, по В. А. Кольчатову) встречен

¹ Типы ювелирных изделий и их даты даны на основании опубликованных статей Ю. М. Лесмана [Лесман 1989а, б; 1990а, б; 1996] и рукописи его монографии «Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XV веков», за возможность пользоваться текстом которой автор выражает ему особую благодарность.

в количестве четырнадцати экземпляров в семи погребениях могильника Кюлялахти — в погребениях № 1 (фрагментированы), 3, 13, 30, 34, 54 и 90 (рис. 15–1; 19–1, 2; 34–1, 2; 48–1, 2; 81–1, 2; 119–1, 2). Конструктивно изделия идентичны друг другу, отличаются лишь диаметром, количеством и размерами бусин. Изделия относятся к классической разновидности: имеют стержень переменного сечения — в основной части прямоугольный в сечении, спирально загнутый на конце. Примерно на 1/4 длины стержень имеет расширение — ограничитель, далее сечение стрежня круглое. С этого конца он расклепан в четырехугольное ушко с отверстием в центре. На основную часть стержня вплотную друг к другу, без ограничителей нанизаны сферические серебряные (некоторые с позолотой) бусины, имеющие гладкую поверхность.

Варианты многобусинных височных колец, встреченных в некрополе Кюлялахти:

— вариант А — с семью (?), восемью или девятью бусинами диаметром 1,4–1,7 см (погребения 1, 34, 54). Диаметр колец — 4,5–6 см. Этот вариант был обнаружен только в погребениях детей или подростков;

— вариант В — с 11 или 12 бусинами диаметром 1,6–1,7 см (погребения 3, 30, 90);

— вариант С — с десятью бусинами диаметром 2,1 см (погребение 13).

Однако вполне вероятно, что не все такие изделия являются височными кольцами. Например, под правым кольцом в погребении № 54 также были обнаружены человеческие волосы, а под ними — остатки дна гробовища. Исходя из их местоположения, можно уверенно утверждать, что в данном случае это не височные кольца, а серьги. Предположение о том, что многие височные украшения, считавшиеся кольцами, крепившимися к кожаным или тканевым лентам, на самом деле являются серьгами, уже высказывалось в литературе [Saracheva 2002: 351–356]. Это предположение основано на находках мумифицированных человеческих ушей, в которые были продеты украшения, считавшиеся до того височными кольцами. В могильнике Кюлялахти для каждой находки пары таких предметов (семь погребений) нет абсолютной уверенности в том, что хотя бы часть из них является серьгами, но в трех случаях — в погребениях 3, 13 и 54 — это вполне вероятно.

Центральная Европа. Находки многобусинных височных колец встречаются в кладе из монастыря Барте в Восточной Фрисландии (Северо-Западная Германия), в котором также присутствовали монеты XVI века. Однако С. Крабат датирует кольцо и другие вещи из того же клада двумя веками ранее, поскольку они имеют прямые аналогии в ряде других германских кладов XIV столетия, в том числе и из Притцвалка [Krabath 2001: 125, Abb. 24–25; Krabath, Lambacher 2006: Abb. 48–49].

Восточная Европа. За рассматриваемыми изделиями закрепились характеристика этноопределяющих [Седов 1953: 190–229]. В настоящее время, учитывая географию находок и их хронологию, данная точка зрения может считаться лишь достоянием историографии [Кольчатов 1984: 175; Лесман 1990б: 100; Конечский 1990: 104]. Многобусинные височные кольца найдены

как на Северо-Западе, где они действительно были чрезвычайно популярны в определенный период времени, так и в Восточной Эстонии, Латвии, на Псковщине, в Пономанье, Подмоскowie вплоть до Коми [Кунцене 1979: 76–100; Савельева 1987: рис. 33, 40, 45, 37, 134, 144]. В Южной Руси их находки связаны с материалами кладов, в ряде случаев хорошо датированных монетами XV века [Панченко 2002].

В погребальных комплексах на Ижорском плато многобусинные височные кольца датированы В. А. Кольчатовым (тип IV его типологии) временем не ранее конца XIII века [Кольчатов 1984: 173]. Тем же временем и позднее датируют эти украшения в могильниках Водской земли Е. А. Рябинин [Рябинин 2001: 244, 245, табл. XXVIII: 6–10, XXIX: 1–8].

Новгород. По М. В. Седовой, десять многобусинных колец встречены в новгородских слоях конца XIII — начала XV века. По подсчетам Ю. М. Лесмана, в новгородских слоях на нескольких раскопах известны 20 экземпляров таких колец, которые датированы временем не ранее 1281 года (после 12 яруса и выше) [Лесман 1990а: 70; 1990б: 99–100]. Кроме того, на всех экземплярах колец в Кюлялахти присутствует ограничитель в виде литого валика. Такой конструктивный элемент существует в Новгороде на изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

СЕРЬГИ

Серьги обнаружены в погребениях № 9, 50 и 82. Все изделия единичные и разных типов.

1. Серьга в виде знака «?»

В погребении № 50 с левой стороны черепа была обнаружена одна фрагментированная серебряная с позолотой серьга в виде знака «?» (рис. 69–I).

Ижорское плато. Большое количество этих изделий найдено в погребальных комплексах XIV–XV веков на Ижорском плато [Спицын 1896: 20, табл. I: 3, 4, 8, 9; табл. XII: 7, 8]. Не ранее 1313 года на основе новгородской вещевой шкалы датировал эти украшения Е. А. Рябинин [Рябинин 2001: табл. XXIX: 9–11].

Новгород. По подсчетам М. В. Седовой, в Новгороде найдено 15 серег этого типа, обнаруженных в слоях XIV–XV веков [Седова 1981: 16, рис. 3–1, 2, 9]. Согласно исследованиям Ю. М. Лесмана, в Новгороде такие изделия датированы временем после 1313 года (10 ярус и выше) [Лесман 1990б: 70–71].

2. Проволочная серьга с ажурным оформлением края

В погребении № 82 была обнаружена серьга из серебряной округлой в сечении проволоки с ажурным оформлением одного из краев 2,8 см в диаметре (рис. 110–I).

Новгород. Изделие принадлежит к большой и разнообразной серии перстнеобразных проволочных колец, представленных в слоях Новгорода с 60–70-х годов XI века по XV век [Седова 1981: 13, рис. 3–7, 8, 11]. Ряд хронологически значимых признаков таких колец позволяет несколько сузить дату

их бытования: простые (с прямыми тупыми или заостренными концами) незамкнутые проволочные кольца датированы в Новгороде временем до 1382 года (до 8 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

3. Фрагмент серьги (?) в погребении № 9

С правой стороны от нижней челюсти был обнаружен фрагмент миниатюрной серебряной серьжки в виде полукольца. Диаметр целого изделия был, вероятно, около 1 см (рис. 27).

ЗАМКНУТЫЕ ФИБУЛЫ

Замкнутые фибулы являются одной из наиболее выразительных категорий изделий в составе комплексов как мужских, так и женских грунтовых погребений. Большая их часть является северо- и/или центральноевропейским импортом, поступавшим в результате активных торговых связей, поэтому период их бытования в Карелии может быть синхронизирован с соответствующими европейскими шкалами.

Находки замкнутых, в особенности кольцевидных, фибул известны достаточно широко по всей территории Европы. Соответственно им посвящена обширная литература. В контексте карельских находок наиболее интересны, безусловно, аналогии с территории Северной и Центральной Европы, а также Прибалтики и прилегающих районов Новгородской земли. В Западной и Северной Европе они датированы временем не ранее второй половины XII века [Blomquist 1947: 132–139; Platt, Coleman-Smith 1975: 258 fig. 241: 1756; Kirme 1986: 24–25]. На Северо-Западе России находки таких фибул известны в Новгороде с XII века, на Ижорском плато и гдовских курганах [Седова 1981: рис. 31: 1, 3, 16, рис. 33: 1, 2; Спицын 1896: табл. X: 9, 10, табл. XII: 11; Спицын 1903: табл. XIV: 14, 21, 27]. Но следует заметить, что датировки, приводимые А. А. Спицыным, устарели и в значительной мере скорректированы Ю. М. Лесманом [Лесман 1984а: 134–140, табл. 1, тип 34; Лесман 1990б: 77–78].

Что касается находок в Финляндии, то К. А. Нордман объяснял их широкое распространение и популярность лидирующей позицией Готланда в балтийской торговле [Nordman 1924: 176–178]. П. Сарвас, соглашаясь с предыдущим мнением, несколько позднее уточнил время появления кольцевидных фибул в погребениях на территории Финляндии, отнеся их не ранее чем к XIII–XIV векам, и предположил, что это было в целом следствием усиления влияния Ганзы [Sarvas 1971: 59]. По подсчетам П. Пурхонен, в недавнее время в Финляндии было известно более 40 находок кольцевидных фибул в погребениях, относимых к эпохе Крестовых походов [Purhonen 1998: 134–135, 260–261].

К. А. Нордман датировал кольцевидные фибулы в могильниках Карелии XIII — началом XIV века на основании находки в погребении № 9 могильника Тууккала, где такое изделие было обнаружено вместе с двумя овально-выпуклыми фибулами и серебряной круглой брошью. Кольцевидные фибулы были обнаружены также в погребениях № 2 и 3 могильника Кекомьяки

в одном комплексе с подковообразными серебряными фибулами (тип II:2, по А. И. Сакса), причем погребение № 3 этого могильника сходно по составу сопроводительного инвентаря с погребением в Тууккала [Nordman 1924: 9–10, 177–178, 196].

Типология кольцевидных фибул ввиду их массовости и разнообразия достаточно детально разработана для различных регионов Северной и Восточной Европы. Например, детальная типология датских фибул предложена в работе М. Севсе [Søvsø 2009: 183–210, fig. 2]. Шведские находки, преимущественно в Лунде, проанализированы в небольшой статье Р. Бломквиста [Blomquist 1947: 120–155], ирландские — в монографическом исследовании М. Дииви [Deevy 1998], прибалтийские (Эстония, Латвия) — К. Кирме [Kirme 1986: 24–25] и Х. Валком [Valk 1999: 85–100], наконец, финляндские подробно рассмотрены в работе В. Иммонена [Immonen 2009: 255–267]. Находки в слоях Новгорода проанализированы М. В. Седовой и Ю. М. Лесманом [Седова 1981: 89–92; Лесман 1990б: 78; Лесман рукопись, в печати], на территории Восточной Европы — В. А. Мальм, которая датировала их в целом XIII–XV веками [Мальм 1967: 168–173].

В карельских грунтовых могильниках обнаружены только пластинчатые экземпляры кольцевидных фибул, за исключением фибулы из погребения № 31 могильника Кюлялахти, которая имеет уплощенно-треугольное сечение, и маленькой бронзовой застёжки в погребении № 80 того же могильника. В историографии сложилось устойчивое мнение, что в целом такой тип фибул несколько моложе, чем с объемной в сечении дугой, и появляется не ранее, чем в конце XII века, но наибольшей популярности достигает в XIV столетии в регионах Западной и Северной Европы [Immonen 2009: 258–259]. В течение XV столетия такие фибулы значительно реже стали использоваться в costume, хотя в отдельных случаях их находки известны и в более позднее время в формах так называемых «крестьянских» или «простонародных» фибул [Deevy 1998: 10–11; Tamla, Kuidsoo 2005: 76–77].

В погребениях могильника Кюлялахти встречены следующие типы замкнутых фибул:

1. Пластинчатые кольцевидные фибулы со слабовыраженным подтреугольным или уплощенным сечением дуги, неорнаментированные

Фибула из погребения № 31 (рис. 52–1а, b). Целая серия таких фибул известна в погребениях или обнаружена случайно в могильниках Тууккала и Висулахти в районе Миккели [Purhonen 1998: 260–261, № 6, 9, 22, 26, 30].

Северная Европа. Этот простейший тип кольцевых фибул (тип 1.1) М. Севсе датировал XII–XV веками [Søvsø 2009: 187, fig. 8].

Новгород. В Новгороде замкнутые цельные неорнаментированные фибулы датированы временем с 1177 по 1369 годы (с 17 по 10 ярус [Лесман рукопись, в печати]).

Финляндия. Фибулы рассматриваемого типа (тип “В”, по Иммонену) имеют, видимо, длительный период бытования, начиная с конца XIII века вплоть до Нового времени [Immonen 2009: 259].

Прибалтика. Такой же широкий период бытования имеет рассматриваемый тип замкнутых фибул (группа 6, по классификации Х. Валка) в Эстонии [Valk 1999: 86, 95].

2. Пластинчатые кольцевидные фибулы, дуги которых соединены мотивом рук в рукопожатии

К такому типу фибул относятся изделия, обнаруженные в комплексах погребений № 7, 64 и 88 (рис. 23—1а, b; 97—1а, b; 117—1а, b).

Западная Европа. Изделия такого типа широко распространены по территории Европы, включая Ирландию. Ирландские экземпляры датированы XIII—XIV веками на основе английских и французских параллелей [Deevy 1998: 23—24].

Центральная и Северная Европа. В Германии фибулы этого типа датированы временем не ранее второй половины XIII века [Heindel 1986: 74]. Датировка XIV столетием подтверждена находками в кладе ювелирных изделий из Притцвалка (северный Бранденбург), датированном 1392 годом [Krabath, Lambacher 2006: 71—72]. Для находок в Швеции, в том числе в Готланде и Дании, их даты также основаны на точных датировках кладов, которые известны не ранее XIV века [Edgren 1999: 16; Søvsvø 2009: 195]. Таким образом, широкое распространение в Северной Европе таких фибул во второй половине XIII века маловероятно. Наибольшей популярности они достигают позднее.

Новгород. Известен такой тип фибул в Новгороде в слоях 60—90-х годов XIV века, что не противоречит времени их бытования в Европе [Седова 1981: 91, рис. 33—1]. Кроме того, согласно Ю. М. Лесману, изображения руки известны на новгородских изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1989а: 84]. Также следует отметить, что на изделиях из погребений № 64 и 88 в Кюлялахти возле «запастий» нанесен орнамент в виде четырехугольника, внутри которого — перекрещенные косые линии. Это может быть стилистической имитацией манжет, во всяком случае возникает такое впечатление при внимательном рассмотрении этих вещей. Углубленный или рельефный орнамент из зон, покрытых простой решеткой, по материалам Новгорода датирован временем после 1161 года (после 18 яруса и выше) [Лесман 1989а: 84].

Финляндия. На основании находок из стратифицированных слоев Турку В. Иммонен (тип “Н”) определяет даты находок в Финляндии временем не ранее XIV века [Immonen 2009: 262].

3. Пластинчатые кольцевидные фибулы, дуги которых соединены мотивом двух пар рук в рукопожатии и с надписями

Экземпляр из погребения № 7 в Кюлялахти сочетает в себе черты двух типов: помимо рукопожатия, это изделие относится к типу фибул с надписями и содержит буквы “MM MVA” на внешней стороне дуги, что, вероятно, является имитацией надписи “AVE MARIA” (рис. 23—1а, b). Находки кольцевидных фибул, сочетающих в себе как рукопожатия, так и надписи, в Карелии, кроме Кюлялахти, пока неизвестны.

Центральная Европа. В Германии фибулы этого типа датированы временем не ранее второй половины XIII века [Heindel 1986: 67, 74—75].

Северная Европа. В Северной Европе фибулы рассматриваемого типа (тип 3.2, по М. Севсе) датированы XIV веком, не ранее [Søvsø 2009: 188, fig. 8].

Новгород. В Новгороде в слоях 60–90-х годов XIV века найдена фибула, дуги которой соединены мотивом рукопожатия, с надписью “IAIVIANRXI” [Седова 1981: 91, рис. 33–1]. Как уже было отмечено, изображения руки известны на новгородских изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1989а: 84].

4. Пластинчатые фибулы с конусами скани

Погребение № 8 могильника Кюлялахти (рис. 25–1а, б). В районе шейного отдела позвоночника погребенной женщины была обнаружена кольцевидная серебряная с позолотой фибула с 21 конусами скани и каплями зерни между ними. Изделие центральноевропейского производства, в памятниках Северо-Запада и Восточной Европы в целом аналогии неизвестны.

Центральная и Северная Европа. Фибулы, похожие по идее исполнения, но отличающиеся формой дуги, известны в кладе из города Притцвалк в Северной Германии (Северо-Западный Бранденбург), датирующемся 1392 годом, а также в кладе из Щецина (современная Польша) [Krabath, Lambacher 2006: kat-nr 36, 42, abb. 16]. Правда, экземпляр из Кюлялахти оформлен несколько скромнее, чем указанные предметы, что не делает данную находку менее значимой.

Это изделие может быть отнесено к большой группе замкнутых фибул с выступами. По датским материалам Х. Севсе датирует этот тип (тип 2.7 по его типологии) 1200–1300 годами [Søvsø 2009: 188, fig. 8]. По всей видимости, фибула именно этого типа изображена на скульптуре английской королевы Беренгарии (умерла в 1230 году), жены Ричарда Львиное Сердце, датированной 1235 годом, прорисовка которой приводится Р. Бломквистом [Blomquist 1947: Bild. 2].

Новгород. На территории Руси в целом и в Новгороде в частности аналогии рассматриваемому изделию неизвестны. Тем не менее изделие обладает хронологически значимыми признаками по новгородской шкале: фибулы замкнутые цельные пластинчатые датированы в Новгороде 1177–1382 годами (17–8 ярусы), фибулы замкнутые цельные с гладким (не считая выемки для иглы) внешним краем датированы 1177–1369 годами (17–9 ярусы) [Лесман 1990б: 78; Лесман рукопись, в печати].

5. Маленькая (диаметром около 20 мм) бронзовая кольцевидная застёжка без орнамента

Такое изделие было обнаружено при погребении № 80 (рис. 109–I). Она также имеет пластинчатую дугу, но в отличие от других фибул в рассматриваемом могильнике ее дуга развернута не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной.

ПЕРСТНИ

В европейской литературе, преимущественно искусствоведческой направленности, существует множество сводных публикаций средневековых

перстней [Scarisbrick 1993, 2007; Campbell 2009 и др.], в том числе и отдельных регионов, например Англии [Oman 1974]. Эти публикации содержат огромный материал. Тем не менее разработки обобщающих типологических схем перстней позднего Средневековья еще далеки до завершения. В этом случае для перстней, обнаруженных в карельских могильниках, более применимы типологические и, как следствие, хронологические разработки на древнерусском материале.

Типология древнерусских перстней была намечена еще А. А. Спицыным [Спицын 1896, 1903], а затем разработана А. В. Арциховским [Арциховский, 1930: 9–25]. В дальнейшем результаты этих разработок использовались при публикации материалов из раскопок в Новгороде [Седова 1981: 93–121] и памятников (преимущественно погребальных) сельских районов Древней Руси [Недошивина 1967: 253–274; Сарычева 1994: 85–97]. На новгородских материалах Ю. М. Лесман изменил традиционный подход к типологии перстней, основанный на иерархическом упорядочивании типов, разработав «диагностическую типологию» (по его терминологии), задачей которой является получение диагностических, в данном случае, хронологически значимых типов [Лесман 2004: 138–156; Лесман; рукопись в печати]. Автор выделил четыре большие конструктивные группы перстней: пластинчатые, массивные, щитковые (собственно щитковые, печатные и перстни со вставками) и проволочные: витые и плетеные, ложнопроволочные и дрововые (однооборотные и спиральные) и их морфологические и конструктивные варианты — и дифференцировал перстни на типы по целому комплексу параметров. При этом часть типов включают перстни различных конструктивных групп (Лесман 1984: 135, табл. 1, 1990: 46–55; рукопись, в печати)¹. При этом часть типов включает перстни различных конструктивных групп [Лесман 1984а: 135, табл. 1; Лесман 1990б: 46–55; Лесман рукопись, в печати].

1. Перстни плетеные многопроволочные

Целая серия плетеных многопроволочных серебряных перстней обнаружена в погребениях № 3, 13, 38, 55 и одна случайная находка, видимо, из разрушенного захоронения (рис. 19–4а, б; 34–5; 64–1; 83–I).

Новгород. Плетеные перстни известны в курганных древностях Северо-Запада России и в культурных слоях Новгорода [Недошивина 1967: 263–264, рис. 33:9; Седова 1981: 125, рис. 45–11, 16, 17; Лесман 1990б: 51; Лесман рукопись, в печати]. М. В. Седовой опубликован золотой перстень начала XIV века, по типу идентичный найденным в некрополе Кюлялахти [Седова 1981: 127, рис. 48]. Перстни плетеные датированы в Новгороде предположительно 1161–1382 годами (предположительно 18–8 ярусы) [Лесман 1990б: 51].

2. Перстни щитковые

а) Перстень с линзовидным щитком из погребения № 30 (рис. 48–4). В центральной части погребения был расчищен бронзовый перстень с золо-

¹ Для каждого перстня существует значительное количество хронологически значимых типов (10 и даже более). Но мы будем указывать только те, которые определяют дату конкретной вещи в рамках новгородской хронологии.

тым щитком, на котором имеется зооморфное изображение кошачьего хищника. Перстни с линзовидным щитком датированы по новгородской хронологии временем после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1990б: 53]. Точных аналогий изображению хищника на перстнях найти пока не удалось.

б) Перстень с плоским круглым щитком. Такой перстень входил в состав комплекса погребения № 90 (рис. 119—3а, б). На щитке имеется гравированное крестовидное изображение. Изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни с плоским круглым щитком — дата после 1238 года (после 14 яруса), перстни с крестом или крестовидным изображением в центре щитка — дата после 1238 года (после 14 яруса) [Лесман 1990б: 52; Лесман рукопись, в печати].

в) Перстни с ромбическим щитком

1) Пластинчато-щитковый незамкнутый перстень

В погребении 57b могильника Кюлялахти Калмистояки был найден бронзовый пластинчато-щитковый перстень с ромбическим расширением в центральной части (рис. 87—1а, б).

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни пластинчатые и литые пластинчато-щитковые или массивные широкосрединные узкие и средние (максимальная ширина от 5 до 17 мм) — дата до 1340 года (до 10 яруса), перстни с треугольной в сечении шинкой, как простые замкнутые и незамкнутые, так и ложновитые, щитковые, печатные, — дата после 1224 года (после 15 яруса) [Лесман 1990б: 48—49; Лесман рукопись, в печати].

Таким образом, по совокупности хронологически значимых типов этот перстень может быть датирован в рамках новгородской хронологии 1224—1340 годами (15—10 ярусы).

2) Перстень с ромбическим щитком

В центральной части погребения № 33 могильника Кюлялахти Калмистояки в районе грудной клетки был обнаружен бронзовый перстень с ромбическим щитком [Бельский, Лааксо 2009: 157].

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни со щитком (без печатных и перстней со вставками) большой длины (не меньше 17 мм) — дата: 1116—1396 годы (20—7 ярусы), декор ложной зернью поверх проходящего по краю щитка или печатки рельефного валика — дата: 1313—1409 годы (10—6 ярусы) [Лесман 1990б: 52—54; Лесман рукопись, в печати].

Таким образом, по совокупности хронологически значимых типов этот перстень может быть датирован в рамках новгородской хронологии 1313—1396 годами (10—7 ярусы).

г) Перстень с высоким ажурным щитком

Уникальный перстень был найден в комплексе погребения № 59 (рис. 90—1а, б). Сделан он был следующим образом: на пластинчатую бронзовую шинку припаяна ажурная серебряная верхушка конической формы сечения, происходящая, очевидно, от другого артефакта, но использованная вторично.

Центральная Европа. Похожий по форме вершушки перстень известен в уже упоминавшемся кладе из Притцвалка, правда, имеет орнаментацию по кольцу и внутри самой печатки в виде розетки [Krabath, Lambacher 2006: kat-nr 418].

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие обладает хронологически значимым типом: перстни с шинкой, изготовленной отдельно от щитка, а затем соединенной со щитком, — дата после 1116 года (после 20 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

д) Пластинчатые замкнутые узкие перстни (максимальная ширина 5 мм)

Перстни такого типа найдены в двух погребениях: № 31 и 63 (рис. 52—3а, б; 96—1).

Новгород. По М. В. Седовой, перстни такого типа составляют особую узкохронологическую группу XIV—XV веков [Седова 1981: 132—133]. По подсчетам Ю. М. Лесмана, в Новгороде встречено 14 экземпляров таких перстней, которые не известны ранее 1340 года [Лесман рукопись, в печати].

ПРИВЕСКИ

Эта категория изделий и их классификация неоднократно привлекали внимание исследователей как в рамках общих работ и публикаций [Спицын 1896, 1903; Седова 1981: 23—71], так и в специальных исследованиях, посвященных отдельным их категориям: медальонам, амулетам, нагрудным и поясным привескам, зооморфным украшениям Древней Руси и финно-угров (например: [Седов 1968: 156—157; Журжалина 1961; Успенская 1967; Голубева, Варенов 1978; Рябинин 1981; Покровская 2005: 161—174]). Хронологически значимые типы привесок из новгородских раскопок были специально рассмотрены Ю. М. Лесманом [Лесман 1990б: 55—68; Лесман рукопись, в печати].

1. Нагрудная фестончатая привеска из погребения № 1

Изделие представляет собой плоскую (толщина около 3 мм) почти дисковидной формы пластину с двумя рядами колец в нижней части и тремя рядами отверстий меньшего диаметра в ее основной части (рис. 15—2а, б). Отверстий меньшего диаметра — 16, они расположены тремя почти параллельными рядами — по 6 в верхнем и по 5 в среднем и нижнем рядах. Два ряда крупных колец в нижней части пластины расположены также параллельно друг другу, но так, чтобы кольцо нижнего ряда, состоящего из четырех колец, находилось между двумя кольцами верхнего ряда, состоящего из пяти. Форма изделия такова, что нижние ряды крупных колец выступают за границы основной части пластины, создавая впечатление двучастности изделия, — основная часть пластины декорирована нижними рядами колец-фестонов. В верхней части пластины сделано длинное овальное сквозное отверстие, за которое подвешивалось все изделие посредством льняных нитей. Их остатки сохранились на правой и левой сторонах перемычки и были выявлены при реставрации изделия. При расчистке изделия в лабораторных

условиях выяснилось, что к одному из колец привязан хорошо сохранившийся кожаный ремешок шириной 0,5 см, на другом конце которого сохранился фрагмент бронзовой проволоки.

Финляндия. Прямых аналогий данному изделию неизвестно. Однако существует одна категория изделий, сходная с украшением из погребения № 1 в Кюлялахти. В Теува Лаутамяки был найден похожий артефакт, предположительно фибула, состоящая из широкого орнаментированного бронзового кольца с рядом из четырех колец в нижней части [Kivikoski 1973: taf. 123, abb. 1112]. Э. Кивикоски предположила, что форма данного артефакта сходна с находкой из Луккаринмяки эпохи Меровингов [Kivikoski 1973: 64, abb. 423]. Вероятно, данный артефакт продолжает линию развития таких изделий. Однако он, несомненно, является подвеской, что, на мой взгляд, ставит его в один ряд с так называемыми арочными привесками, широко распространенными в Прибалтике.

Новгород. Изделие может быть отнесено к типу привесок с рядом из двух и более литых или припаянных колечек для привешивания к ней других привесок: цепочек, колокольчиков. Такие привески в Новгороде датированы 1161–1382 годами, возможно, и позже (18–8 ярусы, возможно, выше) [Лесман рукопись, в печати].

2. Привеска-кулон из погребения № 13

Своеобразная подвеска-кулон была обнаружена в комплексе погребения № 13 у левой стороны нижней челюсти погребенной (рис. 34–3). Она представляла собой полую сферическую бусину, украшенную ложной зернью, диаметром около 1 см с двумя ушками: в верхнее, по всей видимости, продевался шнурок, на нижнее была закреплена плоская «сердцевидная» подвеска длиной 1,2 см. Изделие сделано из золота либо из серебра очень высокого качества.

Центральная и Западная Европа. Схожие изделия известны из клада в Щечине, датированного началом XV века, и в слоях средневекового Лондона [Krabath, Lambacher 2006: abb. 16; Egan, Pritchard 1991: 322].

Появление листовидных привесок на разного типа вещах (височных кольцах, серьгах, пуговках и т. д.) характерно для XIV–XV веков. Такие привески распространены очень широко — от Болгарии до Польши, Украины и Центральной Европы [Петрунова 2006: 189–203].

3. Привески зооморфные

Зооморфные привески — полые «коньки» (группа VI, тип XX, по Е. А. Рябинину [Рябинин 1981: 35, рис. 10, табл. 4]) — завершали комплексы поясных привесок в погребениях № 54 и 59 (рис. 81–5f, 90–3b).

Восточная Европа. Ареал подвесок XX типа — огромные территории Руси и прилегающие районы. Е. А. Рябинин отметил, что особенно примечательно скопление полых коньков в крупнейшем центре Северо-Западной Руси — Великом Новгороде. Дата таких изделий, по мнению исследователя, XII–XIII века [Рябинин 1981: 39, 43].

Новгород. По подсчетам М. В. Седовой, за период с 1953 по 1973 год здесь обнаружено 48 целых и 22 фрагментированных изделия рассматриваемого

типа [Седова 1981: 31, рис. 9]. Такая концентрация зооморфных украшений сходного типа резко выделяет Новгород из числа всех поселений Восточной Европы. Наиболее ранние экземпляры найдены в слое конца XII века, самые поздние относятся к концу XIV — началу XV века. Период их наибольшего распространения в Новгороде — 1250—1350 годы [Седова 1981: 31—34]. И одноглавые, и двуглавые изображения существовали одновременно [Покровская 1993: 146—147, рис. 1—4, 6]. Преемственной, эволюционной смены выделенных серий объемных подвесок на новгородском материале не является [Рябинин 1981: 42]. Согласно хронологическим исследованиям Ю. М. Лесмана, полые коньки датируются в Новгороде в пределах 1161—1382 годов (18—8 ярусы) [Лесман 1990б: 58] при особом увеличении их количества в XIII веке [Покровская 1993: 147; Покровская 2005: 165]. Изделие из погребения № 54 имеет дополнительный тип — изделие с ложной сканью («грива» привески). Дата: после 1224 года (после 15 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА

В разделе рассматриваются изготовленные из железа или цветных металлов части различных предметов, крепившиеся преимущественно на основу из кожи.

Ввиду типологического разнообразия и семантической значимости в структуре костюма [Плетнева 1967: 161—166] ременная гарнитура часто привлекает внимание исследователей, но зачастую в публикациях рассматриваются либо отдельные категории находок, либо типы, бытующие в отдельный ограниченный период времени. Что касается ременной гарнитуры древнерусского времени, то первые публикации, имеющие характер предварительного обобщения археологического материала, относятся к концу XIX — началу XX века [Спицын 1896; Спицын 1903]. В них детали ремней рассматривались наряду с прочими курганными находками. Лишь век спустя в монографии В. В. Мурашевой была проанализирована одна из функциональных деталей ремней — накладки (как на средние части, так и на концы ремней) [Мурашева 2000]. Публикуя новгородские ювелирные изделия, М. В. Седова привела классификацию различных деталей ременной гарнитуры, опираясь на предшествующие публикации, в основном конца XIX — начала XX века, и указывая их некоторые аналогии [Седова 1981: 144—153].

Подробную типологию и хронологию деталей ременной гарнитуры новгородской коллекции разработал Ю. М. Лесман [Лесман 1984а: 137—138, табл. 1; Лесман 1990б: 72—73, 78—79; Лесман рукопись, в печати]. Новгородская коллекция изделий, являющихся частями ременной гарнитуры, разнообразна функционально и морфологически, в силу чего и число хронологически значимых типов относительно невелико. Большинство из них охватывают вещи одной категории, но некоторые объединяют различные детали поясов, образующие единые стилистические или технологическо-морфологические группы.

Также следует отметить некоторые статьи, посвященные поясам, однако в них фактически рассматривается лишь одна группа [Фоняков 1986: 62–65; Михайлов, Соболев 2000: 222–228].

Западноевропейская поясная гарнитура XIII–XV веков (преимущественно пряжки) была проанализирована в монографиях Е. Фингерлин, Р. Уайтхеда, С. Крабата [Fingerlin 1971; Whitehead 1996; Krabath 2001].

Элементы поясной гарнитуры встречены в погребениях № 16, 33, 39, 46, 64, 84 (мужские) и № 8, 30, 54, 59, 61 (женские).

В погребениях № 16, 39 и 84 представлены только железные поясные пряжки четырехугольной (в погребениях № 16 и 39) и, вероятно, круглой или овальной формы (в погребении № 84) (рис. 40–1; 65–1; 113–2). Данные артефакты имеют достаточно плохую сохранность. В погребении № 16 помимо пряжки встречены два кольцевидных железных поясных разделителя без декора четырехугольного сечения; в погребении № 39 обнаружен один подобный разделитель. Кольцевидные бронзовые разделители найдены в погребениях № 39, 30, 54, 59, 61 (рис. 97–2).

1. Разделители поясов

В погребении № 33 встречен характерный для карельских грунтовых могильников более раннего, чем некрополь Кюлялахти, периода (рис. 55–2). Артефакт обнаружен у фрагментов правой бедренной кости и представлял собой крупный (диаметром 5 см) бронзовый (возможно, с позолотой) ременной разделитель с углубленным геометризованным растительным орнаментом. На одной из его частей (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно пояса, шириной 0,8 см.

Такие разделители ремней известны в карельских грунтовых могильниках, изученных Т. Швиндтом в 1880-е годы. Они входили в комплекс сопроводительного инвентаря погребений № 2 в могильнике Суотниэми (2 экз.) и № 1:1 в Кекомьяки (4 экз.) [КМ 2487: 20, 21; 2489: 21a–d; Schwindt 1893: 83, 417, 418; Kivikoski 1973: Abb. 1205].

В погребении № 30 комплекс поясной привески крепился к бронзовому поясному кольцу (рис. 50–1), обладающему хронологически значимым типом по новгородской шкале: круглые замкнутые кольца большого размера (диаметр не менее 34 мм) — дата после 1096–1369 годов, возможно, и позже (21–9 ярусы, возможно, позже).

2. Ременная гарнитура из погребения № 46

В состав гарнитуры входили: поясная пряжка с двумя выступами по краям рамки, три накладки с фигурным краем и два поясных кольца, круглые в сечении (рис. 72–1a–e). Пряжка соединена с накладкой трапециевидной формы, имеющей фигурное завершение с противоположного от рамки края. Идентичный найденным в погребении № 46 могильника Кюлялахти наконечник известен среди находок из Тиверска в раскопках С. И. Кочкуркиной [Кочкуркина 2010: 179, табл. 3, 6].

Центральная Европа. Это изделие имеет аналогии среди «профилированных» пряжек группы № 5, выделенных Е. Фингерлин [Fingerlin 1971: 73,

№ 83, kat. nr. 101, № 85, kat. nr. 461]. Такие изделия датированы временем не ранее XIII века, возможно, до начала XIV века [Fingerlin 1971: 72–74]. Однако дополнительные возможности для датировки пояса в целом дают наконечники ремня с фигурным краем. Такие же изделия, только более вытянутых пропорций из Домбурга, датированы Е. Фингерлин первой половиной XIV века [Fingerlin 1971: 98–99, № 136, kat. nr. 333].

Новгород. Дополнительные возможности для датировки накладок дают некоторые морфологические хронологически значимые типы по материалам Новгорода: накладки ременные со шпеньками, не отлитыми вместе с накладкой, а припаянными или вставленными в отверстия в накладках, — дата после 1238 года (после 14 яруса), накладки ременные недекорированные — дата: 1134–1382 годы (19–8 ярусы) [Лесман рукопись, в печати].

3. Ременная гарнитура из погребения № 8

В погребении № 8 могильника Кюлялахти Калмистомяки была обнаружена ременная гарнитура (рис. 25–5а–о). Возможно, некоторые мелкие бляшки, а также пряжка не сохранились. Пояс не был надет на покойную (это было погребение женщины, помимо ременной гарнитуры содержавшее кольцевую фибулу, бронзовую пуговицу и нож), а положен сбоку, вдоль правой стороны, причем наконечником в сторону головы. В момент расчистки изделие представляло собой несколько скоплений трудноопределимых сильно коррозированных железных артефактов, расположенных у костей правого плеча, предплечья и у таза. После расчистки в лаборатории выяснилось, что изделие представляет собой почти полный поясной набор удовлетворительной сохранности.

Ременная гарнитура состоит из наконечника, трех крупных фигурных бляшек и 11 мелких. Составляющие ее элементы сделаны из железа и украшены узором из тонкой серебряной проволоки, нанесенным методом поверхностной насечки [Флеров 2001: 156–157].

Наконечник. Наконечник подпрямоугольной формы с треугольным выступом на одном конце и с треугольным же вынутым сегментом — на другом. Орнамент из серебряной проволоки состоит из парных прямых параллельных линий, повторяя форму контура. Ближе к центру также следуют парные параллельные линии. Внутри них вписаны восемь треугольников, составленные из геометризованной спирали, чередующиеся по позиции острием вверх, затем острием вниз.

Бляшки крупные. Три экземпляра. Форма бляшек представляет собой фестончатую розетку с отверстиями. Фестоны формируют лепестки секировидной формы. Одна бляшка имеет восемь лепестков, две других — по шесть. В центре каждой из бляшек — сферическая бронзовая заклепка. С внутренней стороны — железная скоба, посредством которой они крепились к кожаной основе. Не совсем понятно, почему одновременно на изделии присутствуют два вида крепления — с помощью заклепки и скобы. Орнамент также из серебряной проволоки: от центра расходятся парные прямые линии, образуя таким образом восемь или шесть секторов. Между ними вписан спиралевидный завиток, закрученный против часовой стрел-

ки. От сектора внутрь фестона отходит секировидный контур, внутри каждого из секторов — спиралевидный завиток, ниже — зигзагообразный мотив.

Бляшки стреловидные. Шесть экземпляров, которые несколько отличаются размерами. Имеют два «криновидных» выступа у острого конца и два выступа по бокам. Орнамент также из серебряной проволоки двух типов: первый тип проходит внутри контура, повторяя форму бляшки, у основания — аркообразная фигура, второй тип — проволокой образована центральная ось симметрии, по обе стороны которой зигзагообразная линия.

Бляшки четырехугольные. Различаются размерами, у более крупной по размеру с краю закреплено железное кольцо. У этой же бляшки орнамент в виде парных параллельных линий, повторяющих контур и образующих четырехугольник, внутри них ряд сомкнутых тупыми углами смежных ромбов. У другой, более мелкой, бляшки орнамент также в виде парных параллельных линий, повторяющих контур, внутри них — зигзаг.

Бляшки продолговатые ромбовидные. Три экземпляра (два во фрагментах). Форма состоит из центрального ромба с двумя округлыми расширениями по краям. Орнамент — вписанный ромб, внутри — вертикальный зигзаг.

Таким образом, рассмотренная поясная гарнитура представляет собой фрагменты, по всей видимости, кожаного пояса с несколькими (тремя?) поясными привесками. К элементам основного пояса относятся наконечник, три крупные фестончатые бляшки и четырехугольные пряжки (кольцо, укрепленное на краю одной из них, свидетельствует о том, что к нему что-то подвешивалось). Стреловидные же бляшки, надо полагать, служили наконечниками привесок.

Центральная и Западная Европа. Разнообразной формы розетковидные бляшки, служившие украшением пояса или перевези ремня, становятся чрезвычайно популярными в Европе с начала XIV века [Fingerlin 1971: 103–104, № 157, kat. nr. 324; Egan, Pitchard 1991: 26].

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БУСЫ ИЛИ ПУГОВИЦЫ

Характерным элементом погребального костюма, зафиксированного в комплексах некрополя Кюлялахти, были серебряные (часто с позолотой) бусины или пуговицы различных типов. В подавляющем большинстве случаев они встречены в погребениях в единичных экземплярах. Но их местоположение при погребении различно, поэтому они могли выполнять функцию пуговиц, но быть нашитыми на другие элементы одежды, а не только на ворот, быть украшением запястий или зажатыми в кулаке.

1. Бусы литые бронзовые, орнаментированные рельефными колечками

Бусина такого типа входила в состав комплекса поясной привески в погребении № 13 (рис. 34–6).

Новгород. По новгородской хронологической системе бронзовые бусы сочетают в себе несколько хронологически значимых типов: бусы литые (после 1076 года, 22 ярус и выше), выпуклые кружки в декоре ювелирных

изделий (1161–1382 годы, 18–8 ярусы) [Лесман 1989а: 82–87; Лесман 1990б: 81; Лесман рукопись, в печати].

2. Крупные шарообразные бусы или пуговицы с орнаментом из кружков скани и гладким ободком

Обнаружены в погребениях № 19, 30 (2 экз.) и № 34 (рис. 42–1; 48–3а, б; 56–3). Такие изделия могли быть как одной пуговицей, так и подвеской, нашивкой или украшением, имевшим несохранившуюся органическую основу. В равной степени они могли быть зажаты в кулаке погребенного или лежать, к примеру, в кошельке: в погребении № 19 бусина была обнаружена у левой бедренной кости, в погребении № 13 — среди костей кисти рядом с перстнем.

Видимо, они являются производной формой XIV–XV веков от более ранних образцов домонгольского периода¹.

3. Бусы или пуговицы биконической формы, в центральной части которых рифлением выделена орнаментальная зона

Таких бусин обнаружено две — в погребениях № 53 и 71 (рис. 80–1а, б; 103–1а, б).

Восточная Европа. Вероятно, прототипами таких изделий были биконические бусины, украшенные вытянутыми треугольниками зерни, входившие в состав Гнездовского клада 1868 года [Гущин 1936: 56, табл. IV–1, 7]. Идентичные бусинам, найденным в Кюлялахти, изделия известны во владимирском кладе 1865 года, в спасско-болгарском кладе 1888 года и в кладе из деревни Сельцы 1892 года [Гущин 1936: 72, 81–82, табл. XVII–9, XXXII–3, 8, 9, XXXIV–8–10]. Бусины, видимо, входили в состав парадных оплечий — барм, состоящих из медальонов, перемежавшихся с бусинами [Корзухина 1954: 56; Макарова 1986: 100]. В карельских же погребениях встречены лишь единичные экземпляры бусин, использовавшиеся, надо полагать, в качестве пуговиц. Г. Ф. Корзухина отнесла эти клады к выделенному ею IV хронологическому периоду (1170–1240-е годы) [Корзухина 1954: 145, 149].

Новгород. Похожая бусина, найденная в Новгороде в слоях второй половины XIII века, опубликована М. В. Седовой [Седова 1981: 155, рис. 61, 9], но она имеет зигзагообразный рифленый узор. На экземплярах из Кюлялахти присутствует, вероятно, лишь имитация зерни. Согласно выделенным Ю. М. Лесманом хронологически значимым типам декора на ювелирных изделиях Новгорода, выпуклый орнамент из параллельных рядов рельефных валиков, образующих вытянутую орнаментальную зону, ограниченную с двух сторон рельефными поперечными валиками, датирован 1096–1382 годами [Лесман 1989а: 84].

4. Ажурная биконическая бусина или пуговица

Изделие найдено в погребении № 32 (рис. 54–1а, б). Это ажурная полая серебряная с позолотой бусина продолговатой формы, сделанная из тонкой скани.

¹ Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Центра археологии Института культурного наследия АН Молдовы к. и. н. С. С. Рябцевой за ценные консультации.

Восточная и Южная Европа. В составе московского клада, найденного на территории Кремля и датированного домонгольским временем, есть две подобные бусины, по стилю и технике изготовления схожие с найденной в данном погребении [Панова 1986: 39–40, рис. 7]. В Карпато-Балканском регионе ажурные бусины, видимо, заимствованные с Востока, поскольку такой тип узора встречается на иранских вещах XI века, известны в разных изделиях, в том числе и на височных кольцах¹. Вероятно, изделие из погребения № 32 в Кюлялахти относится к тому же типологическому ряду.

5. Шарообразные гладкие пуговицы с ушком. Такие изделия найдены в погребениях № 8 (бронзовая), 19, 31, 57а, 58, 85, 87, 91 (рис. 25–2; 42–2; 52–2; 86–3; 105–3; 114; 120–2).

Центральная Европа. Шарообразные тисненные пуговицы с ушком распространены в Центральной Европе в XIII–XIV веках [Krabath 2001: 210–212, Abb. 42–5].

Новгород. Изделия этого типа широко представлены в слоях Новгорода с 21 яруса (после 1096 года) [Седова 1981: 155, рис. 61, 3–7; Лесман 1984а: 137].

6. Серебряные с позолотой шарообразные бусины с гладкой поверхностью

Изделия диаметром до 1 см, идентичные напущенным на височные кольца. Они обнаружены в погребениях № 3 (в районе грудной клетки), № 7 (у проксимального конца левой бедренной кости), № 12 (среди костей левой кисти, видимо, была зажата в кулаке), № 37 (в районе грудной клетки), № 39 (под костями крестцового отдела), № 46 (на тазовых костях), № 63 (2 экз.), № 67 (предположительно мужское) — 2 экземпляра: одна найдена возле нижней челюсти, вторая — между проксимальными концами бедренных костей, ближе к левой кости, № 86 — в районе грудной клетки (рис. 19–3; 23–2; 31–3; 62–2; 65–2; 96–2, 3; 100–6, 7). Очевидно, функцию пуговиц несут бусины, найденные в погребениях № 57а и 67, но местоположение остальных, возможно, свидетельствует, что они были либо зажаты в кулаке (погребение № 12 и, вероятно, № 46) или были украшениями запястий (своеобразные браслеты?). Не исключено, конечно, что они могли быть перемещены в результате естественных причин.

Таким образом, находки таких бусин-пуговиц (?) — не случайность, а особенность ритуального костюма. В связи с этим любопытным представляется следующее обстоятельство: в 1880-е годы на месте, называемом «кладбищем» (kalmostoksi), на острове Килпола, на участке Ханнукайнененов, местными жителями был найден меч, переданный затем в Выборг. После этого в 1885 году Т. Швиндт произвел здесь раскопки и обнаружил три могилы, вероятно, подростков [Schwindt 1893: 103–104; Кочкуркина 1981: 104, № 119]. На шее погребенных детей было положено по серебряной бусине с гладкой поверхностью [КМ 2486: 4, 6]. Эти бусины, видимо, использовавшиеся в качестве пуговиц, идентичны многим найденным в погребениях могильника Кюлялахти. Не исключено, что пока немногочисленные мате-

¹ Личная консультация С. С. Рябцевой.

риалы из могильников Северо-Западного Приладожья демонстрируют определенную вполне устойчивую локальную традицию в погребальном костюме, предусматривавшую наличие серебряных пуговиц, застегивавших, видимо, ворот одеяния вроде длинной рубахи. Причем зачастую каких-либо иных металлических вещей при погребении могло и не быть.

Кроме того, учитывая, что такие бусы идентичны напущенным на височные кольца, можно допустить, что они могут быть датированы также временем, когда такие височные кольца бытуют, а именно — после 1299 года.

7. Шарообразная пуговица с ушком, свернутая из рубчатой серебряной проволоки

Такое изделие представлено в единственном экземпляре в погребении № 37 (рис. 62—I).

БУСЫ СТЕКЛЯННЫЕ

1. Бусина из красного глухого стекла, гладкая, декорированная полихромными глазками с «ресничками»

Такая бусина обнаружена в составе поясной привески в погребении № 13 (рис. 34—6).

На Карельском перешейке и в Северном Приладожье найдено достаточно много бусин из разноцветного стекла (преимущественно желтого или зеленого), гладких, декорированных полихромными глазками с «ресничками», как в погребальных комплексах, так и на поселениях: Куркийоки Лопотти, Сортавала Хелюля Хернемьяки, городища Хямеенлахти и Паасо, крепость Корела и случайная находка в Хиитола Нехвола [Appelgren 1891: 125—143, kuv. 147; Schwindt 1893: kuv. 512; Кочкуркина 1981: 20, № 15; Кочкуркина 2010: 221, табл. 58—7, 8; Кирпичников 1979: 60—61].

Скандинавия. Й. Каллмер определяет датировку этого типа бус (тип B090) периодом после 960 года [Callmer 1977: 46, 77, 221, Pl. 6, 7, Colour pl. 1].

Северо-Запад. В слоях Старой Ладоги и в курганах Юго-Восточного Приладожья находки таких бус датированы первой половиной X века [Щапова 1956: 177—178; табл. II: 19—24; Кочкуркина 1990: 39].

Новгород. Согласно Ю. Л. Щаповой, находки бус этого типа сосредоточены в 20—28-м ярусах и датированы X—XI веками [Щапова 1956: 178]. По уточненным данным Ю. М. Лесмана, цилиндрические разноцветного стекла глазчатые бусы сохраняются в Новгороде до 1310 года (до 11 яруса) [Платонова, Жеглова, Лесман 2008: 183].

2. Бусы черного глухого стекла с инкрустацией продольными волнистыми полосами белого или желтого цвета, гладкие

Бусы этого типа обнаружены в составе поясных привесок в комплексах двух погребений могильника Кюлялахти: № 54 и 58 (рис. 81—5b; 106—2c).

Новгород. Гладкие бусы этого типа (тип II, по Ю. Л. Щаповой) распределяются в новгородских слоях с 22 по 16 ярус (1076—1197 годы) [Щапова 1956: табл. 16]. Автор при этом отмечает, что в Новгороде бусы этого типа исчезают намного раньше, чем в деревенских курганах [Щапова 1956: 177]. Это на-

блюдение подтверждается исследованиями Ю. М. Лесмана, который расширил период бытования этого типа в погребениях сельских районов запада Новгородской земли до 12 яруса включительно — до 1299 года [Лесман 1984а: 140, табл. 1–105].

3. Бусы шарообразные

Такие бусы входили в состав поясной привески из погребения № 59 (рис. 90–3а, б). Датированы в Новгороде 1096–1369 годами (21–9 ярусы) [Лесман 1984а: 139].

ЗАСТЕЖКИ-«АГРАФЫ»

Оригинальные застёжки, скреплявшие ворот верхней одежды, края платка (?) или ленты, были обнаружены в двух погребениях могильника Кюлялахти — № 34 и 67. Типологически сходное, но гораздо проще оформленное изделие входило в состав комплекса погребения Кекомьяки 1:4 [Schwindt 1893: 194; Kivikoski 1973: abb. 1101].

Застежка из погребения № 67 могильника Кюлялахти

В этом погребении в районе грудной клетки была обнаружена серебряная (возможно, с позолотой) застёжка с благочестивым изображением. Изделие состоит из двух элементов. Первый элемент — собственно образец круглой формы диаметром около 1 см, на котором имеется прорезное изображение архангела (?). Ушко для крепления сделано не сверху, как у подвесок, а с правого бока. Второй частью был серебряный крючок, украшенный розетковидным элементом с ложной зернью, который продевался в ушко иконки или образка. То есть данный артефакт служил своего рода застёжкой, скреплявшей ворот или полы одежды. Несмотря на то что полные аналогии найденной застёжки выявить не удалось, появление христианских сюжетов на металлических элементах европейского костюма должно рассматриваться как весьма характерное явление для XIV–XV веков¹.

Центральная Европа. Крайне любопытным является то обстоятельство, что это необычное изделие переделано из серебряной застёжки центрально-европейского производства. Почти прямые аналоги второму элементу-крючку известны вкладах, датируемых XIV веком и позже, в Центральной и Северной Европе, в том числе и в кладе из Прицвалька, датированном 1392 годом [Krabath 2001: 199–200, Abb. 37–3, 14; 38–6–8; Krabath, Lambacher 2006: 60–61].

Застежка из погребения № 34 могильника Кюлялахти

Застёжка двучастная, серебряная с позолотой, декорированная в технике тиснения. Состоит из функциональных элементов — крючка и петли. На тыльной стороне одной из частей застёжки припаян крючок. С тыльной стороны второй части припаяна петля.

¹ Автор выражает большую благодарность ведущему научному сотруднику ИИМК РАН д. и. н. А. Е. Мусину за ценные консультации и указания на литературу.

Скандинавия. Схожие изделия известны в кладе из Терэ (Tøre) в Швеции, датируемом концом XIV века [Krabath, Lambacher 2006: abb. 30].

Центральная Европа. Типологически сходные изделия известны в уже многократно упоминавшемся кладе из Притцвалка и Щецина [Krabath, Lambacher 2006: 38, 60–61, abb. 16, 42–43].

ГРУЗИКИ

В четырех погребениях некрополя (погребения № 13, 33, 54 и 59) были обнаружены дисковидные грузики, сделанные из различных материалов: оловянные (погребения № 13 и 59) (рис. 34–8; 90–6), шиферные (погребение № 33) (рис. 55–3) и сделанные из эпифиза кости (погребение № 54) (рис. 81–5с). Они, видимо, также крепились к поясу посредством отдельной веревки или шнура и свисали вдоль бедра, как и привески. Каково происхождение этой традиции, каковы причины такого не вполне традиционного использования этих изделий — на этот вопрос еще предстоит дать ответ.

Новгород. Дисковидные неорнаментированные свинцовые грузики датированы в Новгороде временем после 1340 года (после 9 яруса) [Лесман 1990б: 84].

НОЖИ

Ножи являются самой массовой категорией находок в комплексах некрополя Кюлялахти. Они встречены как в мужских, так и в женских захоронениях.

Ножи найдены в следующих мужских комплексах: № 7, 31, 44, 46, 49, 53, 57а, 64, 65, 67, 84 и 89 (предположительно мужское) (рис. 23–3; 52–4; 68; 72–2; 75; 80–3; 86–1; 97–5; 99–1; 100–2; 113–1); в женских комплексах: № 3, 8, 13, 30, 33 (возможно, женское), 38, 39, 59, 61, 83 (может быть, не связана с комплексом погребения) и 90 (рис. 19–5; 25–7а–с; 35; 50–3а, b; 55–5; 64–2а; 65–3; 92; 94–7; 119–4). За исключением несколько отличающегося по форме экземпляра в погребении № 67 и уникального экземпляра в погребении № 13, все ножи как в мужских, так и женских комплексах стандартизированы по форме и технологии производства. Никакого особого разнообразия в этой категории изделий не наблюдается. Все они представляют собой длинные и узкие экземпляры с прямой спинкой, отделенной от черешка двумя достаточно резко выделенными уступами, расположенными симметрично друг к другу. Черешок клиновидной формы, четырехугольный в сечении. Его ось совпадает с осью лезвия. Отличаются ножи размерами в силу, во-первых, сохранности, во-вторых, степени использования к моменту погребения. В некоторых погребениях, например № 49, покойному был положен совершенно источенный нож длиной всего 9,3 см, являющийся к тому же единственным артефактом, найденным при данном захоронении. Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры, очевидно, были новы-

ми или почти новыми на момент совершения того или иного захоронения. Стандартные размеры изделий: общая длина — 15–16 см при длине лезвия 9–10 см, максимальной его ширине около 2 см и толщине спинки около 0,5 см.

Рукояти. Все сохранившиеся рукояти ножей в комплексах некрополя Кюлялахти были деревянными, цилиндрической формы, диаметром чуть менее 2 см, длиной порядка 10 см. Они насаживались на черешок через продольный канал.

В погребении № 59 был найден нож с литой орнаментированной бронзовой рукоятью (рис. 92).

Бронзовые литые орнаментированные рукояти ножей являются типичной находкой в карельских грунтовых могильниках более раннего периода, известных преимущественно по раскопкам Т. Швиндта в 1880-е годы: Кекомьяки 1:3, Кекомьяки 3:2, Леппясмяки 4, Патья 1/1917, Паямьяки №21 [КМ 2489: 169, 294; 2494: 11; 7291: 27а; 10817: 9а; Schwindt 1893: kuv. 2, 12, 4; Kivikoski 1942: kuv. 6]. Как правило, они встречены вместе с орнаментированными бронзовыми оковками ножен, но в Кюлялахти такие комплексы уже отсутствуют. Ножи с орнаментированным плетеным узором бронзовыми рукоятями известны на Карельском перешейке, в Приладожье и Саво в количестве 26 экземпляров (с Кюлялахти — 28 экземпляров, так как есть еще одна случайная находка с поля примерно в 100 м от могильника).

Восточная Европа. Помимо Карелии они известны на Ижорском плато, в Кореле, Тиверском городке, Орешке, Копорье, в Новгороде, вплоть до Костромского Поволжья [Кирпичников 1979: 69–70, Кирпичников, Овсянников 1979: рис. 2:12; Варенов 1997: 94–103; Рябинин 1989: 31–32, рис. 3]. В Кореле, Тиверске, Орешке и Копорье эти находки датированы XIV веком.

Новгород. Известны находки таких рукоятей в Новгороде, наиболее ранние встречены в слоях 13 и 12 ярусов (1268–1299 годы), но они немногочисленны и серии не составляют. Тем не менее эти изделия сочетают ряд хронологически значимых типов декора: орнамент из одной простой ломаной линии, идущей по краю изделия или занимающей все орнаментальное поле (грань), — дата после 1161 года (18 ярус и выше); плетенка, плавно изогнутая, широкая (не менее 1,5 мм), продольно рифленая или гладкая — дата: 1177–1369 годы, возможно, и позже (17–9 ярусы, возможно, и выше); вьющаяся ветвь или ее элементы в процветших крестах, S-видных завитках и других мотивах стилизованная — дата: 1161–1369 годы (18–9 ярусы); растительный декор (ветвь, крин, дерево) геометризованный — дата: 1177–1382 годы (17–8 ярусы) [Лесман 1989а: 83–84; Лесман рукопись, в печати].

Обоймы рукоятей ножей явились выразительной чертой этой категории изделий в Кюлялахти. Они использовались для фиксации деревянной рукояти на черешке ножа. Верхняя делалась следующим образом: достаточно толстая железная пластинка (шириной 1,5–1,8 см, толщиной до 0,4 см) сгибалась по окружности рукояти, два края соединялись спайкой. Сверху напавалась еще одна пластина. Таким образом, получалось полое изделие цилиндрической формы, которое надевалось на верхнюю торцевую часть

деревянной рукояти и крепилось в ней посредством маленьких заклепок с двух противоположных сторон. Нижняя обойма делалась немного иначе: также сгибалась пластина вокруг рукояти, но с нижнего торца, со стороны лезвия, припаивалась третья, имевшая сквозной канал для прохода черешка. По двум сторонам канала делались два отгиба, которые припаивались к лезвию. Тем самым нижняя обойма крепилась к самому лезвию и укрепляла, таким образом, рукоять.

Уникальный нож из погребения № 13 (рис. 35)

Общая длина изделия после проведения реставрации составляет 19,5 см. Рукоять ножа длиной 10 см была сделана из куска корня дерева или из цельного тонкого ствола или ветки. Сохранился фрагмент поверхности рукояти, благодаря которому реконструируется общая длина ножа. Лезвие узкое, тонкое, с прямой спинкой. Исключительность изделию придают две серебряные обоймы рукояти — торцевая и нижняя, при переходе к лезвию. Торцевая в поле была расчищена в трех фрагментах: две половинки собственно обоймы рукояти и третий фрагмент монетовидного предмета, который являлся торцевым украшением и был припаян сверху к оковке. В реконструируемом виде это изделие имело цилиндрическую форму и надевалось на торцевую часть рукояти ножа. После проведения реставрации на торцевой части изделия отчетливо было различимо изображение короны с зубцами и двух готических букв “D” и “L”. На самой обойме также присутствуют прорезные готические буквы, три раза повторяющие сочетание “DEO LAUS” (лат. «СЛАВА ГОСПОДУ»). Нижний край всего изделия украшает прорезной ряд из восьми (три не сохранились) трехзубчатых корон, обращенных зубцами вниз, к лезвию ножа. Этот декоративный элемент напоминает готический крестоцвет или *флерон*. Ближайшая аналогия такому украшению на территории Руси — серебряная оковка ножен меча князя Довмонта [Артемьев 1992: 66–74].

На нижней обойме, опоясывающей часть рукояти, примыкающей к лезвию, после проведения реставрации был выявлен гравированный орнамент в виде вьющейся ветви и S-видных завитков, датируемый в Новгороде временем после 1116 года [Лесман 1989а: 84].

Фенноскандия. Стилистически почти полной аналогией рассматриваемому изделию является нож, найденный при раскопках места средневекового торгового пункта в Хегхолмен, в приходе Кемиосаари, в Западной Финляндии, проводившихся П. Хейсниеми [KM 76090:59, 63; Immonen 2009, vol. 2: 102]. Близкая аналогия верхней обоймы рукояти рассматриваемого изделия входит в состав готландского клада Амюнде 1361 года [Krabath, Lambacher 2006: 31, abb. 12].

Ножи с рукоятями, украшенными орнаментированными серебряными обоймами, известны в ряде комплексов карельских грунтовых погребений, датирующихся, правда, приблизительно на 100 лет ранее погребения № 13 в Кюлялахти. Например, на ноже из женского погребения 1:2 в могильнике Кекомьяки присутствуют две серебряные обоймы — верхняя и нижняя, укра-

шенные растительным орнаментом [Schwindt 1893: kuv. 10]. На ноже из погребения № 1 в Суотниэми сохранилась нижняя серебряная обойма с растительным орнаментом, напоминающая орнамент на ноже из погребения № 13 в Кюлялахти [Schwindt 1893: kuv. 15].

НОЖНЫ

Железные оковки ножен. Видимо, в большинстве случаев (если не во всех) ножи были помещены в ножны. Но далеко не все из них имели металлические оковки (бронзовые были найдены только в одном случае — в погребении № 30 (рис. 50—4а, б)), окислы которых консервируют органические материалы. Хорошо сохранившиеся железные оковки ножен были найдены в погребениях № 38 и 90 (рис. 64—2б; 119—5). Реставрационно-консервационные работы, проведенные с фрагментами ножен из этих погребений, предоставили дополнительные возможности для реконструкции формы ножен, в целом типичных для всех погребений могильника, где такие изделия были зафиксированы. Ножны были кожаными, сшитыми из одного куска. Крепились они с помощью железной оковки (за исключением ножен в погребении № 30), сделанной из двух пластин U-образной формы с шириной краев 0,5—0,8 см. Нижняя пластина имела расширение в нижней части. Она сгибалась так, чтобы два края примыкали с противоположных сторон к линии шва ножен вдоль лезвийной части. Таким образом, внизу образовывался наконечник ножен. В свою очередь один из краев верхней пластины загибался так, чтобы также сформировалось U-образное завершение. Здесь делалось отверстие, куда входило звено железной цепочки, посредством которой ножны крепились к поясу. Приблизительно на середине длины шва ножен обе пластины примыкали торцевыми краями друг к другу. Такие особенности технологического решения были прослежены на оковках ножен из погребения № 59, но, очевидно, это была стандартная технология.

Бронзовые оковки ножен. Единственным экземпляром ножен с орнаментированными бронзовыми оковками является изделие из погребения № 30 (рис. 50—4а, б). Благодаря им сохранились и сами ножны, и деревянная рукоять ножа. Бронзовые оковки данных ножен хотя и продолжают линию таких изделий, но значительно менее богато и качественно украшены. В данном случае бронзовый наконечник ножен охватывает всю их нижнюю половину, от него же вдоль двух продольных сторон отходят две параллельные друг другу узкие бронзовые пластины, крепящие шов ножен посредством заклепок. Такой способ крепления использован и в других сохранившихся ножнах в погребениях некрополя Кюлялахти, но там они были сделаны из железа (погребения № 38 и 90, рассмотренные выше). Посредством заклепок они скреплялись с основной пластиной оковки ножен. В верхней части каждой узкой пластины есть большое сквозное отверстие, куда продевалось кольцо железной цепочки, которая также частично сохранилась. С ее помощью ножны крепились к поясу. Бронзовые пластины проходили поверх двух кольцевых оковок, крепивших верхнюю часть ножен.

Таким образом, рассматриваемые оковки ножен могут быть отнесены к варианту типа III таких изделий, по типологии А. И. Сакса [Сакса 2010: 124]. Четыре известных ранее экземпляра (Суотниэми, погребение № 3 [КМ 2487: 53], Кекомьяки, погребение № 1 [КМ 2489: 169, 170], Ивасканмяки (разрушенное погребение [КМ 1922: 423, 424]) и Тууккала, погребение № 9 [КМ 2481: 167]) идентичны друг другу и вариантов в орнаментации не имеют. Оковки ножен перечисленных изделий были богато украшены прорезным и гравированным орнаментом в виде сплетенных лент с завитками на концах, поперечные оковки в верхней части украшены выпуклым «жемчужным» орнаментом, их края оформлены рядом треугольных вырезов [Schwindt 1893: kuv. 2]. Экземпляр из погребения № 30 в Кюлялахти оформлен значительно скромнее, поэтому и выделен в отдельный вариант данного типа. Вся нижняя часть этих ножен покрыта бронзовой оковкой, сделанной из единого листа, согнутого и склепанного по краям через шов кожаной основы ножен. С обеих сторон оковки имеются по два отверстия полукруглой формы, обращенные прямыми сторонами друг к другу. Ближе к нижнему краю ножен, также с двух сторон, расположено более вытянутое отверстие подтреугольной формы. В верхней части оковка украшена орнаментом в виде параллельных друг другу ломаных линий, а также рядом равнобедренных треугольников, обращенных углами друг к другу. Также ряды ломаных линий есть между отверстиями на оковке. Орнамент нанесен зубчатым штампом.

ПОЯСНЫЕ ПРИВЕСКИ

В этой категории рассмотрены разнообразные изделия, которые объединяет характер использования в структуре костюма: они привешивались к поясу, формируя своеобразный сложносоставный комплекс украшений. Поясные привески как особая категория украшений являются наиболее выразительным и специфичным элементом погребального костюма населения, оставившего некрополь Кюлялахти. Именно в них в наиболее полной форме отразились трансформации характерного костюма средневековой *корелы*, произошедшие на протяжении XIV–XV веков.

Привески в мужских погребениях

1. В комплексе погребения № 12, в районе дистального конца левой бедренной кости и колена, были обнаружены две бронзовые так называемые «колоколовидные» подвески (рис. 31–1, 2). Внутри одной из них сохранились остатки плетеного шнура. Их нахождение в комплексах могильника представляется несколько загадочным, поскольку это изделия чрезвычайно архаичного облика. Среди материалов карельских грунтовых могильников такие вещи не были известны. Так как невозможно предполагать, что данное погребение относится к этому времени, приходится констатировать, что мы имеем дело с некоторой археологической загадкой. Однако поскольку это достаточно простые изделия, сохранение их формы в культуре местного

населения вполне возможно на протяжении нескольких столетий. Другим вариантом объяснения может быть их импорт в Карелию из региона, где они в силу случайных обстоятельств продолжали бытовать.

2. В погребении № 53 (погребение подростка) был обнаружен футляр для кисти длиной 7,2 см (рис. 80–2а). Аналогичное изделие было найдено при раскопках на могильнике Куркийоки Кууппала в 1987 году в погребении № 6, которое, по мнению А. И. Сакса, являлось необычной бронзовой рукоятью ножа [Сакса 2010: рис. 89: 4]. Многочисленные аналогии им известны во Пскове, где в городских слоях было найдено множество таких изделий, в одном из которых практически полностью сохранилась тканая кисть¹. Это были своеобразные футляры, сквозь которые продевалась веревка и на другом ее конце делалась кисть. Чтобы она не потеряла форму, был необходим футляр. Носился такой предмет на поясе и служил своеобразным украшением, видимо, данью общегородской моде XIV века. В последнее время ввиду множества находок подобных изделий стало очевидным, что такая мода существовала и в Карелии.

Привески в женских погребениях

Поясные привески были обнаружены в комплексах погребений № 13, 30, 33, 54, 58, 59, 63. Все изделия сходны по месту в структуре костюма. Тем не менее каждое обладает существенными особенностями, поэтому рассмотрим отдельно место этих изделий в каждом конкретном погребении.

1. В погребении № 13, в районе таза и проксимального конца правой бедренной кости, были расчищены два расположенных параллельно друг другу тонких кожаных шнура толщиной около 2 мм² (рис. 34–6). Каждый из них был перевит тонкой бронзовой проволокой. Эти шнуры были пропущены одновременно через каналы бусин различных типов и, таким образом, визуально разделялись на отдельные отрезки. Начинался этот комплекс наиболее близко расположенной к предполагаемому поясу гладкой бусиной из красного непрозрачного стекла с «глазками» голубоватого цвета. Повидимому, эти два шнура были пропущены сквозь канал бусины и скреплялись каким-то образом с поясом. Но сам пояс не сохранился, отсутствует также металлический поясной разделитель, характерный для других комплексов могильника. Далее, через отрезок длиной около 2 см, шнуры были опять пропущены сквозь канал следующей бусины из стекла крайне низкого качества, сохранившейся только в виде рыхлой порошкообразной массы. Всего на шнуры было напущено четыре бусины такого типа. Отрезки между ними приблизительно одинаковой длины. На последнем отрезке шнуры пропущены сквозь канал бронзовой бочонкообразной бусины, орнаментированной двумя рядами напаянных колечек. В завершении шнуры были

¹ Устное сообщение с.н.с. Псковского археологического центра С. А. Салмина, которому автор выражает большую благодарность.

² Реставрацию рассматриваемого комплекса, а также комплекса погребений № 30 и 59 проводила реставратор высшей категории С. Г. Буршнева, за что автор выражает ей особую благодарность.

каким-то образом соединены с железным трапецевидным предметом (игольником?). Характер соединения остался неясен. Таким образом, рассмотренное изделие представляло собой скрепленный с поясом посредством двух кожаных шнуров, пропущенных сквозь каналы минимум шести бусин, железный предмет (игольник), свисавший, возможно, вдоль внутренней стороны бедра. Рядом с этим железным предметом был расчищен дисковидный свинцовый или оловянный грузик. Соотношение его с рассмотренным выше комплексом не совсем ясно, видимо, этот предмет был закреплен на поясе отдельно.

2. В погребении № 30 был изучен структурно схожий, но лучше сохранившийся комплекс (рис. 50–2).

У проксимального конца левой бедренной кости было расчищено бронзовое поясное кольцо диаметром 4 см, округлое в сечении, гладкое, без орнамента. К нему были прикреплены следующие изделия:

1) сложносоставная поясная привеска, с помощью которой к поясу крепилась кожаная сумочка (рис. 50–6; 48–5, 6);

2) железная копоушка, крепившаяся к кольцу с помощью железной цепочки (рис. 50–5);

3) нож в кожаных ножнах, украшенных бронзовыми оковками, также прикрепленный к поясному кольцу посредством железной цепочки (рис. 50–3а, б, 4а, б).

Уникальность рассматриваемого комплекса, кроме прочего, состоит в том, что здесь были прослежены способы крепления поясных украшений.

Сложносоставная поясная привеска, состоящая, как и в рассмотренном выше случае, из двух кожаных шнуров, перевитых бронзовой проволокой и пропущенных сквозь бронзовые бусины и Φ -образную пронизку, была привязана (узел сохранился хорошо) посредством кожаного ремешка, пропущенного сквозь две бронзовые бусы. Далее два кожаных шнура, перевитых бронзовой проволокой, продолжались на отрезок длиной около 2 см до разделительной спирали большего диаметра и были пропущены сквозь нее. Далее через отрезок сходной длины они же были пропущены сквозь еще одну разделительную спираль. Затем через отрезок длиной также около 2 см ремешки были пропущены сквозь Φ -образную бронзовую пронизку. Затем от противоположного края Φ -образной пронизки шнуры продолжались на отрезок длиной около 2 см и проходили сквозь канал двухчастной бронзовой бусины, далее они продолжались на такой же отрезок и заканчивались бронзовой бусиной округлой формы. Далее комплекс сохранился фрагментарно. Эта часть представлена двумя участками перевитых бронзовой проволокой кожаных шнуров длиной 1,5–2 см, пропущенных через спираль из более толстой проволоки и большего диаметра. Заканчивался этот комплекс железным артефактом трапецевидной формы длиной около 13 см, на котором сохранились отпечатки ткани. Таким образом, перевитые бронзовой проволокой кожаные шнуры, пропущенные сквозь бронзовые бусины, спирали и Φ -образную пронизку, использовались для прикрепления к поясу кожаной сумочки. Сумочка была сшита из двух кусков (или одного боль-

шого сложенного) кожи. Вдоль края присутствуют два ряда сквозных мелких отверстий, видимо, от прошитого соединения. После проведения реставрации выяснилось, что на обратной стороне кожного предмета под ножнами находятся остатки ниток от вышивки. Также на обратной стороне предмета и под ним — остатки серого порошка. Найденный при расчистке кожного изделия фрагмент позволил предположить, что он был вышит бисером, или стеклярусом, или плетеным шнуром, хотя последнее менее вероятно. По его нижнему краю было расчищено украшение в виде двойного нашитого нитяного шнура. Из-под шнура был замечен край ткани саржевого плетения.

В процессе реставрации после раскрытия кожного изделия — своеобразного чехла — обнаружено, что внутри него находится мешочек из ткани саржевого плетения, повторяющий его форму. Мешочек был сшит нитью петельчатым швом через край по бокам и снизу и с кожаным чехлом не сшивался.

3. В погребении № 33 была найдена поясная привеска более простого типа (рис. 55—2, 4а, б). У фрагментов правой бедренной кости был обнаружен крупный бронзовый (возможно, с позолотой) орнаментированный ременной разделитель круглой формы диаметром 5 см. На одной из частей данного артефакта (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожного изделия, вероятно пояса, шириной 0,8 см. Рядом с ним найдена Ф-образная бронзовая пронизка с двумя парами ушек (рис. 55—4а). К ней при помощи тонкой веревки (сохранившейся внутри бронзовой трубки, что выяснилось при реставрации) был прикреплен железный артефакт (игольник?) трапецевидной формы (6,2 2,5 см), схожий по форме с изделием, найденным в погребении № 13 (рис. 55—4б). Вероятно, эти изделия крепились к поясному разделителю посредством фрагментарно сохранившейся внутри Ф-образной пронизки тонкой веревки. Весьма вероятно, что на ней также присутствовали бусы, поскольку рядом с железным артефактом было расчищено пятно беловатого порошковидного вещества диаметром около 1 см, вероятно, остатки оловянной бусины. Кроме того, в этом же погребении было найдено отдельно лежащее пряслице или грузик из розоватого шифера, что также напоминает комплекс погребения № 13, куда входит крупный свинцовый грузик, обнаруженный возле железного игольника.

4. Своеобразный комплекс был также изучен в погребении № 54 (рис. 81—5а—е). В центральной части могильной ямы был расчищен разделитель ремня, разделенный внутри перемычками на три сектора, на котором сохранились фрагмент кожного ремешка (шириной около 1 см), завязанного в узел, и две нити красного цвета (рис. 81—5а). Эти фрагменты были относительно коротки — не более 1,5 см. Очевидно, они изначально продолжались от данного разделителя под правой рукой погребенной, а на них крепился комплекс украшений, расчищенный далее. В него входили два кожаных шнура, перевитые бронзовыми спиралями, проходящими через сквозной канал стеклянной бусины из черного непрозрачного стекла с тремя волнистыми белыми линиями. Затем они были привязаны к литому бронзовому цепе-

держателю (рис. 81—5b). Далее были обнаружены: орнаментированная бронзовая обоймица, бронзовая ременная пряжка, непосредственно под ней — бронзовая полая подвеска-«конек» (рис. 81—5с—е). Не вполне ясно, каково соотношение этих артефактов, особенно ременной пряжки, и комплекса, скрепленного с цепедержателем. Однако следует заметить, что внутри бронзовой орнаментированной обоймицы сохранилась тонкая веревка. Учитывая то, что рядом был изучен комплекс погребения № 59, где были расчищены две параллельные друг другу поясные привески, заканчивающиеся: одна — би-спиральным цепедержателем, а вторая — схожим зооморфным украшением (см. ниже), можно предположить, что и в комплексе погребения № 54 фиксируется сходная ситуация. Таким образом, вполне возможно, что в данном погребении были две поясные привески, свисавшие вдоль правого бедра, крепившиеся к разделителю ремня. Первая сохранилась в виде фрагментов двух кожаных шнуров, оплетенных бронзовой проволокой. Вторая состояла из тонкой веревки, пропущенной через орнаментированную обоймицу и на конце которой было закреплено зооморфное украшение.

Кроме того, сходство данного комплекса с погребениями № 13 и 33 обусловлено наличием сферического пряслица, сделанного из эпифиза кости животного.

5. В нарушенном погребении № 58 также сохранились фрагменты поясной привески, типологически сходной с вышеописанными (рис. 106—1, 2). В данном комплексе, у проксимального конца правой бедренной кости, был расчищен крупный «∞»-образный бронзовый артефакт, являющийся, очевидно, поясным разделителем (рис. 106—1). Непосредственно под ним в пятне органики (следы одежды?) была расчищена Ф-образная бронзовая пронизка, через сквозной канал которой пропущен кожаный шнурок, оплетенный бронзовыми спиралями, сохранившимися с обеих торцевых сторон пронизки. У западного «ушка» пронизки сохранились фрагменты текстиля. Далее была найдена керамическая бусина коричневого цвета. Возле бусины — вторая бронзовая Ф-образная пронизка. С противоположного торцевого края второй пронизки — стеклянная черная бусина с тремя волнистыми белыми линиями, идентичная найденной в погребении № 54 (рис. 106—2а—с).

Очевидно, данные артефакты составляют единый комплекс украшений, когда к разделителю пояса крепился составной комплекс украшений, состоящий из оплетенного тонкой бронзовой проволокой ремешка (ремешков), пропущенного через бронзовые пронизки и бусы, разделенного таким образом на отдельные участки.

6. Наиболее хорошо сохранившейся поясной привеской является изделие в комплексе погребения № 59 (рис. 90—3а, б). В районе таза был обнаружен ременной разделитель кольцевидной формы круглого сечения диаметром 3,8 см (рис. 90—2). На нем крепились и соответственно свисали вдоль правого бедра два параллельных друг другу комплекса артефактов, представлявшие собой двойные кожаные ремешки, которые были оплетены бронзовой проволокой и разделены на участки (каждый длиной около 2 см) стеклянными или металлическими бусами (некоторые из них представлены

в виде порошковидной субстанции белого цвета). На левой, наиболее близко расположенной к правой бедренной кости привеске таких участков насчитывается девять, но часть из них не сохранилась. На параллельной привеске сохранились семь участков. Первая привеска заканчивалась бронзовым литым цепедержателем, стороны которого сформированы не спиральями, а гравированными концентрическими окружностями (тип I:2, по А. И. Сакса), вторая — полый подвеской-коньком.

Кроме того, у проксимального конца правой бедренной кости под левой привеской было обнаружено еще одно бронзовое (поясное?) кольцо диаметром около 2 см, в котором располагался железный трапезиевидный игольник (рис. 90—4а, б). Возможно, он крепился за это поясное кольцо. Судя по расположению артефактов относительно костей, рассматриваемый комплекс был укреплен с противоположной (со стороны спины?) стороны от поясных привесок.

По своему составу комплекс поясных привесок рассматриваемого погребения схож с составом погребения № 54. Здесь также присутствуют ременные привески, заканчивающиеся литым цепедержателем и полым коньком-подвеской. При этом такой набор артефактов дополнен типичным для карельских могильников ножом с бронзовой орнаментированной рукоятью, единственным такого рода экземпляром в могильнике Кюлялахти. Однако характерные для предшествующего периода орнаментированные ножны отсутствуют.

ПОЯСНЫЕ СУМКИ

В двух погребениях — № 46 и 65 — были выявлены крепившиеся к поясу небольшие сумки или кошельки, в которых находились артефакты.

В погребении № 46, под тазовыми костями, была расчищена кожаная сумочка с тисненым орнаментом, в которой находился крупный кремневый отщеп, видимо огниво. Сумочка крепилась к поясу посредством льняного шнура, фрагменты которого также были расчищены возле нее.

В погребении № 65, у левой бедренной кости, находилась кожаная сумочка размерами 6×5 см, которая оказалась раскрытой, поэтому была возможность уже в поле расчистить находящийся в ней отдельный зуб, принадлежащий взрослому человеку. На нем отчетливо видны зеленоватые окислы от другого предмета — маленького бронзового сосуда, в котором предположительно содержалась сера. Она сохранилась в виде порошковидного вещества желтого цвета. Подобного рода находки всегда крайне интересны, поскольку указывают не только на особенности ритуала, но и на индивидуальные черты личности погребенного. Надо полагать, что этот предмет — зуб — имел для него особое значение.

Находки кожаных сумочек при мужских захоронениях, содержащих огниво, кресало и кусочки серы, известны и в более ранних грунтовых погребениях корелы, например в мужском погребении в могиле № 3 могильника Кекомьяки [Schwindt 1893: 39].

Поясные сумки найдены также и в женских захоронениях.

В погребении № 63, у костей правого предплечья, была расчищена длинная (5,5 см) орнаментированная бронзовая Ф-образная пронизка диаметром около 1 см (рис. 96—1). К каждому из «ушек» пронизки за кольцевидные окончания крепились короткие бронзовые подвески: с правой стороны — подвеска «∞», каждое из колец которой развернуто перпендикулярно друг другу, с левой — аналогичная подвеска, только завершающаяся клешневидным окончанием. В процессе реставрации было выяснено, что большая Ф-образная пронизка помещалась в тканевый мешочек или чехол. При этом через ее сквозное отверстие был пропущен кожаный шнур, видимо, посредством которого она крепилась к поясу, или (что менее вероятно) к несохранившемуся элементу верхней одежды, за другой конец которого был привязан хорошо заметным узлом пластинчатый бронзовый перстень. Весь этот комплекс полностью или частично был помещен в тканевую сумочку, особенно хорошо сохранившуюся под бронзовой пронизкой.

Изделие такого типа было впервые встречено в карельских грунтовых могильниках. Возможно, оно относится к новому типу (тип III, развивая типологию А. И. Сакса), если еще будут найдены подобные экземпляры. В целом, такой необычный комплекс имеет отношение к своеобразной категории сопроводительного инвентаря, который указывает, если можно так выразиться, на индивидуальные черты личности погребенной.

В погребении № 30 обнаружен орнаментированный кожаный чехол, также висевший на поясе, внутри которого — тканевый мешочек, в котором зашит четырехугольный предмет (рис. 48—5, 6). В женских погребениях № 39 и 61 можно лишь предполагать наличие поясных сумочек, поскольку в районе пояса были найдены компактные скопления мелких предметов, которые, вероятнее всего, могли находиться именно в небольшой сумочке (рис. 65—5, 6; 94—2, 3, 6).

В погребении № 39 под костями таза были обнаружены две железные иглы, возможно, они находились в чехле или сумочке на поясе, которая не сохранилась. Две бронзовые иглы, а также железное кресало и сердцевидная бронзовая подвеска были расчищены в центральной части погребения № 61. Возможно, эти предметы также были помещены в аналогичную поясную сумочку. На то, что в двух последних случаях пояс присутствовал, указывают находки поясных разделительных колец и пряжки (в погребении № 39). Особенно любопытной представляется находка сердцевидной подвески в погребении № 61. Обычно такого рода изделия привешивались к ушкам Ф-образных бронзовых пронизок и были частями многокомпонентных женских украшений.

КРЕСАЛА

Кресала являются распространенной категорией находок как в могильниках, так и в слоях поселений. На новгородских материалах Б. А. Колчин выделил пять хронологически значимых групп кресал [Колчин 1982: 161,

163, рис. 4]. В могильнике Кюлялахти встречены только овальные кресала (с прямыми торцевыми краями), за исключением изделия из погребения № 23

Кресала такого типа входили в состав комплексов погребений № 57а, 61, 65.

Финляндия. В Финляндии железные овальные кресала традиционно датированы эпохой викингов — Крестовых походов [Kivikoski 1973: 88, 148, abb.642, 1247].

Новгород. Б. А. Колчин датировал этот тип кресал началом XIII — серединой XV века [Колчин 1982: 161, 163, рис. 4]. Ю. М. Лесман уточнил время появления таких изделий в слоях Новгорода — с 21 яруса (после 1116 года) [Лесман 1984а: 138, табл. 1].

Кресало «индивидуальной» формы

В комплексе погребения № 23 было обнаружено кресало, имеющее аналогии в Новгороде среди изделий, которые Б. А. Колчин определил как «кресала индивидуальных форм». В Новгороде такое изделие было найдено в слоях XV века [Колчин 1959: 102–103, рис. 87]. Похожее кресало также было найдено при раскопках Тиверска [Кочкуркина 2010: 182, табл. 7–1]. Изделие не относится к серийным, поэтому не может служить веским основанием для датировки. Тем не менее факт его наличия демонстрирует определенную тенденцию, поэтому игнорировать его не следует.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИГОЛЬНИКИ (?)

Как элемент поясных привесок использовались также игольники (?), представлявшие собой стандартные, спаянные из железных пластин изделия длиной около 7 см. Длина верхней грани 1,5–1,7 см, нижней — около 3,5 см, толщина — около 1,5 см. Такую форму можно было бы назвать трапециевидной, но длинные стороны слегка вогнуты внутрь, особенно ближе к нижней части, что придает изделиям несколько «топоровидную» в плане форму. Крепились они к поясу, видимо, посредством тонкой веревки, пропускавшейся через сквозное отверстие в верхней, менее широкой грани. Об этом можно судить вполне определенно, поскольку такая веревка сохранилась внутри «игольника» и бронзовой пронизки в комплексе погребения № 33 (рис. 55–4б). Внутри такие железные изделия были полыми. Для чего они были предназначены — не совсем понятно, но при расчистке такого изделия из погребения № 59 выяснилось, что внутри была ткань и, возможно, фрагменты тонких железных изделий (иголок?) (рис. 90–4б). Изделие из этого же погребения имеет дополнительные особенности: на нем с двух сторон по краям нижней грани через сквозные отверстия были закреплены два железных колечка.

Таким образом, рассмотренные в главе IV типы изделий, входящие в состав комплексов погребений могильника Кюлялахти Калмистомяки, в подавляющем большинстве случаев могут быть надежно атрибутированы

в хронологических системах эпохи Средневековья, разработанных в той или иной степени для разных регионов Европы — Северной, Центральной и Восточной, а также особо для Новгорода. Проведенная атрибуция и выделение хронологически значимых типов позволяют обратиться к построению хронологии изучаемого памятника.

Глава V

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ ХРОНОЛОГИИ

Построение хронологии археологических памятников является одной из ключевых задач любого исследования древней материальной культуры. В средневековой археологии Карелии, несмотря на многочисленные разработки нескольких поколений исследователей, проблема датировки и периодизации погребальных комплексов остается по-прежнему дискуссионной. Причинами такого положения является не только и не столько несовершенство методик, но и состояние самих источников, не содержащих, за редким исключением, датирующих находок, в первую очередь монет.

Детальное исследование хронологии карельских грунтовых могильников было предпринято А. И. Саксой в серии публикаций и докторской диссертации, где эта тема стала одной из ключевых [Сакса 1984; Saksa 1998: 21–68; Сакса 2010: 142–160]. В построении дробной хронологии карельских грунтовых могильников А. И. Сакса опирался на ряд принципиально важных методических установок. Им была предложена многоступенчатая процедура классификации признаков погребального обряда и типов сопроводительного инвентаря с целью изучения их совстречаемости и взаимосвязей и раскрытия их причин. Несомненным достижением работы А. И. Сакса было обоснование более короткого периода существования карельских грунтовых могильников, изученных Т. Швиндтом в 1880-е годы: не с XII по XIV века в целом, как было предложено в историографии предыдущего периода научного изучения данного комплекса древностей, а с конца XII по начало XIV столетия. Кроме того, в рамках указанного периода были выделены еще три хронологические группы. Однако хронологические границы их существенно размыты [Сакса 2010: 141].

Относительно недавно возможности построения хронологии при помощи корреляционного метода, опирающегося на систематизацию комплексов исходя из совстречаемости в них вещей разных типов и, в частности, так называемого линзо-хронологического подхода (суть которого сводится к такому упорядочению двумерной матрицы «комплексы — типы», которое обеспечивает максимальную насыщенность диагональной части матрицы), были подвергнуты Ю. М. Лесманом развернутой критике в ряде работ [Лес-

ман 1996: 52–65; Лесман 2002: 122–124; Лесман 2004: 138–156]. Именно этот подход был применен в исследованиях А. И. Сакса. Суть критики заключалась в том, что в действительности в основе такого метода разработки хронологии лежит гипотеза о ведущем, точнее — даже подавляющем, значении времени как фактора вариабельности культуры или, по крайней мере, о возможности без знания хронологии выделить в культуре аспекты, для которых время таким фактором является.

Исходя из изложенных выше положений, Ю. М. Лесман предпринял попытку датирования карельских комплексов на основе единственно строгой и достаточно надежной хронологической системы средневековых древностей XI–XIV веков — новгородской вещевой хронологии [Лесман рукопись¹]. Применимость этой системы для сельских памятников Новгородской земли была доказана на соседних территориях — Ижорском плато, Причудье и Юго-Восточном Приладожье [Лесман 1982; Лесман 1996]. Однако, как отмечает исследователь, *корела* хотя и находилась под политическим и культурным влиянием Новгорода, но оставила особую археологическую культуру, для которой вопрос о степени применимости новгородской хронологической системы требует своего разрешения. В итоге Ю. М. Лесманом была предложена внутренне непротиворечивая хронологическая система для карельских могильников, с учетом комплексов, где были совместные находки разновременных типов. Автор приходит к выводу, согласующемуся в целом с выводами А. И. Сакса, что большинство комплексов можно датировать существенно уже, чем конец XII — начало XIV века, вплоть до синхронизации со всего лишь одним ярусом новгородской стратиграфии [Лесман рукопись].

Безусловно, и это неоднократно отмечалось исследователями, Карелия являлась специфичным культурным регионом, но при этом вовсе не изолятом. Регион на определенном этапе находился под экономическим и культурным влиянием Новгорода, а с XIV века и под его прямым административным управлением. В то же время здесь очевидно культурное влияние Швеции, на определенном этапе Ганзы, а также Прибалтики. Следовательно, учитывая отмеченные особенности, для местной культуры можно предполагать своего рода синтез разных традиций в наборе вещей. Имея в виду, что хронологические разработки на современном этапе выходят на новый уровень, целесообразно рассмотреть отражение отмеченных двух генеральных направлений внешних связей и проанализировать хронологию карельских комплексов в сравнении с новгородской и европейской системами как наиболее разработанными. Учитывая это, представляется целесообразным синхронизировать карельские комплексы с каждой из указанных систем и затем сравнить полученные результаты между собой. Это может дать возможность определить степень связи с той или иной культурой, а также, в случае если не будет получено существенное число противоречий, получить наиболее вероятные даты для закрытых комплексов.

¹ Имеется в виду неопубликованная статья Ю. М. Лесмана «Хронология карельских могильников: взгляд из Новгорода», за возможность ознакомления с которой автор весьма признателен.

Предлагаемая процедура датирования опирается на ряд требующих проверки гипотез:

- 1) возможность синхронизации находок северо/центральноевропейских импортов в комплексах с соответствующими хронологическими шкалами;
- 2) возможность синхронизации находок древнерусских (новгородских) импортов с хронологической шкалой Новгорода.

Далее необходимо сравнение между собой полученных датировок на непротиворечивость. В случае, если противоречия будут минимальны и, главное, объяснимы, предложенная система может быть признана работоспособной.

Для решения поставленной задачи — разработки хронологии комплексов на основе синхронизации вещевого материала с внешними для Карелии хронологическими шкалами — следует прежде всего обратить внимание на наличие в комплексах импортных серийных изделий, период бытования которых определен в пределах той или иной хронологической системы. Несерийные, единичные изделия, но имеющие хорошо датированные параллели, не будут являться основанием для синхронизации, а лишь указывать на определенный момент в периоде бытования вещи, то есть дополнительно подтверждать или опровергать датировки для всего комплекса.

Для построения хронологии могильника Кюлялахти я применяю базовый термин «*хронологически значимый тип*» (по Ю. М. Лесману), под которым понимается сводный набор сходных значений признаков объектов из опорной серии, которые достаточно компактно локализуются во времени. Хронологически значимый тип определяется отдельным признаком (в этом случае идентичен хронологически значимому признаку) или группой хронологически значимых признаков, не сводимой ни к их простому набору, ни к комбинации других хронологически значимых типов [Лесман 2004: 138–156]. В принятой системе датирующим типом является такой хронологически значимый тип, для которого с достаточной степенью надежности определено время его бытования в культуре или в некотором сегменте культуры, а также границы этого сегмента культуры. При таком подходе каждая конкретная вещь может относиться к нескольким типам, то есть является закрытым комплексом, дата которого определяется пересечением дат типов. Таким образом, набор вещей при погребении является комплексом из закрытых комплексов, итоговая дата которого определяется пересечением дат каждого из типов, входящих в эти комплексы. Дата могильника определяется как дата комплекса *непрерывного формирования*, то есть это период между верхней датой самого раннего погребения и нижней датой самого позднего.

При процедуре синхронизации с датированными ярусами Новгорода за дату вещи принимается интервал ее непрерывной представленности в культурном слое (преимущественно Неревского раскопа) [Лесман 1984: 124]. В отличие от Новгорода какой-либо единой северо/центральноевропейской хронологической шкалы древностей для изучаемого периода не существует. Поэтому в этом случае термин «шкала» употреблен в определенной мере условно. Здесь необходимо пользоваться датами, обоснованными разными исследователями для той или иной категории изделий. Тем не менее в пер-

вую очередь при процедуре синхронизации необходимо установить нижнюю границу бытования определенного типа в Северной или Центральной Европе, поскольку он не мог появиться там ранее, чем в карельском погребении. Верхняя же граница, в особенности для ювелирных изделий, чаще всего оказывается трудноопределимой.

В итоге распределение датирующих типов вещей, обнаруженных в погребениях могильника Кюлялахти, в региональных хронологических системах возможно представить в виде двух таблиц. В таблице 1 показаны хронологически значимые типы вещей, которые возможно в той или иной степени атрибутировать в нескольких региональных хронологических системах: Восточной, Северной, Центральной Европы, а также дополнительно Финляндии и Прибалтики¹. В таблице 2 представлены хронологически значимые типы вещей, выделенные на основе новгородской вещевой шкалы.

Таблица 1

№ типа п/п	Восточная Европа индекс ВЕ	Северная Европа индекс СЕ	Центральная Европа индекс ЦЕ	Финляндия индекс Ф	Прибалтика индекс ПР
1	2	3	4	5	6
1	Многобусинные височные кольца В.К. тип IV (конец XIII—XIV века и позже)		Многобусинные височные кольца (XIV век и позже)		
2	Серьга в виде знака «?» (XIV—XV века)				
3			Фибулы замкнутые пластинчатые с надписями группа 1 по И.Х. (XIII—XV века)	Фибулы замкнутые пластинчатые с надписями тип «G» по В.И. (не ранее XIV века)	Фибулы замкнутые пластинчатые с надписями группа 6 по Х.В. (конец XIII—XV века)
4		Фибулы замкнутые пластинчатые с рукопожатиями и надписями или без них Тип М.С. 3.2 (XIV век и позднее)	Фибулы замкнутые пластинчатые с рукопожатиями и надписями или без них (не ранее второй половины XIII века)		

¹ «В.К.» — по типологии В. Кольчатова, «И.Х.» — по типологии И. Хейделя, «В.И.» — по типологии В. Иммонена, «М.С.» — по типологии М. Севсе, «Х.В.» — по типологии Х. Валка, «Р.М.» — по типологии Р. Минасяна.

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
5		Фибулы замкнутые с выступами Тип М.С. 2.7 (XIII–XIV века)	Фибулы замкнутые с выступами (XIII–XV века)		
6		Фибулы замкнутые пластинчатые неорнаментированные тип М.С. 1.1 (XII–XV века)		Фибулы замкнутые пластинчатые неорнаментированные тип «В» по В.И. (конец XIII века и позднее)	Фибулы замкнутые пластинчатые неорнаментированные группа 6 по Х.В. (конец XIII века и позднее)
7	Привески-«коньки» полые (XII–XIII века)				
8			Привеска-кулон (XIV–XV века)		
9			Перстни с высоким коническим щитком (XIV век и позже)		
10			Шарообразные металлические гладкие пуговицы с ушком (XIII–XIV века)		
11	Бусы металлические биконические с рифлением в центральной части (вторая половина XII–XIII века)				
12	Бусы металлические ажурные биконические (начало — первая половина XIII века и ранее)				

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6
13	Бусы разноцветного стекла глазчатые гладкие (первая половина X века)	Бусы разноцветного стекла глазчатые гладкие (после 1960-х годов)			
14			Застежки-аграфы (XIV–XV века)		
15			Бляшки ремennые в форме розетки (XIV век и позднее)		
16			Пряжки с выступами по краям рамки (XIII–XIV века)		
17		Обоймы рукоятей серебряные с надписями (возможно, вторая половина XIV века)	Обоймы рукоятей серебряные с надписями (возможно, вторая половина XIV–XV века)		
18				Кресала овальные (эпоха викингов — Крестовых походов)	
19	Ножи Р.М. группа II (II век н. э. и позже)				

Таблица 2 (индекс НОВГ)¹

1	Многобусинные височные кольца с ограничителем	после 1299 года
2	Серьга в виде знака «?»	после 1313 года
3	Незамкнутое проволочное кольцо (серьга)	до 1382 года
4	Фибулы замкнутые пластинчатые	1177–1382 годы
5	Фибулы замкнутые с гладким внешним краем	1777–1369 годы
6	Фибулы замкнутые неорнаментированные	1177–1369 годы
7	Перстни плетеные	1161–1382 годы

¹ Даты по новгородской вещевой шкале приведены по публикациям Ю. М. Лесмана [Лесман 1984а: 118–153; Лесман 1989а: 82–87; Лесман 1990б: 29–98; Лесман рукопись, в печати].

Продолжение таблицы 2

8	Перстни с линзовидным щитком	после 1299 года
9	Перстни с плоским круглым щитком	после 1238 года
10	Перстни с крестом или крестовидным изображением в центре щитка	после 1238 года
11	Перстни пластинчатые и литые пластинчато-щитковые или массивные широкосрединные узкие и средние (максимальная ширина от 5 до 17 мм)	до 1340 года
12	Перстни с треугольной в сечении шинкой, как простые замкнутые и незамкнутые, так и ложновитые, щитковые, печатные	после 1224 года
13	Перстни со щитком (без печатных и перстней со вставками) большой длины (не меньше 17 мм)	1116–1396 годы
14	Декор ложной зернью поверх проходящего по краю щитка или печатки рельефного валика	1313–1409 годы
15	Перстни с шинкой, изготовленной отдельно от щитка, а затем соединенной со щитком	после 1116 года
16	Узкие гладкие замкнутые перстни	после 1340 года
17	Привески с рядом из двух и более литых или припаянных колечек для привешивания к ней других привесок	1161–1382 годы, возможно, и позже
18	Привески-«коньки» полые	1161–1382 годы
19	Круглые замкнутые кольца большого размера (диаметр не менее 34 мм)	после 1096–1369 годов, возможно, позже
20	Накладки ременные со шпеньками, не отлитыми вместе с накладкой, а припаянными или вставленными в отверстия в накладках	после 1238 года
21	Накладки ременные недекорированные	1134–1382 годы
22	Бусы литые	после 1076 года
23	Шарообразные гладкие пуговицы с ушком	после 1096 года
24	Бусы цилиндрические разноцветного стекла глазчатые	до 1310 года
25	Бусы черного глухого стекла с инкрустацией продольными волнистыми полосами белого или желтого цвета, гладкие	до 1299 года
26	Бусы шарообразные	1096–1369 годы
27	Грузики дисковидные неорнаментированные свинцовые	после 1340 года
28	Ножи с тонким обушком	после 1134 года
29	Кресала овальные	после 1116 года
30	Орнамент из одной простой ломаной линии, идущей по краю изделия или занимающей все орнаментальное поле (грань)	после 1161 года
31	Плетенка, плавно изогнутая, широкая (не менее 1,5 мм), продольно рифленая или гладкая	1177–1369 годы, возможно, и позже

Окончание таблицы 2

32	Выящаяся ветвь или ее элементы в процветших крестах, S-видных завитках и других мотивах, стилизованная	1161–1369 годы
33	Растительный декор (ветвь, крин, дерево) геометризованный	1177–1382 годы
34	Выпуклые кружки в декоре ювелирных изделий	1161–1382 годы
35	Выпуклый орнамент из параллельных рядов рельефных валиков, образующих вытянутую орнаментальную зону, ограниченную с двух сторон рельефными поперечными валиками	1096–1382 годы
36	Изображение рук на различных изделиях	после 1299 года
37	Орнамент из рельефных напаянных колечек	1161–1382 годы
38	Скань ложная рельефная (не валик с насечками) в ювелирных изделиях	1224–1340 годы

ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Далее на основании выделенных хронологически значимых типов представлена хронология погребальных комплексов могильника Кюлялахти.

Погребение № 1 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 15–1/1, 2а, б). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:1 (конец XIII–XIV века и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Фестончатая нагрудная привеска (рис. 15–2). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:17 (1161–1382 годы).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 1 может быть датировано временем не ранее рубежа XIII–XIV веков и позднее, в Центральной Европе — не ранее XIV века и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299–1382 годы (11–8 ярусы).

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 680 ± 60 BP (Le-7763).

Погребение № 3 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 19–1, 2). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:1 (конец XIII–XIV века и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Перстень плетеный (рис. 19–4а, б). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:7 (1161–1382 годы).

3. Нож (рис. 19–5). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 1 может быть датировано временем не ранее рубежа XIII–XIV веков и позднее, в Центральной Европе — не ранее XIV века и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299–1382 годы (11–8 ярусы).

Погребение № 7 (мужское)

1. Фибула пластинчатая кольцевидная с надписью и изображением рук (рис. 23–1а, б). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:4 (не ранее второй половины XIII века), СЕ:4 (XIV век и позднее), НОВГ:4 (1177–1382 годы), НОВГ:35 (после 1299 года).

2. Нож (рис. 23–3). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н.э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной и Северной Европе дата погребения № 7 — не ранее второй половины XIII века (вероятнее, не ранее XIV века), по новгородской хронологической шкале погребение датируется 1299–1382 годами (11–8 ярусы).

Погребение № 8 (женское)

1. Фибула пластинчатая кольцевидная с выступами из конусов скани (рис. 25–1а, б). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:5 (XIII–XV века), СЕ:5 (XIII–XIV века), НОВГ:4 (1177–1382 годы), НОВГ:5 (1177–1369 годы).

2. Пуговица шаровидная с ушком (рис. 25–2). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:23 (после 1096 года).

3. Ременная гарнитура (рис. 25–5а–о). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:14 (XIV век и позже).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной и Северной Европе дата погребения № 8 — не ранее второй половины XIV века (фибула, ременная гарнитура), по новгородской хронологической шкале — 1177–1369 годы (17–9 ярусы).

Погребение № 13 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 34–1, 2). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:1 (конец XIII–XIV века и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Перстень плетеный (рис. 34–5). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:7 (1161–1382 годы).

3. Привеска-кулон (рис. 34–3). *Хронологически значимый тип*: ЦЕ:8 (XIV–XV века).

4. Бусы литые бронзовые орнаментированные напаянными колечками (рис. 34–6). *Хронологически значимые типы*: НОВГ:37 (1161–1382 годы).

5. Нож с серебряными оковками (рис. 35). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:17 (возможно, вторая половина XIV–XV века), СЕ:17 (возможно, вторая половина XIV–XV века), НОВГ:32 (1161–1339 годы).

6. Грузик свинцовый дисковидный (рис. 34–8). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:27 (после 1340 года).

7. Бусина из красного стекла, гладкая, декорированная полихромными глазками с «ресничками» (рис. 34–6). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:13 (первая половина X века), СЕ:13 (после 960-х годов), НОВГ:24 (возможно, до 1310 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной и Северной Европе дата погребения № 13 — вторая половина XIV–XV века, по новгородской хронологической шкале — 1340–1382 годы (9–8 ярусы). Однако в состав рассмотренного комплекса входит хронологически значимый тип — глазчатая гладкая бусина, период бытования которого несколько противоречит общей датировке комплекса, основанной на ювелирных украшениях из цветного металла. Тем не менее это противоречие может быть разрешено обоснованным расширением временем бытования этого типа бус на окраинных территориях Новгородской земли, подтвержденного материалами Передольского погоста (см. выше). Либо в данном погребении, так же как и в погребении Тонтиньяки 1888/5:1, бусина схожего типа, очевидно, находилась в раритетном использовании [Schwindt 1893: kuv. 200].

Погребение № 19 (мужское)

1. Бусина серебряная, орнаментированная напаянными колечками (рис. 42–1). *Хронологически значимый тип (предположительно)*: НОВГ:37 (1161–1382 годы)¹.

2. Пуговица шарообразная гладкая с ушком (рис. 42–2). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII–XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 19 может быть датировано XIII–XIV веками, по новгородской хронологической шкале — 1161–1382 годами (18–8 ярусы).

Погребение № 23 (предположительно мужское)

1. Кресало индивидуальной формы (рис. 44–2). В Новгороде такое изделие было найдено в слоях XV века [Колчин 1959: 102–103, рис. 87].

2. Нож (рис. 44–1). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, предположительно дата этого погребения 1134 год — XV век.

¹ Этот тип относится преимущественно к литым бронзовым бусинам. Однако орнамент из рельефных колечек существует как самостоятельный хронологически значимый тип (см.: [Лесман 1989а: 83]).

Погребение № 30 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 48—1, 2). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:1 (конец XIII—XIV века и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Бусина серебряная, орнаментированная напаянными колечками (2 экз.) (рис. 48—3а, б). *Хронологически значимый тип (предположительно)*: НОВГ:37 (1161—1382 годы).

3. Перстень с линзовидным щитком (рис. 48—4). *Хронологически значимые типы*: НОВГ:8 (после 1299 года).

4. Круглое замкнутое кольцо большого размера (диаметр не менее 34 мм) (рис. 50—1). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:19 (1096—1369 годы, возможно, позже).

5. Нож (рис. 50—3а, б). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 30 может быть датировано временем не ранее рубежа XIII—XIV веков и позднее, в Центральной Европе — не ранее XIV века и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299—1369 годы (11—9 ярусы).

Погребение № 31 (мужское)

1. Фибула замкнутая неорнаментированная (рис. 52—1а, б). *Хронологически значимые типы*: СЕ:6 (XII—XV века), Ф:6 (конец XIII века и позднее), ПР:6 (конец XIII века и позднее), НОВГ:5 (1177—1369 годы), НОВГ:6 (1177—1369 годы).

2. Пластинчатый замкнутый узкий перстень (рис. 52—3а, б). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:16 (после 1340 года).

3. Пуговица шарообразная с ушком (рис. 52—2). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII—XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

4. Нож (рис. 52—4). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Северной Европе погребение № 31 может быть датировано XII—XV веками, в Центральной Европе — XIII—XIV веками. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1340—1369 годы (в пределах 9 яруса).

Погребение № 32 (предположительно женское)

Серебряная биконическая ажурная бусина или пуговица (рис. 54а, б). *Хронологически значимый тип*: ВЕ:12 (первая половина XIII века), но одновременно с погребением № 33 (см. ниже)

Погребение № 33 (предположительно мужское)

1. Перстень с ромбическим щитком (рис. 55—1а, б). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:13 (1116—1396 годы), НОВГ:14 (1313—1409 годы).

2. Круглый разделитель ремня с тремя внутренними радиальными перемычками (рис. 55—2). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:33 (1177—1382 годы).

3. Нож (рис. 55—5). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, погребение № 33 на основе новгородской вещевого шкалы может быть датировано 1313—1396 годами (10—7 яруса).

Погребение № 34 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 58—1, 2). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:1 (конец XIII — XIV век и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Бусина серебряная, орнаментированная напаянными колечками (рис. 58—3). *Хронологически значимый тип (предположительно)*: НОВГ:37 (1161—1382 годы).

3. Ажурная застежка-аграф (рис. 58—4а—с). *Хронологически значимый тип*: ЦЕ:14 (XIV—XV века).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 34 может быть датировано рубежом XIII — XIV веками (и позднее), в Центральной Европе — XIII—XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299—1382 годы (11—8 ярусы).

Погребение № 36 (мужское)

Деньга. Дата чеканки — 1420—1478 годы (вероятнее всего, 1447—1478 годы) (рис. 61).

Это единственный артефакт при погребении, таким образом, его дата — не ранее второй половины XV века.

Погребение № 38 (женское)

1. Перстень плетеный (рис. 64—1). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:7 (1161—1382 годы).

2. Нож (рис. 64—2а). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, погребение № 38 по новгородской вещевого шкале может быть датировано 1161—1382 годами (18—8 ярусы).

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 554 ± 25 BP (SPB-153) (рис. 129—SPB-153); 1315—1356, 1387—1428 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %).

Погребение № 46 (мужское)

1. Ременная гарнитура (рис. 72—1а—е). *Хронологически значимые типы:* ЦЕ:16 (XIII—XIV века), НОВГ:20 (после 1238 года).

2. Нож (рис. 72—2). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:20 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 46 может быть датировано XIII—XIV веками. На основании новгородской хронологической шкалы — временем после 1238 года (11—8 ярусы).

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата: 696 ± 25 BP (SPB-164) (рис. 129—SPB-164); 1266—1305, 1363—1385 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %).

Погребение № 50 (женское)

Серьга в виде вопросительного знака (рис. 69—I). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:2 (XIV—XV века), НОВГ:2 (после 1313 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 50 может быть датировано XIV—XV веками. На основании новгородской хронологической шкалы — временем после 1313 года (после 10 яруса).

Погребение № 53 (подросток)

1. Бусина или пуговица биконическая серебряная (рис. 80—1а, б). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:11 (вторая половина XII — XIII век), НОВГ:35 (1096—1382 годы).

2. Нож (рис. 80—3). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 53 может быть датировано второй половиной XII — XIII веком. По новгородской вещевой хронологии — 1134—1382 годами (19—8 ярусы), но более вероятно — не ранее начала XIII века.

Погребение № 54 (подросток-девочка)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 81—1, 2). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:1 (конец XIII — XIV век и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Привеска — «конек» полый (рис. 81–5f). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:7 (XII–XIII века), НОВГ:17 (1161–1382 годы, возможно, позже), НОВГ:18 (1161–1382 годы), НОВГ:30 (после 1161 года), НОВГ:38 (1224–1340 годы).

3. Бусина из черного глухого стекла, гладкая, с инкрустацией продольными волнистыми полосами белого цвета (рис. 81–5b). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:25 (до 1299 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 34 может быть датировано рубежом XIII — XIV веками (и позднее), в Центральной Европе — XIII–XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299–1340 годы (11–9 ярусы).

Погребение № 55 (предположительно мужское)

Перстень плетеный (рис. 83–I). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:7 (1161–1382 годы).

Это единственное изделие при погребении, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 57a (предположительно мужское)

1. Пуговица шарообразная с ушком (рис. 86–3). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII–XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

2. Нож (рис. 86–1). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

3. Кресало овальное (рис. 86–2). *Хронологически значимые типы*: НОВГ:29 (после 1116 года), Ф:18 (эпоха викингов — Крестовых походов).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 34 может быть датировано XIII–XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1134 года (после 19 яруса).

Погребение № 57b (женское)

Перстень незамкнутый пластинчато-щитковый с рельефным литым декором (рис. 87–1a, b).

Хронологически значимые типы: НОВГ:11 (до 1340 года), НОВГ:12 (после 1224 года).

Таким образом, погребение № 57b по новгородской вещевой хронологии может быть датировано 1224–1340 годами (15–10 ярусы).

По кости из данного погребения была получена радиоуглеродная дата (SPB-155): 530 ± 25 BP; 1324–1345, 1392–1438 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 129–SPB-155).

Погребение № 58 (женское)

1. Бусина из черного глухого стекла, гладкая, с инкрустацией продольными волнистыми полосами белого цвета (рис. 106–2с). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:25 (до 1299 года)¹.

2. Пуговица шарообразная с ушком (рис. 106–3). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII–XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 58 может быть датировано XIII–XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1096–1299 годы (21–11 ярусы).

Погребение № 59 (девочка-подросток)

1. Перстень с высоким коническим щитком (рис. 90–1а, б). *Хронологически значимый тип*: ЦЕ:9 (XIV век и позже), НОВГ:15 (после 1116 года).

2. Бусы стеклянные шарообразные (рис. 90–3а, б). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:26 (1096–1369 годы).

3. Привеска — «конек» полый (рис. 90–3б). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:7 (XII–XIII века), НОВГ:17 (1161–1382 годы, возможно, позже), НОВГ:18 (1161–1382 годы), НОВГ:30 (после 1161 года).

4. Литая бронзовая орнаментированная рукоять ножа (рис. 92а, б, с). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:30 (после 1161 года).

5. Грузик свинцовый дисковидный (рис. 90–6). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:27 (после 1340 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 59 может быть датировано XIV веком и позднее, в Восточной Европе — XII–XIII веками и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1340–1369 годы (в пределах 10 яруса).

Погребение № 61 (предположительно женское)

1. Нож (рис. 94–7). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Это единственное изделие при погребении, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 63 (женское)

Пластинчатый замкнутый узкий перстень (рис. 96–1). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:16 (после 1340 года).

¹ О датировке этого типа бус см. выше.

Это единственное изделие при погребении, обладающее хронологически значимым типом, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 64 (женское)

1. Фибула пластинчатая кольцевидная с изображением рук (рис. 97—1а, б). *Хронологически значимые типы:* ЦЕ:4 (не ранее второй половины XIII века), СЕ:4 (XIV век и позднее), НОВГ:4 (1177—1382 годы), НОВГ:36 (после 1299 года).

2. Нож (рис. 97—5). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 64 может быть датировано временем не ранее второй половины XIII века и позднее, в Северной Европе — XIV веком и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1299—1382 годы (11—8 ярусы).

Погребение № 65 (мужское)

1. Нож (рис. 99—1). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

2. Кресало овальное (рис. 99—2). *Хронологически значимые типы:* НОВГ:29 (после 1116 года), Ф:18 (эпоха викингов — Крестовых походов).

Таким образом, на основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1134 года (после 19 яруса).

Погребение № 67 (мужское)

1. Застежка-аграф (рис. 100—1а—с). *Хронологически значимый тип:* ЦЕ:14 (XIV—XV века, предположительно вторая половина XIV века).

2. Нож (рис. 100—2). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 67 может быть датировано XIV—XV веками. На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1134 года (после 19 яруса).

Погребение № 71 (пол неопределим)

Бусина или пуговица биконическая серебряная (рис. 103—1а, б). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:11 (вторая половина XII — XIII век), НОВГ:35 (1096—1382 годы).

На основании новгородской хронологической шкалы дата погребения № 71 — 1096—1382 годы (21—8 ярусы), но более вероятно — не ранее начала XIII века.

Погребение № 80 (предположительно мужское)

Кольцевидная застежка с гладким внешним краем (рис. 109—I). *Хронологически значимые типы*: НОВГ:5 (1177—1369 годы), НОВГ:6 (1177—1369 годы).

Это единственное изделие при погребении, обладающее хронологически значимым типом, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 82 (пол неопределим)

Серьга из серебряной округлой в сечении проволоки с ажурным оформлением одного из краев (рис. 110—I). *Хронологически значимый тип*: НОВГ:3 (до 1382 года).

Это единственное изделие при погребении, обладающее хронологически значимым типом, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 84 (мужское)

Нож (рис. 113—1). *Хронологически значимые типы*: ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Это единственное изделие при погребении, обладающее хронологически значимым типом, которое и определяет его дату по новгородской хронологической шкале.

Погребение № 85 (мужское)

Пуговица шарообразная с ушком (рис. 114). *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII—XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 58 может быть датировано XIII—XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — 1096—1299 года (21—11 ярусы).

Погребение № 87 (подросток)

Пуговица шарообразная с ушком. *Хронологически значимые типы*: ЦЕ:10 (XIII—XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 87 может быть датировано XIII–XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1096 года (после 21 яруса).

Погребение № 88 (предположительно мужское)

Фибула пластинчатая кольцевидная с изображением рук (рис. 117–1а, б). *Хронологически значимые типы:* ЦЕ:4 (не ранее второй половины XIII века), СЕ:4 (XIV век и позднее), НОВГ:4 (1177–1382 годы), НОВГ:36 (после 1299 года).

Это единственный хронологически значимый тип при погребении, который и определяет его дату. Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 88 может быть датировано не ранее второй половины XIII — XIV веком (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1299 года (после 11 яруса).

Погребение № 89 (мужское)

Нож. *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Это единственный хронологически значимый тип при погребении, который и определяет его дату.

Погребение № 90 (женское)

1. Многобусинные височные кольца (рис. 119–1, 2). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:1 (конец XIII — XIV век и позже), ЦЕ:1 (XIV век и позже), НОВГ:1 (после 1299 года).

2. Серебряный перстень с круглым щитком (рис. 119–3а, б). *Хронологически значимые типы:* НОВГ:9 (после 1238 года), НОВГ:10 (после 1238 года).

3. Нож (рис. 119–4). *Хронологически значимые типы:* ВЕ:19 (II век до н. э. и позже), НОВГ:28 (после 1134 года).

Таким образом, на основании аналогий в Восточной Европе погребение № 90 может быть датировано временем не ранее рубежа XIII–XIV веков и позднее, в Центральной Европе — не ранее XIV века и позднее. На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1299 года (после 11 яруса).

Погребение № 91 (женское)

Пуговица шарообразная с ушком (рис. 120–2). *Хронологически значимые типы:* ЦЕ:10 (XIII–XIV века), НОВГ:23 (после 1096 года).

Таким образом, на основании аналогий в Центральной Европе погребение № 91 может быть датировано XIII–XIV веками (и позднее). На основании новгородской хронологической шкалы дата — после 1096 года (после 21 яруса).

В итоге на основании проведенной процедуры датирования можно заключить, что могильник Кюлялахти Калмистомяки возникает не ранее рубежа XIII–XIV веков (ориентировочно в 1290-е годы) и функционирует на протяжении приблизительно двух столетий, до конца XV века. Возможно, некоторые погребения, расположенные на его периферии могут относиться и к более позднему времени. Этот вывод подтверждается данными радиоуглеродного датирования. Следовательно, малоинвентарные погребения, которые по новгородской шкале датируются широко (чаще всего в них найдены ножи или шарообразные пуговицы с ушком), также могут быть датированы временем не ранее возникновения могильника, то есть не ранее 1290-х годов. Это же относится ко всем погребениям, имеющим нижнюю дату ранее 1299 года. С учетом общей датировки памятника она может быть изменена на 1,5–2 столетия, что представляется существенным.

Анализ пространственной стратиграфии погребений (рис. 127) позволяет сделать вывод, что не существует однонаправленного развития некрополя, например, от центра к периферии, хотя действительно наиболее поздние погребения тяготеют к периферийным частям площадки. Видимо, могильник состоял из нескольких участков, вероятно, используемых отдельными семьями на протяжении как минимум двух столетий. Создается впечатление, что таких семей и соответственно участков, ими используемых, было немного, может быть, не более 4–5. Я полагаю, что данный вывод является свидетельством того, что на изученном кладбище были похоронены не все члены местного коллектива, а избранные представители отдельных родов.

Глава VI

КЮЛЯЛАШСКИЙ ПОГОСТ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XV ВЕКОВ

Комплекс Кюлялахти представляет собой единственный из всех известных в настоящее время погребальных и поселенческих памятников Карелии XIV–XV веков, о котором существуют сведения в письменных источниках того времени — в Новгородской I летописи и трех берестяных грамотах. Более того, информация, содержащаяся в этих текстах, является базовой для изучения исторических процессов на данной территории, реконструкции системы ее взаимоотношений с Новгородом, то есть вопросов, вполне традиционных для историографии. В контексте открытых археологических материалов они приобретают во многом новое содержание. В этой связи при публикации археологических комплексов представляется необходимым провести анализ письменных источников, связанных с данным конкретным местом.

Впервые после текста Ореховецкого договора 1323 года карельские погосты упоминаются в записи Новгородской I летописи под 1396 годом¹. В известии о нападении «немцев» (шведов) на Северное Приладожье содержится принципиально важная информация. Во-первых, впервые упоминаются погосты Кюрьеский, то есть Куркийоки — будущий Богородицкий Кирияжский погост, и Кюлолаский, то есть Кюлялахти. Во-вторых, в тексте упоминается о сожжении церкви.

Термин «погост» является фундаментальным понятием в изучении территориально-административной системы Северной Руси на протяжении всей эпохи Средневековья. Поэтому раскрытие его содержания в тот или иной хронологический период является традиционной темой исследования в отечественной историографии. Обычно исследователями подчеркивается некоторый дуализм термина «погост», а именно: различаются погост-место и погост-округ. Если под погостом-местом понимается конкретный населенный пункт, то в случае с погостом-округом речь идет об определенном территориально-административном образовании, а также одновременно и о церковном округе, где главная церковь расположена в погосте-месте и, в свою очередь, дает название всему округу. В значительной степени знания

¹ «В лето 6904 <...> Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьеский и Кюлолаский, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по ним, и язык изима и присла в Новъгород» [НПЛ младшего извода: 387; Софийская первая: 250].

о погостах новгородского времени строятся на определенной экстраполяции реалий конца XV века и позднее, содержащихся в документах московского периода, на более раннее время.

Очевидно, что при всех региональных различиях за термином «погост» в летописных источниках стоит определенное образование — округ с центральным поселением, являющимся низовой единицей территориально-административного деления. Для изучаемого региона изучение истоков и процессов формирования этого территориально-административного деления — ключевой вопрос.

В рассматриваемом летописном известии упоминается о сожжении церкви, но в каком именно из двух погостов это случилось, не указывается. Согласимся с высказанным мнением, что церковь была сожжена именно в Кюлялашском погосте [Пулькин, Захарова, Жуков 1999: 26]. В писцовой книге Водской пятины 1500 года описан Кирьяжский Богородицкий погост с церковью Рождества Богородицы. В Кюлялахти церковь не упомянута, существует лишь Кюлялаская перева с деревнями «Кюлолакша, над лахтою над Кюлолакшскою» и «Харитонов след в Кюлолакше над лахтою» [Переписная книга 1852: 122]. Следовательно, в XV веке церковь в Кюлялахти уже не существовала. При этом при раскопках могильника никаких следов строения, которое могло бы быть интерпретировано как остатки церкви, и вообще следов подобного строения вблизи могильника обнаружено не было. Могильник расположен на наиболее возвышенной части холма и вместе с тем относительно ровной поверхности. Скалистый мыс Калмистонизми мало пригоден для постройки даже небольшого сооружения. Приходится констатировать, что пока церковь в Кюлялахти как археологический объект не известна.

Рассмотренное выше летописное известие дополняется текстом берестяной грамоты № 248, имеющей ключевое значение для изучения контекста событий в Корельской земле на рубеже XIV–XV веков¹. Грамота была найдена экспедицией А. В. Арциховского в 1956 году в Неревском раскопе в слое 5 или 6 яруса [Арциховский, Борковский 1963: 72–73]. Горизонт находки датирован 1396–1422 годами. Уже в первой публикации А. В. Арциховский отметил, что грамота представляет собой начало довольно важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду», что на бересте было встречено впервые [Арциховский 1958: 234]. Практически сразу после публикации текст данной грамоты привлек внимание И. П. Шаскольского [Шаскольский 1963: 71–75]. Позднее многие авторы обращались к данному документу в исследованиях как истории собственно Карелии, так и взаимоотношений Новгорода с периферийными районами. В тексте грамоты содержится несколько принципиально важных моментов. Во-первых, очевидно, речь в нем идет именно о тех событиях, о которых говорит и лето-

¹ Беють челом корила Погоская, Кюлолаская и Кюриеская Господину Новгороду. Приобижены есмь с немецкой половине. Оцтина наша и дидена <...> а у нас оу Вымолчовь господь, а имали кречетея <...> мопь и вьржи пограбиле, а сами есмь <...> ина <...> алуи 10, а оу <...> [Арциховский, Борковский 1963: 72–73].

пись под 1396 годом [Шаскольский 1963: 74–75]. Во-вторых, в тексте речь идет от лица корелы «Погоской, Кюлолаской и Кюриеской», то есть представителей определенных территориальных образований.

Не вызывает сомнений место обитания корелы «кюлолаской» и «кюриеской» (Кюлялахти и Куркийоки). Сомнение у многих авторов, в том числе у И. П. Шаскольского, вызвала локализация «корелы погостской». Он предложил довольно оригинальное объяснение этим словам. По его мнению, термин «Корила погоская» (то есть «Корела погостская») — это население той части Карелии, которая входила в состав собственной территории Новгородского государства и в такой же мере, как и русские местности Новгородской земли и области води и ижоры, имела деление на погосты. В термине «корела погостская» содержится противопоставление карельского населения, живущего на собственной территории Новгородского государства (на территории новгородских погостов), и карел, живущих на северной периферии новгородских владений, на пространстве между Белым морем и Ботническим заливом, где не было деления на погосты [Шаскольский 1963: 72].

Впоследствии данная точка зрения не была оспорена, а многие исследователи упорно писали о том, что в тексте берестяной грамоты содержатся сведения всего о двух погостах — Кюлялашском и Курийокском. Этот вопрос имеет принципиальный характер. Предположение И. П. Шаскольского о том, что термин «погостская» — это определение к последующим двум именам собственным, по меньшей мере странно. В каких-либо иных письменных источниках не содержится определения населения Северо-Западного Приладожья как «погостского», подразумевающего его принадлежность к владениям Великого Новгорода. Для этого использовались иные термины, к примеру, в XIV веке — «Корельская земля». Кроме того, рассматриваемый документ — это официальная жалоба на грабежи иноземных отрядов и перечисление понесенных от этого убытков. Разумно и по-человечески понятно. Совершенно не ясно, таким образом, причем здесь противопоставление себя и населения далекого Беломорья. Не исключено, что такая юридическая практика существовала в средневековом документообороте, но каких-либо следов ее неизвестно. Таким образом, предположение И. П. Шаскольского сегодня выглядит несколько надуманным.

На мой взгляд, в рассматриваемом документе содержится обращение от населения конкретных административных округов. В этом случае за термином «корела погостская» следует видеть население одного из них. Вероятно, существовала устоявшаяся практика именования различных групп корельского населения по аналогии с «корелой кобылицкой» или «семидесятской» из ряда источников.

Обращает на себя внимание то, что перечисление местностей в документе идет с запада на восток, точнее с юго-запада на северо-восток, а «кюлолаская» корела живет между «погостской» и «кюриеской», иными словами, к юго-западу от Кюлялахти, то есть в районе города Корела — центра будущего Воскресенского Городенского погоста. До конца XV века поселение

именовалось не Корелой, а «Корельским городком» [Кирпичников 1979: 127]. «Городок» был центральным поселением Городенского погоста — места, расположенного как внутри («город»), так и вне городских стен, при этом его название, по устойчивому правилу, переносилось на всю округу. Можно предположить, что речь в берестяной грамоте № 248 идет о населении будущего Городенского погоста XVI века — округи Корельского городка, то есть о трех, а не о двух погостах, существовавших в Приладожье на рубеже XIV–XV веков.

Еще одним принципиальным моментом, содержащимся в тексте грамоты № 248, является обращение к «Господину Новгороду» от лица «Вымолцев господ». Уже в статье 1963 года И. П. Шаскольский обратил внимание на то, что документ впервые прямо подтверждает существование одного из «пяти родов корельских детей», известных по источникам XV века в Беломорье, в XIV веке на основной карельской племенной территории — в Приладожье. По его мнению, «корельские дети», то есть карельское население Западного Поморья, появились в этой местности в результате переселения (видимо, в течение XIII–XIV веков) с основной карельской племенной территории — с карельских погостов Северо-Западного Приладожья. Оттуда же карельские переселенцы принесли с собой и деление на пять родов; для XV века существование этих родов было, очевидно, пережиточной формой древнего, уходящего в глубь веков деления карельского племени на пять родов [Шаскольский 1963: 73–74].

Позднее А. А. Зализняк предложил прочтение данного документа как написанного от лица «Вымолцев господ», то есть не всего населения данной территории, а родового нобилитета, что является, по его мнению, конкретным свидетельством вовлечения местной племенной знати в систему административно-политического властвования Новгорода в Корельской земле [Янин, Зализняк 1986: 197]. Таким образом, текст берестяной грамоты № 248 однозначно и недвусмысленно на русском языке (титул «Господа») указывает на наличие в Северо-Западном Приладожье в конце XIV века карельского родового нобилитета, обладающего значительной (по региональным меркам) собственностью.

В этой связи особый смысл приобретает информация, содержащаяся в другой «карельской» берестяной грамоте — № 130, найденной в слое 6 яруса Неревского раскопа (1396–1409 годы)¹. Обычно текст данного документа рассматривается в связи с изучением вопроса о даннических отношениях Новгорода и Карелии, поскольку в нем перечислена дань, которая должна быть выплачена в определенном количестве локтей серого некрашеного сукна — «сери» в переводе А. А. Зализняка [Янин, Зализняк 1986: 112].

Интерес вызывают карельские имена данников, прокомментированные Е. А. Хелимским [Хелимский 1986: 256–258]. В контексте предлагаемого исследования наибольший интерес вызывает имя «Валит» и место проживания

¹ У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакши 14 локти хери. У Ваиваса у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретинаяцате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери [Арциховский, Борковский 1958: 66].

ния этого человека — «Кюлолакша». Важнейшим является то обстоятельство, что имя Валит в источниках выступает не только как имя собственное (обычно в литературе упоминаются Валит-корелянин, Иван Федорович Валит, данный Валит из грамоты № 130), но и как титул, означающий принадлежность этого человека к высокому социальному сословию.

Не исключено, что древнейшим упоминанием о правителях Карелии являются сведения известной саги «О Хальфдане Эйстенссоне», текст которой неоднократно рассматривался в связи содержащимися в нем уникальными историко-географическими сведениями о Северной Руси¹ [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]. Указанный документ является сложным для анализа и противоречивым источником, поскольку древнейшая рукопись саги датирована рубежом XIV–XV веков, а сведения, содержащиеся в ней, относятся, видимо, к XI веку и зачастую носят полулегендарный характер. Тем не менее, несмотря на разницу в толкованиях саги, большинство исследователей сходится во мнении, что за топонимом «Кириялаботнир» (буквально «Карельские заливы»), упоминаемым в тексте рассматриваемого документа, а также в ряде других древнескандинавских источников, следует видеть коренную территорию расселения средневековой Корелы — от побережья Выборгского залива до изрезанного шхерами северного берега Ладоги и, возможно, несколько восточнее вплоть до Онеги. Упоминание в саге «О Хальфдане Эйстенссоне» карельского правителя — правителя «Кириялаботнир» — с характерным именем Валь, обладающего значительными богатствами, а также (что примечательно) мечом, может быть, и носит полулегендарный характер, но, очевидно, может стоять в одном ряду с другими упоминаниями о карельских Валитах как представителях местной социальной верхушки.

То, что Валиты как представители средневековой корелы, обладали особым социальным статусом, подтверждают сведения новгородских летописей. Пожалуй, наиболее известным и часто упоминаемым в литературе сюжетом, связанным с их деятельностью, являются события 1337–1338 годов в Кореле² [Шаскольский 1987: 142]. Основной участник этих событий Валит Корелянин имеет титул «воевода», что может говорить об уже сложившейся к данному времени интеграции части карельского населения в социально-политическую структуру Новгорода, при этом обладающей определенной независимостью и имеющей возможности противостоять ей.

¹ Валь убил Свиды и подчинил себе Кириялаботнар. Он получил так много золота, что его невозможно было сосчитать, и взял он его у великана Свади, который жил в той горе, что называется Блесанерг; это к северу от Думбсхаф. Свади был сыном Аса-Тора. Валь владел тем мечом, который назывался Хорнхьялти, он был изукрашен золотом и всегда разил в уязвимое место (цит. по: [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]).

² В лето 6845. Приидоша Немци к Корельскому городу с многою силою; бяше в городе тогда воевода Валит Корелянин, и доспе Валит перевел с Немци и предал город Немцам; Немци же начаша городом владети. Новгородьци же уведавши, с всею силою своею сташа под городом июля в 3 день, в осмый же день приступиша к городу; и Валит доспе перевел к Новгородьцем, и отвори город, Новгородци же взяша свой город июля в 8, в полъдни, а немец избиша, а иных извешаша [Софийская первая летопись: 220].

В этой связи крайне важным представляется текст предания о Валите, записанного московскими послами около 1592 года¹. Как отмечает С. И. Кочкуркина в публикации «Письменных известий о карелах», в Российском государственном архиве древних актов в подборке материалов 1614 года, касающихся русско-датских переговоров о Лапландии, обнаружен полный текст предания о Валите: «Опросные речи данщиков и которые лю/ди/з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Л/о/пской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородцкому с товарищи» [Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1996]. Важно отметить связь и активную деятельность Валита в регионе Белого моря, именно там, где по документам XV века будут упоминаться «пять родов карельских детей». Для нашего исследования интересным представляется то, что представители одного из этих родов — Вымолцы — были зафиксированы за несколько десятилетий до упоминания в купчих Соловецкого монастыря, на территории Северо-Западного Приладожья, согласно тексту берестяной грамоты № 248, и уже тогда имели титул «Господа».

Наиболее распространенная гипотеза о происхождении титула «Валит» — что данное слово является русской огласовкой древнекарельского “*vaali*” — выборы. То есть в титуле содержится информация о выборном характере должности Валита, хотя не исключено, что ее могли занимать представители определенных семейств, и, таким образом, с течением времени слово «валит» стало не только обозначать титул некоего главы социума, но и использоваться как имя собственное.

Возвращаясь к тексту берестяной грамоты № 130, необходимо обозначить еще один важный момент: в ней упоминается слово «*водмол*», 12 локтей которого должен заплатить некий Ваивас Ваякшин. Согласно приведенному при первом издании грамоты комментарию П. Аристэ, слово «*водмол*» нижненемецкого происхождения и обозначает домотканую шерстяную материю, то есть продукт импортного происхождения [Арциховский, Борковский 1958: 67]. Мы не знаем где жил Ваивас, но Валит жил в Кюлалакше, а упоминаемый последним в тексте некий Мелит (или тоже Валит?) жил в Куроле — поселении, локализуемом на острове Килпола. Остров Килпола расположен всего в 4 км к юго-востоку от Кюлялахти. Можно предполо-

¹ Жил некогда в Кореле, или Кексгольме, знаменитый Владелец именем Валит, или Варент, данник великого Новагорода, муж необычной храбрости и силы: воевал, побеждал и хотел господствовать над Лопью, или Мурманскою землею. Лопари требовали защиты соседственных Норвежских Немцев; но Валит разбил и Немцев, там, где ныне летний погост Варенгский, и где он, в память векам, положил своими руками огромный камень в вышину более сажени; сделал вокруг его твердую ограду в двенадцать стен и назвал ее Вавилоном, сей камень и теперь именуется Валитовым. Такая же ограда существовала на месте Кольского острога. Известны еще в земле Мурманской Губа Валитова и Городище Валиново среди острова или высокой скалы, где безопасно отдыхал витязь Корельский. Наконец побежденные Немцы заключили с ним мир, отдав ему всю Лопь до реки Ивгея. Долго славный и счастливый, Валит, именем Христианским Василий, умер и схоронен в Кексгольме в церкви Спаса; Лопари же с того времени платили дань Новугороду и Царям Московским.

жить, что Ваивас жил где-то неподалеку. Вывод из этого может быть следующим: если эти люди обладали импортной шерстяной тканью в количестве, достаточном в том числе и для уплаты дани, то они могли располагать и другими импортными вещами, к примеру ганзейскими серебряными фибулами с рукопожатиями, обнаруженными в погребениях могильника Кюлялахти.

Это крайне редкий случай в средневековой археологии Новгородской земли, но вполне вероятно, что среди мужских погребений могильника Кюлялахти есть погребение и упоминаемого в берестяной грамоте № 130 Вали-та. Датировка грамоты, хронология могильника и исторический контекст совпадают.

Нам известно имя еще одного человека, который жил, возможно, в Кюлялахти в конце XIV века. Это дьяк Филипп, упоминаемый в берестяной грамоте № 278¹. Грамота найдена в слое 8 яруса (1369–1382 годы). В. Л. Янин заметил, что ее почерк в деталях совпадает с почерком бересты № 286, следовательно, эта запись сделана Григорием, занимавшимся сбором дани на карельской территории [Янин 1975: 67]. Прямого упоминания Кюлялахти в грамоте не содержится, но в тексте отмечены 3 топонима: Ландикола, Ноя и Курола. Курола упоминается в рассмотренной выше грамоте № 130 — это поселение на острове Килпола. Ландикола — это, весьма вероятно, огласовка двух слов: “lahti” и “kyla”, переставленных местами, то есть “kylalahti” — «Кюлялахти». Не исключено, что грамота № 278, вслед за грамотой № 130, представляет собой роспись даней с нескольких деревень Кюлялашского погоста. В этом случае упоминание дьяка — церковного причетника свидетельствует о наличии церкви. Церковь в это время была именно в Кюлялахти.

Таким образом, в берестяных грамотах № 130 и 278 не только упоминаются собственно Кюлялахти (в первом случае однозначно, во втором — более чем вероятно) и конкретные имена людей, живших там в конце XIV века, в то время когда там функционировал могильник с трупоположениями, но и очерчен определенный податный округ с центральным погостом и церковью. Я предполагаю, что в этот округ входили поселения по берегам залива, имеющего современное название Тиуруланселька, и на близлежащем острове Килпола.

Итак, рассмотренный комплекс письменных источников дает основания сделать следующие выводы:

1. Во второй половине XIV века в Кюлялахти существует крупное поселение с церковью. Видимо, это поселение локализуется в центральной части холма Калмистояки, где шурфовкой обнаружен мощный культурный слой, но археологически это поселение пока не изучено.

¹ У Икагала у Кривца 3 кунце. У Иголаи дове и в Лаидиколe полорубля и 2 кунце. У Леинуя в Лаидиколe 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии и в Калинина полосорока и 5 и 5 бело. У Сидуя у Авиници 4 кунци. У Миките Истовной у Еванова 6 кунци. У Муномела в Куроле у Игалина брата поло и 2 кунце. У Лег <...> (текст по [Арциховский, Борковский 1963: 104]).

2. Это поселение-погост в летописной записи 1396 года являлось центральным для определенного податного округа.

3. Среди людей, живших в то время в Кюлялахти, упомянут Валит. Это имя может быть не только собственным, но и неким титулом, означающим главу общины, старейшину, в любом случае человека, имеющего высокий социальный статус. Это заключение дополнительно подтверждается текстом грамоты № 248, которая написана от лица «Вымолцев господ», жалующихся Господину Великому Новгороду на разорение Кюлялашского и Курийокского погостов, следовательно, имеющих там владения. Вымолцы спустя столетие будут упомянуты как один из «пяти родов карельских детей», имеющих обширные владения в Прибеломорье [Грамоты Великого Новгорода и Пскова: № 296–298, 300–304].

В связи с темой «пяти родов карельских детей» нужно сделать небольшое отступление. Крайне важной представляется их локализация на коренной территории *корелы*. К этим родам относились: рокульцы, вымолцы, валдольцы, тиврульцы и курольцы. Местоположение владений рокульцев известно достаточно хорошо — это среднее течение Вуоксы, в районе Ряйсяля (совр. Мельниково) и Ховинсаари (совр. Кротово), где была усадьба землевладельца Григория Рокульского [Куузо 1958: 18–19]. Это поселение было изучено А. И. Сакса в 1987–1988 годах [Saksa 1998: 103–105]. В данном районе зафиксирована одна из наиболее крупных в Карелии концентрация археологических памятников железного века — Средневековья, в том числе крупнейший до недавнего времени могильник Тонтинмяки, материалы которого являются опорными в изучении карельских древностей данного периода. Но крайне важно то, что остальные четыре «рода» локализуются именно в Северо-Западном Приладожье, где известны поселения Viimola (Вымолцкий наволок, находящийся именно в Куласской переваре [Переписная книга 1852: 122]), Valtola (в районе озера Вейяла, где в 1564 году была построена первая церковь в Хиитола), Tiugula (Тиурула, на противоположном от Кюлялахти берегу залива, куда, видимо, было перенесено место церкви после разорения 1396 года и где оно существовало до июля 1941 года) и, наконец, уже упоминавшаяся неоднократно Kurola на острове Килпола.

4. Наконец, наличие церкви и причта во второй половине XIV века несомненно свидетельствует о контроле над погребальной обрядностью местного населения. Могильник Кюлялахти — это кладбище при погосте, центральное для данного округа. Вероятно, в центральной части могильника были погребены представители местной социальной элиты. Черты погребальной обрядности, археологически зафиксированные в комплексах памятника, демонстрируют, как именно выглядел христианский обряд погребения в этом регионе Новгородской земли в данный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Могильник Кюлялахти Калмистояки можно определить как кладбище при погостском центре северо-западной периферии Новгородской земли XIV–XV веков. На всей этой территории в настоящее время известно крайне мало полноценно изученных памятников такого типа. До начала работ в Кюлялахти наиболее крупным по количеству обнаруженных погребений являлся могильник Патъя в Лапинлахти (ныне — Ольховка) в центре Карельского перешейка, где в 1938 году Э. Кивикоски изучила 23 захоронения, включая разрушенные, из которых, правда, только в двух — № 21 и 23 — были найдены артефакты. Всего же, по ее подсчетам, к моменту раскопок уже были разрушены около 50 захоронений [Kivikoski 1942: 79–87]. Очевидно, что по типу могильники Кюлялахти и Патъя сопоставимы и синхронны друг другу. Они были центральными и регулярными могильниками для относительно большой округи, функционировавшими на протяжении двух–трех столетий. В то же время крупнейшим по количеству зафиксированных захоронений, при которых присутствовали разнообразные артефакты, являлся могильник Ряйсяля Ховинсаари Тонтинмяки (в районе современного поселка Кротово в Приозерском районе Ленинградской области) в северо-восточной части Карельского перешейка, где Теодор Швиндт в 1886–1888 годах открыл 20 захоронений [Schwindt 1893: 51–81, 98, 99]. В течение четырех полевых сезонов в Кюлялахти были открыты 93 захоронения (91 ингумация и 2 предполагаемые кремации). При них в 51 случае были обнаружены различные артефакты: украшения и детали костюма. Таким образом, изученный могильник является крупнейшим в регионе не только по количеству открытых захоронений, но и по количеству захоронений, при которых обнаружены артефакты.

Несомненно, не только количественные показатели делают этот памятник исключительным. В археологии средневековых погребальных древностей Карелии впервые столь ярко представлены материалы XIV–XV веков, позволяющие сделать ряд принципиально важных выводов, касающихся развития погребальной обрядности населения региона.

На всей изученной площади могильника были расчищены отчетливые надмогильные сооружения из крупных валунов, представлявшие собой овальные в плане, замкнутые выкладки, вытянутые по линии запад–восток, часто с некоторыми отклонениями по линии юго–запад — северо–восток. По краям, то есть на западном и восточном краях, были использованы более крупные камни, в некоторых случаях таким ограничением служили скальные выходы или огромные валуны, очевидно, не перемещавшиеся при создании надмогильных сооружений. До археологических исследований этого комплекса в Карелии отдельные подобные сооружения были известны

в единичных случаях на некоторых памятниках [Schwindt 1893: 107–108]. Данный обряд ярко выражен в могильнике и находит аналогии в более южных районах Новгородской земли. Речь идет о так называемых «жальниках» — грунтовых трупоположениях под небольшой насыпью или позднее — без какой-либо насыпи, отмеченных по периметру каменными оградками круглой, овальной и прямоугольной форм. Такие могильники особенно характерны для западных районов Новгородской земли, Ижорской возвышенности, Причудья, Полужья [Спицын 1896]. Обряд, зафиксированный в могильнике Кюлялахти, является, по крайней мере, синхронным подавляющему большинству жальников северо-запада Новгородской земли.

Относительно происхождения такой погребальной традиции в историографии пока не сложилось единого мнения. Можно выделить четыре основные гипотезы: первая связывает происхождение «жальников» с внутренней эволюцией курганного обряда и постепенным исчезновением насыпи, что происходит в процессе усиления влияния христианства; вторая относит их к погребальной обрядности местного «субстратного» населения; третья связывает их появление с миграцией населения с территории Мазовии; согласно четвертой «жальники» не связаны с каким-либо этносом, а являются погребальными памятниками собственно христианского населения [Спицын 1903: 14, 16; Третьяков 1970: 151; Седов 2000: 7–22; Valk 2010: 109]. Как бы то ни было, можно полагать, что единого источника у данной традиции не было, и в разных частях Северо-Запада под влиянием локальной культурной ситуации она имела свои особенности развития.

В Карелии же появление таких памятников в XIV веке вполне ожидаемо. Данная обрядность не входит в принципиальные противоречия с обрядностью предшествующего периода, отраженной в грунтовых могильниках, изученных Т. Швиндтом в основном в 1880-е годы, и не является радикальной инновацией, хотя, видимо, не эволюционирует непосредственно из нее. В Кюлялахти в XIV веке и позднее погребальная обрядность находится под контролем церковной администрации, о существовании которой известно из летописного сообщения 1396 года о сожжении церкви и берестяной грамоты № 278. Именно поэтому, на мой взгляд, в могильнике присутствует столь отчетливая унификация обрядности, в отличие от более ранних памятников, отличавшихся удивительным разнообразием. Обряд, отраженный в способе расположения тел умерших, также свидетельствует о позднем периоде функционирования могильника.

В отличие от значительной части погребений конца XII — начала XIV века, совершавшихся (хотя и несинхронно) в одной большой яме, в могильнике Кюлялахти все погребения индивидуальные, за двумя исключениями (погребения № 32 и 33 и 57а и б). В подавляющем большинстве случаев здесь были прослежены остатки гробов в виде полос или участков древесного тлена над и под костяками, вдоль стенок могильной ямы. Все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине, чаще всего руки скрещены в районе груди или таза, ориентированы по линии юго-запад — северо-восток, головой на юго-запад.

Наряду с этим наличие украшений или деталей костюма вовсе не свидетельствует о «нехристианстве» оставившего могильник населения. Однако в связи с этим следует отметить, что ни в одном из погребений изученного могильника не было обнаружено ни одного нательного крестика или иконки, что представляется довольно странным, учитывая общий характер памятника. Пока можно предложить два объяснения этого факта: либо предметы личного благочестия были деревянными и не сохранились, что маловероятно, поскольку ясно, что другие предметы из цветных металлов высокого качества эти люди могли себе позволить, либо традиции положения к погребенному предметов личного благочестия в данном социуме не было. Пока этот вопрос остается открытым. Все же представляется очевидным, что это христианское население, в материальной культуре которого проявилось локальное своеобразие, развивающее традиции предшествующего периода.

Источник «жальничной» традиции следует искать вне пределов Карелии, в связи с чем обращают на себя внимание могильники на Ижорском плато. Помимо обрядности, важной чертой, позволяющей проследить аналогии в указанном регионе, являются особенности элементов женского костюма, зафиксированных в ряде погребений могильника Кюлялахти. Это в первую очередь наличие многобусинных височных колец и серег. Многобусинные височные кольца являются одной из поздних серийных категорий изделий, известных в могильниках, преимущественно жальничных. Это явление связано с распространением «городской» моды на сельскую округу, когда такого рода изделия становятся чрезвычайно популярными и часто используемыми в женском уборе. Между тем, сомневаясь в «этноопределяющей» характеристике многобусинных височных колец именно для воды, не следует упускать из виду, что их концентрация в курганно-жальничных могильниках центральной части Ижорского плато несомненна.

Следует отметить, что для женского убора средневековой *корелы*, известного по комплексам грунтовых могильников, которые могут быть датированы в целом XIII веком, какие-либо височные украшения — кольца или серьги — не были характерны. Это существенно отличает эстетические пристрастия средневекового населения региона, выраженные в составе вещевого комплекса, от населения более южных территорий, пусть даже этнически родственного. В XIV веке ситуация меняется. По материалам погребальных памятников, в достоверных комплексах этого времени в женском погребальном уборе отсутствует весь комплекс нагрудных украшений более раннего периода: парные овально-выпуклые фибулы, третья круглая брошь и соединенные с ними более мелкие детали: цепедержатели, Ф-образные пронизки, цепочки. Этот комплекс заменяется культурно снивелированным убором, в котором особое место занимают височные украшения. Механизмы этого процесса — изменения моды — мы можем реконструировать пока только гипотетически.

Однако постоянно увеличивающееся, особенно в последнее время, количество находок украшений «карельских типов» на территории Приневыя

и Ижорского плато (Кирстино, Ратчино) позволяет определенно ставить вопрос об изучении брачных связей населения этих регионов и Карелии по археологическим материалам. Речь идет не об абстрактном «влиянии карельской материальной культуры», по определению А. И. Сакса [Сакса 2008: 131], а о вполне конкретном проявлении весьма древней, надо полагать, устойчивой традиции семейно-брачных взаимоотношений населения указанных культурных областей. Возможности изучения внутренних брачных связей отдельных коллективов убедительно показаны исследованиями А. И. Сакса на материалах могильников Кекомьяки и Тонтинмяки на Карельском перешейке [Сакса 2010: 294–295]. Вполне вероятно, что распространение «общеновгородского» женского убора в Карелии происходило не только и не столько опосредованно через торговые, к примеру, контакты, но непосредственно вместе с его носителями, женщинами из более южных территорий, вступавшими в брак с местными мужчинами. Они были погребены здесь, но в собственном уборе, характерном для той местности, откуда они родом. Это же социальное явление в определенной степени подтверждается находками типично карельских украшений в погребениях вне собственно древнекарельской территории: Мишкино в Южном Приладожье, находками на Ижорском плато и даже Костромском Поволжье, в Пьяньково [Третьяков 1931: 20; Рябинин 1997: 188–190, рис. 50–1–3].

Еще одной яркой чертой в материалах могильника Кюлялахти являются находки североцентральноевропейских импортов: серебряных кольцевидных фибул разных типов, подвески, ножа с серебряными оковками, застежек-аграфов, некоторых типов перстней. Наличие их в карельских комплексах свидетельствует о сохранении в материальной культуре устойчивых тенденций, проявившихся в более ранний период, а также о направлении внешних связей. Проведенная процедура датирования ряда комплексов могильника не выявила противоречий в датах как по центральноевропейской, так и по новгородской хронологическим шкалам. Также не было выявлено и «запаздывания» европейских импортов. Это является прямым свидетельством, что их поступление было динамичным и непрерывным, несмотря на политические коллизии XIV–XV веков.

Для материальной культуры средневековой *корелы*, начиная с ранних этапов ее развития, была характерна определенная эклектичность, когда вещи или, к примеру, мотивы орнамента явно импортного происхождения, как западного, так и восточного, находили свое органичное место в комплексе местных украшений. В других случаях форма или мотив импортов творчески перерабатывались, определяя своеобразие местной культуры. Та же эклектичность культуры продолжает существовать и в XIV–XV веках, хотя становится более снивелированной и приобретает общесевероевропейский характер. Карелия в это время остается пусть периферийной, но органической частью Балтийского мира, объединяемого Ганзой.

Наконец, материалы погребений могильника Кюлялахти, несмотря на инновации в женском погребальном уборе и наличие многочисленных импортов, со всей очевидностью демонстрируют преемственность с культурой

предшествующего периода. Более того, ее развитие теперь можно проследить в динамике. Основным индикатором здесь служит женский погребальный убор.

Как в мужских, так и в женских погребениях ворот одежды (уже не парадной, а, весьма вероятно, предназначенной именно для погребения) скреплялся только одной кольцевидной фибулой или пуговицей. В качестве последних могли служить разнообразные серебряные изделия. Но при этом другие характерные для средневекового комплекса *корелы* артефакты в погребениях Кюлялахти были представлены. К ним относятся: биспиральные цепедержатели (погребения № 54 и 59), Ф-образные пронизки разных, в том числе неизвестных ранее, типов (погребения № 30, 33, 58, 63), бронзовая орнаментированная рукоять ножа (погребение № 59), разделители ремней (погребения № 33, 59), «сердцевидная» подвеска (погребение № 61), орнаментированные бронзовые оковки ножен и копоушка (погребение № 30). Сохраняются в костюме и такие характерные элементы, как разнообразные металлические бусы и расшивки бронзовыми спиральками. Но наиболее удивительной и впервые встреченной в материалах грунтовых погребений эпохи Средневековья Карелии чертой женского погребального костюма явилось использование перечисленных выше вещей не в комплексах нагрудных украшений, как в предшествующий период, а в составе своеобразных сложносоставных поясных привесок. Трансформация древнекарельского костюма, произошедшая в XIV веке, заключалась в том числе в том, что комплекс нагрудных украшений перемещался на пояс, закреплялся на нем с помощью поясных колец и свисал вдоль бедра параллельно ножам (рис. 128, 129). Более того, предметы, которые помимо украшения ранее выполняли и практическую функцию — цепедержатели, теперь ее утратили и стали только украшениями, завершая комплекс поясных привесок (погребения № 54 и 59) (рис. 128).

Как и почему происходит такое «перемещение» комплекса украшений в древнекарельском костюме — тема для отдельного серьезного исследования в будущем.

Таким образом, материалы могильника Кюлялахти свидетельствуют, что своеобразная материальная культура средневековой *корелы* вовсе не завершается в начале XIV века. Могильники, изученные преимущественно Т. Швиндтом в 1880-е годы, которые ранее в историографии рассматривались как собственно карельские, ввиду полученных новейших данных, а также хронологических разработок представляют собой узколокальный и узкохронологический феномен и могут быть отнесены лишь к одному из этапов развития этой культуры. Материалы, полученные в результате раскопок на могильнике Кюлялахти в контексте уже известных, немногочисленных данных, дают основание для выделения еще одного периода существования самобытной материальной культуры летописной *корелы* с XIV по XV столетия включительно. Единственным путем, который позволит детально проследить намеченные процессы, будет интенсификация полевых археологических исследований в регионе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемьев А. Р.* О мечаях-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // РА. 1992. № 2. С. 66–74.
2. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
3. *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. 1958. № 2.
4. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 годов. М., 1958.
5. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956–1957 годов. М., 1963.
6. *Бельский С. В., Лааксо В.* Погребальные комплексы центральной части могильника Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладожье // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2009. Вып. 2. С. 133–176.
7. *Бельский С. В., Лааксо В.* Результаты археологических исследований в Северном Приладожье в 2009 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. Радловский сборник. СПб., 2010. С. 195–199.
8. *Варенов А. Б.* Карельские древности в Новгороде. Опыт топографирования // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1997. С. 94–103.
9. *Голубева Л. А., Варенов А. Б.* Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 228–239.
10. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М., 1936.
11. *Журжалина Н. Р.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2. С. 122–140.
12. *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52–73.
13. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
14. *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований // СА. 1979. № 3. С. 106–118.
15. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65.
16. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
17. *Кольчатов В. А.* Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 167–175.
18. *Конецкий В. Я.* Происхождение и развитие некоторых типов височных колец на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1990. С. 101–105.
19. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
20. *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы V–XV веков. Л., 1981.
21. *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982.
22. *Кочкуркина С. И.* Корела и Русь. Л., 1985.
23. *Кочкуркина С. И.* Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990.
24. *Кочкуркина С. И.* Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010.
25. *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. М.* Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). Петрозаводск, 1996.
26. *Кунцене О. В.* Могильник в Сарай // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1979. P. 76–100.
27. *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 65–74.

28. Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984а. С. 118–153.
29. Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация древнерусских погребальных памятников Северо-Восточного Причудья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984б.
30. Лесман Ю. М. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
31. Лесман Ю. М. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989а. Вып. 2. С. 82–87.
32. Лесман Ю. М. К динамике изживания североευропейских традиций в материальной культуре Руси XI–XIV вв. (железные ножи) // XI Всесоюзная конференция по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М., 1989б.
33. Лесман Ю. М. Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1990а. С. 99–101.
34. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990б. С. 29–98.
35. Лесман Ю. М. К хронологии городища Савкина Горка // Памятники средневековой культуры: открытия и версии. СПб., 1994. С. 146–154.
36. Лесман Ю. М. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // *Arheologia Petropolitana*. СПб., 1996. Вып. 1. С. 52–65.
37. Лесман Ю. М. Формализованная сериационная хронология: тщета надежд // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. С. 122–124.
38. Лесман Ю. М. Кластерные, хронологически значимые и датирующие типы // Археолог: детектив и мыслитель: сб. ст., посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004. С. 138–156.
39. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.). Рукопись, в печати.
40. Лесман Ю. М. Хронология карельских могильников: взгляд из Новгорода. Рукопись.
41. Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М., 1986.
42. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застегивки // Очерки по истории русской деревни X–XIII веков / ТГИМ. М., 1967. Вып. 43.
43. Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего Средневековья // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21. С. 68–74.
44. Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести. СПб., 2000. Вып. 7. С. 222–228.
45. Мурашева В. В. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
46. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII веков / ТГИМ. М., 1967. Вып. 43.
47. Панова Т. Д. Клады Кремля. М., 1986.
48. Панченко М. В. Многобусинные височные кольца на землях Южной Руси // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. Вып. 5 (18). Сент.–окт.
49. Петрунова Б. Накити от некрополя до с. Неделково, Трънско // Приноси към българската археология. София, 2006. Т. III–IV. С. 189–203.

50. Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Труды Института истории материальной культуры. СПб., 2008. Т. XXIV. С. 142–194.
51. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142.
52. Покровская Л. В. Полые шумящие коньки-амулеты древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1990. С. 71–73.
53. Покровская Л. В. Финно-угорские украшения в городском уборе средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1993. С. 139–149.
54. Покровская Л. В. Привески Людина конца средневекового Новгорода. Хронология (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 2005. С. 161–174.
55. Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в). М., 1999.
56. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. М., 1981. Вып. ЕИ-60.
57. Рябинин Е. А. Ножны и литые рукояти ножей северо-западных районов Руси // КСИА. М., 1989. Вып. 195.
58. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
59. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
60. Саарнисто М., Сакса А. И., Таавитсайнен Ю.-П. Древняя Ладога и человек на ее берегах // Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1993. С. 27–29.
61. Савельева Е. А. Вымские могильники XI–XIV веков. Л., 1987.
62. Сакса А. И. Комплекс археологических памятников у деревни Ольховка (Лапплахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 112–117.
63. Сакса А. И. Поселенческие центры как фактор расцвета Карелии в X–XIV вв. // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 157–160.
64. Сакса А. И. Древняя Карелия и Ижорская земля // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2008. С. 128–145.
65. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.
66. Сакса А. И., Тюленев В. А. Корела // Финны в Европе VI–XV веков. М., 1990. Вып. 2. С. 68–82.
67. Сарычева Т. Л. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX — первая половина XIII века) // История и эволюция древних вещей. М., 1994. С. 85–100.
68. Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 194–229.
69. Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 156–157.
70. Седов В. В. Жальники // РА. 2000. № 1. С. 7–22.
71. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
72. Соболев В. Ю. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2006. Вып. 1. С. 302–340.
73. Спицын А. А. Курганы Ижорского плато в раскопках Л. В. Ивановского // МАР. СПб., 1896. Вып. 20.
74. Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. СПб., 1903. Вып. 29.

75. Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. СПб., 1884. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода.
76. Третьяков П. Н. Костромские курганы // ИГАИМК. М.; Л., 1931. Вып. 6–7. Т. X.
77. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // МИА. Вып. 179. Л., 1970.
78. Тюленев В. А. Исследования древнего Выборга. СПб., 1995.
79. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / ТГИМ. М., 1967. Вып. 43.
80. Флеров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 2001.
81. Фонаков Д. И. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. М., 1986. Вып. 187. С. 62–65.
82. Хартанович В. И., Шахнович М. М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. СПб., 2009. С. 104–109.
83. Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
84. Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 188–208. (Переиздание в кн.: Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010. С. 236–247.)
85. Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 71–75.
86. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
87. Шахнович М. М., Бельский С. В. «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2009. Вып. 2. С. 177–186.
88. Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. М., 1956. Вып. 55.
89. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.
90. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
91. Appeltgren H. Suomen muinaislinnat // SMYA. Helsinki, 1891. XII.
92. Blomquist R. Spännen och söljor // Kulturen. Lund, 1947. P. 120–145.
93. Bronk Ramsey C. Improving the resolution of radiocarbon dating by statistical analysis // The Bible and Radiocarbon Dating: Archaeology, Text and Science. L., 2005. P. 57–64.
94. Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. // Acta Archaeologica Lundensia. Malmö, 1977. Series in 4. Nr. 11.
95. Campbell M. Medieval Jewellery: In Europe 1100–1500. L., 2009.
96. Cleve N. Skelettgravfältet på Kjuloholm I Kjulo. II. Vikingatid och korstågstad. Gravfältet C. // SMYA. Helsingfors, 1978. 2.
97. Deevy M. Medieval ring brooches in Ireland: A study of jewellery, dress and society. Wicklow, 1998.
98. Edgren T. Medeltidarkeologi I Skärgårdshavet // Historisk Tidskrift för Finland. 1977. P. 404–426.

99. *Edgren T.* Fornlämningar och fornfynd i Hitis utskär. Kemiö, 1999.
100. *Egan G., Pitchard F.* Dress Accessories, c. 1150-c. 1450 (Medieval Finds from Excavations in London). L., 1991.
101. *Fingerlin I.* Gürtel des hohen und späten Mittelalters. München, 1971.
102. *Hackman A.* Forvarv till Statens Historiska Museum 1916 och 1917. III. Järnaldern // Finskt Museum. Helsingfors, 1918. 25.
103. *Heindel I.* Ava-Maria-Schnallen und Hanttruvebratzen mit Inschrift en // ZfA. 1986. 20. P. 65–79.
104. *Immonen V.* Golden moments. Artefacts of Precious Metals as Products of Luxury Consumption in Finland c. 1200–1600. Turku, 2009. Vol. I, II.
105. *Karjalainen K. F.* Jugralaisten uskonto // Suomen suvun uskonnot. Porvoo, 1918. III.
106. *Kirme K.* Eesti sojet. Tallinn, 1986.
107. *Kivikoski E.* Lisiä Karjalan ristiretkikauden ajanmäärittelykseen // Kalevalaseuran vuosikirja. 1942. 22. P. 79–87.
108. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
109. *Konkka U.* Ikuinen ikava. Karjalaiset riitti-itkut // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1985. P. 428.
110. *Kopisto, A., Paloposki, T. J.* Viipurin pitäjän historia I. Vuoteen 1865. Joensuu, 1967.
111. *Krabath S.* Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen // Internationale Archäologie. Rahden: Liedorf, 2001. 63. Band I–II.
112. *Krabath S., Lambacher L.* Der Pritzwalker Silberfund. Schmuck des späten Mittelalters // Bestandskatalog des Kunstgewerbemuseums der Staatlichen Museen zu Berlin. Berlin, 2006. 23.
113. *Kuujo E.* Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan historia I (vuoteen 1721) // Käkisalmen historia. Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaihteita. 1958. P. 5–219.
114. *Laakso V.* Papinniemi i Uukuniemi och andra ortodoxa gravfält i östra Finland utgångspunkter och aktuell forskningsproblematik. Kirkearkæologi i Norden. Hikiin, 2003. 30. P. 139–154.
115. *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari I. The Graves // SMYA. 1982. 82:1.
116. *Linturi E.* Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasojet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Helsinki, 1980. Moniste 24.
117. *Nordman C. A.* Karelska järnaldersstudier // SMYA. Helsingfors, 1924. XXXIV:3.
118. *Oman Ch.* British rings 800–1914. L., 1974.
119. *Paulaharju S.* Syntyma, lapsuus ja kuolema // Kalevalanseuran julkaisuja. 1924. II.
120. *Platt C., Coleman-Smith R.* Excavations in Medieval Southampton 1953–1969. Leicester, 1975. Vol. 2. The Finds.
121. *Purhonen P.* Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus // SMYA. 1998. 106.
122. *Saksa A., Grönlund E., Simola H., Taavitsainen J.-P., Kivinen L., Tolonen K.* The history of the environment and development of agriculture of Karelian isthmus and NW Ladoga region: a paleoecological and archaeological study // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugrii. Jyväskylä, 1995. Pars VII.
123. *Saksa A. I.* Rautakautinen Karjala. Studia Carelica Humanistica 11. Joensuu, 1998.
124. *Salo U.* Lappeen Kauskilaan varhaiskeskiaikainen kalmisto // SM. 1957. P. 35–55.
125. *Saracheva T.* Temple-ring or Ear-ring: Various ways of wearing identical ornaments // Centre. Region. Periphery. Medieval Europe Basel. Hertingen, 2002. Vol. 1. P. 351–356.

126. *Sarvas P.* Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä // SM. 1971. P. 51–63.
127. *Schwindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta // SMYA. Helsinki, 1893. XIII.
128. *Scarlsbrick D.* Rings: Symbols of wealth, power and affection. L., 1993.
129. *Scarlsbrick D.* Rings: Jewelry of Power, Love and Loyalty. L., 2007.
130. *Søvsø M.* Middelalderlige ringspænder. Typologi, datering og brug // KUML. 2009. Årborg for Jysk Arkæologisk Selskab. Aarhus, 2009. P. 183–210.
131. *Taavitsainen J.-P., Ikonen L., Saksa. A.* Early Agriculture in the Archipelago of Lake Ladoga // Fennoscandia Archaeologia. Helsinki, 1994. XI. P. 29–39.
132. *Tamla U., Kuidsoo M.* Eesti muistsed aarded: Näituse kataloog. Tallinn, 2005.
133. *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997.
134. *Valk H.* A subgroup of the “Hanseatic brooches” in Estonia // The Medieval town in the Baltic: Hanseatic history and Archaeology. Tartu, 1999. P. 85–100.
135. *Valk H.* Possible reflections on the earliest stage of Christianization in the borderland of South-East Estonia and the Pskov region // Salamon M., Hardt M., Kruk M. P., Musin A., Špehar P., Sulikowska-Gaska A., Wołoszyn M. (eds.) Rome, Constantinople and Newly-converted Europe: Archaeological and Historical evidence (Cracow, Poland, 21–25 September 2010): Book of abstracts and addresses. Belgarde, Cracow, Leipzig, Warsaw, Rzeszow, Saint-Petersburg, 2010. P. 109.
136. *Whitehead R.* Buckles. 1250–1800-s. Essex, 1996.
137. *Zachrisson I.* Saami or Nordic? A Model for Ethnic Determination of Northern Swedish Archaeological material from the Viking period and the Early Middle Ages // Archaeology and Environment. 1985. 4.

ИСТОЧНИКИ

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III.
3. Переписная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 12. С. 1–188.
4. Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. VI.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бельский С. В. Отчет о работах Карельской археологической экспедиции Северо-Западного научно-исследовательского института культурного и природного наследия в 2005 году // Архив ИА РАН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Л.)

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры (М.; Л.)

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории

КСИА — Краткие сообщения Института археологии (М.; Л.)

ЛО ИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР

МАР — Материалы по археологии России (СПб.)

МИА — Материалы и исследования по археологии (М.; Л.)

НПЛ — Новгородская I летопись

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РА — Российская археология (М.)

СА — Советская археология (М.)

САИ — Свод археологических источников (М.; Л.)

ТГИМ — Труды Государственного исторического музея (М.)

FM — Finstk Museum (Helsingfors)

KM — Kansallis museo

SM — Suomen museo (Helsinki)

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Helsinki)

ZfA — Zeitschrift für Archäologie

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Местоположение археологического комплекса Кюлялахти Калмистомяки (Лахденпохский район республики Карелия, Российская Федерация)

Fig. 1. The location of Kylälahti Kalmistomäki archaeological complex (Lahdenpohja region, Republic of Karelia, Russian Federation)

Рис. 2. Северо-Западное побережье Ладожского озера и местоположение археологического комплекса Кюлялахти Калмистомяки

Fig. 2. North-Western shore of Ladoga lake and the location of Kylälahti Kalmistomäki archaeological complex

Рис. 3. Отчет С. Пяльси о его работах в Кюлялахти в 1933 году

Fig. 3. S. Pälsi's field-report about investigations in Kylälahti at 1933

Рис. 4. Вид на холм Калмистомяки с северо-запада. Фотография С. Бельского

Fig. 4. The view towards Kalmistomäki hill from north-west. Photo by S. Belskiy

Рис. 5. Археологический комплекс Кюлялахти Калмистомяки. Топографический план. Чертеж С. Бельского

Fig. 5. Kylälahti Kalmistomäki archaeological complex. General map of the site. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 6. Вид на площадку могильника. Вид с юго-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 6. The view towards the place of the cemetery from south-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 7. Надмогильные сооружения в центральной части могильника Калмистомяки. Вид с юго-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 7. The stone structures on top of the graves in the central part of Kalmistomäki cemetery from south-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 8. Надмогильные сооружения в восточной части могильника Калмистомяки. Вид с северо-запада. Фотография С. Бельского

Fig. 8. The stone structures on top of the graves in the eastern part of Kalmistomäki cemetery from north-west. Photo by S. Belskiy

Рис. 9. Надмогильные сооружения. Сводный план. Чертеж С. Бельского, И. Ткаченко

Fig. 9. The stone structures on top of the graves. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy, I. Tkachenko

Рис. 10. Центральная часть площадки могильника после расчистки погребений. Рабочий момент. Процесс документирования. Вид с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 10. The central part of the cemetery after removing of the graves. The view from the south. The process of the documentation. Photo by S. Belskiy

Рис. 11. Погребения могильника Кюлялахти. Сводный план. Чертеж С. Бельского

Fig. 11. The graves of of Kalmistomäki cemetery. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 12. Надмогильное сооружение № 1 над погребением № 1. Вид с востока. Фотография С. Бельского

Fig. 12. The stone structure on top of the grave № 1. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 13. Погребения № 1, 2 и 3. Сводный план:

Погребение № 1: 1–1, 1–2а, б — височные кольца (или серьги), 2 — нагрудное украшение.

Погребение № 2: а, б — скобки — поясные накладки (?).

Погребение № 3: 1, 2 — височные кольца, 3 — бусина, 4 — перстень, 5 — нож.

Чертеж С. Бельского, Д. Герасимова

Fig. 13. The graves № 1, 2, 3. General map:

Grave № 1: 1–1, 2а, б — the temple (or ear) rings, 2 — the pendant.

Grave № 2: а, б — the belt fittings (?).

Grave № 3: 1, 2 — the temple-rings, 3 — the bead, 4 — the finger-ring, 5 — the knife.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy, D. Gerasimov

Рис. 14. Погребение № 1. Вид сверху с севера. Фотография С. Бельского

Fig. 14. The grave № 1. The view from the north. Photo by S. Belskiy

Рис. 15. Комплекс артефактов из погребения № 1: 1–1–1, 2а, б — бронза, серебро, позолота. Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 15. The finds from the grave № 1: 1–1–1, 2а, б — bronze, silver, gilding. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 16. Погребение № 2. Вид с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 16. The grave № 2. The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 17. Комплекс артефактов из погребения № 2: а, б — бронза. Фотография С. Шапиро

Fig. 17. The finds from the grave № 2: а, б — bronze. Photo by S. Shapiro

Рис. 18. Погребение № 3. Вид сверху с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 18. The grave № 3. The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 19. Комплекс артефактов из погребения № 3: 1–2 — бронза, серебро, позолота, 3–4 — серебро, 5 — железо. Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 19. The finds from the grave № 3: 1–2 — bronze, silver, gilding, 3–4 — silver, 5 — iron. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 20. Погребения № 4, 25, 26, 27. Сводный план. Чертеж С. Бельского, Д. Герасимова

Fig. 20. The graves № 4, 25, 26, 27. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy, D. Gerasimov

Рис. 21. Погребения № 7, 8, 30. Вид с востока. Фотография С. Бельского

Fig. 21. The graves № 7, 8, 30. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 22. Погребения № 7 и 8. Сводный план.

Погребение № 7: 1 — фибула, 2 — бусина, 3 — нож, 4 — спиральки.

Погребение № 8: 1 — фибула, 2 — пуговица, 3, 4 — спиральки, 5 — ременная гарнитура, 6 — заклепка, 7 — нож с остатками рукояти.

Чертеж С. Бельского

Fig. 22. The graves № 7 and 8. General map.

Grave № 7: 1 — the brooch, 2 — the bead, 3 — the knife, 4 — the spirals.

Grave № 8: 1 — the brooch, 2 — the button, 3, 4 — the spirals, 5 — the belt fittings, 6 — the rivet (?), 7 — the knife with fragments of the handle.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 23. Комплекс артефактов из погребения № 7: 1 — серебро, позолота, 2 — серебро, 3 — железо, 4 — бронза, текстиль. Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 23. The finds from the grave № 7: 1 — silver, gilding, 2 — silver, 3 — iron, 4 — bronze, textile. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 24. Погребение № 8. Вид с северо-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 24. The grave № 8. The view from the north-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 25. Комплекс артефактов из погребения № 8: 1 — серебро, позолота, 2, 6 — бронза, 3–4 — бронза, текстиль, 5 — железо, серебро, 7 — железо, дерево. Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 25. The finds from the grave № 8: 1 — silver, gilding, 2, 6 — bronze, 3–4 — bronze, textile, 5 — iron, silver, 7 — iron, wood. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 26. Погребение № 9. План. Чертеж С. Бельского

Fig. 26. The grave № 9. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 27. Фрагмент сережки из погребения № 9. Фото С. Шапиро

Fig. 27. The fragment of the ear-ring from the grave № 9. Photo by S. Shapiro

Рис. 28. Надмогильные сооружения над погребениями № 10 и 11. Вид с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 28. The stone structures on top of the graves № 10 and № 11. The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 29. Погребения № 10 и 11. Сводный план. Чертеж С. Бельского

Fig. 29. The graves № 10 and 11. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 30. Погребение № 12. План: 1, 2 — привески, 3 — бусина. Чертеж С. Бельского

Fig. 30. The grave № 12. General map: 1, 2 — the pendants, 3 — the bead. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 31. Комплекс артефактов из погребения № 12: 1, 2 — бронза, 3 — серебро. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 31. The finds from the grave № 12: 1, 2 — bronze, 3 — silver. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 32. Погребение № 13. План:

1, 2 — височные кольца, 3 — подвеска-кулон, 4 — пуговица, 5 — перстень, 6 — комплекс поясной привески, 7 — игольник (?), 8 — грузик, 9 — нож, 10 — фрагменты кожаной обуви, 11 — кварцевый нуклеус.

Чертеж С. Бельского

Fig. 32. The grave № 13. General map.

1, 2 — the temple-rings, 3 — the neck pendant, 4 — the button, 5 — the finger-ring, 6 — the complex of the belt pendant, 7 — the needle box (?), 8 — the weight, 9 — the knife, 10 — the fragments of the leather shoes, 11 — the quartz core.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 33. Погребение № 13. Вид с севера. Фотография С. Бельского

Fig. 33. The grave № 13. The view from the north. Photo by S. Belskiy

Рис. 34. Комплекс артефактов из погребения № 13: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, позолота, 4, 5 — серебро, 6 — бронза, стекло, кожа, 7 — железо, 8 — олово (?). Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 34. The finds from the grave № 13: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, gilding, 4, 5 — silver, 6 — bronze, glass, leather, 7 — iron, 8 — lead (?). Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 35. Нож из комплекса погребения № 13. Фотографии С. Шапиро, прорисовка А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 35 The knife from the grave № 13. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 36. Погребение № 14. Вид с востока. Фотография С. Бельского

Fig. 36. The grave № 14. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 37. Погребения № 14 и 18. Сводный план. Чертеж С. Бельского

Fig. 37. Graves № 14 and 18. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 38. Погребения № 15, 16 и 17. Сводный план.

Погребение № 16: 1 — пряжка поясная, 2, 3 — кольца поясные.

Чертеж С. Бельского

Fig. 38. Graves № 15, 16 and 17. General map.

Grave № 16: 1 — the belt buckle, 2, 3 — the strap dividers.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 39. Погребения № 16, 17. Вид с востока. Фотография С. Бельского

Fig. 39. The grave № 16, 17. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 40. Комплекс артефактов из погребения № 16: 1, 2, 3 — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 40. The finds from the grave № 16: 1, 2, 3 — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 41. Погребения № 19, 20 и 24. Сводный план.

Погребение № 19: 1 — бусина, 2 — пуговица.

Чертеж С. Бельского

Fig. 41. Graves № 19, 20 and 24. General map.

Grave № 19: 1 — the bead, 2 — the button.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 42. Комплекс артефактов из погребения № 19: 1, 2 — серебро, позолота. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 42. The finds from the grave № 19: 1, 2 — silver, gilded. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 43. Погребения № 21, 22 и 23. Сводный план.

Погребение № 23: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — проволока.

Чертеж С. Бельского

Fig. 43. Graves № 21, 22 and 23. General map.

Grave № 23: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the wire.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 44. Комплекс артефактов из погребения № 23: 1, 2 — железо, 3 — бронза. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 44. The finds from the grave № 23: 1, 2 — iron, 3 — bronze. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 45. Погребения № 25, 26 и 27. Вид с юго-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 45. The graves № 25, 26 and 27. The view from the south-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 46а. Погребение № 30. План.

Погребение № 30: 1, 2 — височные кольца, 3 — пуговица.

Чертеж С. Бельского

Fig. 46а. Grave № 30. General map.

Grave № 30: 1, 2 — temple-rings, 3 — button.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 46б. Погребение № 30. Центральная часть могильной ямы. Скопление артефактов:

1 — перстень, 2 — пуговица, 3 — поясное кольцо, 4 — комплекс поясной привески, 5 — сумочка, 6 — нож, 7 — фрагменты кожаных ремней.

Чертеж С. Бельского

Fig. 46б. Grave № 30. The central part of the grave. The concentration of the artifacts: 1 — the finger-ring, 2 — the button, 3 — the strap divider, 4 — the complex of “belt pendant”, 5 — the pocket, 6 — the knife, 7 — the fragments of leather straps.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 47. Погребение № 30. Височные кольца и пуговица in situ. Фотография С. Бельского

Fig. 47. Grave № 30. The temple-rings and the button in situ. Photo by S. Belskiy

Рис. 48. Комплекс артефактов из погребения № 30: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, позолота, 4 — бронза (золото?), 5 — кожа, текстиль, 6 — текстиль. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 48. The finds from the grave № 30: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, gilding, 4 — bronze, (gold?), 5 — leather, textile, 6 — textile. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 49. Погребение № 30. Центральная часть могильной ямы. Комплекс артефактов in situ. Фотография С. Бельского

Fig. 49. Grave № 30. The central part of the grave. The complex of the artifacts in situ. Photo by S. Belskiy

Рис. 50. Комплекс артефактов из погребения № 30: 1 — бронза, 2 — бронза, кожа, 3 — железо, дерево, 4 — бронза, кожа, 5 — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 50. The finds from the grave № 30: 1 — bronze, 2 — bronze, leather, 3 — iron, wood, 4 — bronze, leather, 5 — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 51. Погребения № 31, 32 и 33. Сводный план.

Погребение № 31: 1 — фибула, 2 — пуговица, 3 — перстень, 4 — нож, 5 — спиральки.

Погребение № 32: 1 — бусина.

Погребение № 33: 1 — перстень, 2 — разделитель ремня, 3 — пряслице (грузик?), 4 — Ф-образная пронизка и игольник, 5 — нож.

Чертеж С. Бельского

Fig. 51. Graves № 31, 32 and 33. General map.

Grave № 31: 1 — the brooch, 2 — the button, 3 — the finger-ring, 4 — the knife, 5 — the spirals.

Grave № 32: 1 — the bead.

Grave № 33: 1 — the finger-ring, 2 — the strap divider, 3 — the weight (?), 4 — the eared tube and the needle box, 5 — the knife.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 52. Комплекс артефактов из погребения № 31: 1 — серебро, позолота, 2, 3 — серебро, 4 — железо, 5 — бронза, текстиль. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 52. The finds from the grave № 31: 1 — silver, gilding, 2, 3 — silver, 4 — iron, 5 — bronze, textile. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 53. Погребения № 32 и 33. Вид с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 53. The graves № 32 and 33. The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 54. Бусина из погребения № 32: 1 — серебро. Фотография С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 54. The find from the grave № 32: 1 — silver. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 55. Комплекс артефактов из погребения № 33: 1, 2, 4а — бронза, 3 — шифер (?), 4б, 5 — железо. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 55. The finds from the grave № 33: 1, 2, 4а — bronze, 3 — slate (?), 4б, 5 — iron. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 56. Погребения № 34 и 35. Сводный план.

Погребение № 34: 1, 2 — височные кольца (серьги?), 3 — застежка-аграф, 4 — пуговица.

Чертеж С. Бельского

Fig. 56. Graves № 34 and 35. General map.

Grave № 34: 1, 2 — the temple (ear?)-rings, 3 — the fastener, 4 — the button.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 57. Погребение № 34. Череп in situ. Вид с северо-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 57. Grave № 34. The skull in situ. The view from north-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 58. Комплекс артефактов из погребения № 34: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3, 4 — серебро, позолота. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 58. The finds from the grave № 34: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3, 4 — silver, gilding. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 59. Погребения № 36 и 39. Сводный план.

Погребение № 36: 1 — монета.

Погребение № 39: 1 — пряжка поясная, 2 — бусина, 3 — нож, 4 — поясное кольцо, 5, 6 — иголки.

Чертеж С. Бельского

Fig. 59. Graves № 36 and 39. General map.

Grave № 36: 1 — the coin.

Grave № 39: 1 — the belt buckle, 2 — the bead, 3 — the knife, 4 — strap divider, 5, 6 — needles.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 60. Погребения № 35 и 36. Вид с северо-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 60. The graves № 35 and 36. The view from the north-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 61. Монета из погребения № 36 (новгородская денга). Фотография С. Шапиро

Fig. 61. The coin from the grave № 36 (Novgorod den'ga). Photo by S. Shapiro

Рис. 62. Погребение № 37. План.

1 — пуговица, 2 — фрагмент бусины.

Чертеж С. Бельского

Fig. 62. Graves № 37. General map.

1 — the button, 2 — the fragment of the bead.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 63. Погребения № 38 и 51. Сводный план.

Погребение № 38: 1 — перстень, 2 — нож и фрагменты ножен.

Чертеж С. Бельского

Fig. 63. Graves № 38 and 51. General map.

Grave № 38: 1 — the finger-ring, 2 — the knife and the remains of the scabbard.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 64. Комплекс артефактов из погребения № 38: 1 — серебро, 2а, б — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 64. The finds from the grave № 38: 1 — silver, 2a, b — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 65. Комплекс артефактов из погребения № 39: 1, 3, 4, 5, 6 — железо, 2 — серебро. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 65. The finds from the grave № 39: 1, 3, 4, 5, 6 — iron, 2 — silver. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 66. Погребения № 40, 41 и 46. Сводный план.

Погребение № 46: 1а–е — поясная гарнитура, 2 — нож и фрагменты ножен, 3 — бусина.

Чертеж С. Бельского

Fig. 66. Graves № 40, 41 and 46. General map.

Grave № 46: 1a–e — the belt buckle and the fittings, 2 — the knife, 3 — the bead.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 67. Погребения № 40, 41 и надмогильное сооружение над погребением № 46. Вид с севера. Фотография С. Бельского

Fig. 67. Graves № 40 and 41 and stone structure above grave № 46. The view from the north. Photo by S. Belskiy

Рис. 68. Нож из погребения № 44. Фотография С. Шапиро

Fig. 68. The knife from the grave № 44. Photo by S. Shapiro

Рис. 69. Погребения № 45 и 50. Сводный план.

Погребение № 50: I — серьга.

Чертеж С. Бельского

Fig. 69. Graves № 45 and 50. General map.

Grave № 50: I — the ear-ring.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 69—I. Серьга из погребения № 50. Серебро, позолота. Фотография С. Шапиро

Fig. 69—I. The ear-ring from the grave № 50. Silver, gilding. Photo by S. Shapiro

Рис. 70. Погребение № 46. Вид с юго-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 70. Grave № 46. The view from the south-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 71. Погребение № 46. Поясная гарнитура in situ. Фотография С. Бельского

Fig. 71. Grave № 46. The belt buckle and the fittings in situ. Photo by S. Belskiy

Рис. 72. Комплекс артефактов из погребения № 46: 1 — бронза, кожа, 2 — железо, кожа. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 72. The finds from the grave № 46: 1 — bronze, leather, 2 — iron, leather. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 73. Погребения № 47 и 48. Сводный план. Чертеж С. Бельского

Fig. 73. Graves № 47 and 48. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 74. Погребения № 47 и 48. Вид с востока. Фотография С. Бельского
Fig. 74. Graves № 47 and 48. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 75. Нож из погребения № 49. Фотография С. Шапиро
Fig. 75. The knife from the grave № 49. Photo by S. Shapiro

Рис. 76. Погребение № 50. Вид с востока. Фотография С. Бельского
Fig. 76. Grave № 50. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 77. Надмогильные сооружения № 32 и 33 над погребениями № 53 и 54. Вид с северо-запада. Фотография С. Бельского

Fig. 77. The stone structures № 32 и 33 above the graves № 53 и 54. The view from the north-west. Photo by S. Belskiy

Рис. 78. Погребение № 53. Вид с северо-запада. Фотография С. Бельского
Fig. 78. Grave № 53. The view from the north-west. Photo by S. Belskiy

Рис. 79. Погребения № 53 и 54. Сводный план.

Погребение № 53: 1 — бусина, 2 — игольник, 3 — нож.

Погребение № 54: 1, 2 — височные кольца, 3 — бусина, 4 — вток, 5а — разделитель пояса, 5б—е — комплекс поясной привески.

Чертеж С. Бельского

Fig. 79. Graves № 53 and 54. General map.

Grave № 53: 1 — the bead, 2 — the needle box, 3 — the knife.

Grave № 54: 1, 2 — temple (or ear) rings, 3 — the bead, 4 — the tip, 5a — the strap divider, 5b—e — the complex of the belt pendant.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 80. Комплекс артефактов из погребения № 53: 1 — серебро, 2 — бронза, текстиль, 3 — железо. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 80. The finds from the grave № 53: 1 — silver, 2 — bronze, textile, 3 — iron. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 81. Комплекс артефактов из погребения № 54: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, 4 — железо, 5а — бронза, кожа, 5б — бронза, стекло, кожа, 5с — кость, 5д, ф, е — бронза. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 81. The finds from the grave № 54: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, 4 — iron, 5a — bronze, leather, 5b — bronze, glass, leather, 5c — bone, 5d, f, e — bronze. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 82. Погребение № 54. Комплекс артефактов в центральной части могильной ямы in situ. Фотография С. Бельского

Fig. 82. Grave № 54. The complex of the artifacts in central part of the grave pit in situ. Photo by S. Belskiy

Рис. 83. Погребение № 55. План.

1 — перстень.

Чертеж С. Бельского

Fig. 83. Grave № 55. General map.

I — finger-ring.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 83—I. Перстень из погребения № 55. Фотография С. Шапиро

Fig. 83—I. The finger-ring from the grave № 55. Photo by S. Shapiro

Рис. 84. Погребения № 57a, b. Вид с северо-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 84. Graves № 57a, b. The view from the north-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 85. Погребения № 57a и b. Сводный план.

Погребение № 57a: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — пуговица, 4 — спиральки.

Погребение № 57b: 1 — перстень, 2, 3 — спиральки.

Чертеж С. Бельского

Fig. 85. Graves № 57a, b. General map.

Grave № 57a: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the button, 4 — the spirals.

Grave № 57b: 1 — the finger-ring, 2, 3 — the spirals.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 86. Комплекс артефактов из погребения № 57a: 1, 2 — железо, 3 — серебро. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 86. The finds from the grave № 57a: 1, 2 — iron, 3 — silver. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 87. Комплекс артефактов из погребения № 57b: 1 — бронза, 2, 3 — бронза, текстиль. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 87. The finds from the grave № 57b: 1 — bronze, 2, 3 — bronze, textile. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 88. Погребения № 59, 64 и 68. Сводный план.

Погребение № 59: 1 — перстень, 2 — поясное кольцо, 3 — комплексы поясных привесок, 4 — игольник (?), 5 — спиральки, 6 — нож, 7 — бусина.

Погребение № 64: 1 — фибула, 2 — поясное кольцо, 3, 4 — спиральки, 5 — нож.

Погребение № 68: 1 — бусина.

Чертеж С. Бельского

Fig. 88. Graves № 59, 64 and 68. General map.

Grave № 59: 1 — the finger-ring, 2 — strap divider, 3 — the complexes of the belt pendants, 4 — the needle box (?), 5 — the spirals, 6 — the knife, 7 — the bead.

Grave № 64: 1 — the brooch, 2 — the strap divider, 3, 4 — the spirals, 5 — the knife.

Grave № 68: 1 — the bead.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 89. Погребение № 59. Вид с севера. Фотография С. Бельского

Fig. 89. Grave № 59. The view from the north. Photo by S. Belskiy

Рис. 90. Комплекс артефактов из погребения № 59: 1 — бронза, серебро, 2 — бронза, кожа, 3 — бронза, стекло, кожа, 4a — бронза, 4b — железо, 5 — бронза, текстиль, 6 — олово (?). Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 90. The finds from the grave № 59: 1 — bronze, silver, 2 — bronze, leather, 3 — bronze, glass, leather, 4a — bronze, 4b — iron, 5 — bronze, textile, 6 — lead (?). Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 91. Погребение № 59. Комплекс артефактов в центральной части погребения in situ. Фотография С. Бельского

Fig. 91. Grave № 59. The complex of the artifacts in the central part of the grave pit in situ. Photo by S. Belskiy

Рис. 92. Нож из погребения № 59. Фотография С. Шапиро, рисунок А. Машезерской

Fig. 92. The knife from the grave № 59. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya

Рис. 93. Погребения № 60 и 61. Сводный план.

Погребение № 61: 1 — разделитель ремня, 2, 3 — иголки, 4, 5 — спиральки, 6 — привеска, 7 — нож, 8 — кресало, 9, 10 — бусины.

Чертеж С. Бельского

Fig. 93. Graves № 60 and 61. General map.

Grave № 61: 1 — the strap divider, 2, 3 — the needles, 4, 5 — the spirals, 6 — the pendant, 7 — the knife, 8 — the fire-steel, 9, 10 — the beads.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 94. Комплекс артефактов из погребения № 61: 1, 2, 3, 6 — бронза, 4, 5 — бронза, текстиль, 7 — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 94. The finds from the grave № 61: 1, 2, 3, 6 — bronze, 4, 5 — bronze, textile, 7 — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 95. Погребения № 63 и 67. Сводный план.

Погребение № 63: 1 — комплекс поясной привески, 2, 3 — бусины.

Погребение № 67: 1 — застежка с благочестивым образом, 2 — нож, 3, 4 — спиральки, 5 — обоймица, 6, 7 — бусины.

Чертеж С. Бельского

Fig. 95. Graves № 63 and 67. General map.

Grave № 63: 1 — the complex of the belt pendant, 2, 3 — the beads.

Grave № 67: 1 — the fastener with Pious image, 2 — the knife, 3, 4 — the spirals, 5 — the fitting, 6, 7 — the beads.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 96. Комплекс артефактов из погребения № 63: 1 — бронза, кожа, текстиль, 3 — серебро. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 96. The finds from the grave № 63: 1 — bronze, leather, textile, 3 — silver. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 97. Комплекс артефактов из погребения № 64: 1 — серебро, 2 — бронза, кожа, 3, 4 — бронза, текстиль, 5 — железо. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 97. The finds from the grave № 64: 1 — silver, 2 — bronze, leather, 3, 4 — bronze, textile, 5 — iron. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 98. Погребения № 65 и 66. Сводный план.

Погребение № 65: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — кошелек.

Чертеж С. Бельского

Fig. 98. Graves № 65 and 66. General map.

Grave № 65: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the pocket.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 99. Комплекс артефактов из погребения № 65: 1, 2 — железо, 3 — кожа.

Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 99. The finds from the grave № 65: 1, 2 — iron, 3 — leather. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 100. Комплекс артефактов из погребения № 67: 1, 6, 7 — серебро, 2 — железо, 3, 4 — бронза, текстиль, 5 — бронза. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 100. The finds from the grave № 67: 1, 6, 7 — silver, 2 — iron, 3, 4 — bronze, textile, 5 — bronze. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 101. Погребение № 69. План. Чертеж С. Бельского

Fig. 101. Grave № 69. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 102. Погребения № 70, 71 и 72. Сводный план.

Погребение № 71: 1 — бусина.

Чертеж С. Бельского

Fig. 102. Graves № 70, 71 and 72. General map.

Grave № 71: 1 — the bead.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 103. Бусина из погребения № 71. Фотография С. Шапиро, рисунок А. Машезерской

Fig. 103. The bead from the grave № 71. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya

Рис. 104. Основание поминального креста in situ. Вид с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 104. The basement of the lime-stone cross. The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 105. Погребения № 58, 73 и 74. Сводный план.

Погребение № 58: 1 — разделитель пояса (?), 2 — Ф-образная пронизка и бусины (поясная привеска), 3 — пуговица.

Погребение № 74: 1 — проволока, 2 — фрагменты кожаной обуви.

Чертеж С. Бельского

Fig. 105. Graves № 58, 73 and 74. General map.

Grave № 58: 1 — the strap divider (?), 2 — eared tube and the beads (the complex of the “belt pendant”), 3 — the button.

Grave № 74: 1 — the wire, 2 — the fragments of the leather shoes.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 106. Комплекс артефактов из погребения № 58: 1 — бронза, 2 — бронза, стекло, кожа, 3 — серебро. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 106. The finds from the grave № 58: 1 — bronze, 2 — bronze, glass, leather, 3 — silver. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 107. Раскоп II. План первого горизонта (надмогильные сооружения). Чертеж С. Бельского

Fig. 107. The excavation area II. The map of the 1-st layer (stone structures above graves). Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 108. Погребения № 75, 78 и 79. Сводный план.

Погребение № 79: 1 — железная скоба.

Чертеж С. Бельского

Fig. 108. Graves № 75, 78 and 79. General map.

Grave № 79: 1 — the iron beam hanger.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 109. Погребение № 80. План. Чертеж С. Бельского

Fig. 109. Grave № 80. General map. Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 109—I. Застежка из погребения № 80. Бронза. Фотография С. Шапиро.

Fig. 109—I. The brooch from the grave № 80. Bronze. Photo by S. Shapiro

Рис. 110. Погребения № 81, 82 и 83. Сводный план.

Погребение № 82: 1 — серьга.

Погребение № 83: 1 — бусина, 2 — спиральки.

Чертеж С. Бельского

Fig. 110. Graves № 81, 82 and 83. General map.

Grave № 82: 1 — the ear-ring.

Grave № 83: 1 — the bead, 2 — the spirals.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 110—I. Серьга из погребения № 82. Серебро. Фотография С. Шапиро

Fig. 110—I. The ear-ring from the grave № 82. Silver. Photo by S. Shapiro

Рис. 111. Надмогильное сооружение № 53 (над погребением № 84). Вид сверху с юга. Фотография С. Бельского

Fig. 111. The stone structure № 53 (above the grave № 84). The view from the south. Photo by S. Belskiy

Рис. 112. Погребения № 84 и 85. Сводный план.

Погребение № 84: 1 — нож, 2 — пряжка поясная.

Погребение № 85: 1 — пуговица.

Чертеж С. Бельского

Fig. 112. Graves № 84 and 85. General map.

Grave № 84: 1 — the knife, 2 — the belt buckle.

Grave № 85: 1 — the button.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 113. Комплекс артефактов из погребения № 84: 1, 2 — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 113. The finds from the grave № 84: 1, 2 — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 114. Пуговица из погребения № 85. Серебро. Фотография С. Шапиро
Fig. 114. The button from the grave № 85. Silver. Photo by S. Shapiro

Рис. 115. Погребения № 86 и 87. Сводный план.

Погребение № 86: 1, 2 — пуговицы.

Погребение № 87: 1 — пуговица.

Чертеж С. Бельского

Fig. 115. Graves № 86 and 87. General map.

Grave № 86: 1, 2 — the buttons.

Grave № 87: 1 — the button.

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 116. Погребение № 87. Вид с северо-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 116. The grave № 87. The view from the north-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 117. Погребения № 88 и 92 (?). Сводный план.

1a, 1b — фибула из погребения № 88. Серебро. Фотография С. Шапиро, рисунок А. Машезерской.

Чертеж С. Бельского

Fig. 117. Graves № 87 and 92 (?). General map.

1a, 1b — the brooch from the grave № 88. Silver. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 118. Погребения № 90 и 91. Сводный план.

Погребение № 90: 1, 2 — височные кольца, 3 — перстень, 4 — нож и фрагменты оковок ножен.

Погребение № 91: 1 — пуговица, 2 — игольник (?).

Чертеж С. Бельского

Fig. 118. Graves № 90 and 91. General map.

Grave № 90: 1, 2 — the temple-rings, 3 — the finger-ring, 4 — the knife and the fragments of the scabbard

Grave № 91: 1 — the button, 2 — the needle-box (?).

Drawing, digitizing and layout by S. Belskiy

Рис. 119. Комплекс артефактов из погребения № 90: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, 4 — железо. Фотографии С. Шапиро, рисунок А. Машезерской, макет С. Бельского

Fig. 119. The finds from the grave № 90: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, 4 — iron. Photo by S. Shapiro, drawn by A. Mashezerskaya, layout by S. Belskiy

Рис. 120. Комплекс артефактов из погребения № 91: 1 — серебро, 2 — железо. Фотографии С. Шапиро, макет С. Бельского

Fig. 120. The finds from the grave № 91: 1 — silver, 2 — iron. Photo by S. Shapiro, layout by S. Belskiy

Рис. 121. Погребение (?) № 92. Профиль. Вид с юго-востока. Фотография С. Бельского

Fig. 121. Grave (?) № 92. The profile. The view from the south-east. Photo by S. Belskiy

Рис. 122. Стрела-срезень из заполнения погребения (?) № 92. Железо. Фотография С. Шапиро

Fig. 122. The arrow-head from the filling of the grave (?) № 92. Iron. Photo by S. Shapiro

Рис. 123. Фрагменты лепной керамики из заполнения погребения (?) № 92. Фотографии С. Бельского

Fig. 123. The hand-made ceramics from the filling of the grave (?) № 92. Photo by S. Belskiy

Рис. 124. Конструкции из камня в восточной части основного раскопа. Вид сверху с востока. Фотография С. Бельского

Fig. 124. The stone structures on the eastern part of the main excavation area. The view from the east. Photo by S. Belskiy

Рис. 125. Артефакты X–XIII веков, найденные на площади раскопа вне комплексов погребений:

1–9 — стекло, 10 — горный хрусталь, 11–13 — бронза, 14–17 — железо, 18 — железо, дерево, бронза.

Fig. 125. The finds from X–XIII centuries discovered on the excavation area out of context:

1–9 — glass, 10 — crystal, 11–13 — bronze, 14–17 — iron, 18 — iron, wood, bronze

Рис. 126. «Чашечный» камень на южном склоне холма Калмистомяки

Fig. 126. The cup-marked stone on the southern slope of Kalmistomäki hill

Рис. 127. Хронологические группы погребений могильника Кюлялахти Калмистомяки

Fig. 127. Horizontal stratigraphy of Kylälahti cemetery. Temporal groups of the graves

Рис. 128. Реконструкция женского убора из погребения № 59. Рисунок А. Машезерской

Fig. 128. The reconstruction of the female suit from the grave № 59. Drawn by A. Mashezerskaya

Рис. 129. Реконструкция женского убора из погребения (?) № 30. Рисунок А. Машезерской

Fig. 129. The reconstruction of the female suit from the grave (?) № 30. Drawn by A. Mashezerskaya

Рис. 130. Результаты радиоуглеродного датирования ряда комплексов могильника Кюлялахти Калмистомяки

Fig. 130. The result of the radiocarbon dates of a few complexes of Kylälahti cemetery

Рис. 1. Местоположение археологического комплекса Кюлялахти Калмистомяки (Лахденпохский район республики Карелия, Российская Федерация)

Fig. 1. The location of Kylälahti Kalmistomäki archaeological complex (Lahdenpohja region, Republic of Karelia, Russian Federation)

Рис. 2. Северо-Западное побережье Ладожского озера и местоположение археологического комплекса Кюлялахти Калмистомяки

Fig. 2. North-Western shore of Ladoga lake and the location of Kylälahti Kalmistomäki archaeological complex

gät. 11.11.1933.

Hiirola, Kylälähti:

Kylälähdessä Antti Härmäläisen
maalla oleva kalmisto on Härmä-
sen vievän tien vieressä, tien koillis-
puolella, Kylälähdessä olevan Ukon saaren
kohdalla, Pörsön ja Härmäläisen talon
keski välissä. Maan päällystässä pörsön
ja perunakuopan välillä 30 x 20 m
laajalla alalla näkyy runsas pörsön-
mäisiä epäsäännöllisiä kuoppia, jotka
ovat itä-läns-suuntaisia ja vaihtelee mu-
niskautoja. Hautoja voi olla kolme-
kymmentä. Esineet 9533:1, 2 löytyivät
perunakuopan kaivossa. Vanha peruna-
kuopan reunaa lapioilla kiertäessä
löytyi noin 30 cm syvässä, kalmistoa
ei välittömästi ulkoa kaivon loppua
Härmäläisen ei aio viljellä pörsön-
säikä aivan pörsön kaivon sinne
muut perunakuoppia. Talon väli-
isäntä, oli väkijuttamaton löylyjen est-
teen, eikä muuttavasti vaurauden aikakaan
rautaesineitä taltien ottaamaan eikä m-
sittenkaan museoon lähetettävään pörsön-
vuoksi kalmistoa on usein käytävä
tarkastamassa.

Pörsön Grönin Ahlström-yhtiön maalla
tökömiä löylyjä 9533:3, 4 ei voitu sijaita,
koska Grön ja Riikonen eivät olleet taast-
taneet, eivät kukaan pörsönkuntalaiset tied-
neet Ahlströminillä olevan pörsönkuoppaa
Pörsönlahden rannalla.

Hii 28/I 1933.

S. Pälvi.

KM 9533:2

KM 9533:1

KM 8887

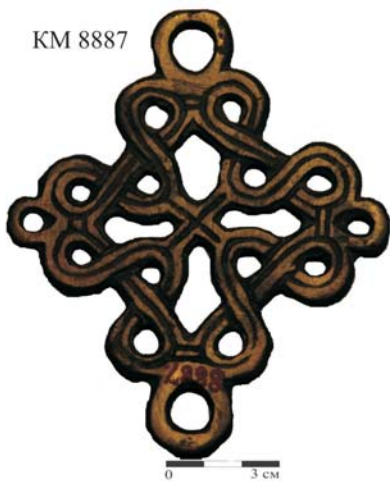

Рис. 3. Отчет С. Пяльси о его работах в Кюлялахти в 1933 году
Fig. 3. S. Pälsi's field-report about investigations in Kylälähti at 1933

Рис. 4. Вид на холм Калмистомяки с северо-запада
Fig. 4. The view towards Kalmistomäki hill from north-west

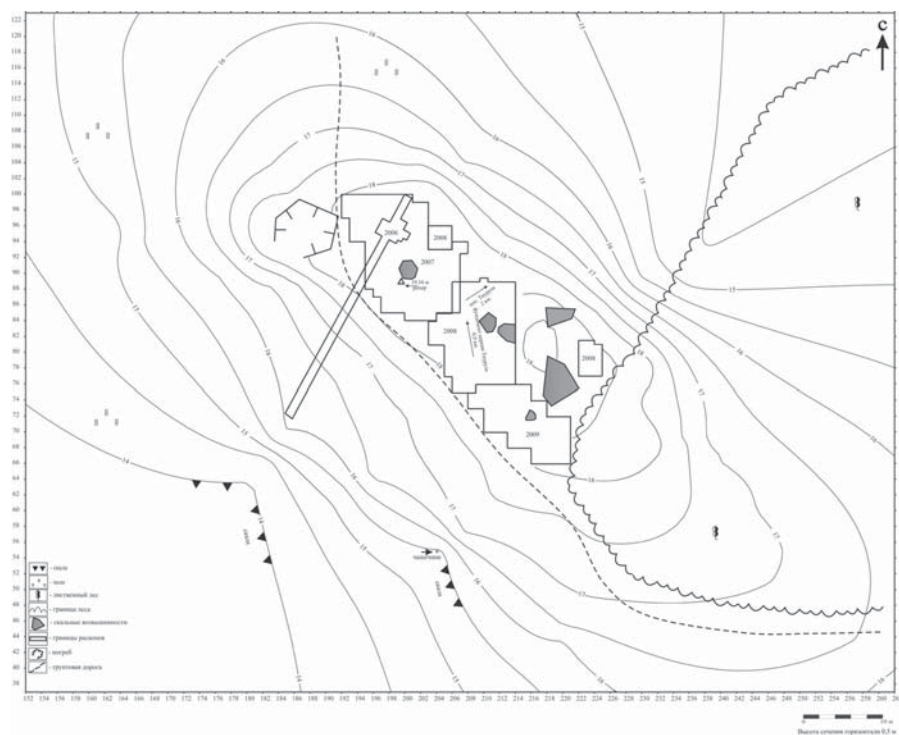

Рис. 5. Археологический комплекс Кюлялахти Калмистомяки.
Топографический план
Fig. 5. Kylälähti Kalmistomäki archaeological complex. General map of the site

Рис. 6. Вид на площадку могильника. Вид с юго-востока
 Fig. 6. The view towards the place of the cemetery from south-east

Рис. 7. Надмогильные сооружения в центральной части могильника
 Калмистомяки. Вид с юго-востока
 Fig. 7. The stone structures on top of the graves in the central part
 of Kalmistomäki cemetery from south-east

Рис. 8. Надмогильные сооружения в восточной части могильника Калмистомяки.

Вид с северо-запада

Fig. 8. The stone structures on top of the graves in the eastern part of Kalmistomäki cemetery from north-west

Рис. 10. Центральная часть площадки могильника после расчистки погребений.

Рабочий момент. Процесс документирования. Вид с юга

Fig. 10. The central part of the cemetery after removing of the graves.
The view from the south. The process of the documentation

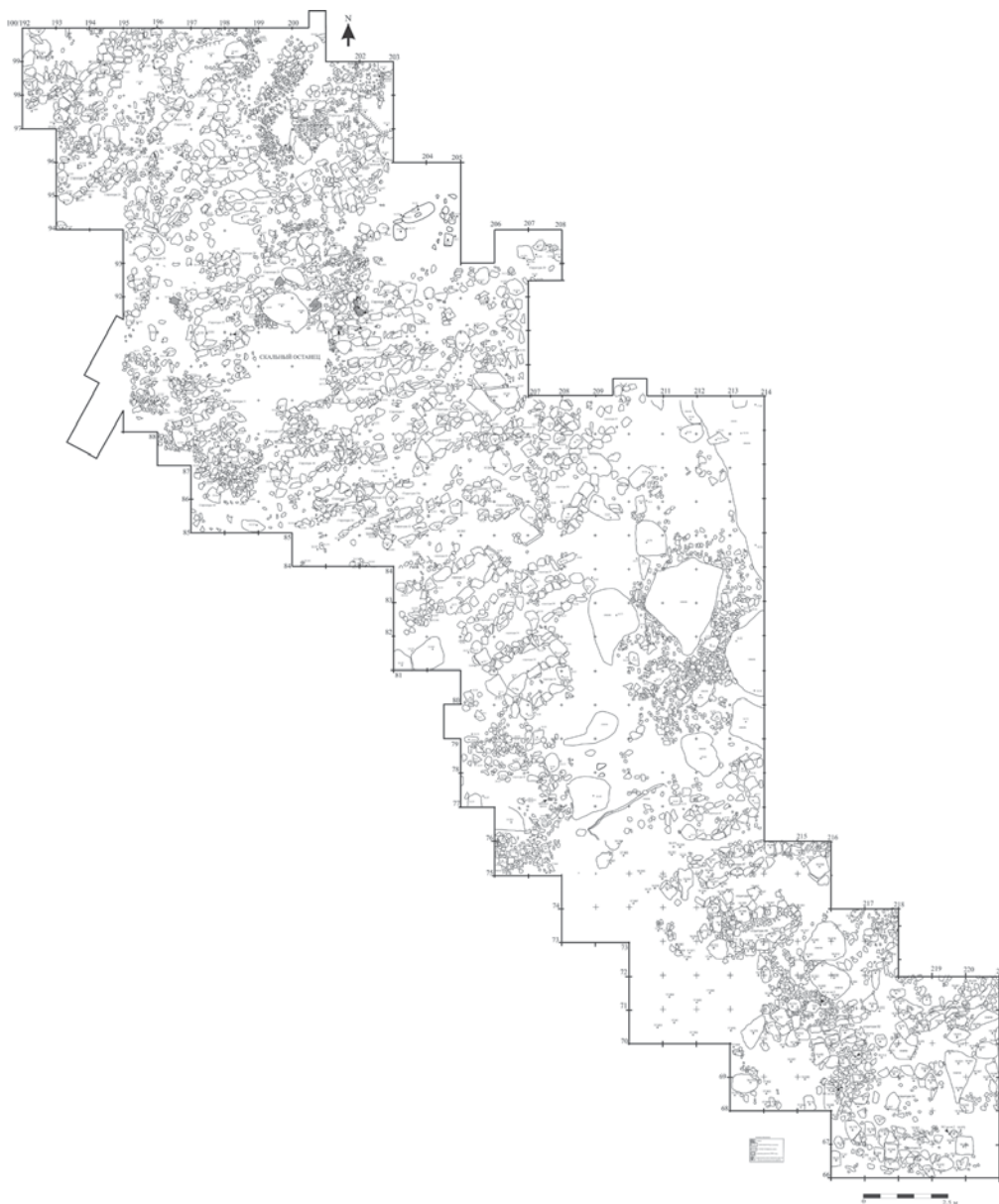

Рис. 9. Надмогильные сооружения. Сводный план
 Fig. 9. The stone structures on top of the graves. General map

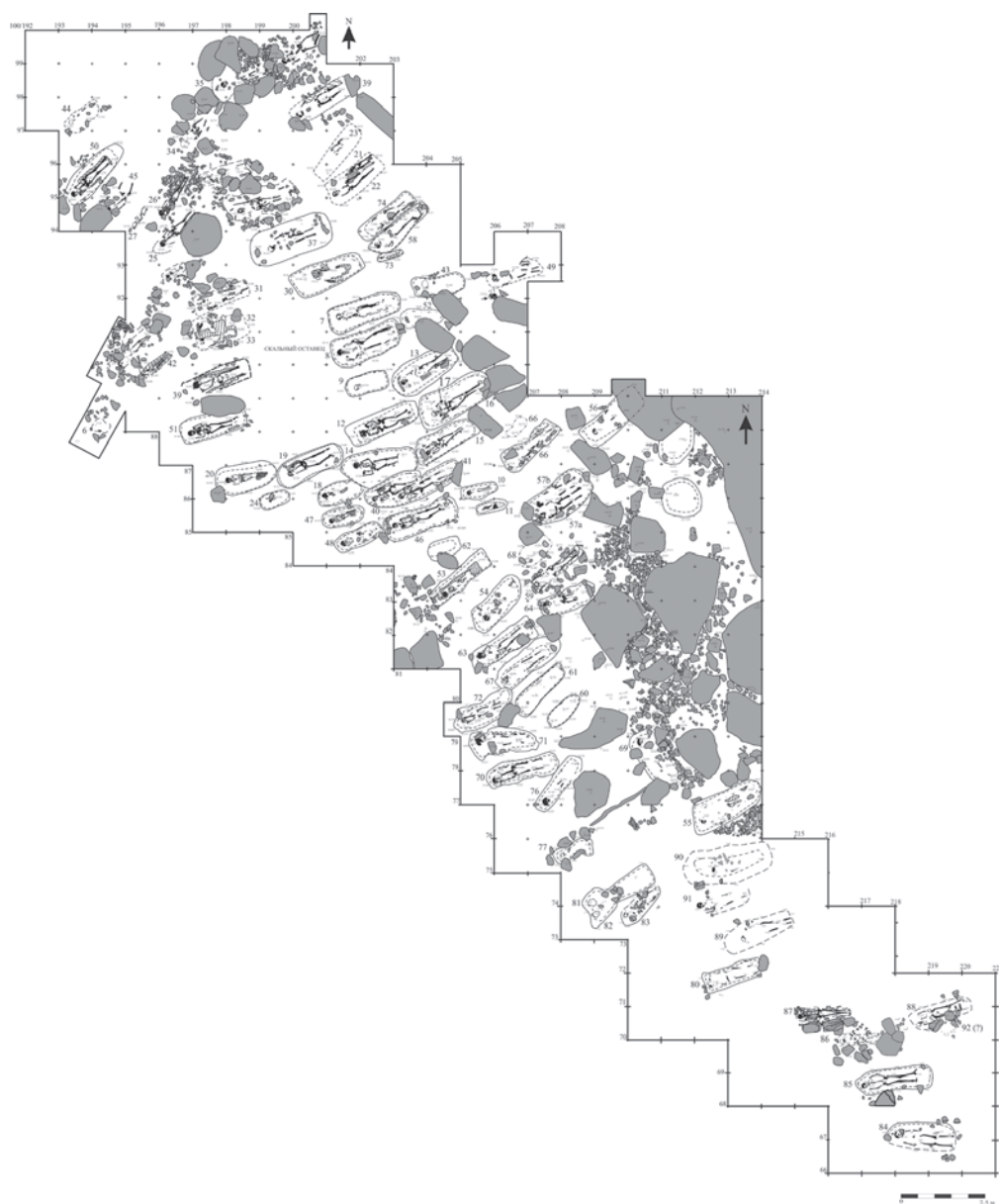

Рис. 11. Погребения могильника Кюлялахти. Сводный план
 Fig. 11. The graves of of Kalmistomäki cemetery. General map

Рис. 12. Надмогильное сооружение № 1 над погребением № 1. Вид с востока
Fig. 12. The stone structure on top of the grave № 1. The view from the east

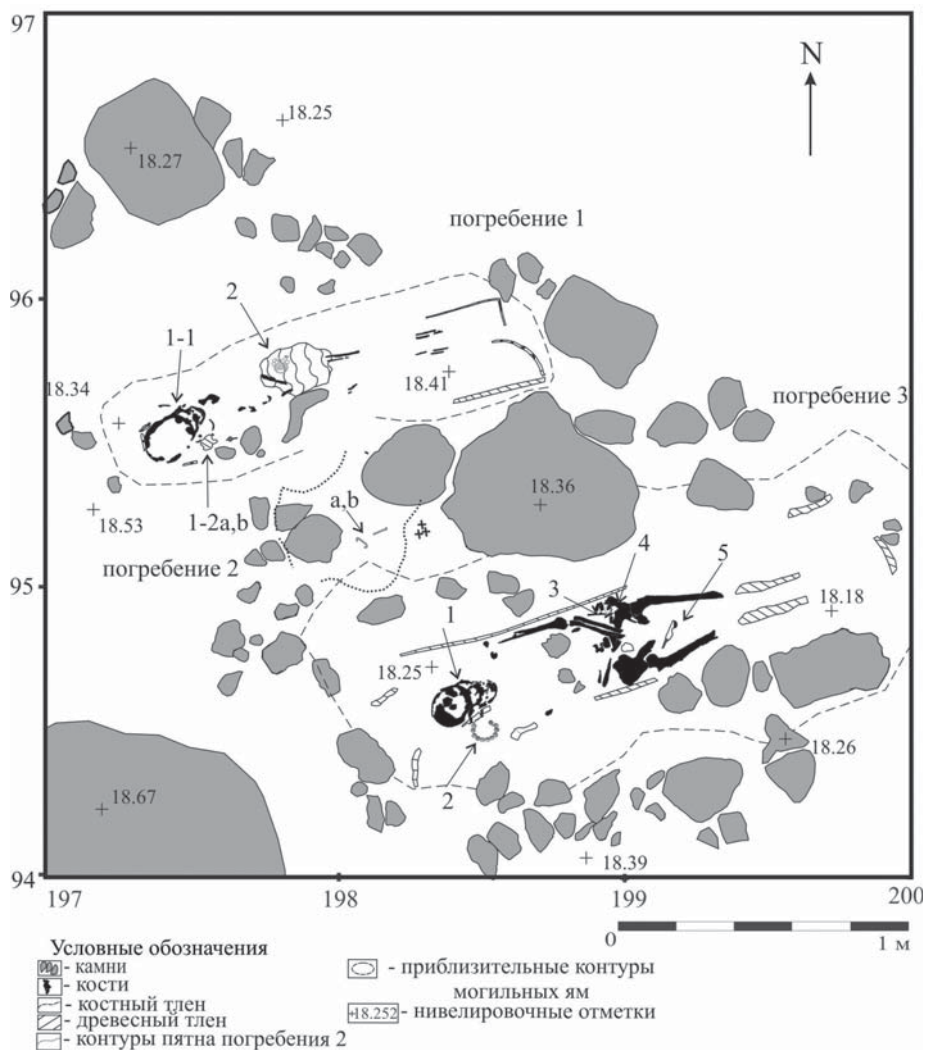

Рис. 13. Погребения № 1, 2 и 3. Сводный план:

Погребение № 1: 1-1, 1-2a, b — височные кольца (или серьги),
2 — нагрудное украшение.

Погребение № 2: a, b — скобки — поясные накладки (?).

Погребение № 3: 1, 2 — височные кольца, 3 — бусина, 4 — перстень,
5 — нож

Fig. 13. The graves № 1, 2, 3. General map:

Grave № 1: 1-1, 2a, b — the temple (or ear) rings, 2 — the pendant.

Grave № 2: a, b — the belt fittings (?).

Grave № 3: 1, 2 — the temple-rings, 3 — the bead, 4 — the finger-ring, 5 — the knife

Рис. 14. Погребение № 1. Вид сверху с севера
Fig. 14. The grave № 1. The view from the north

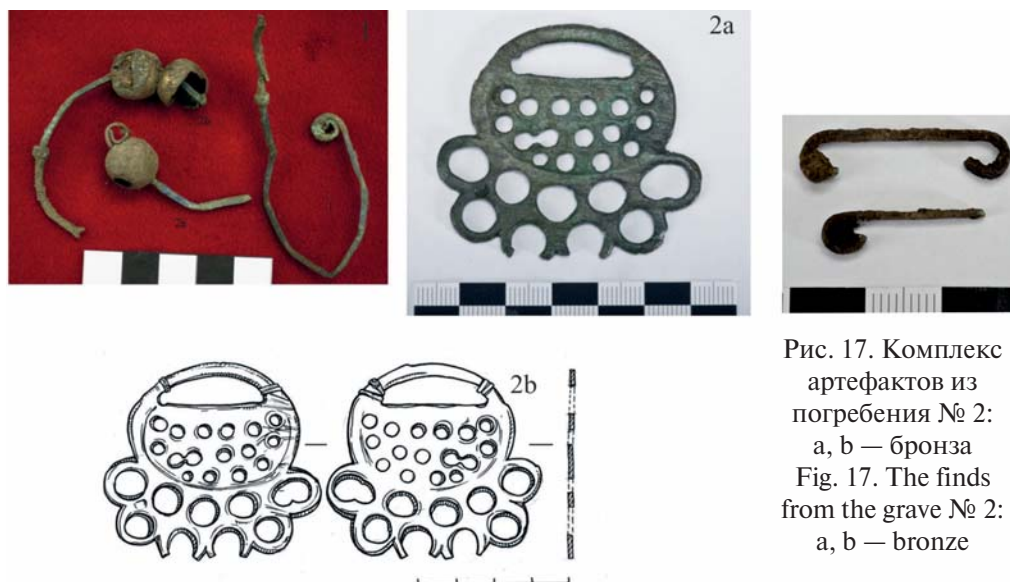

Рис. 17. Комплекс артефактов из погребения № 2:
а, b — бронза
Fig. 17. The finds from the grave № 2:
a, b — bronze

Рис. 15. Комплекс артефактов из погребения № 1: 1–1–1, 2a, b — бронза, серебро, позолота
Fig. 15. The finds from the grave № 1: 1–1–1, 2a, b — bronze, silver, gilding

Рис. 19. Комплекс артефактов из погребения № 3: 1–2 — бронза, серебро, позолота, 3–4 — серебро, 5 — железо
Fig. 19. The finds from the grave № 3: 1–2 — bronze, silver, gilding, 3–4 — silver, 5 — iron

Рис. 16. Погребение № 2. Вид с юга
Fig. 16. The grave № 2. The view from the south

Рис. 18. Погребение № 3. Вид сверху с юга
Fig. 18. The grave № 3. The view from the south

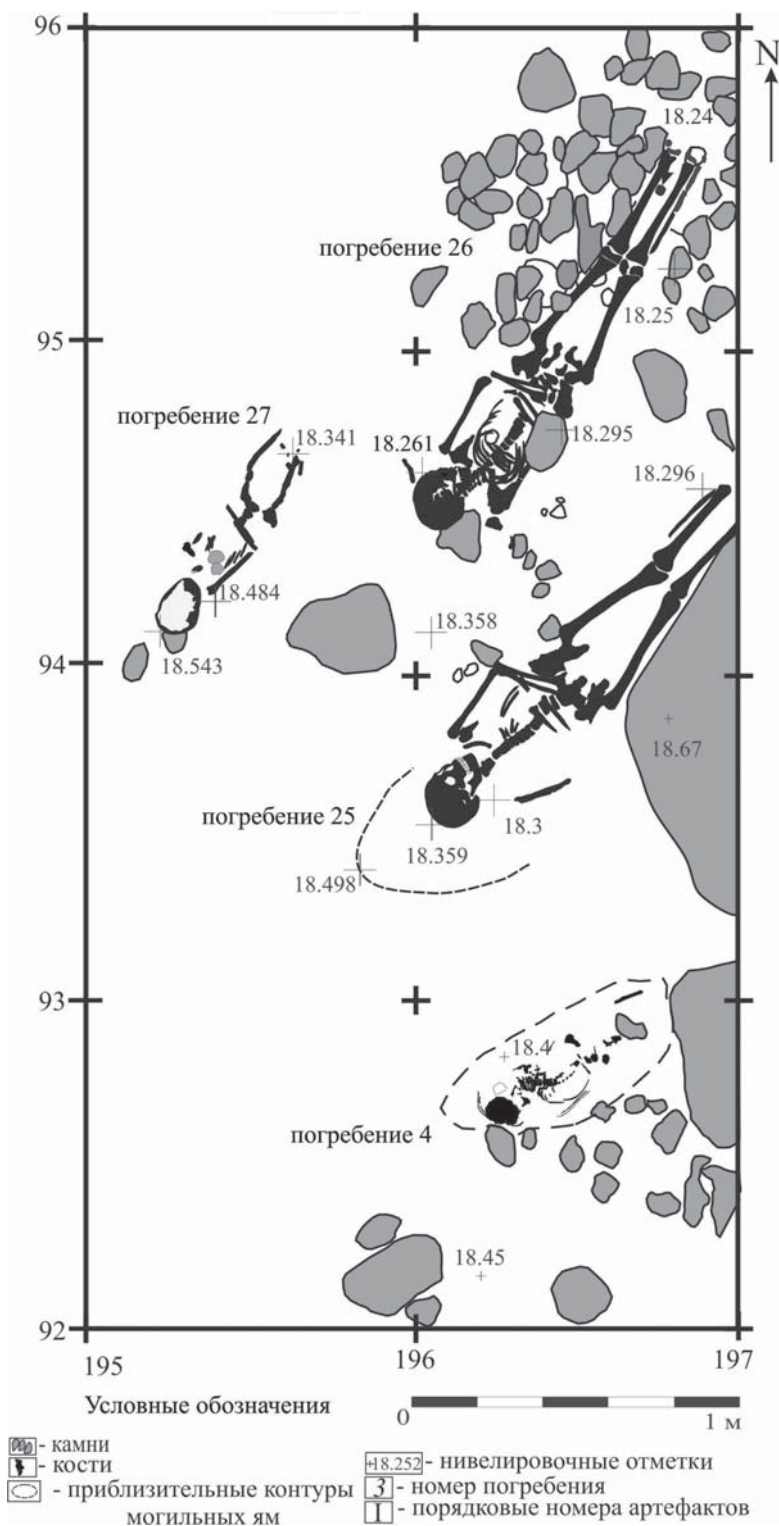

Рис. 20. Погребения № 4, 25, 26, 27. Сводный план

Fig. 20. The graves № 4, 25, 26, 27. General map

Рис. 21. Погребения № 7, 8, 30. Вид с востока
Fig. 21. The graves № 7, 8, 30. The view from the east

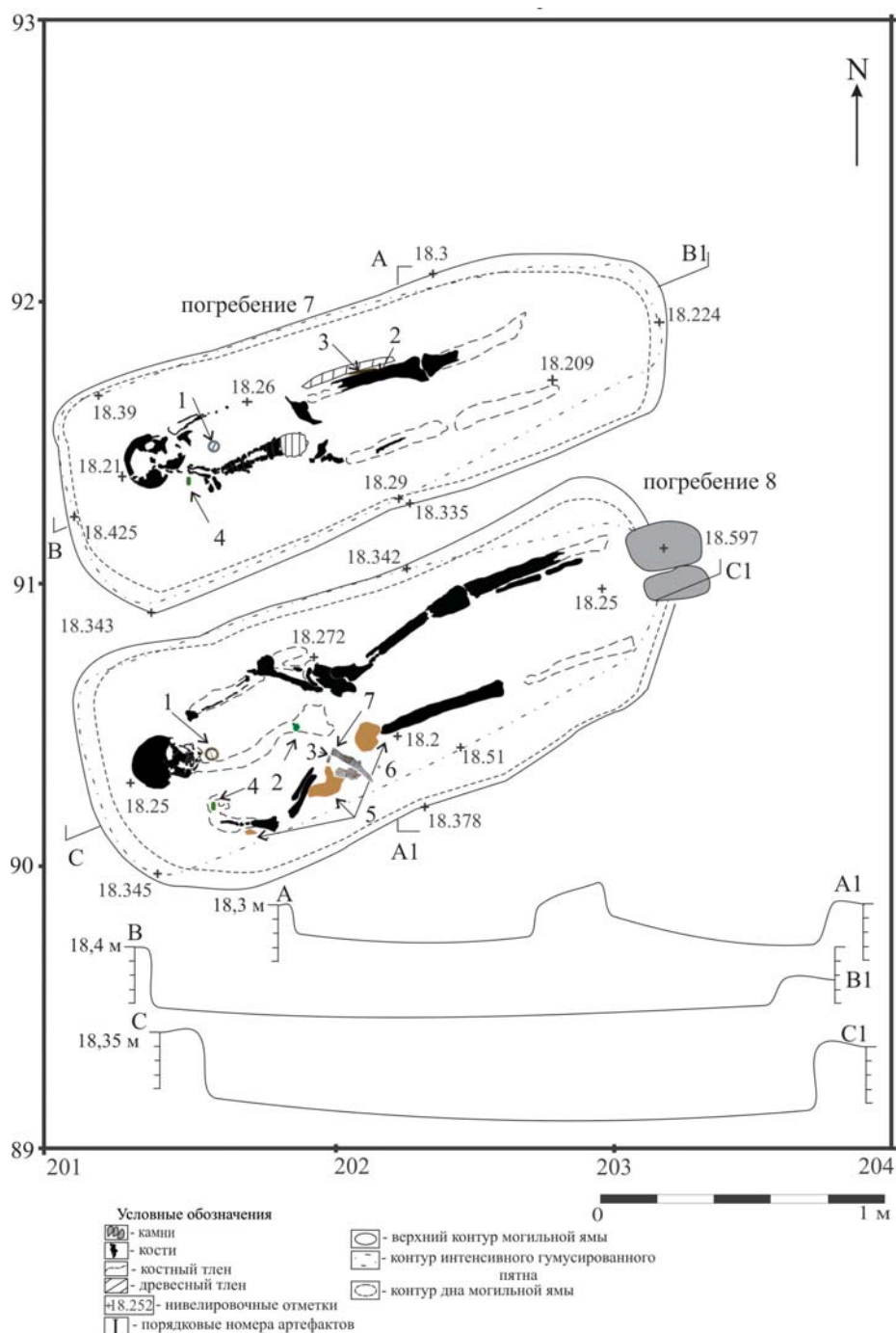

Рис. 22. Погребения № 7 и 8. Сводный план.

Погребение № 7: 1 — фибула, 2 — бусина, 3 — нож, 4 — спиральки.

Погребение № 8: 1 — фибула, 2 — пуговица, 3, 4 — спиральки, 5 — ременная гарнитура, 6 — заклепка, 7 — нож с остатками рукояти

Fig. 22. The graves № 7 and 8. General map.

Grave № 7: 1 — the brooch, 2 — the bead, 3 — the knife, 4 — the spirals.

Grave № 8: 1 — the brooch, 2 — the button, 3, 4 — the spirals, 5 — the belt fittings, 6 — the rivet (?), 7 — the knife with fragments of the handle

Рис. 23. Комплекс артефактов из погребения № 7: 1 — серебро, позолота, 2 — серебро, 3 — железо, 4 — бронза, текстиль
 Fig. 23. The finds from the grave № 7: 1 — silver, gilding, 2 — silver, 3 — iron, 4 — bronze, textile

Рис. 24. Погребение № 8. Вид с северо-востока
Fig. 24. The grave № 8. The view from the north-east

Рис. 25. Комплекс артефактов из погребения № 8: 1 — серебро, позолота, 2, 6 — бронза, 3–4 — бронза, текстиль, 5 — железо, серебро, 7 — железо, дерево
 Fig. 25. The finds from the grave №8: 1 — silver, gilding, 2, 6 — bronze, 3–4 — bronze, textile, 5 — iron, silver, 7 — iron, wood

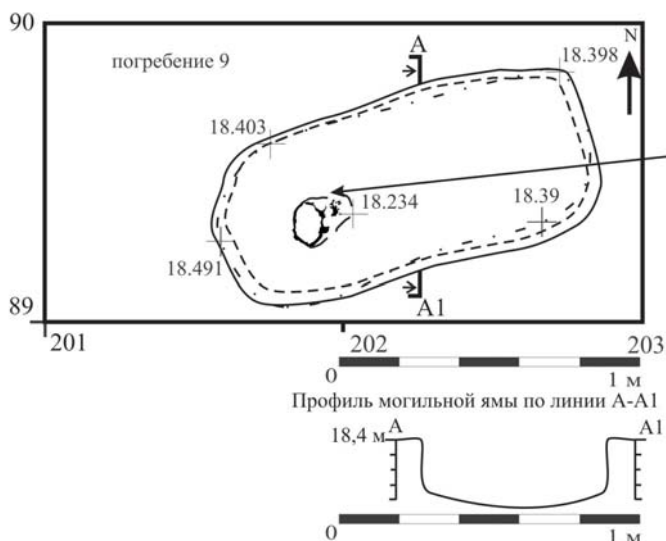
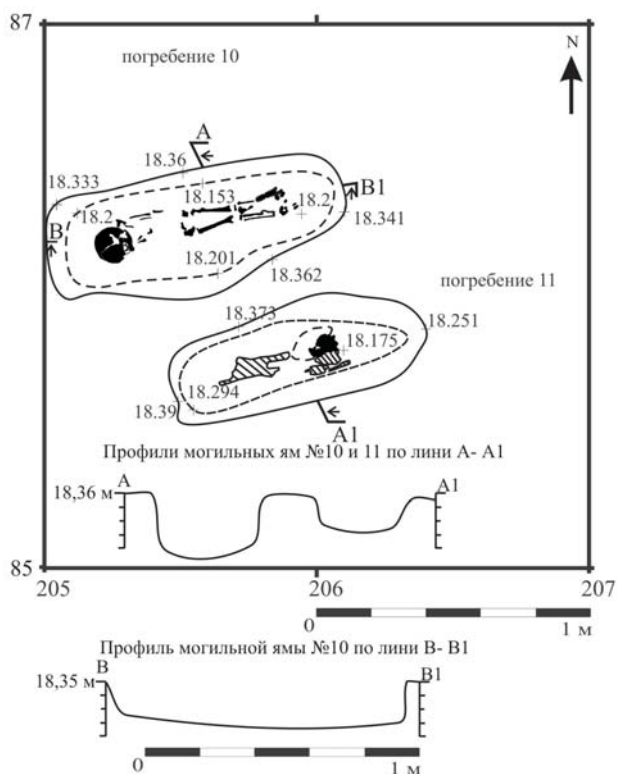

Рис. 26. Погребение № 9. План
Fig. 26. The grave № 9. General map

Рис. 27. Фрагмент
сережки
из погребения № 9
Fig. 27. The fragment
of the ear-ring
from the grave № 9

Условные обозначения

- кости

- костный тлен

- нивелировочные отметки

- верхний контур могильной ямы

- контур интенсивного гумусированного
пятна

- контур дна могильной ямы

Рис. 29. Погребения № 10 и 11. Сводный план
Fig. 29. The graves № 10 and 11. General map

Рис. 28. Надмогильные сооружения над погребениями № 10 и 11.
Вид с юга

Fig. 28. The stone structures on top of the graves № 10 and №11.
The view from the south

Рис. 31. Комплекс артефактов из погребения № 12: 1, 2 — бронза, 3 — серебро

Fig. 31. The finds from the grave № 12: 1, 2 — bronze, 3 — silver

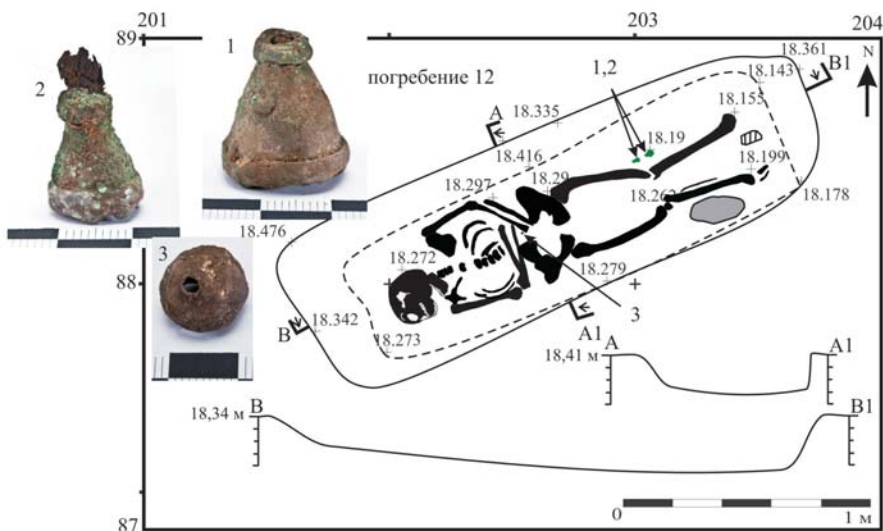

Рис. 30. Погребение № 12.

План: 1, 2 — привески, 3 — бусина

Fig. 30. The grave № 12. General map:

1, 2 — the pendants, 3 — the bead

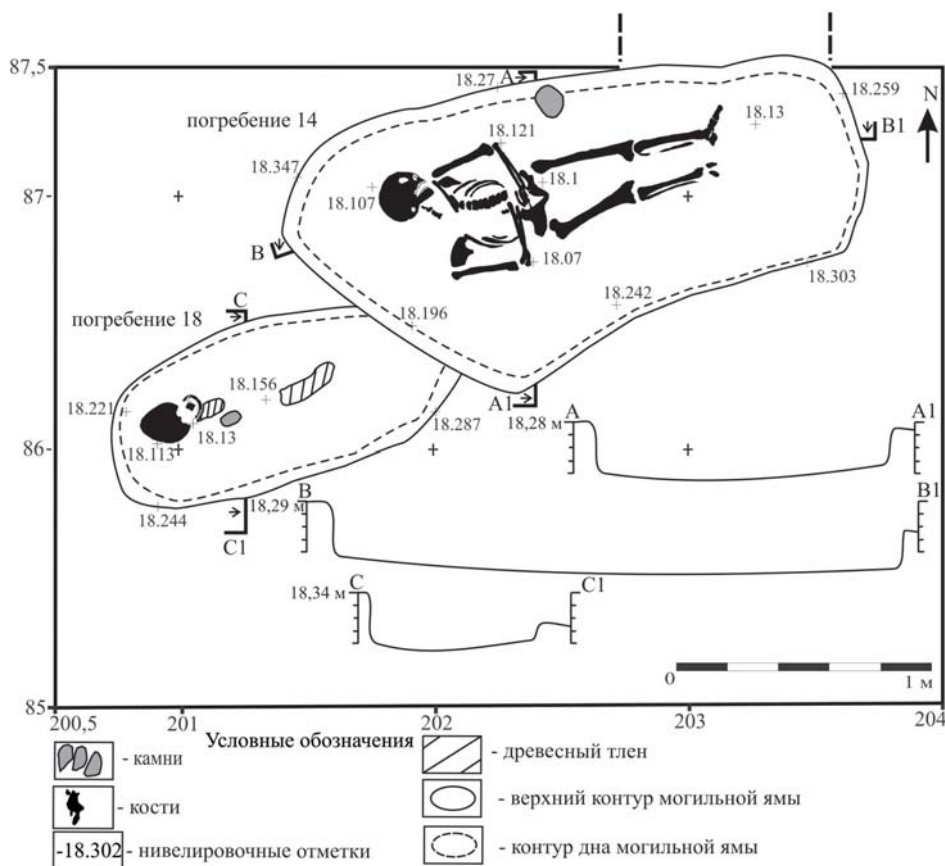

Рис. 37. Погребения № 14 и 18. Сводный план

Fig. 37. Graves № 14 and 18. General map

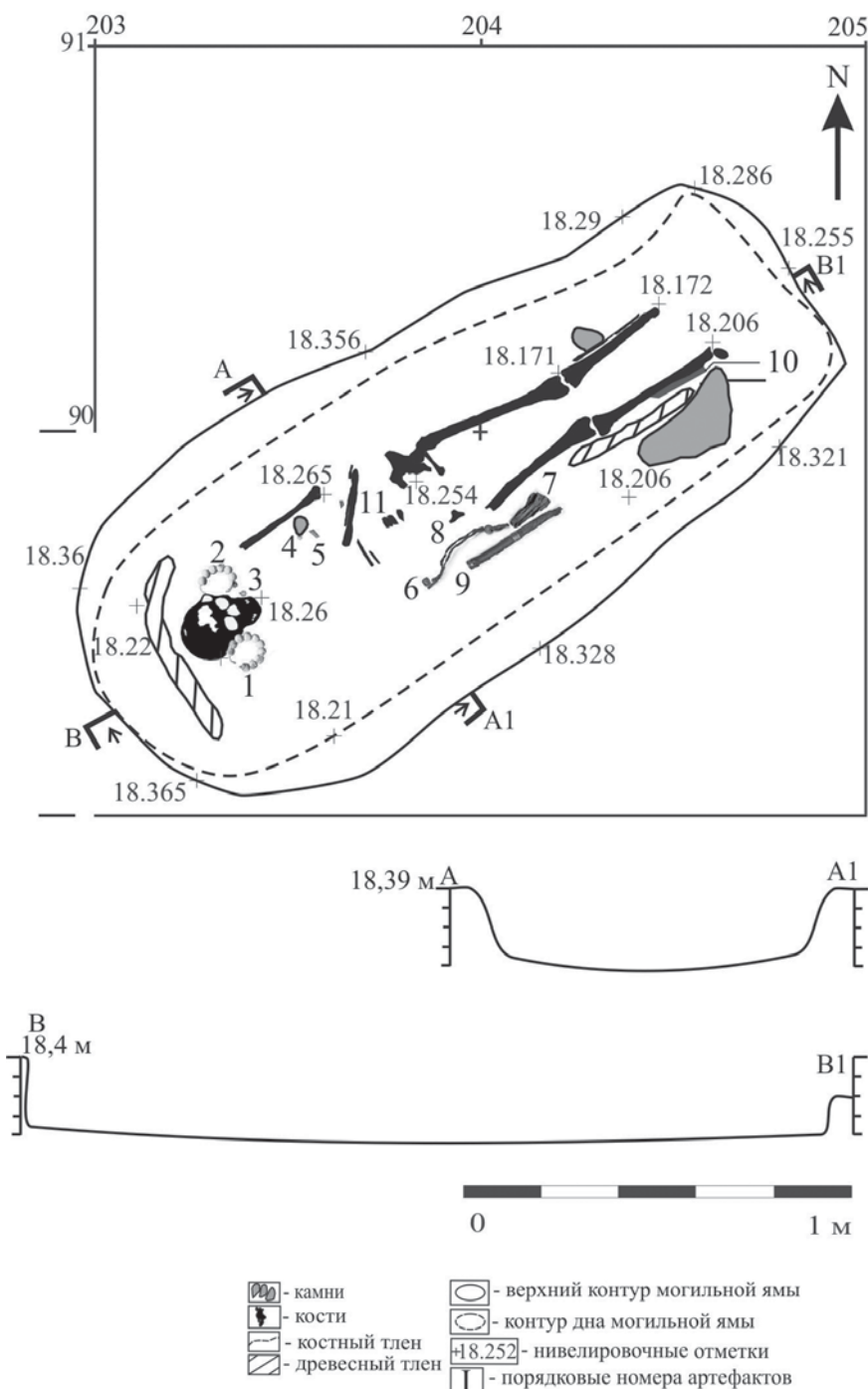

Рис. 32. Погребение № 13. План:

- 1, 2 — височные кольца, 3 — подвеска-кулон, 4 — пуговица, 5 — перстень,
6 — комплекс поясной привески, 7 — игольник (?), 8 — грузик, 9 — нож,
10 — фрагменты кожаной обуви, 11 — кварцевый нуклеус

Fig. 32. The grave № 13. General map.

- 1, 2 — the temple-rings, 3 — the neck pendant, 4 — the button, 5 — the finger-ring,
6 — the complex of the belt pendant, 7 — the needle box (?), 8 — the weight,
9 — the knife, 10 — the fragments of the leather shoes, 11 — the quartz core

Рис. 33. Погребение № 13. Вид с севера
Fig. 33. The grave № 13. The view from the north

Рис. 34. Комплекс артефактов из погребения № 13: 1, 2 — бронза, серебро, позолота,
3 — серебро, позолота, 4, 5 — серебро, 6 — бронза, стекло, кожа, 7 — железо,
8 — олово (?)

Fig. 34. The finds from the grave № 13: 1, 2 — bronze, silver, gilding,
4, 5 — silver, 6 — bronze, glass, leather, 7 — iron, 8 — lead (?)

Рис. 35. Нож из комплекса погребения № 13
Fig. 35 The knife from the grave № 13

Рис. 36. Погребение № 14. Вид с востока
Fig. 36. The grave № 14. The view from the east

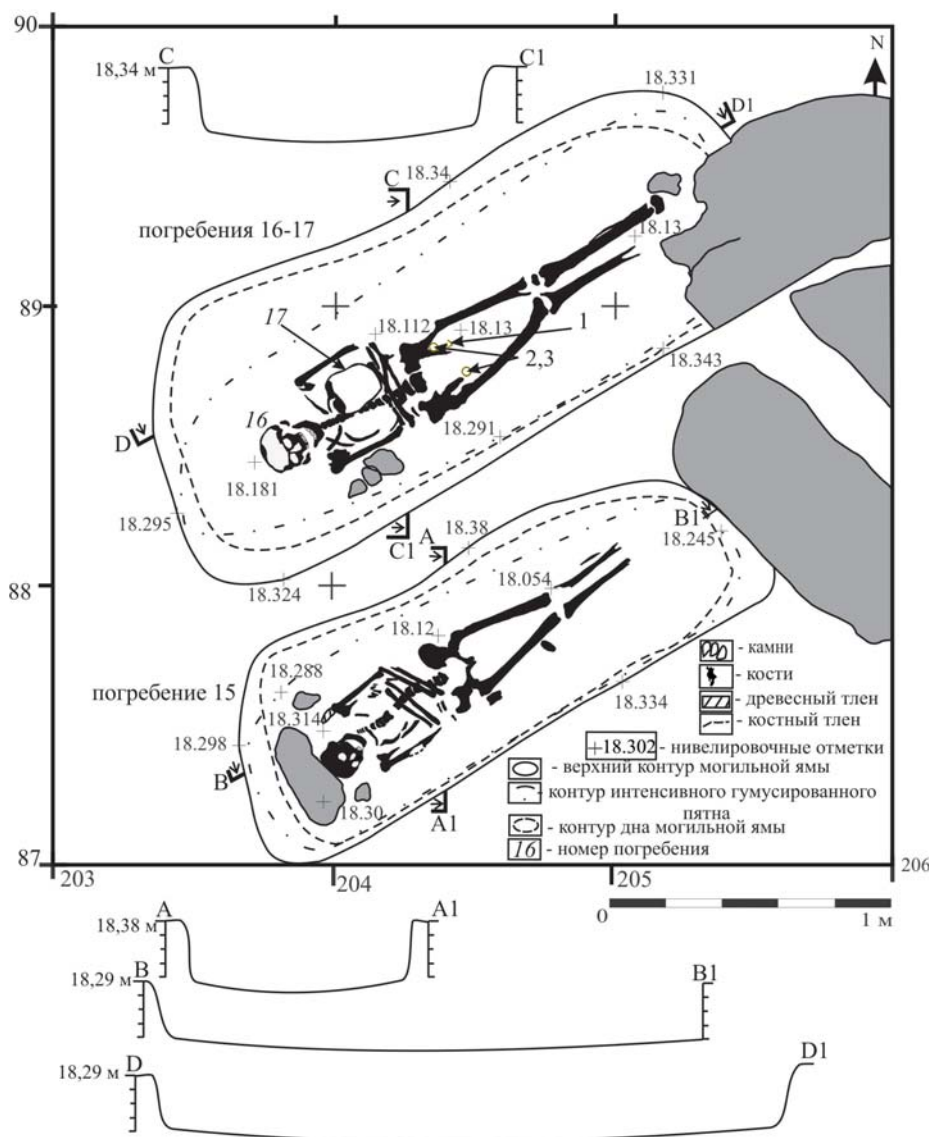

Рис. 39. Погребения № 16, 17. Вид с востока
Fig. 39. The grave № 16, 17. The view from the east

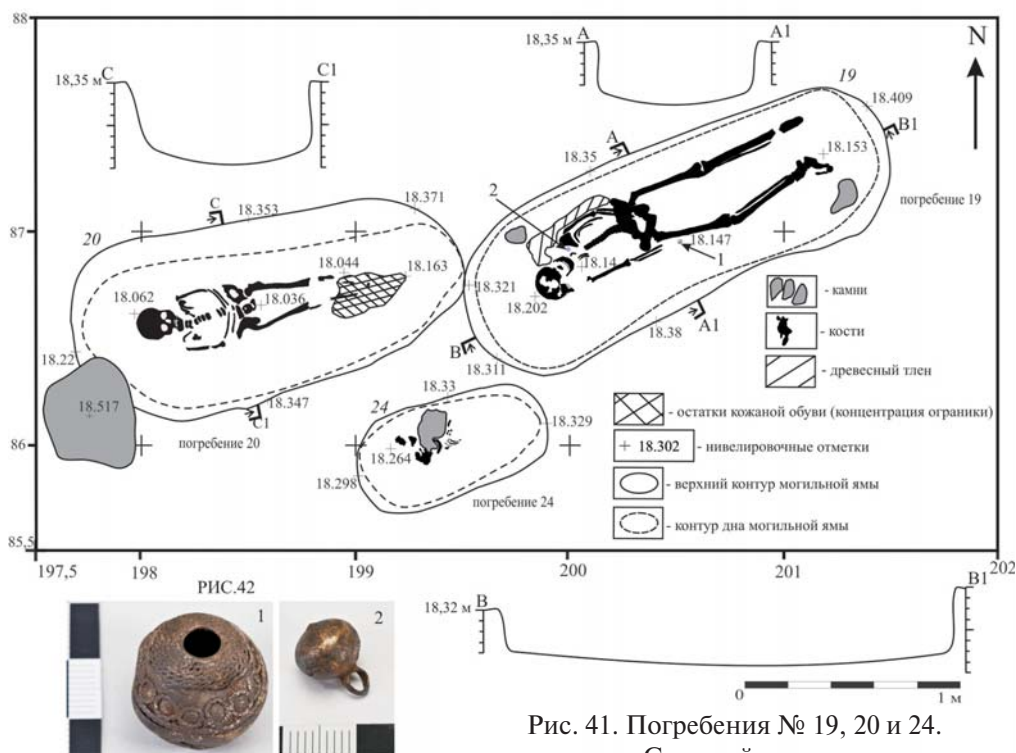

Рис. 41. Погребения № 19, 20 и 24.
Сводный план.

Погребение № 19: 1 — бусина, 2 — пуговица
Fig. 41. Graves № 19, 20 and 24.

General map.

Grave № 19: 1 — the bead, 2 — the button

Рис. 43. Погребения № 21, 22 и 23. Сводный план.
 Погребение № 23: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — проволока
 Fig. 43. Graves № 21, 22 and 23. General map.
 Grave № 23: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the wire

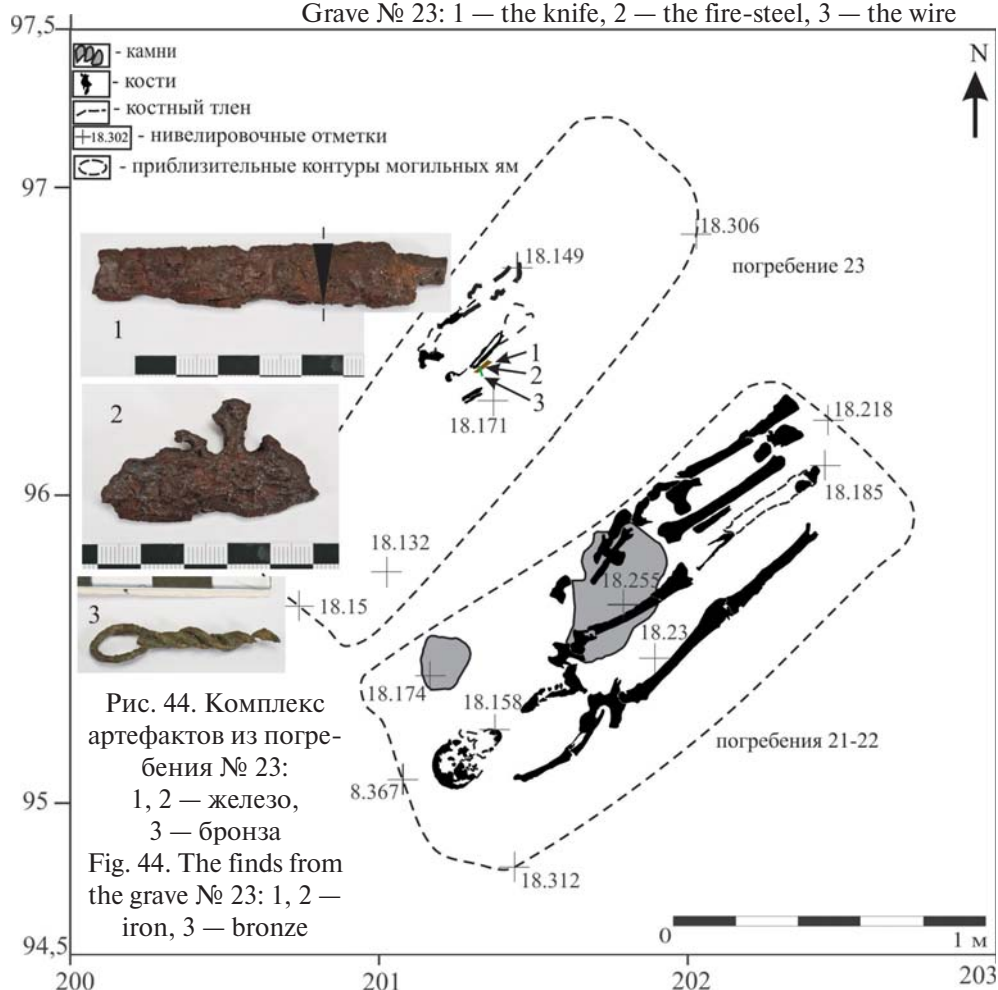

Рис. 45. Погребения № 25, 26 и 27. Вид с юго-востока
 Fig. 45. The graves № 25, 26 and 27. The view from the south-east

Рис. 46а. Погребение № 30. План.
 Погребение № 30: 1, 2 — височные кольца, 3 — пуговица
 Fig. 46a. Grave № 30. General map.
 Grave № 30: 1, 2 — temple-rings, 3 — button

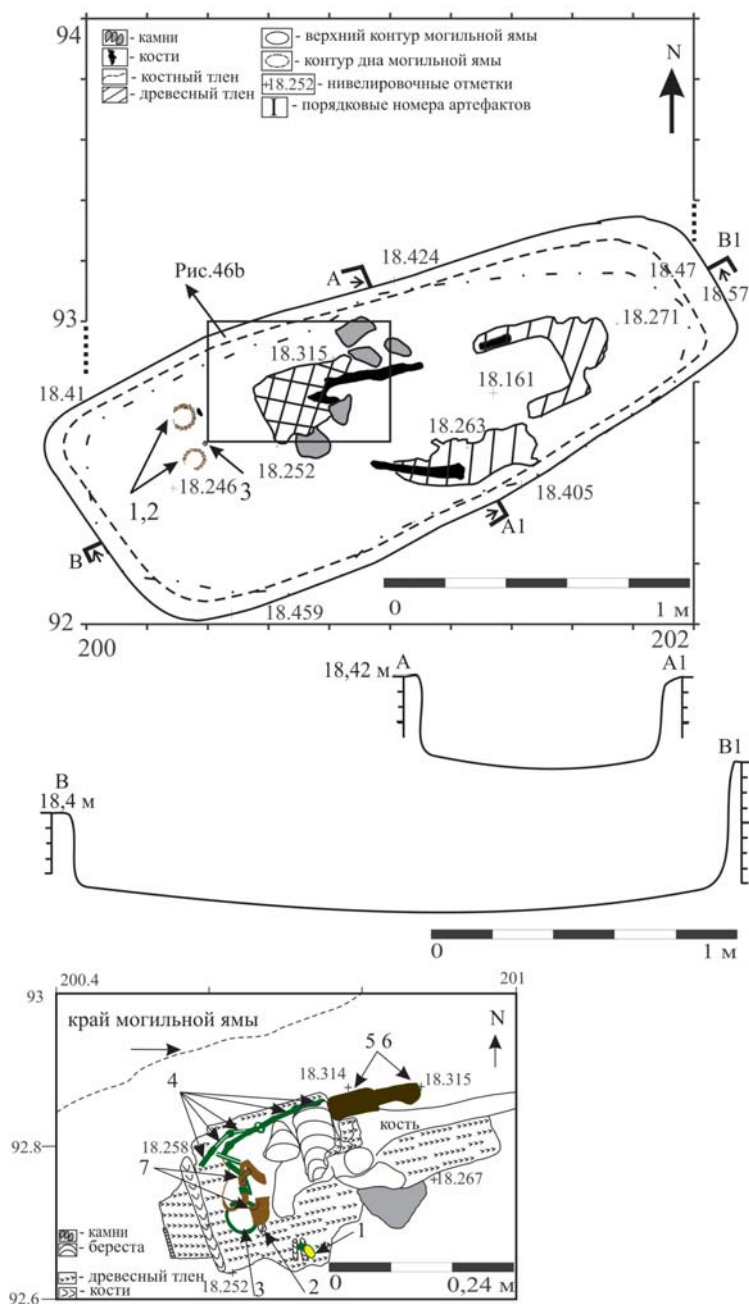

Рис. 46б. Погребение № 30. Центральная часть могильной ямы. Скопление артефактов: 1 — перстень, 2 — пуговица, 3 — поясное кольцо, 4 — комплекс поясной привески, 5 — сумочка, 6 — нож, 7 — фрагменты кожаных ремней
 Fig. 46b. Grave № 30. The central part of the grave. The concentration of the artifacts:
 1 — the finger-ring, 2 — the button, 3 — the strap divider, 4 — the complex of “belt pendant”, 5 — the pocket, 6 — the knife, 7 — the fragments of leather straps

Рис. 47. Погребение № 30. Височные кольца и пуговица in situ
Fig. 47. Grave № 30. The temple-rings and the button in situ

Рис. 48. Комплекс артефактов из погребения № 30: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, позолота, 4 — бронза (золото?), 5 — кожа, текстиль, 6 — текстиль

Fig. 48. The finds from the grave № 30: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, gilding, 4 — bronze, (gold?), 5 — leather, textile, 6 — textile

Рис. 49. Погребение № 30. Центральная часть могильной ямы.
Комплекс артефактов in situ

Fig. 49. Grave № 30. The central part of the grave.
The complex of the artifacts in situ

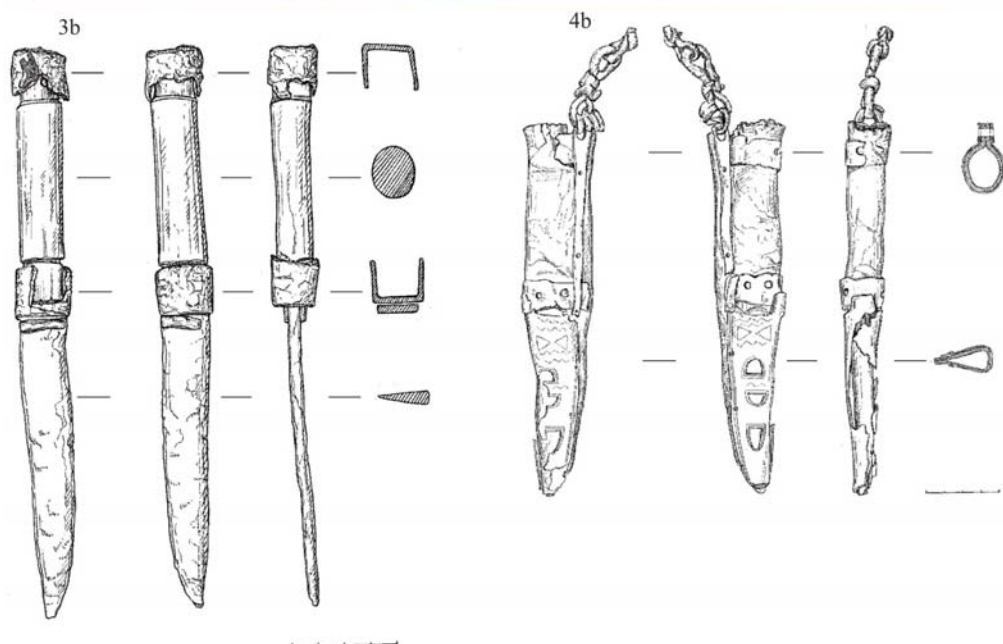

Рис. 50. Комплекс артефактов из погребения № 30: 1 — бронза, 2 — бронза, кожа, 3 — железо, дерево, 4 — бронза, кожа, 5 — железо
 Fig. 50. The finds from the grave № 30: 1 — bronze, 2 — bronze, leather, 3 — iron, wood, 4 — bronze, leather, 5 — iron

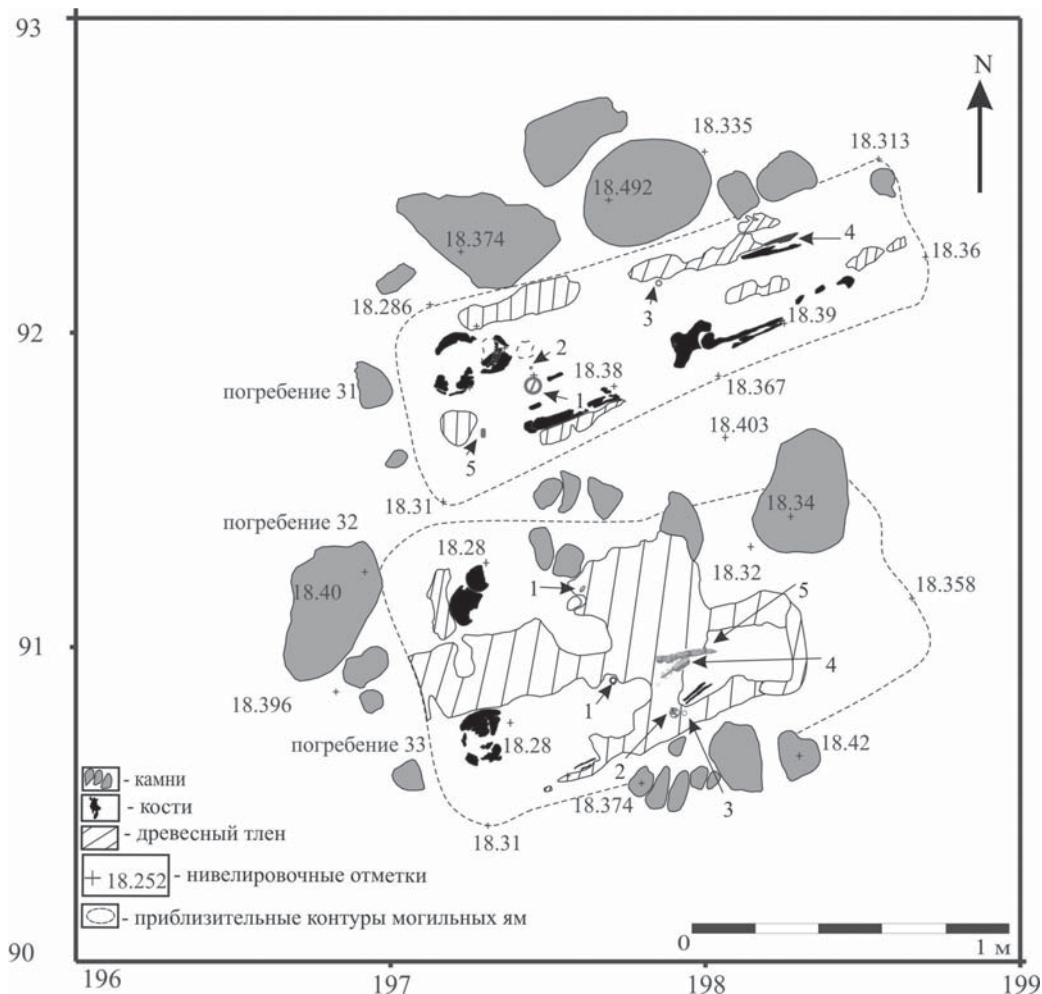

Рис. 51. Погребения № 31, 32 и 33. Сводный план.

Погребение № 31: 1 — фибула, 2 — пуговица, 3 — перстень,
4 — нож, 5 — спиральки.

Погребение № 32: 1 — бусина.

Погребение № 33: 1 — перстень, 2 — разделитель ремня, 3 — пряслице (грузик?),
4 — Ф-образная пронизка и игольник, 5 — нож

Fig. 51. Graves № 31, 32 and 33. General map.

Grave № 31: 1 — the brooch, 2 — the button, 3 — the finger-ring,
4 — the knife, 5 — the spirals.

Grave № 32: 1 — the bead.

Grave № 33: 1 — the finger-ring, 2 — the strap divider, 3 — the weight (?),
4 — the eared tube and the needle box, 5 — the knife

Рис. 52. Комплекс артефактов из погребения № 31: 1 — серебро, позолота, 2, 3 — серебро, 4 — железо, 5 — бронза, текстиль
 Fig. 52. The finds from the grave № 31: 1 — silver, gilding, 2, 3 — silver, 4 — iron, 5 — bronze, textile

Рис. 54. Бусина из погребения № 32:
 1 — серебро
 Fig. 54. The find from the grave № 32:
 1 — silver

Рис. 53. Погребения № 32 и 33. Вид с юга
 Fig. 53. The graves № 32 and 33. The view from the south

Рис. 55. Комплекс артефактов из погребения № 33: 1, 2, 4а — бронза,
3 — шифер (?), 4b, 5 — железо
Fig. 55. The finds from the grave № 33: 1, 2, 4а — bronze,
3 — slate (?), 4b, 5 — iron

Рис. 56. Погребения № 34 и 35. Сводный план.
 Погребение № 34: 1, 2 — височные кольца (серьги?), 3 — застежка-аграф,
 4 — пуговица

Fig. 56. Graves № 34 and 35. General map.

Grave № 34: 1, 2 — the temple (ear?)-rings, 3 — the fastener, 4 — the button

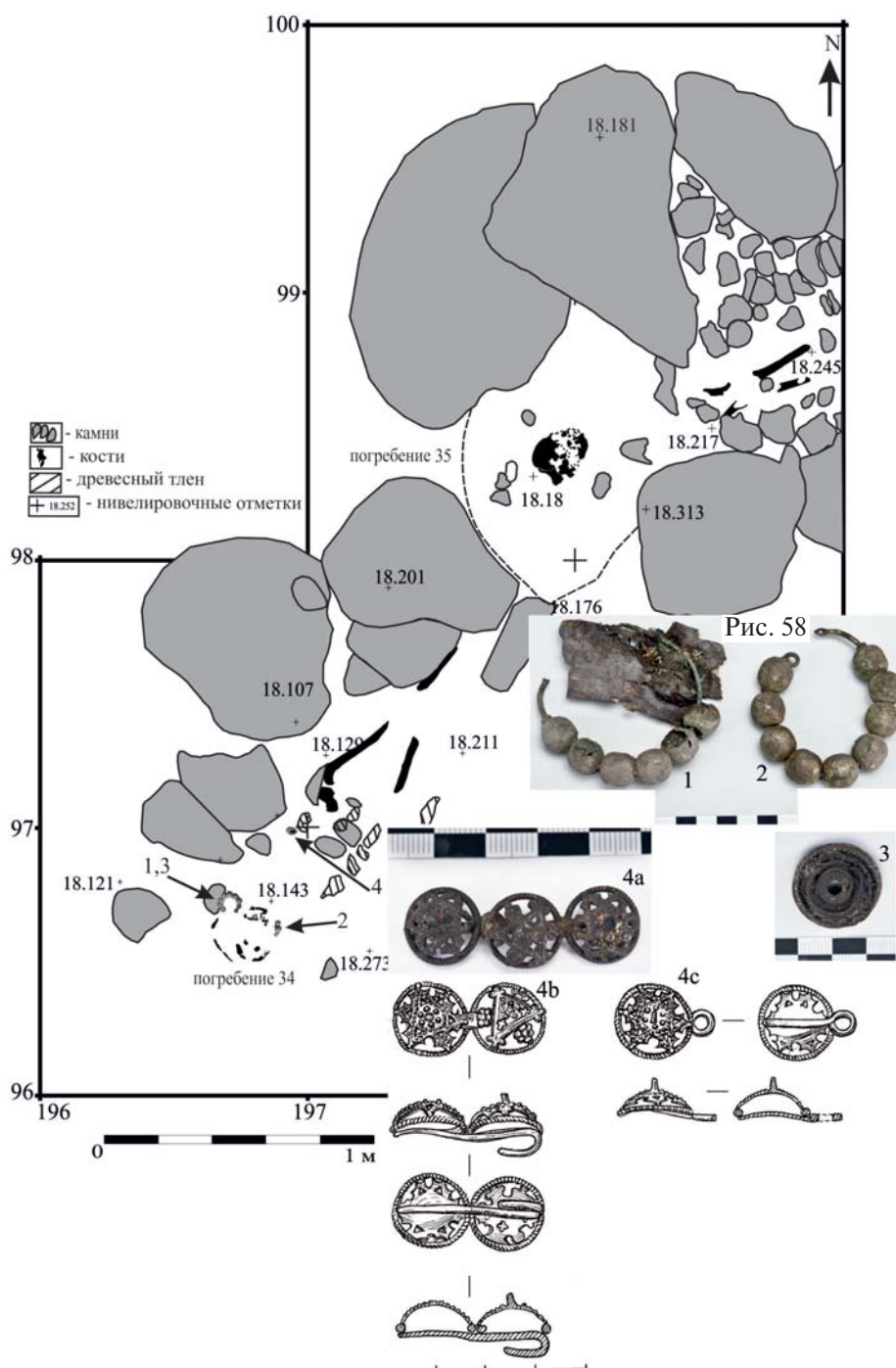

Рис. 58. Комплекс артефактов из погребения № 34: 1, 2 — бронза, серебро,
 позолота, 3, 4 — серебро, позолота

Fig. 58. The finds from the grave № 34: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3, 4 — silver, gilding

Рис. 57. Погребение № 34. Череп in situ. Вид с северо-востока
Fig. 57. Grave № 34. The skull in situ. The view from north-east

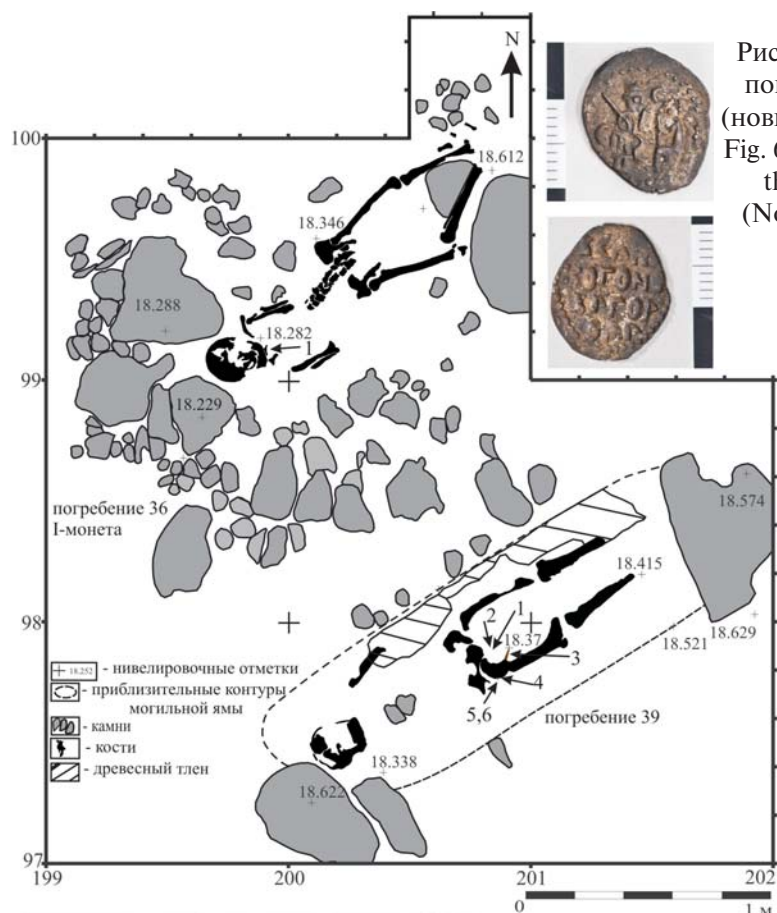

Рис. 61. Монета из погребения № 36 (новгородская денга)
Fig. 61. The coin from the grave № 36 (Novgorod den'ga)

Рис. 59. Погребения № 36 и 39. Сводный план. Погребение № 36: 1 — монета. Погребение № 39: 1 — пряжка поясная, 2 — бусина, 3 — нож, 4 — поясное кольцо, 5, 6 — иголки

Fig. 59. Graves № 36 and 39. General map. Grave № 36: 1 — the coin. Grave № 39: 1 — the belt buckle, 2 — the bead, 3 — the knife, 4 — strap divider, 5, 6 — needles

Рис. 65. Комплекс артефактов из погребения № 39:

1, 3, 4, 5, 6 — железо, 2 — серебро

Fig. 65. The finds from the grave № 39: 1, 3, 4, 5, 6 — iron, 2 — silver

Рис. 60. Погребения № 35 и 36. Вид с северо-востока
Fig. 60. The graves № 35 and 36. The view from the north-east

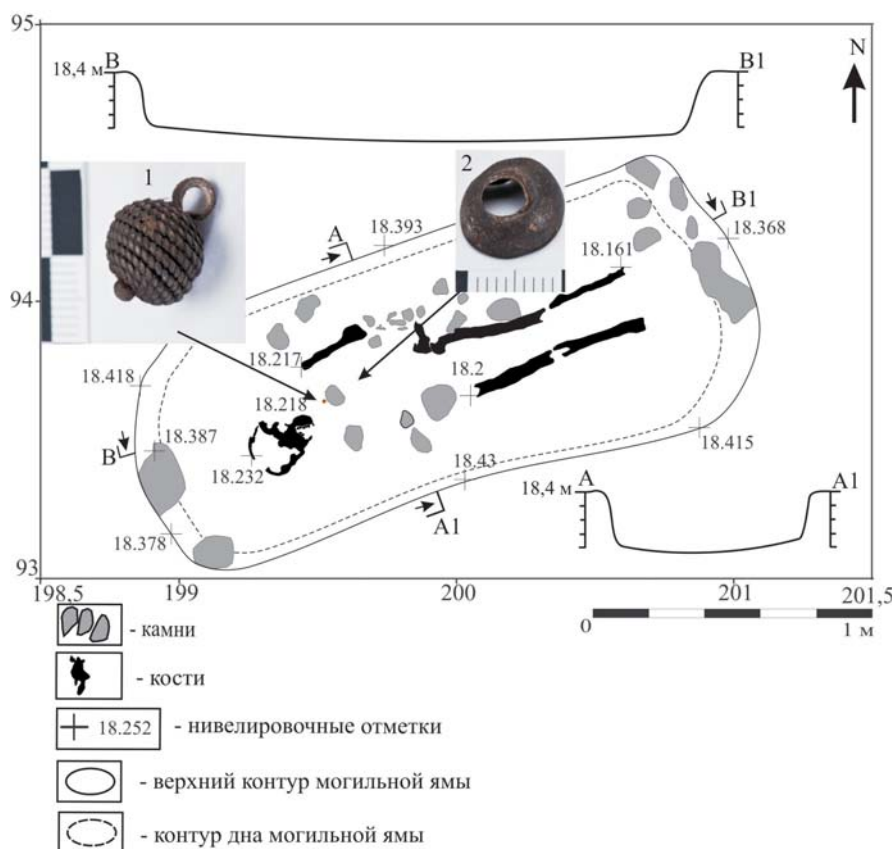

Рис. 62. Погребение № 37. План. 1 — пуговица, 2 — фрагмент бусины
Fig. 62. Graves № 37. General map. 1 — the button, 2 — the fragment of the bead

Погребение № 38: 1 — перстень, 2 — нож и фрагменты ножен

Grave № 38: 1 — the finger-ring, 2 — the knife and the remains of the scabbard

1 — серебро, 2а, в — железо

Fig. 64. The finds
from the grave № 38:
1 — silver, 2a, b — iron

Рис. 67. Погребения № 40, 41 и надмогильное сооружение над погребением № 46.
Вид с севера

Fig. 67. Graves № 40 and 41 and stone structure above grave № 46.
The view from the north

Рис. 72. Комплекс артефактов из погребения № 46:

1 — бронза, 2 — железо, кожа

Fig. 72. The finds from the grave № 46: 1 — bronze, leather, 2 — iron, leather

Рис. 75. Нож из погребения № 49
Fig. 75. The knife from the grave № 49

Рис. 68. Нож из погребения № 44
Fig. 68. The knife from the grave № 44

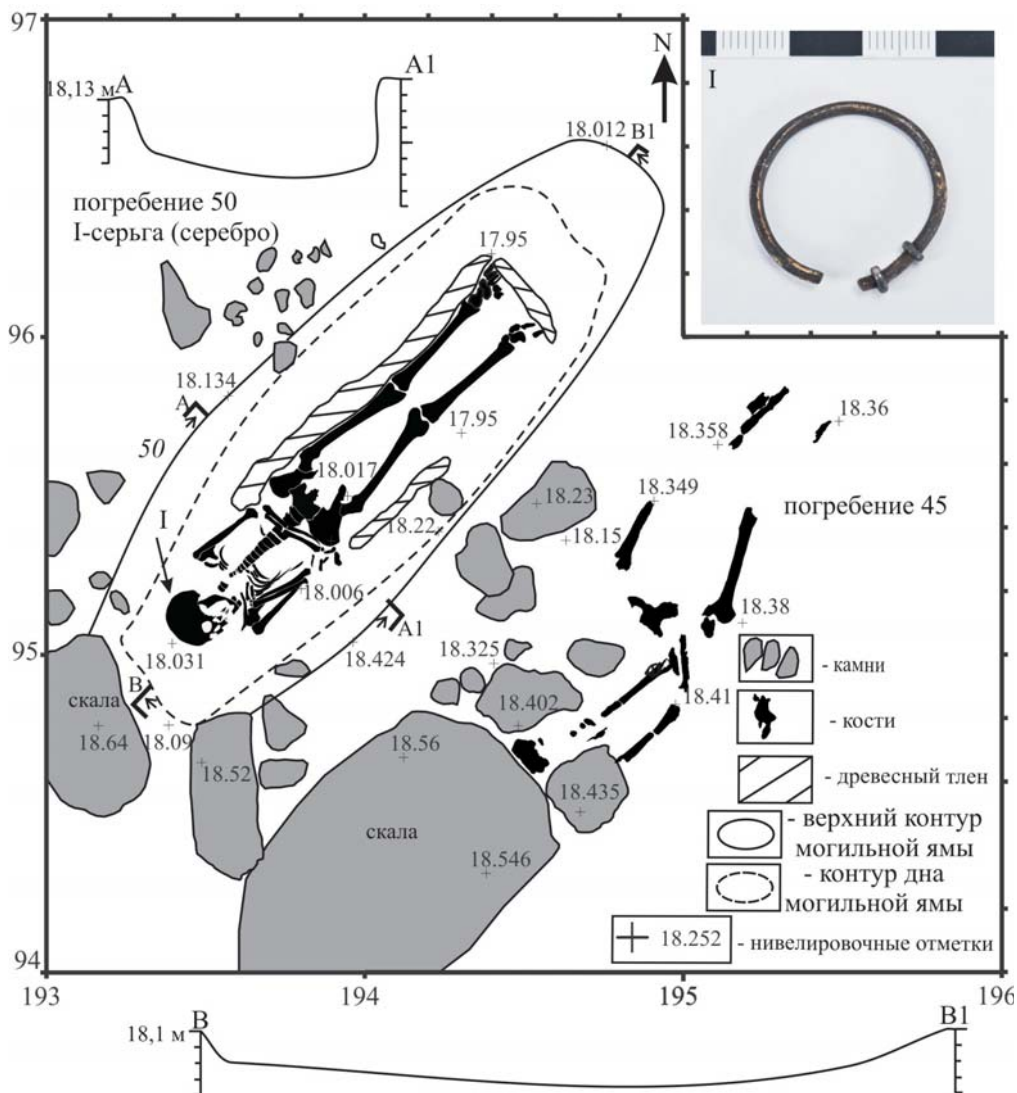

Рис. 69. Погребения № 45 и 50. Сводный план.

Погребение № 50: I — серьга

Fig. 69. Graves № 45 and 50. General map.

Grave № 50: I — the ear-ring

Рис. 70. Погребение № 46. Вид с юго-востока
Fig. 70. Grave № 46. The view from the south-east

Рис. 71. Погребение № 46. Поясная гарнитура in situ
Fig. 71. Grave № 46. The belt buckle and the fittings in situ

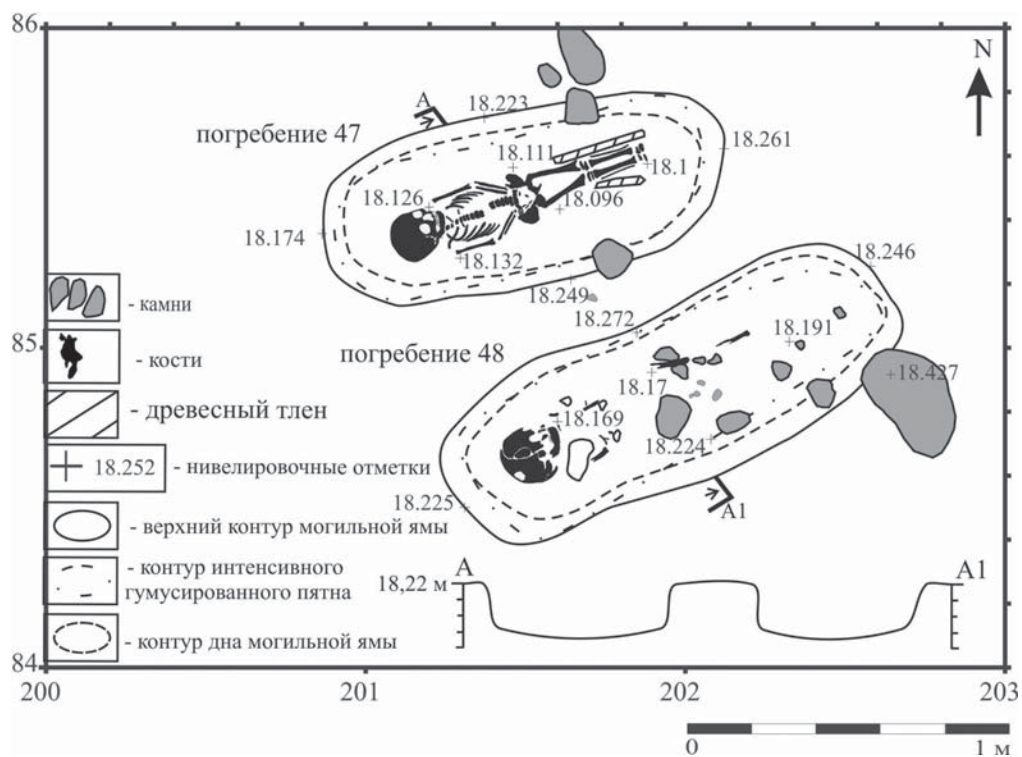

Рис. 73. Погребения № 47 и 48. Сводный план

Fig. 73. Graves № 47 and 48. General map

Рис. 74. Погребения № 47 и 48. Вид с востока

Fig. 74. Graves № 47 and 48. The view from the east

Рис. 76. Погребение № 50. Вид с востока
Fig. 76. Grave № 50. The view from the east

Рис. 77. Надмогильные сооружения № 32 и 33 над погребениями № 53 и 54.
Вид с северо-запада
Fig. 77. The stone structures № 32 и 33 above the graves № 53 и 54.
The view from the north-west

Рис. 78. Погребение № 53. Вид с северо-запада
Fig. 78. Grave № 53. The view from the north-west

Рис. 80. Комплекс артефактов из погребения № 53: 1 — серебро, 2 — бронза, текстиль, 3 — железо
 Fig. 80. The finds from the grave № 53: 1 — silver, 2 — bronze, textile, 3 — iron

Рис. 81. Комплекс артефактов из погребения № 54: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, 4 — железо, 5a — бронза, кожа, 5b — бронза, стекло, кожа, 5c — кость, 5d, f, e — бронза

Fig. 81. The finds from the grave № 54: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, 4 — iron, 5a — bronze, leather, 5b — bronze, glass, leather, 5c — bone, 5d, f, e — bronze

Рис. 82. Погребение № 54. Комплекс артефактов в центральной части
могильной ямы in situ

Fig. 82. Grave № 54. The complex of the artifacts in central part of the grave pit in situ

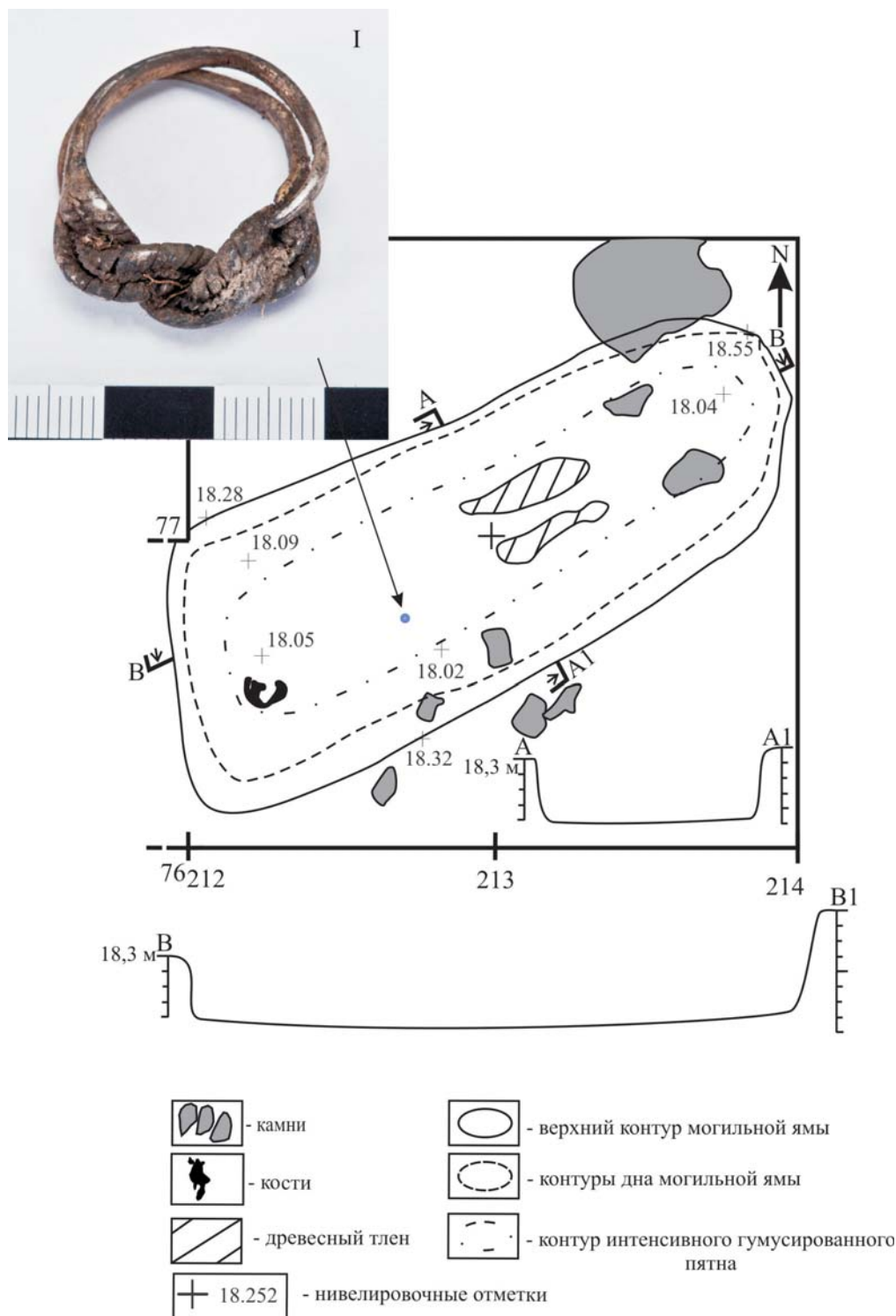

Рис. 83. Погребение № 55. План. I — перстень
 Fig. 83. Grave № 55. General map. I — finger-ring

Рис. 84. Погребения № 57а, б. Вид с северо-востока
Fig. 84. Graves № 57а, б. The view from the north-east

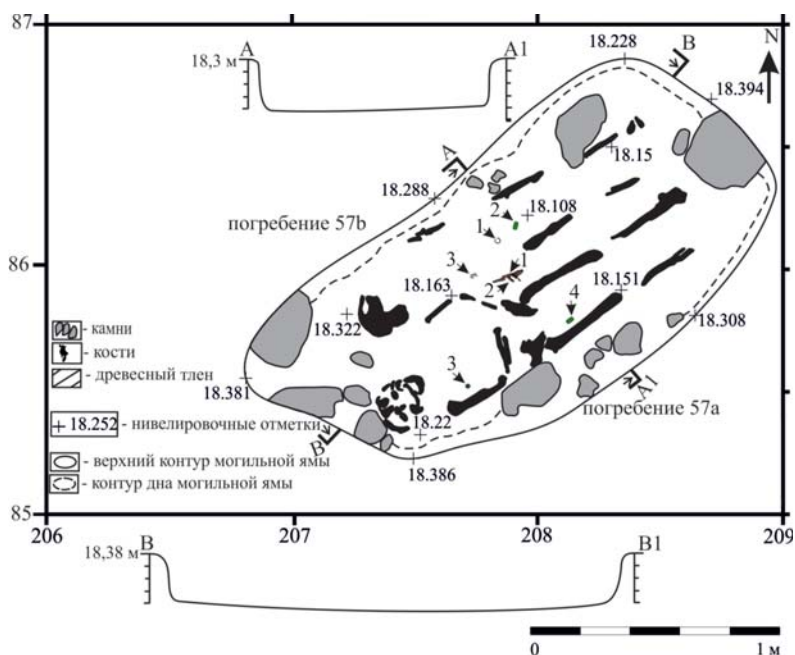

Рис. 85. Погребения № 57а и б. Сводный план.

Погребение № 57а: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — пуговица, 4 — спиральки.

Погребение № 57б: 1 — перстень, 2, 3 — спиральки

Fig. 85. Graves № 57а, b. General map.

Grave № 57а: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the button, 4 — the spirals.

Grave № 57б: 1 — the finger-ring, 2, 3 — the spirals

Рис. 86. Комплекс артефактов из погребения № 57а: 1, 2 — железо, 3 — серебро

Fig. 86. The finds from the grave № 57а:
1, 2 — iron,
3 — silver

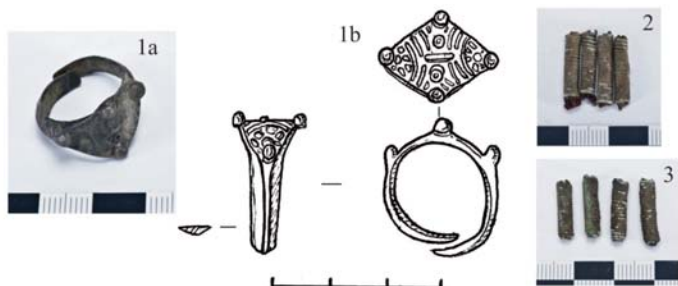

Рис. 87. Комплекс артефактов из погребения № 57б:

1 — бронза, 2, 3 — бронза, текстиль

Fig. 87. The finds from the grave № 57б: 1 — bronze, 2, 3 — bronze, textile

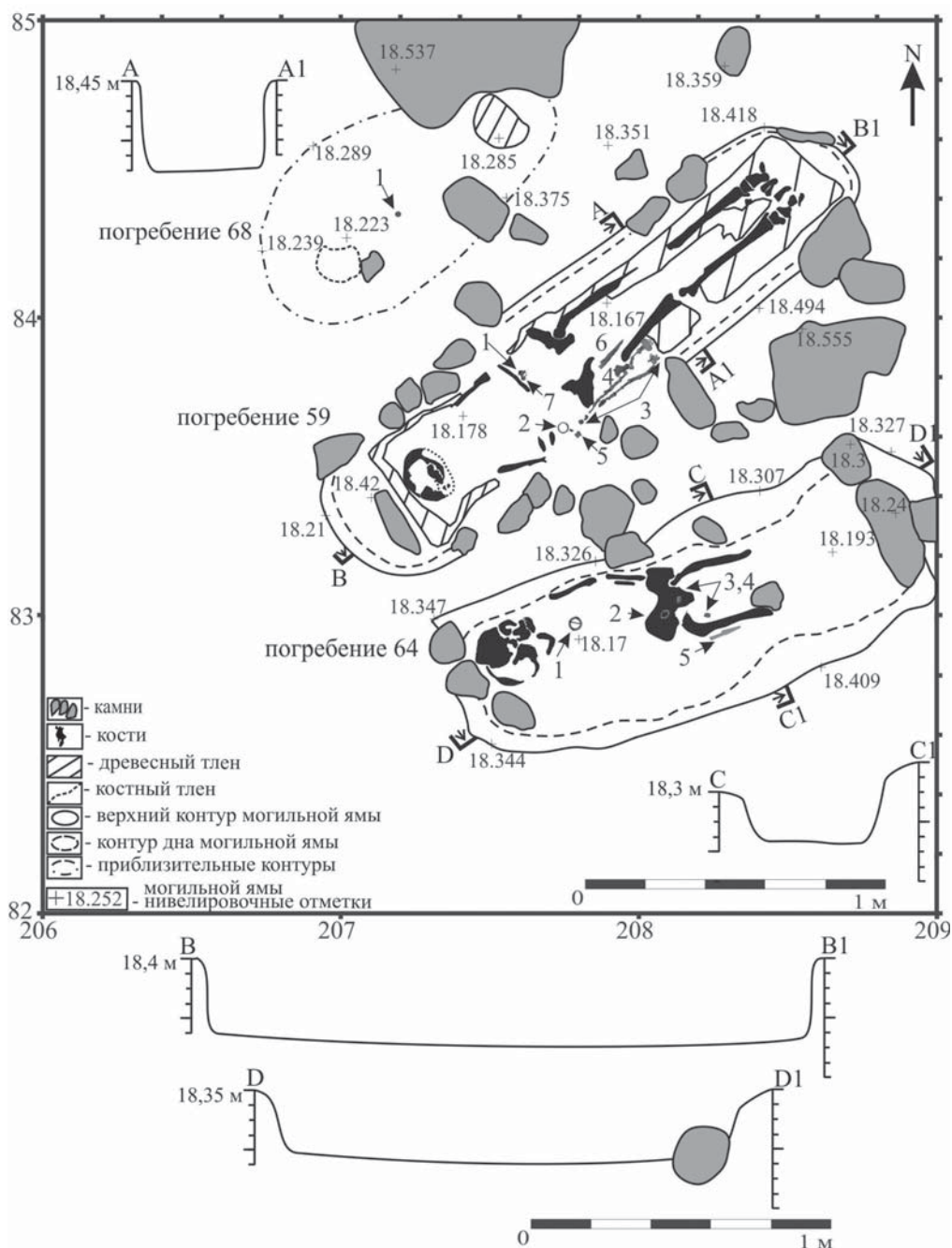

Рис. 89. Погребение № 59. Вид с севера
Fig. 89. Grave № 59. The view from the north

Рис. 90. Комплекс артефактов из погребения № 59: 1 — бронза, серебро, 2 — бронза, кожа, 3 — бронза, стекло, кожа, 4a — бронза, 4b — железо, 5 — бронза, текстиль, 6 — олово (?)

Fig. 90. The finds from the grave № 59: 1 — bronze, silver, 2 — bronze, leather, 3 — bronze, glass, leather, 4a — bronze, 4b — iron, 5 — bronze, textile, 6 — lead (?)

Рис. 91. Погребение № 59. Комплекс артефактов в центральной части погребения in situ

Fig. 91. Grave № 59. The complex of the artifacts in the central part of the grave pit in situ

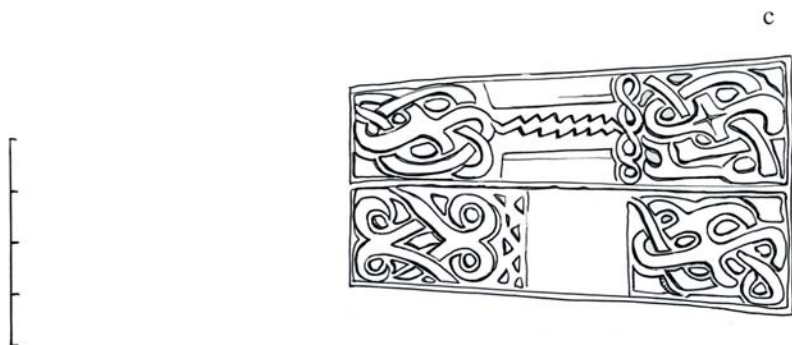
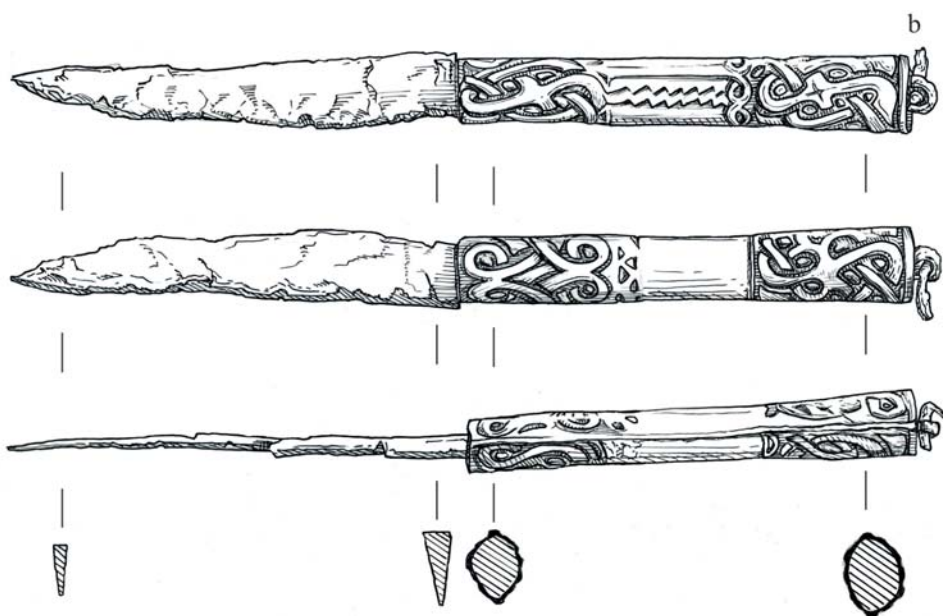

Рис. 92. Нож из погребения № 59
Fig. 92. The knife from the grave № 59

Рис. 96. Комплекс артефактов
из погребения № 63: 1 — бронза,
кожа, текстиль, 3 — серебро
Fig. 96. The finds from the grave № 63:
1 — bronze, leather, textile, 3 — silver

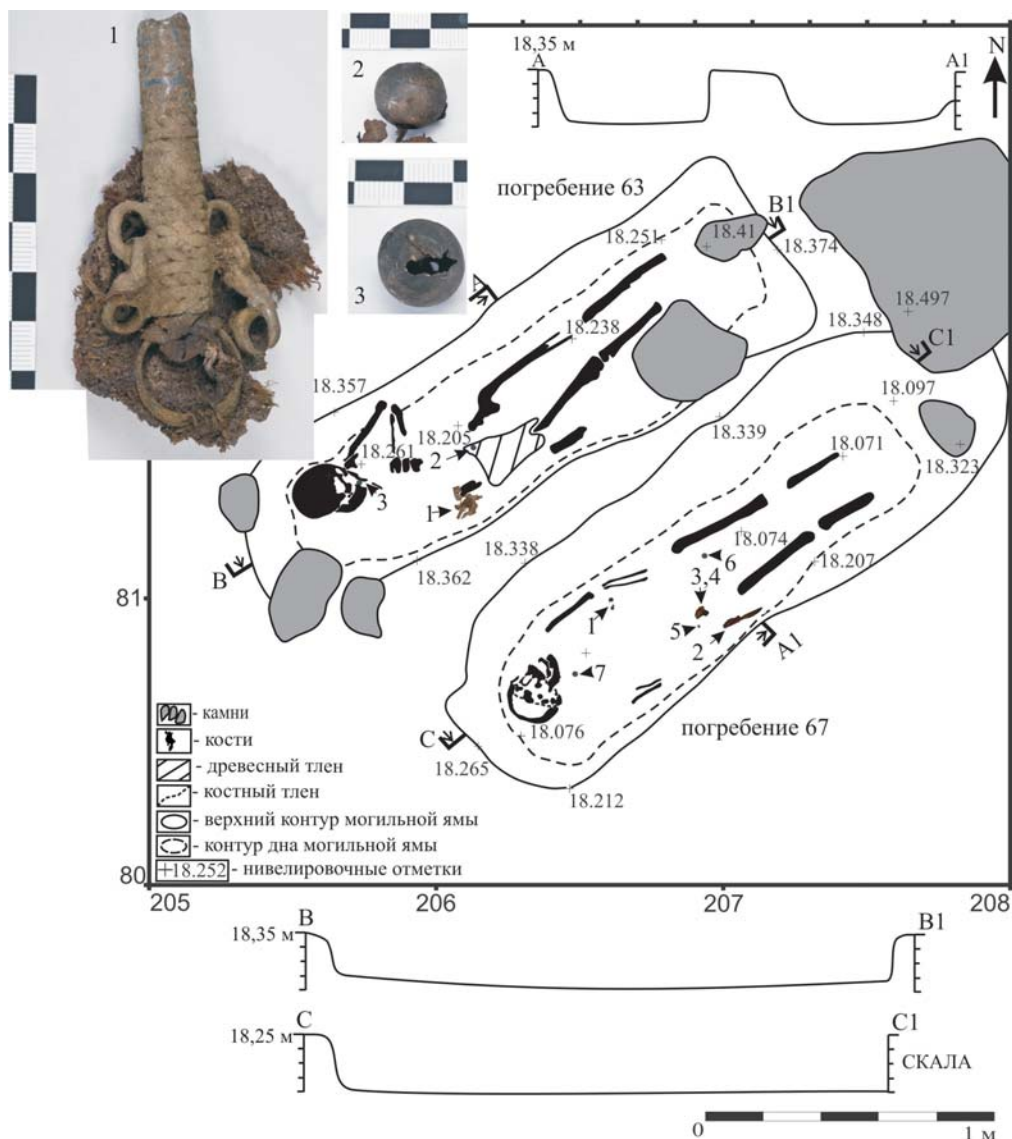

Рис. 95. Погребения № 63 и 67. Сводный план.
Погребение № 63: 1 — комплекс поясной привески, 2, 3 — бусины.
Погребение № 67: 1 — застежка с благочестивым образом, 2 — нож,
3, 4 — спиральки, 5 — обоймица, 6, 7 — бусины
Fig. 95. Graves № 63 and 67. General map.
Grave № 63: 1 — the complex of the belt pendant, 2, 3 — the beads.
Grave № 67: 1 — the fastener with Pious image, 2 — the knife, 3,
4 — the spirals, 5 — the fitting, 6, 7 — the beads

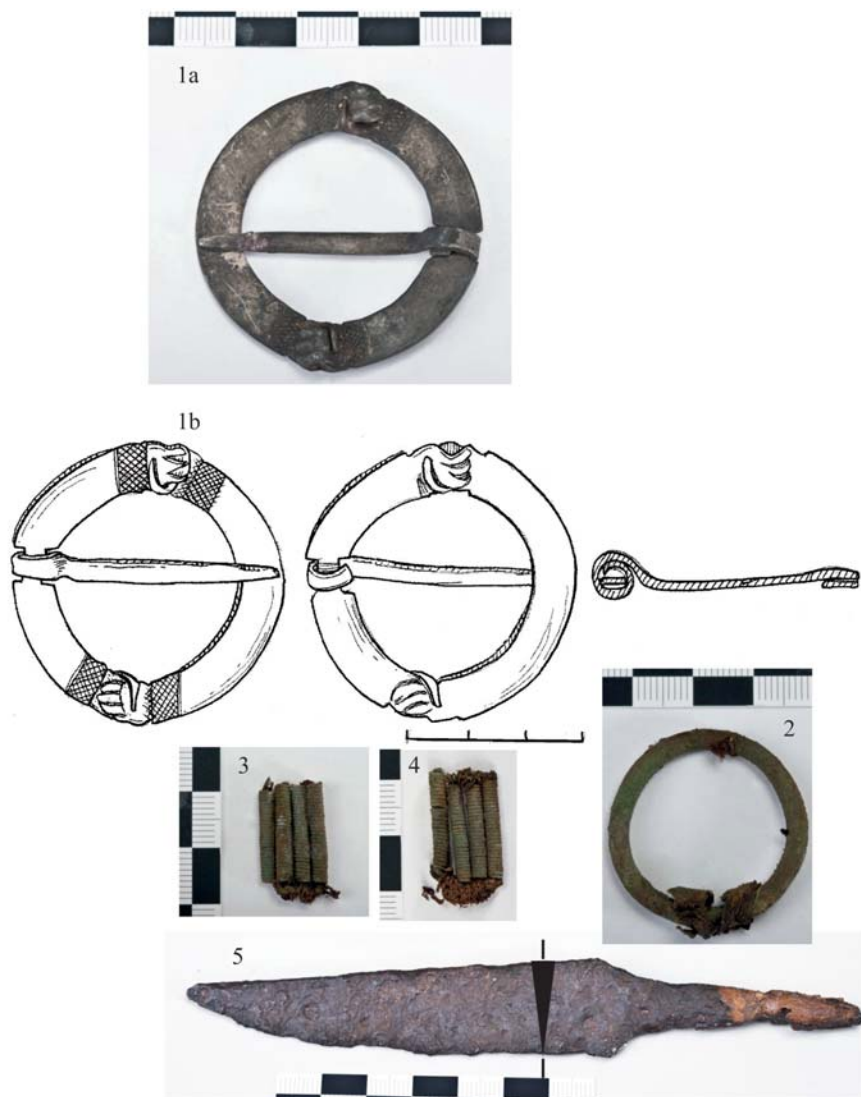

Рис. 97. Комплекс артефактов из погребения № 64: 1 — серебро,
2 — бронза, кожа, 3, 4 — бронза, текстиль, 5 — железо
Fig. 97. The finds from the grave № 64: 1 — silver, 2 — bronze, leather,
3, 4 — bronze, textile, 5 — iron

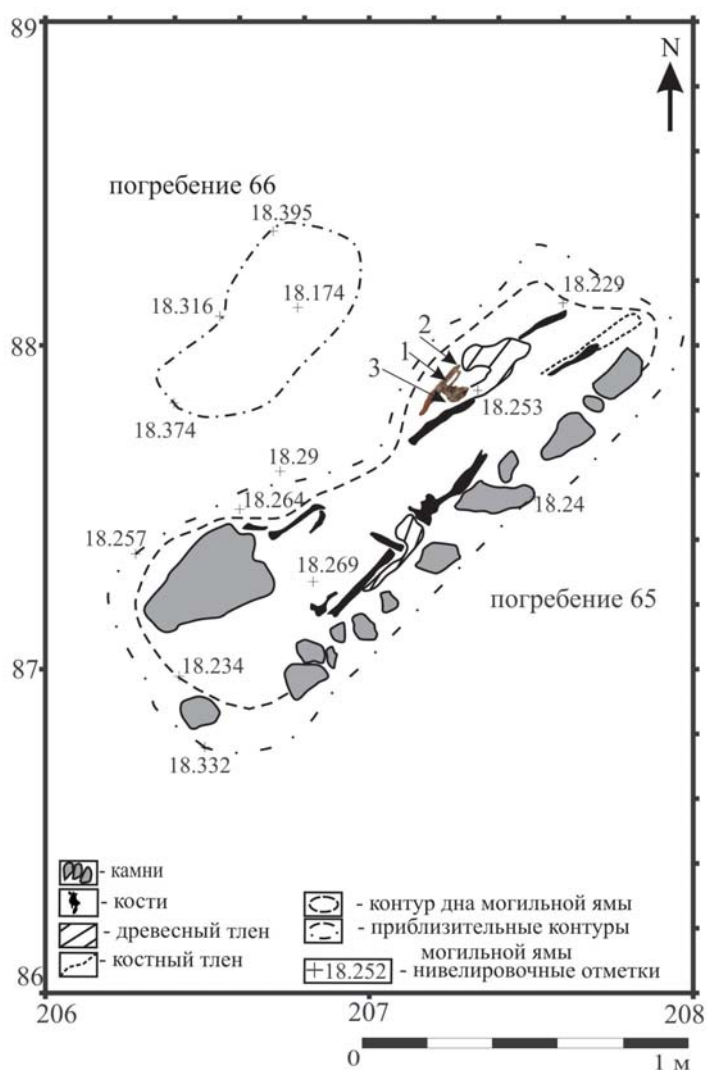

Рис. 98. Погребения № 65 и 66. Сводный план.

Погребение № 65: 1 — нож, 2 — кресало, 3 — кошелек

Fig. 98. Graves № 65 and 66. General map.

Grave № 65: 1 — the knife, 2 — the fire-steel, 3 — the pocket

Рис. 99. Комплекс артефактов из погребения № 65: 1, 2 — железо, 3 — кожа

Fig. 99. The finds from the grave № 65: 1, 2 — iron, 3 — leather

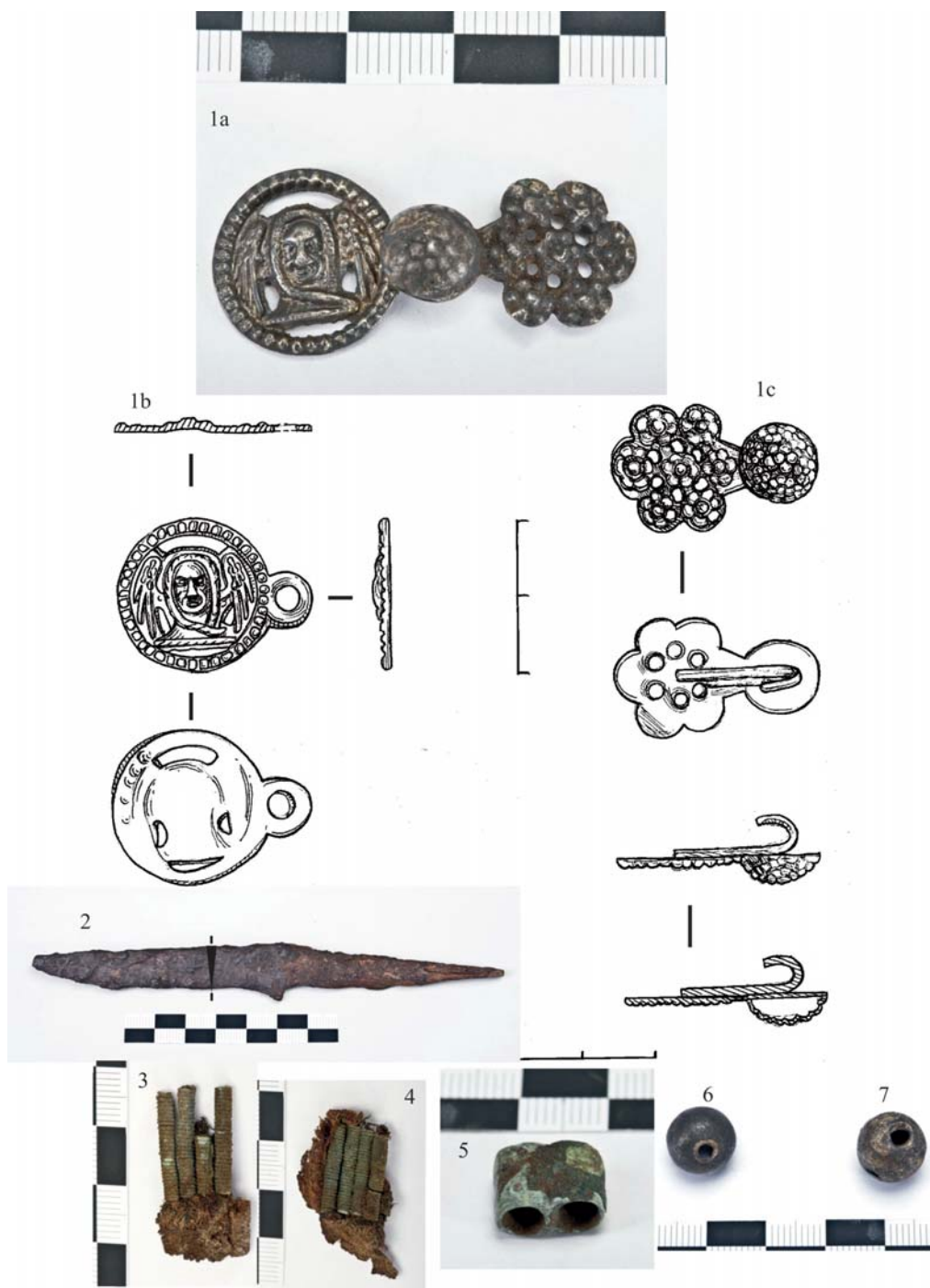

Рис. 100. Комплекс артефактов из погребения № 67: 1, 6, 7 — серебро, 2 — железо, 3, 4 — бронза, текстиль, 5 — бронза

Fig. 100. The finds from the grave № 67: 1, 6, 7 — silver, 2 — iron, 3, 4 — bronze, textile, 5 — bronze

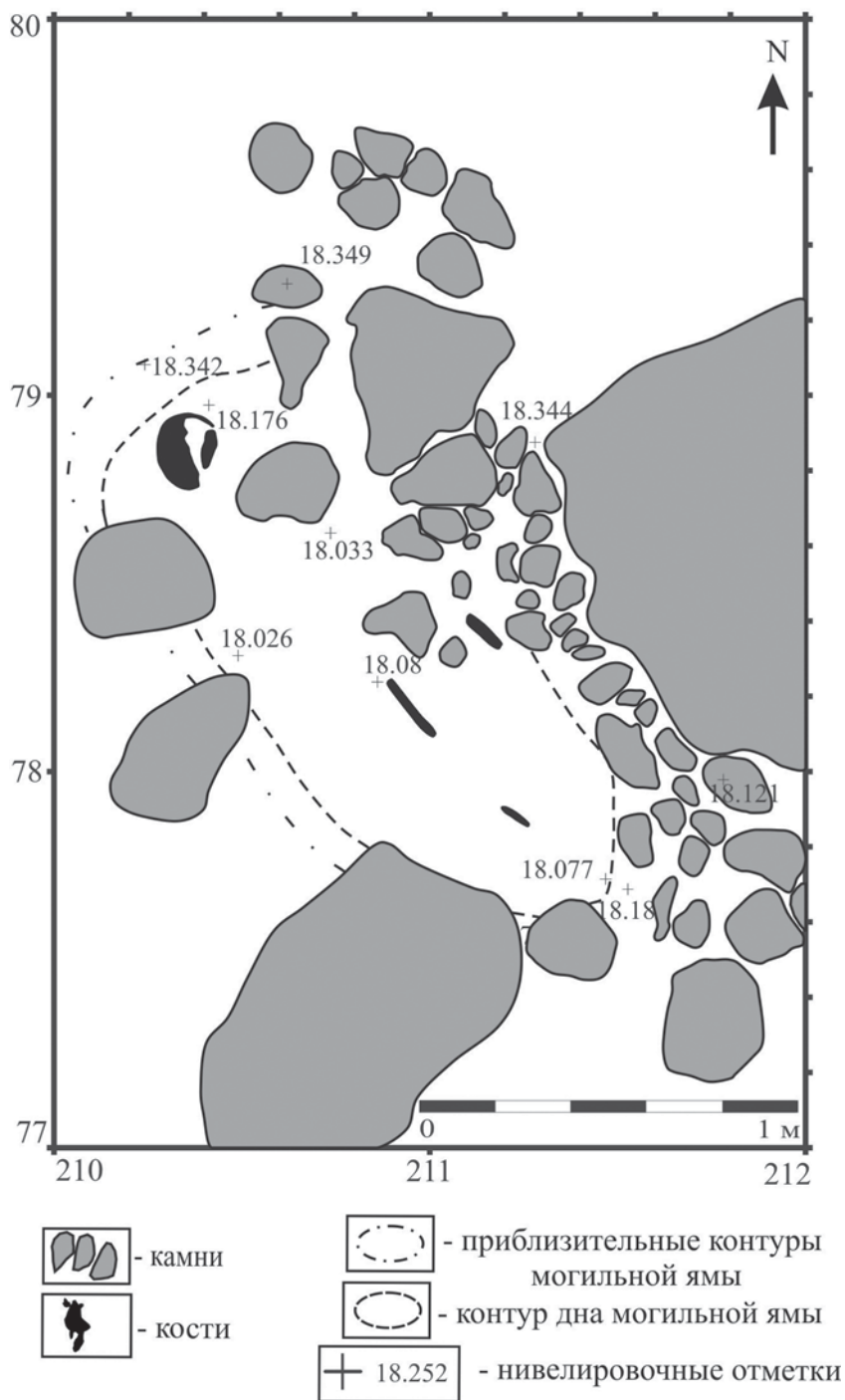

Рис. 101. Погребение № 69. План

Fig. 101. Grave № 69. General map

Рис. 103. Бусина из погребения № 71

Fig. 103. The bead from the grave № 71

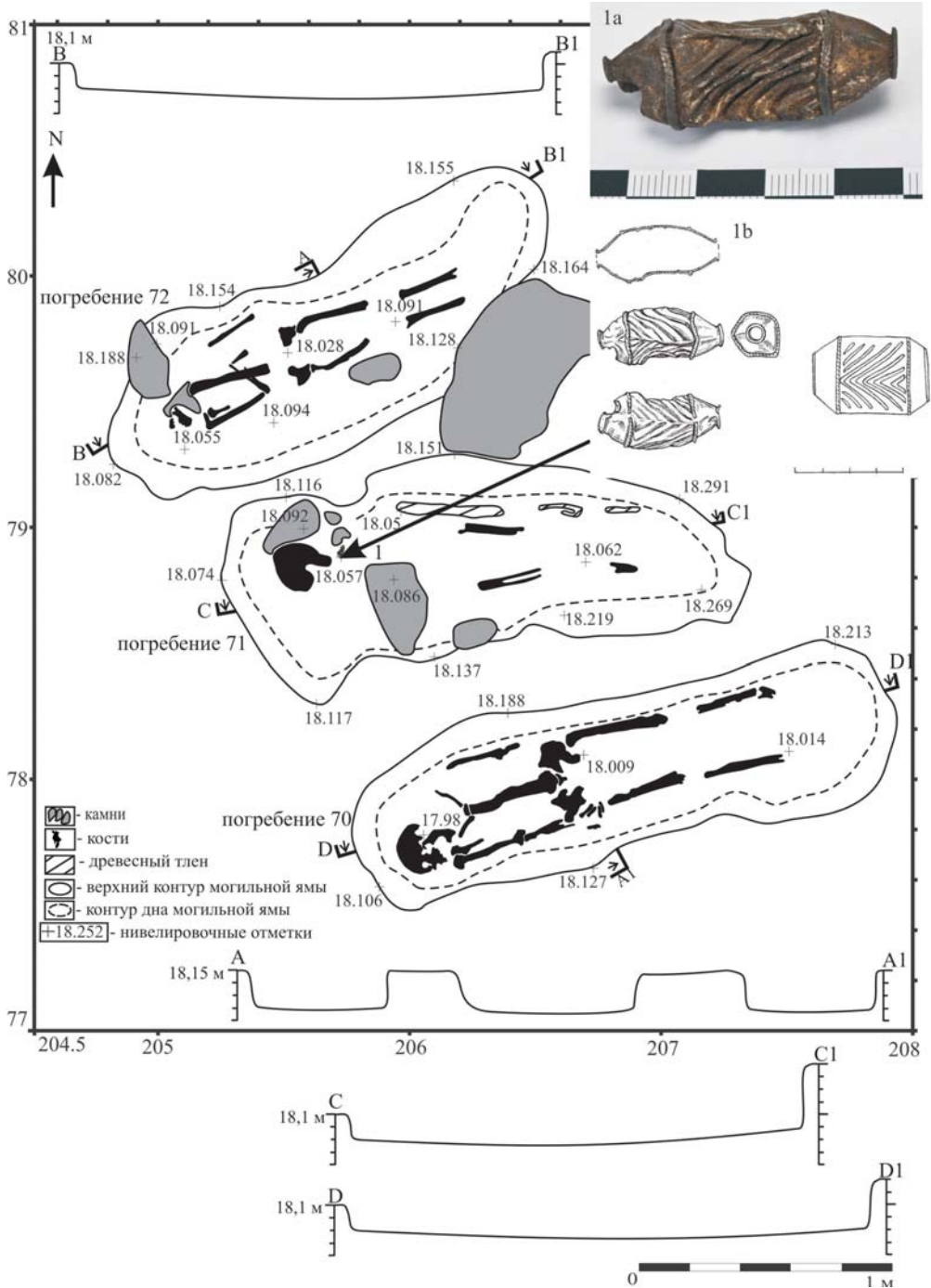

Рис. 102. Погребения № 70, 71 и 72. Сводный план.

Погребение № 71: 1 — бусина

Fig. 102. Graves № 70, 71 and 72. General map.

Grave № 71: 1 — the bead

Рис. 104. Основание поминального креста in situ. Вид с юга
Fig. 104. The basement of the lime-stone cross. The view from the south

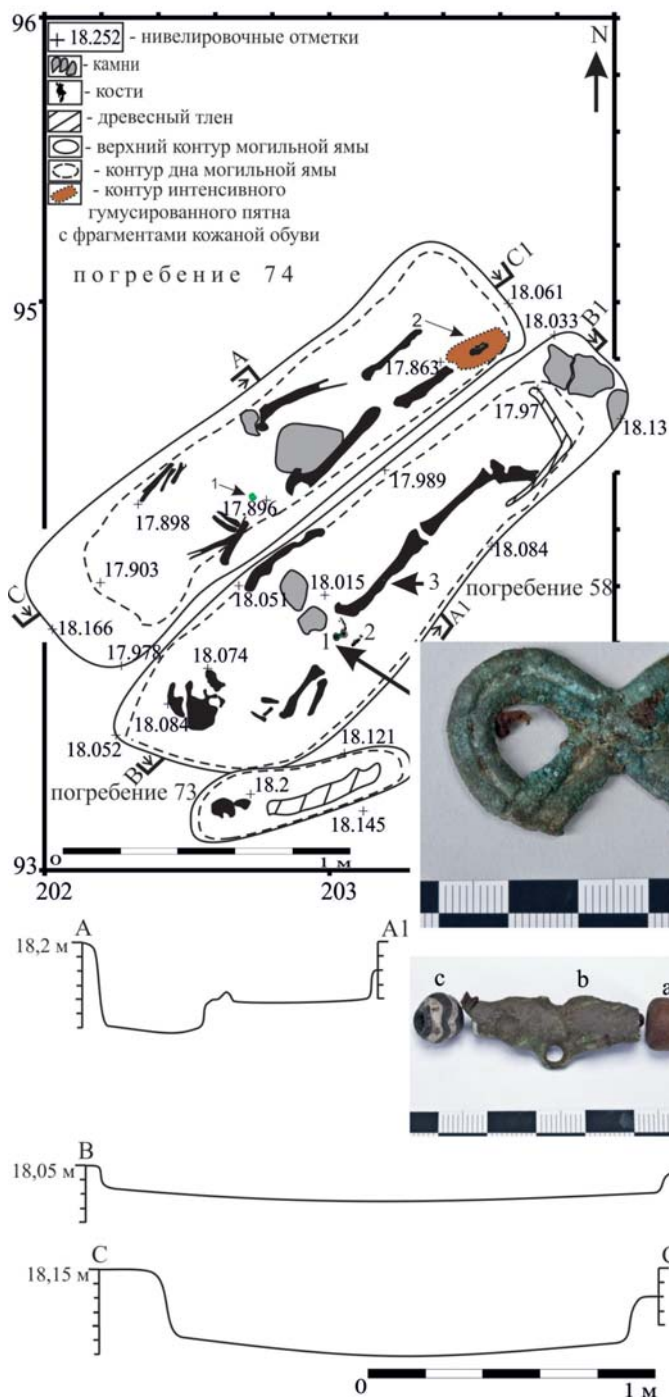

Рис. 106. Комплекс артефактов из погребения № 58: 1 — бронза, 2 — бронза, стекло, кожа, 3 — серебро
 Fig. 106. The finds from the grave № 58: 1 — bronze, 2 — bronze, glass, leather, 3 — silver

Рис. 105. Погребения № 58, 73 и 74. Сводный план.
 Погребение № 58: 1 — разделитель пояса (?), 2 — Ф-образная пронизка и бусины (поясная привеска), 3 — пуговица.
 Погребение № 74: 1 — проволока, 2 — фрагменты кожаной обуви
 Fig. 105. Graves № 58, 73 and 74. General map.
 Grave № 58: 1 — the strap divider (?), 2 — eared tube and the beads (the complex of the “belt pendant”), 3 — the button.
 Grave № 74: 1 — the wire, 2 — the fragments of the leather shoes

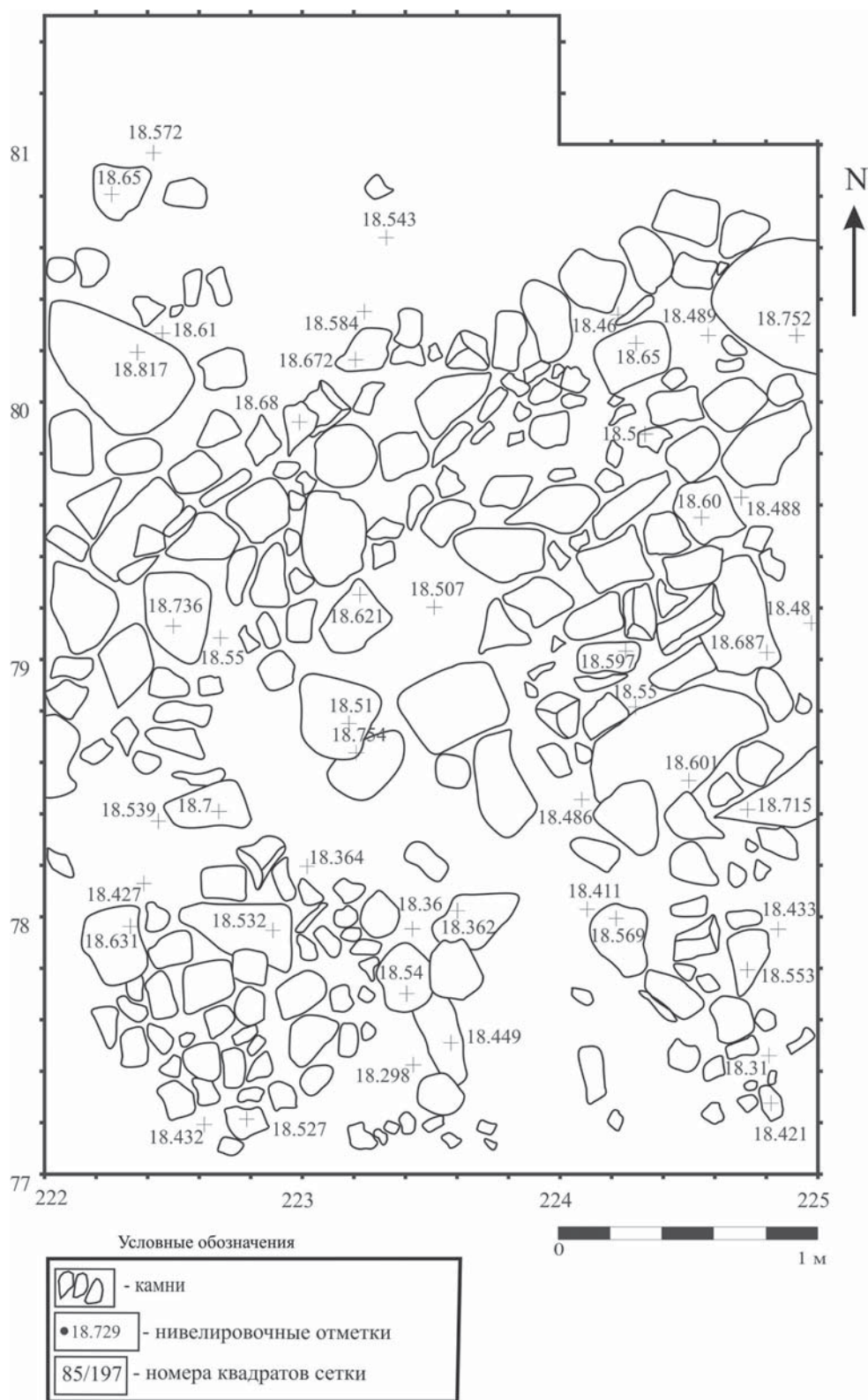

Рис. 107. Раскоп II. План первого горизонта (надмогильные сооружения)
 Fig. 107. The excavation area II. The map of the 1-st layer (stone structures above graves)

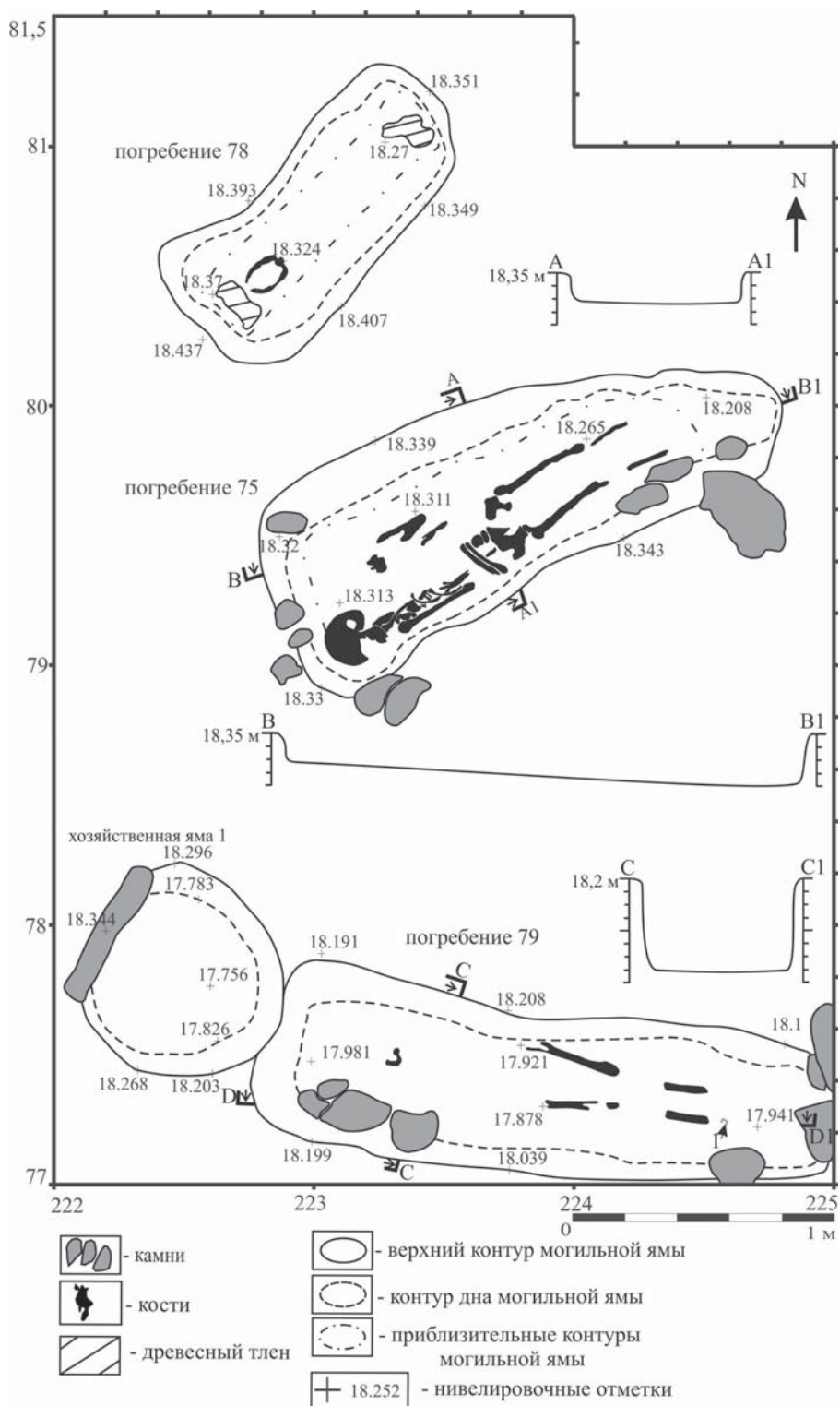

Рис. 108. Погребения № 75, 78 и 79. Сводный план.

Погребение № 79: 1 — железная скоба

Fig. 108. Graves № 75, 78 and 79. General map.

Grave № 79: 1 — the iron beam hanger

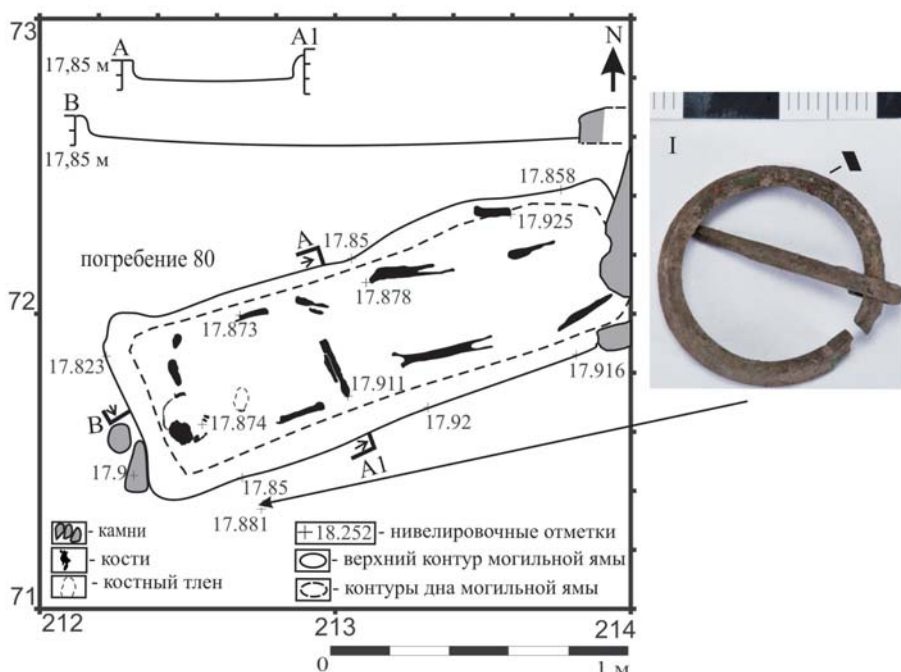

Рис. 109. Погребение № 80. План
Fig. 109. Grave № 80. General map

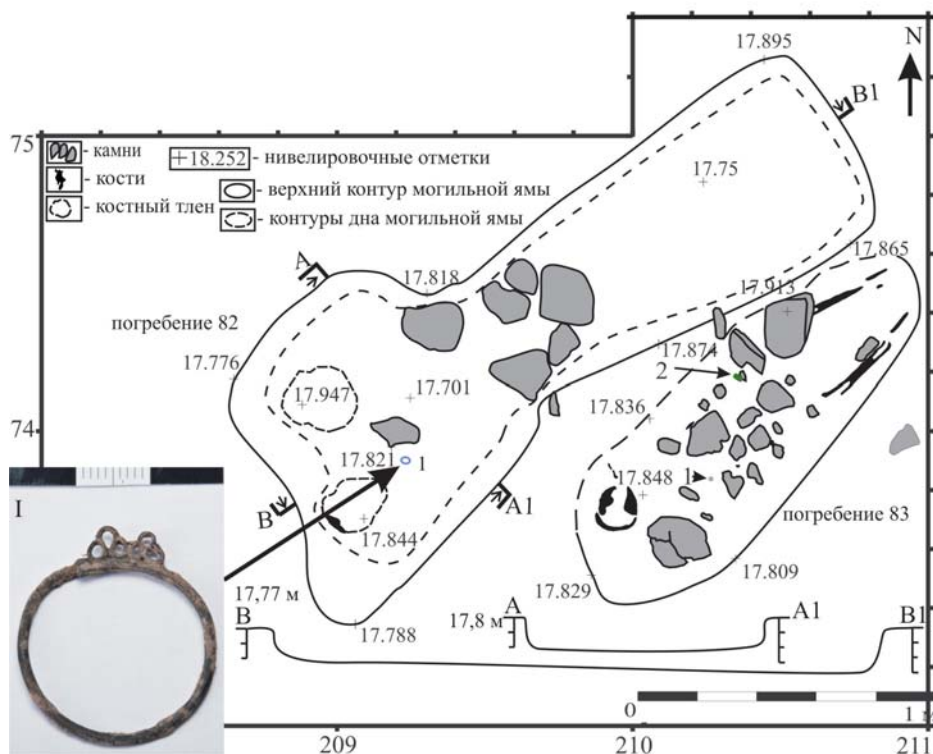

Рис. 110. Погребения № 81, 82 и 83. Сводный план.
Погребение № 82: 1 — серьга. Погребение № 83: 1 — бусина, 2 — спиральки
Fig. 110. Graves № 81, 82 and 83. General map. Grave № 82: 1 — the ear-ring.
Grave № 83: 1 — the bead, 2 — the spirals

Рис. 111. Надмогильное сооружение № 53 (над погребением № 84).

Вид сверху с юга

Fig. 111. The stone structure № 53 (above the grave № 84).

The view from the south

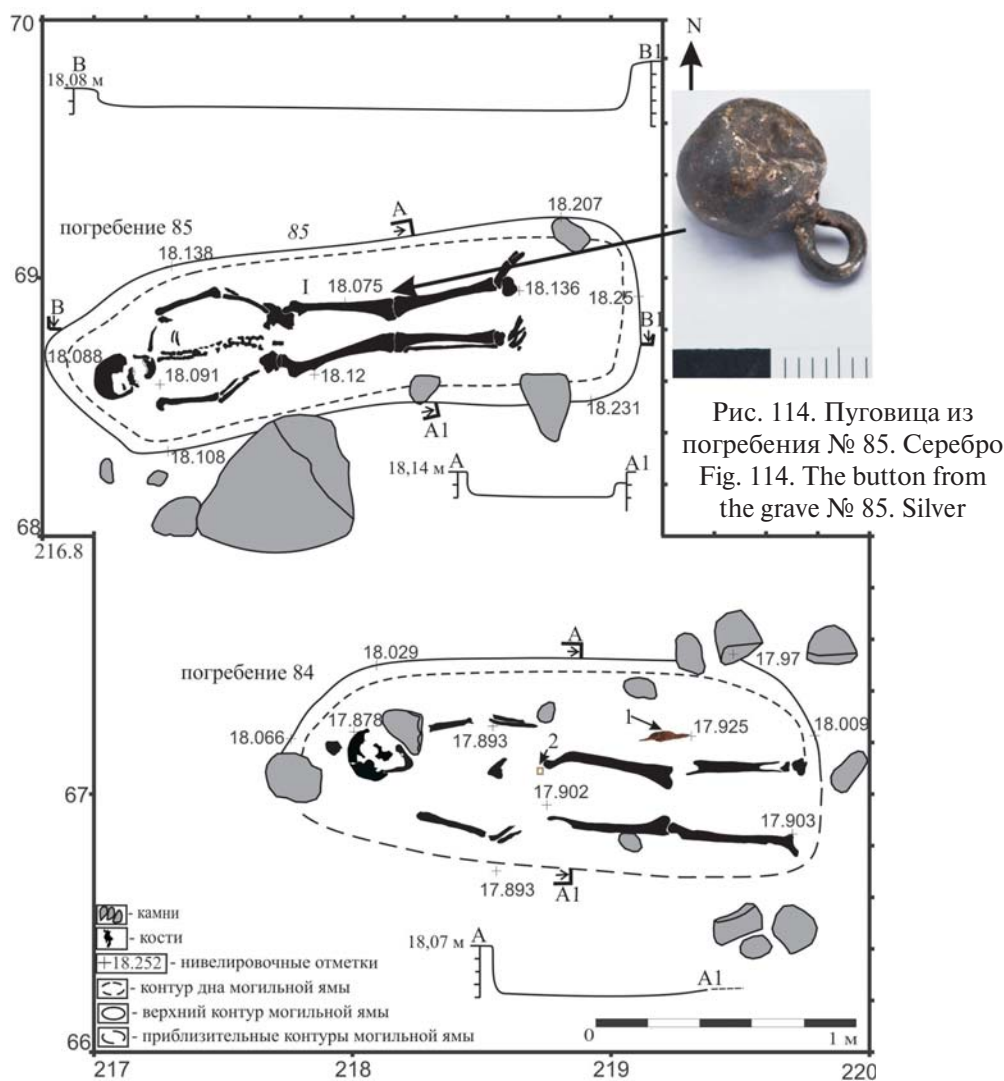

Рис. 112. Погребения № 84 и 85. Сводный план.
Погребение № 84: 1 — нож, 2 — пряжка поясная. Погребение № 85: 1 — пуговица
Fig. 112. Graves № 84 and 85. General map.
Grave № 84: 1 — the knife, 2 — the belt buckle. Grave № 85: 1 — the button

Рис. 113. Комплекс артефактов из погребения № 84: 1, 2 — железо
Fig. 113. The finds from the grave № 84: 1, 2 — iron

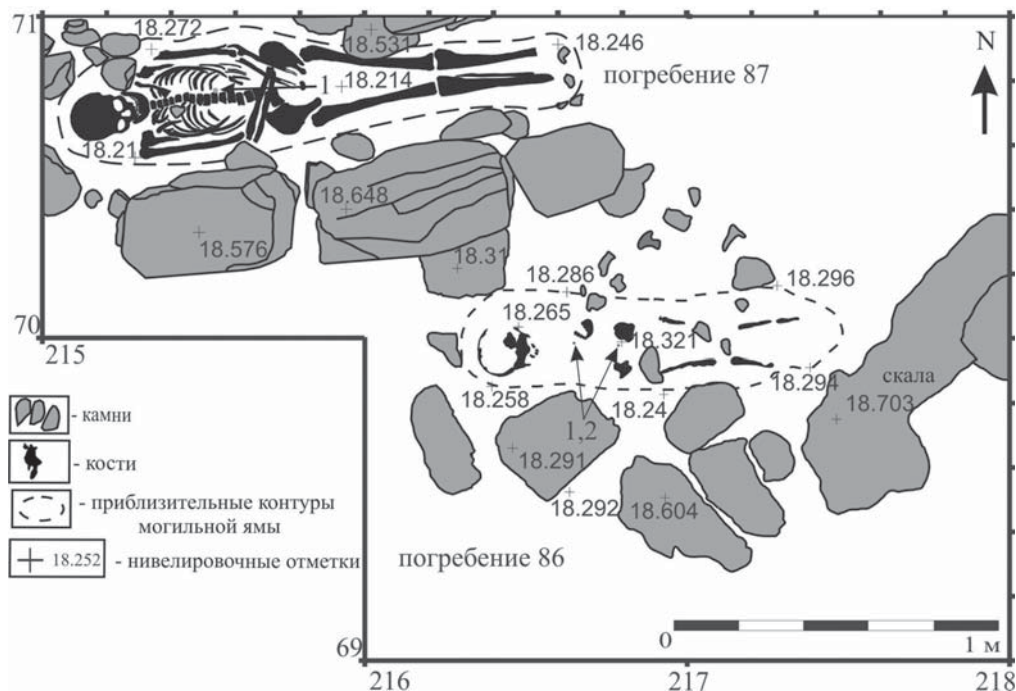

Рис. 115. Погребения № 86 и 87. Сводный план.

Погребение № 86: 1, 2 — пуговицы.

Погребение № 87: 1 — пуговица

Fig. 115. Graves № 86 and 87. General map.

Grave № 86: 1, 2 — the buttons.

Grave № 87: 1 — the button

Рис. 116. Погребение № 87. Вид с северо-востока

Fig. 116. The grave № 87. The view from the north-east

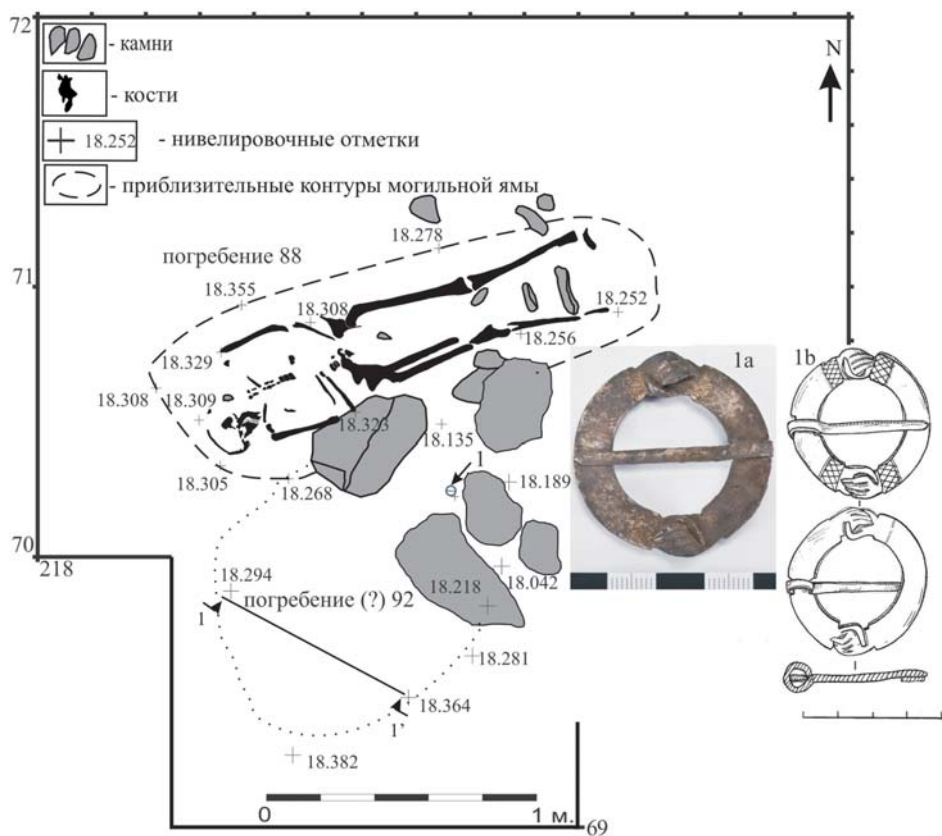

Рис. 117. Погребения № 88 и 92 (?). Сводный план.

1a, 1b — фибула из погребения № 88. Серебро

Fig. 117. Graves № 87 and 92 (?). General map.

1a, 1b — the brooch from the grave № 88. Silver

Рис. 122. Стрела-срезень из заполнения погребения (?) № 92. Железо

Fig. 122. The arrow-head from the filling of the grave (?) № 92. Iron

Рис. 123. Фрагменты лепной керамики из заполнения погребения (?) № 92

Fig. 123. The hand-made ceramics from the filling of the grave (?) № 92

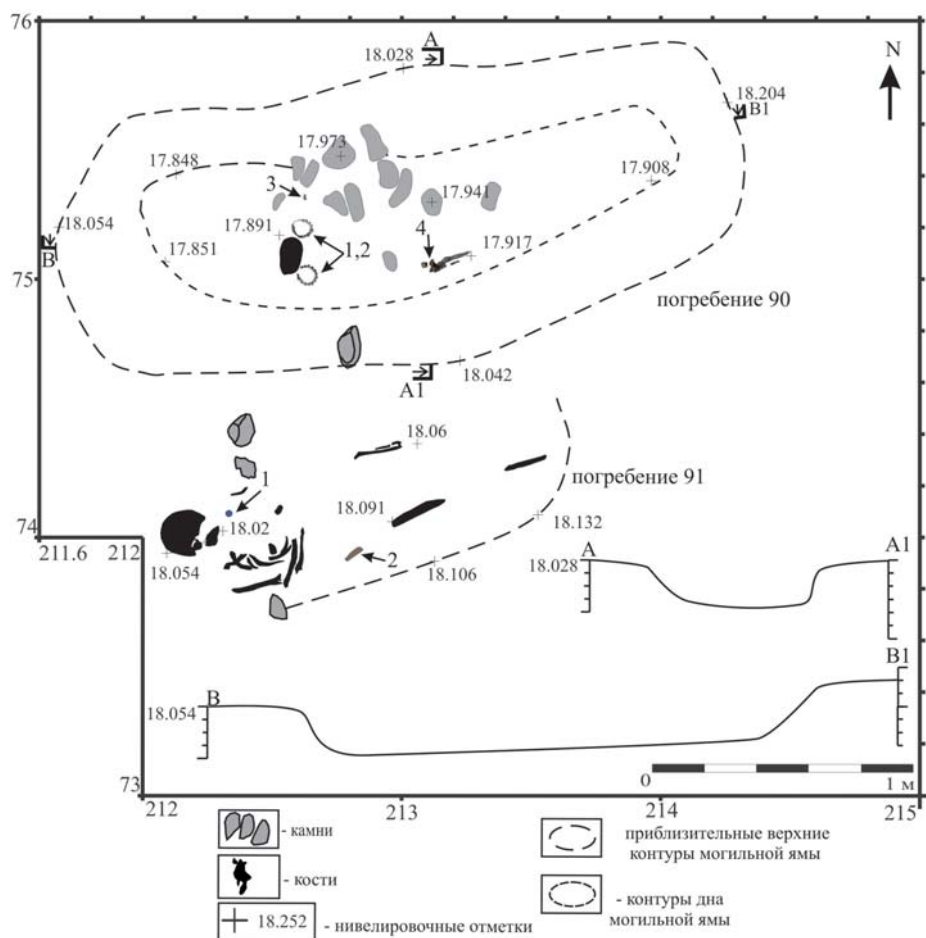

Рис. 118. Погребения № 90 и 91. Сводный план.
 Погребение № 90: 1, 2 — височные кольца, 3 — перстень, 4 — нож и фрагменты оковок ножен. Погребение № 91: 1 — пуговица, 2 — игольник (?)
 Fig. 118. Graves № 90 and 91. General map. Grave № 90: 1, 2 — the temple-rings, 3 — the finger-ring, 4 — the knife and the fragments of the scabbard
 Grave № 91: 1 — the button, 2 — the needle-box (?)

Рис. 120. Комплекс артефактов из погребения № 91: 1 — серебро, 2 — железо
 Fig. 120. The finds from the grave № 91: 1 — silver, 2 — iron

Рис. 119. Комплекс артефактов из погребения № 90: 1, 2 — бронза, серебро, позолота, 3 — серебро, 4 — железо

Fig. 119. The finds from the grave № 90: 1, 2 — bronze, silver, gilding, 3 — silver, 4 — iron

Рис. 121. Погребение (?) № 92. Профиль. Вид с юго-востока
 Fig. 121. Grave (?) № 92. The profile. The view from the south-east

Рис. 124. Конструкции из камня в восточной части основного раскопа.
 Вид сверху с востока
 Fig. 124. The stone structures on the eastern part of the main excavation area.
 The view from the east

Рис. 125. Артефакты X–XIII веков, найденные на площади раскопа вне комплексов погребений: 1–9 — стекло, 10 — горный хрусталь, 11–13 — бронза, 14–17 — железо, 18 — железо, дерево, бронза

Fig. 125. The finds from X–XIII centuries discovered on the excavation area out of context: 1–9 — glass, 10 — crystal, 11–13 — bronze, 14–17 — iron, 18 — iron, wood, bronze

Рис. 126. «Чашечный» камень на южном склоне холма Калмистомяки
Fig. 126. The cup-marked stone on the southern slope of Kalmistomäki hill

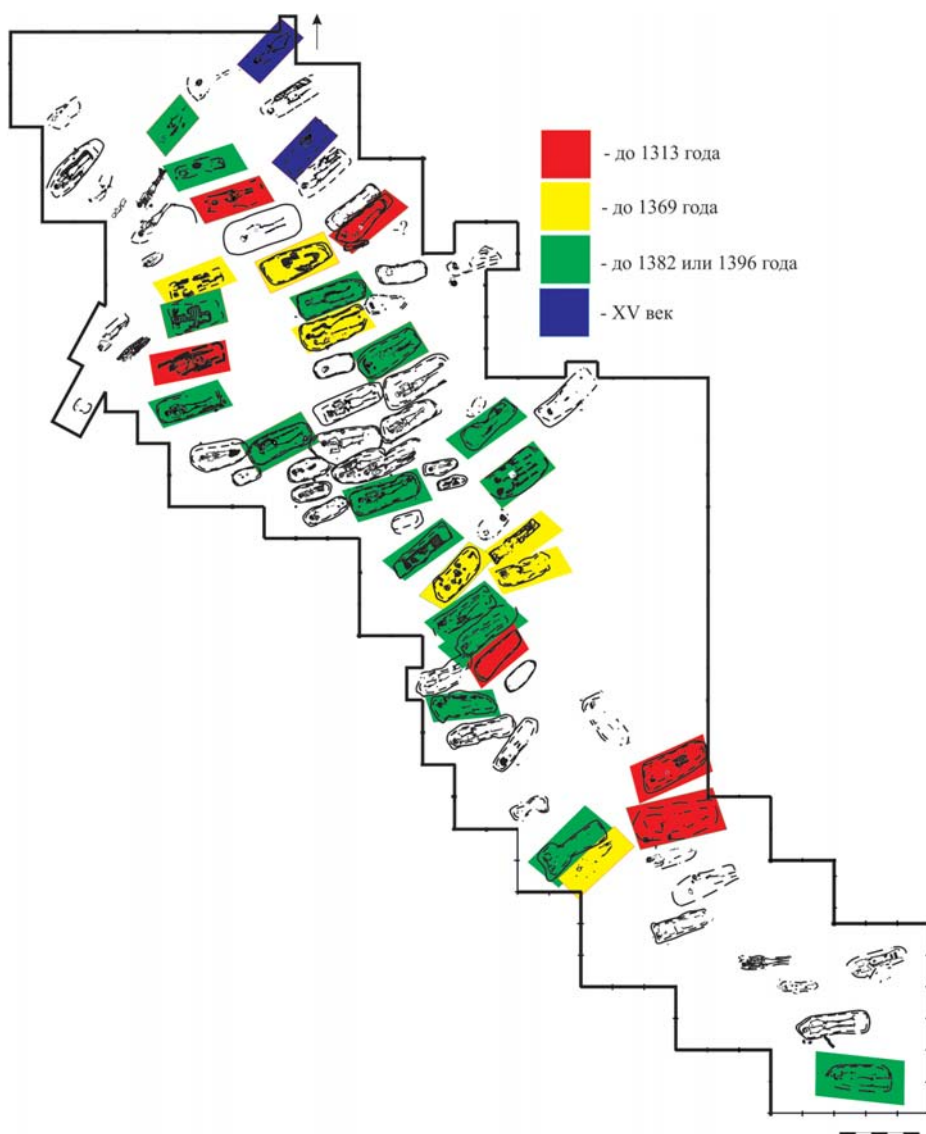

Рис. 127. Хронологические группы погребений могильника
Кюлялахти Калмистояки
Fig. 127. Horizontal stratigraphy of Kylälahti cemetery.
Temporal groups of the graves

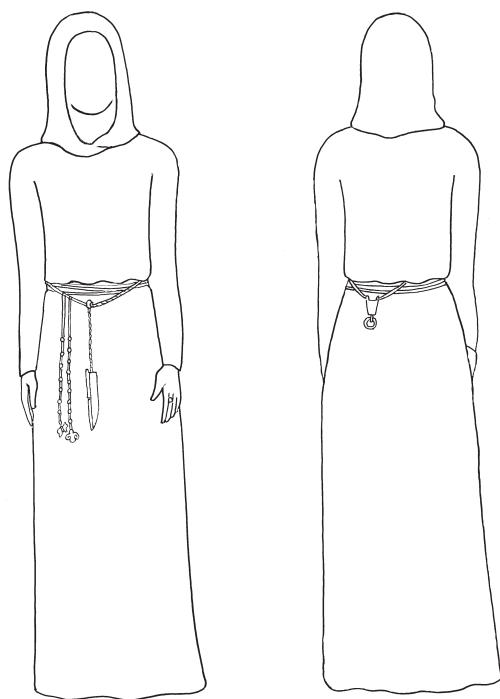

Рис. 128. Реконструкция женского убора из погребения № 59
 Fig. 128. The reconstruction of the female suit from the grave № 59

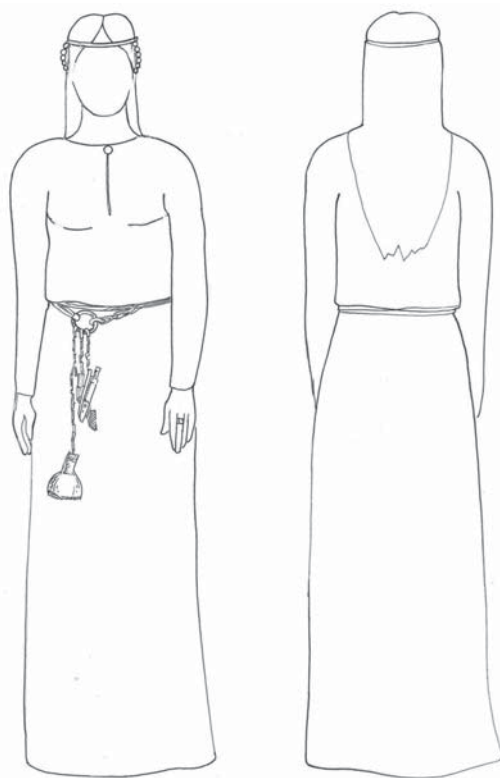

Рис. 129. Реконструкция женского убора из погребения (?) № 30
 Fig. 129. The reconstruction of the female suit from the grave (?) № 30

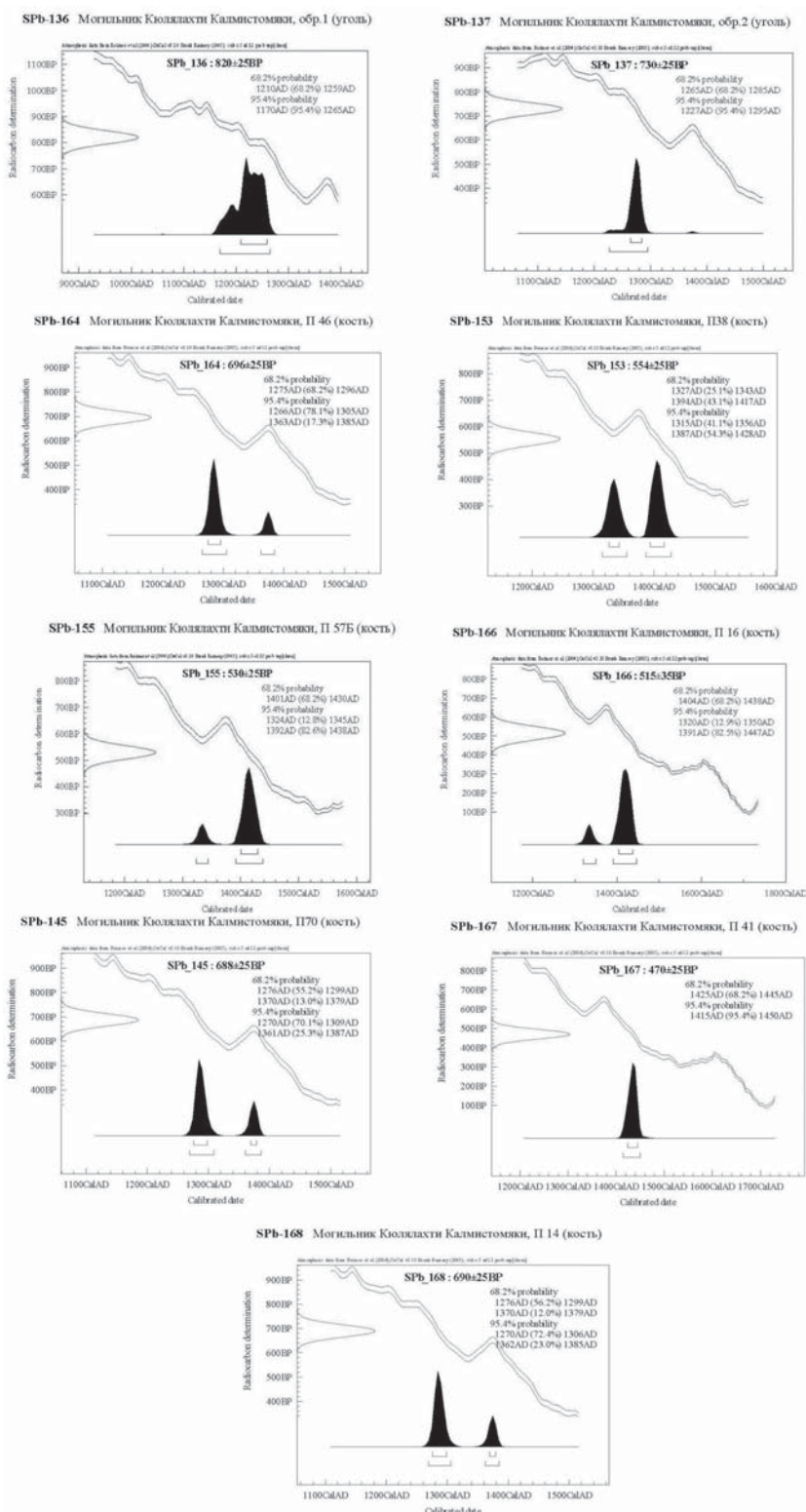

Рис. 130. Результаты радиоуглеродного датирования ряда комплексов могильника Кюлялахти Калмистомяки
Fig. 130. The result of the radiocarbon dates of a few complexes of Kylälahti cemetery

RESUME

Due to field investigations carried out in 2006–2009 on the Kalmistomäki Hill, situated on the north-western bank of Lake Ladoga in the territory of the Republic of Karelia (Russian Federation), an archaeological complex exceptional in terms of its richness and state of preservation has been discovered by an archaeological expedition of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint-Petersburg) in cooperation with the University of Turku (Finland).

The burial ground of Kylälahti Kalmistomäki may be characterized as a cemetery attached to a *pogost* (parochial) centre of the 14th century in the north-western Novgorod land. By now, extremely few scientifically studied sites of the same type are known throughout all of this territory. The site was the central and regularly used cemetery continued over two or three centuries.

The largest in terms of the discovered burials with diverse artefacts, is the cemetery of Räisälä Hovinsaari Tontinmäki (near what is now the village of Krotovo in the Priozersk region of the Karelian Isthmus, Leningrad oblast) in the north-eastern section of the Karelian Isthmus where, in 1886–1888, Theodor Schvindt revealed twenty burials. During four field seasons, in Kylälahti 91 graves were discovered (also two probable cremations). In c. 50 cases, different artefacts have been uncovered in them: ornaments and parts of costume. The cemetery explored is thus the largest one in the region not only as the number of excavated burials is concerned but also in terms of the graves with artefacts.

In the archaeology of funerary antiquities of mediaeval Karelia, materials of the 14th–15th centuries are for the first time represented so distinctly, allowing us to arrive at certain principally important conclusions concerned with the development of the funerary rites of the region's populace.

Throughout the entire area of the cemetery, there were distinctive stone structures on top of many the graves, assembled of large boulders. These formed frame-like structures oval or rectangular in plan and west–east in direction, often with slight deviations towards the south-west — north-east direction. At the edges, i.e. at the western and eastern periphery, larger stones were used; in some cases even rock outcrops or huge boulders which probably were not moved when building the structures on top of the graves. Before the archaeological investigations of this complex have been carried out, some similar structures had been known in Karelia at some sites. The features of the rite described are clearly distinct at the cemetery having parallels in the more southern regions of the Novgorod lands. We are dealing here with the so-called *zhalniks* — flat ground graves edged around the perimeter with stone fences of circular, oval or rectangular shape. These graves were under a small mound or, later, without any mound. Burial grounds of this type are peculiar

to the western regions of the Novgorod state: the Izhora Plateau, Lake Chudskoye area, and the Luga River. On the Izhora Plateau, the disappearance of mounds above graves is traced for the period since the late 13th century. In this connection, the rite recorded at the cemetery of Kylälahti resembles to the overwhelming majority of *zhalniki* in the north-west of the Novgorod Land.

So far, no common opinion has been established in historiography concerning this burial tradition. Of note are four major hypotheses: the first links the origin of “*zhalniki*” with the internal evolution of the barrow rite and gradual abandonment of mound-construction in the course of strengthening of the Christianity; the second hypothesis connects *zhalniki* with the mortuary rites of the local “substrate” population; the third explains their appearance by the migration of peoples from Mazovia; and according to the fourth supposition, *zhalniki* are unrelated with any ethnos being burial installations of the Christian population proper. Anyway, it seems that there had been no single source of this tradition, while in different regions of the North-West of Russia, it had its own peculiarities of the development depending on the local cultural situations. As to Karelia, the appearance of sites of this kind in the 14th century is quite expectable. The rite under consideration did not run contrary to that of the previous period demonstrated by the flat-grave cemeteries studied by Th. Schvindt mostly in the 1880s, and it was not a radical innovation, although it seems that it had not been directly evolved from the latter. At Kylälahti in the 14th century and later on, the funeral rite was controlled by the church administration, the presence of which is first recorded in chronicles for the year of 1396, concerning the burning of a church, and in birch-bark document no. 278. This is why, in our opinion, at the cemetery there is such a distinct unification of the rites in contrast to earlier sites characterized by great diversity. The rite evinced in the manner of arrangement of the deceased also attests about a later period of the use of the burial ground. By contrast to the considerable number of burials of the 12th to 14th century, taken place, though not synchronously, in a single large pit, all the graves at the cemetery of Kylälahti are individual with the exception of one or two. In the overwhelming majority of cases, here the remains of coffins in the form of bands or spots of decayed wood have been traced above and beneath the skeletons along the edges of the grave pits. All the interred were laid in the extended position lying on the back with the arms commonly crossed in the area of the chest or pelvis, the bodies oriented along the line south-west to north-east with the head to the south-west. Furthermore, the presence of ornaments or parts of costume by no means attests about “non-Christianity” of the population buried at the cemetery. The same conclusion is equally applicable to the burial grounds of the “advanced stage” of the mediaeval Karelian culture arisen in the early 13th century, so that in the case of Kylälahti and other synchronous sites, although not so expressive, we are dealing with a continuity of the tradition. The population of Kylälahti was, at least from the 14th century onwards, undoubtedly Christian with the material culture reflecting the local peculiarity continuing the traditions of the previous period.

The origins of the “*zhalnik*” tradition should be searched for beyond the limits of Karelia. In this connection, the Izhora Plateau seems to be highly promising.

Along with the rites, an important feature indicating certain parallels with that region is in the peculiar elements of female costume revealed in a number of graves at the cemetery of Kylälahti. Firstly, it is the presence of temple rings or ear rings composed of several beads. It is of note that in the preceding period, there had been no fashion for such head ornaments among the Karelian people as indicated by finds from female burials of the 13th century. In the 14th century they distinctly became an innovation in costume.

On the other hand, the continuously increasing, especially during the recent period, numbers of finds of “Karelian type” ornaments throughout the regions of the Neva River and Izhora Plateau (cemeteries of Kirstino and Ratchino) inevitability put forward the problem of studying conjugal connections among the populaces of these regions and Karelia through archaeological evidence. We are here dealing possibly with quite a particular manifestation of seemingly very stable tradition of family and marital relations among the population of the cultural areas under consideration. To what extent exactly these relations determined the dynamics of cultural transformations, which in fragmentary way are presented to us by archaeological sites, is a topical problem awaiting its solution in future.

Another impressive feature of the finds from the cemetery of Kylälahti is the North- and Central-European imported silver penannular fibulae of diverse types, pendants, a knife with silver bindings, clasps of a headdress, a clasp with a religious motif, and certain types of finger-rings. Their presence in Karelian assemblages is indicative of the preservation of stable trends in the material culture which had appeared during the earlier period and demonstrates the direction of external links. Of the material culture of mediaeval Karelia, beginning with the earlier phases of its development, certain eclecticism was characteristic where objects or, for instance, motifs of ornamentation of undoubtedly foreign provenance, either western or eastern, found their organic place among the complex of local ornaments. Either the shapes or motifs of the imports were creatively transformed defining the originality of the local culture. The same eclecticism of the culture continues into the 14th and 15th centuries, although it becomes rather smoothed acquiring the common North-European character. However the direction of external trade links, established previously, by no means was disrupted due to the military and political perturbations of the 14th century.

Finally, the finds from the graves of Kylälahti, notwithstanding the innovations in the female funerary decoration and the presence of numerous imports, quite clearly demonstrate continuity from the culture of the precedent period. Moreover, now the dynamics of its development becomes traceable. The main indication here is the female funerary decoration. In the 14th–15th centuries, it completely loses paired oval brooches with a third globular one that previously were so characteristic of the rite. Both in men’s and women’s graves, the collars of garments, which possibly already were not ceremonious but intended exactly for interment, were fixed by only a single ring brooch or by a button. As the latter, different silver objects were used. Nevertheless, the other artefacts characteristic of the mediaeval Karelian complexes are represented in the burials of Kylälahti as before. These include spiral-ornamented chain holders, (burials 54 and 59), an iron ear-spoon (burial

30), Φ -shaped spacer-beads of different types, including some unknown before (burials 30, 33, 58, 63), a bronze decorated haft of a knife (burial 59), belt spacers (burials 33, 59), a “heart-shaped” pendant (burial 61), decorated bronze chapes of the scabbard (burial 30). The costume preserves also such distinctive elements as diverse metal beads and embroidering with small bronze spirals. However the most amazing feature of female funerary suit, which here is first found among materials from flat-grave cemeteries of mediaeval Karelia, is the use of the objects enumerated above not in sets of pectoral ornaments, as in the precedent period, but in the composition of peculiar complex belt pendants. The transformation of the old Karelian costume which took place in the 14th century included inter alia the shift of the pectoral ornaments onto the belt and their fixation there by means of belt rings being suspended along the hips parallel to the knife. Moreover, the objects which earlier had a certain practical function along with the decorative one (chain-holders) now lose the former and become just ornaments finishing the set of belt pendants (burials 54 and 59). Why and in what way this “shift” of the ornamental set took place in the ancient Karelian costume is a subject for a future separate and serious study.

Thus the finds from the cemetery of Kylälahti indicate that the peculiar material culture of the mediaeval Karelian people by no means came to an end in the early 14th century. The burial grounds investigated mostly by Th. Schvindt in the 1880s and once considered in historiography as Karelian in general sense, due to the most recent information, as well as chronological studies, now can be ascribed to only a particular stage of the development of the culture under consideration. The evidence yielded by the excavations at the cemetery of Kylälahti, within the context of already known scarce data, gives us grounds to distinguish one more period of the existence of the distinctive material culture of the Karelia of chronicles in the 14th and 15th centuries.

В. И. Хартанович, И. Г. Ширококов

**АНТРОПОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ПРИЛАДОЖЬЯ
(По материалам могильника
Кюлялахти Калмистомяки)**

В результате комплексных исследований могильника Кюлялахти Калмистомяки в 2006–2009 годах были получены первые антропологические материалы, характеризующие средневековое население Северо-Западного Приладожья. При большой в целом численности изученных погребений по причине плохой сохранности костей общая численность пригодных для измерений краниологических материалов составила всего 10 мужских и 7 женских черепов. Полученная серия, тем не менее, является ценным историческим источником для изучения как этапов формирования антропологического состава карельского народа, так и процессов этногенеза средневекового населения в Балтийском регионе в целом. Некоторые результаты исследования антропологических материалов из Кюлялахти Калмистомяки публиковались авторами ранее [Хартанович, Ширококов 2008; 2010a], однако в полном объеме краниологическая серия после завершения работ на памятнике публикуется впервые.

Письменные источники свидетельствуют, что в первой половине II тысячелетия н. э. Северо-Западное Приладожье, Карельский перешеек и восточная Приботния входили в зону расселения летописной *корелы*. Предшествующими исследованиями в близких к современности группах карел в Средней и Северной Карелии был выявлен специфический краниологический комплекс признаков. Морфологически своеобразие такого комплекса выражается в мезо-брахикранной, крайне высокой черепной коробке; сочетании уплощенности лицевого скелета на верхнем уровне с резкой профилировкой на среднем при сильно выступающих к линии профиля носовых костях и высоком переносье [Хартанович 1986: 117]. Данный комплекс отчетливо отделяет карел от остальных близких к современности серий черепов Евразии, в том числе и от родственных прибалтийско-финских народов — финнов и эстонцев, сближаясь в то же время с характеристикой известных сегодня краниологических выборок ижоры и коми-зырян

[Хартанович 1991; 2004]. Результаты сопоставления этих данных с материалами более ранних эпох позволили высказать В. И. Хартановичу предположение о сохранении в морфологическом облике части близких к современности финно-угорских групп севера Европейской части России древнейшего на этой территории североевропейского антропологического комплекса. Последний, как показали работы целого ряда выдающихся отечественных антропологов, в эпоху мезолита—неолита имел широкое распространение на территории Европы — его следы фиксируются от Прионежья, Дании и Южной Швеции до Украины и Югославии. Генетически его происхождение, вероятно, следует связывать с потомками верхнепалеолитического населения европейской северной приледниковой зоны [Якимов 1960; Гохман 1986; Алексеева 1997]. В Балтийском регионе один из вариантов этого комплекса представлен мезонеолитическими черепами из могильника Звейниеки [Хартанович 2005]. Среди близких к современности серий комплекс не фиксируется, за исключением указанных выше финно-угорских групп.

Следует отметить, что на территории Карелии до последнего времени отсутствовали палеоантропологические материалы, относящиеся ко времени ранее XVII века, которые могли бы быть связаны исследователями с собственно карельским населением. Результаты экспедиционных работ на могильнике Кюлялахти Калмистомяки впервые позволили обратиться к изучению ранней истории населения Карельского перешейка — предполагаемой прародины карел — по антропологическим данным.

Характеристика полученной краниологической серии оказалась в полном соответствии с ожидаемой, в рамках гипотезы о генетическом родстве средневековой *корелы* и близких к современности карел, и сама эта группа может рассматриваться как одно из хронологических звеньев, связывающих морфологический комплекс карел с древним североевропейским антропологическим типом [Хартанович, Широбоков 2010a].

Мужские черепа из Кюлялахти Калмистомяки в целом характеризуются длинной и широкой, мезокранной по указателю черепной коробкой (табл. 1, 3). Мышечный рельеф выражен достаточно отчетливо. Высота черепа очень большая и по абсолютному размеру, и по указателям. Лоб широкий, прямой.

Лицо высокое и широкое по скуловому диаметру, ортогнатное. Заметна некоторая горизонтальная уплощенность лицевого скелета на уровне точки назион, тогда как на уровне точки субспинале лицевой скелет клиногнатен.

Орбиты средней ширины, низкие по абсолютным размерам, хакеконхные по указателю. Грушевидное отверстие средней высоты и ширины, носовой указатель средний по величине. Переносье и носовые кости средней ширины, высокие. Дакриальный и симотический указатели большие, угол выступления носа к линии профиля большой.

Таким образом, для серии мужских черепов из Кюлялахти характерны такие отличительные особенности, как общая массивность, значительные размеры продольных и поперечных диаметров мезо-брахикранной по указателю черепной коробки. Специфической чертой является крайне большая

высота свода черепа. Некоторая (по европейским масштабам) горизонтальная уплощенность лица на уровне орбит сочетается с его клиногнатностью на уровне альвеолярной части, высоким переносом и носовыми костями, сильно выступающим к линии профиля носом.

Женские черепа из Кюлялахти характеризуются мезокранной черепной коробкой средней длины и ширины (табл. 1, 4). Высота черепа имеет среднюю величину. Лоб средней ширины, прямой. Лицевой скелет скорее низкий, средней ширины, ортогнатный по общему лицевому углу. Средняя величина назомаллярного угла сочетается с малой величиной зигомаксиллярного угла. Орбиты, так же как и в серии мужских черепов, среднеширокие, низкие и по абсолютным размерам, и по указателю. Грушевидное отверстие низкое, средней ширины, со средним по величине носовым указателем. Переносы и носовые кости средней ширины, скорее высокие, дакриальный и симотический указатели большие. Угол выступления носовых костей к линии профиля небольшой.

Таблица 1

**Средние размеры и указатели мужских и женских черепов из могильника
Кюлялахти Калмистояки**

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужчины			Женщины		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	9	186.1	6.8	6	172.8	9.6
8	Поперечный диаметр	7	145.4	8.5	5	135.6	4.4
8:1	Черепной указатель	7	78.0	4.5	5	78.0	5.2
17	Высотный диаметр	7	144.1	6.6	6	130.0	4.9
17:1	Высотно-продольный указатель	7	77.8	2.8	6	75.3	2.5
17:8	Высотно-поперечный указатель	5	97.3	3.6	5	96.7	4.0
20	Ушная высота	8	124.8	2.3	4	110.5	0.6
5	Длина основания черепа	9	101.9	5.9	6	97.3	7.1
9	Наименьшая ширина лба	5	101.6	7.4	7	94.4	1.9
9:8	Лобно-поперечный указатель	5	70.0	4.8	5	69.7	2.2
10	Наибольшая ширина лба	3	130.7	8.1	3	111.0	4.4
32	Угол профиля лба от n	3	87.3	2.1	4	87.3	1.7
Pg-m	Угол профиля лба от g	3	78.3	1.2	4	81.3	4.3
12	Ширина затылка	5	117.6	3.0	6	106.3	4.3
40	Длина основания лица	4	95.5	1.7	3	91.0	4.0
40:5	Указатель выступания лица	4	96.1	5.5	3	97.5	1.2
43	Верхняя ширина лица	4	105.8	7.6	4	98.8	3.1
45	Скуловой диаметр	3	135.0	2.6	2	124.0	7.1
45:8	Горизонтальный фацио-церебральный указатель	3	88.9	4.3	2	90.1	2.8
46	Средняя ширина лица	4	96.8	4.6	2	91.0	1.4
48	Верхняя высота лица	5	73.4	0.9	6	63.3	4.2

Продолжение таблицы 1

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужчины			Женщины		
		n	X	sd	n	X	sd
48:45	Верхний лицевой указатель	2	55.2	—	2	49.8	—
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	4	50.4	2.3	4	47.7	1.1
51	Ширина орбиты от mf	8	41.8	1.3	7	41.3	1.3
51a	Ширина орбиты от d	7	38.7	1.6	7	37.8	1.5
52	Высота орбиты	8	31.5	2.4	7	30.4	1.3
52:51a	Орбитный указатель от d	7	81.1	5.3	7	80.7	4.9
54	Ширина носа	6	25.0	1.7	5	24.0	1.9
55	Высота носа	8	50.4	3.7	7	47.6	1.9
54:55	Носовой указатель	6	49.3	4.7	5	50.7	4.8
SC	Симотическая ширина	5	9.4	2.2	7	8.7	0.9
SS	Симотическая высота	5	4.7	1.3	7	3.8	0.8
SS:SC	Симотический указатель	5	50.1	5.3	7	44.1	7.8
DC	Дакриальная ширина	3	22.5	2.0	6	20.0	0.6
DS	Дакриальная высота	3	12.7	1.6	6	11.3	1.2
DS:DC	Дакриальный указатель	3	56.7	4.8	6	56.3	5.0
77	Назомалярный угол	4	140.8	3.7	6	139.5	3.7
zm	Зигомаксиллярный угол	4	126.8	5.5	2	125.8	—
72	Общий лицевой угол	5	85.8	2.7	3	83.3	1.2
73	Средний лицевой угол	5	89.6	4.4	4	87.0	2.3
75 (1)	Угол выступания носа	2	29.0	—	1	22.0	—
FC	Глубина клыковой ямки	4	3.6	1.5	6	3.7	2.1

Таким образом, краниологическая характеристика женской серии из могильника Кюлялахти в целом несколько отличается от характеристики мужских черепов. Различия в первую очередь связаны с меньшими относительными величинами основных поперечных и продольных диаметров, низким лицевым скелетом со слабовыступающим носом в женской выборке

Несмотря на некоторые морфологические различия, как мужская, так и женская выборки Кюлялахти демонстрируют сходство с краниологическими сериями близких к современности карел. Основные элементы выявленного среди карельских групп специфического морфологического комплекса совершенно отчетливо фиксируются и на черепках из Кюлялахти. Эти выводы подтверждаются результатами многомерного статистического анализа, проведенного с привлечением широкого круга близких к современности восточно- и североамериканских краниологических серий [Хартанович, Ширококов 2010а]. Принадлежность *карелы* и современных карел к единому, весьма специфическому на фоне окружающего населения антропологическому типу, вероятно, может рассматриваться как свидетельствующая о генетической близости этих групп населения.

Серия мужских черепов из Кюлялахти оказывается наиболее близкой группам из Чикши и Турхи, выделяющимся на фоне остальных карельских

серий наибольшей «консервативностью» признаков — массивным гипси-кранным черепом с широким лицевым скелетом. Отметим, что значительная высота свода черепа, являющаяся одной из определяющих черт краниологического комплекса карел, отличающей его морфологически от других близких к современности европейских серий, выделяет серию из Кюлялахти даже на фоне групп карел XVIII — начала XX века. Такое положение представляется логически вполне ожидаемым, если исходить из того, что указанный признак является к тому же одним из важнейших признаков, сближающих карельский комплекс с древнейшим населением региона.

Женские черепа из Кюлялахти в целом вписываются в рамки изменчивости присущего карелам морфологического комплекса. Но наблюдаемые морфологические различия между средневековой и поздними карельскими сериями в пределах каждой из половых групп имеют разную направленность. Так, средняя высота лица на женских черепах из Кюлялахти меньше, чем в любой из поздних карельских серий, и наоборот, тот же признак в мужской выборке Кюлялахти характеризует максимальная среди карельских групп величина. В отличие от мужской выборки, женские черепа в большей степени сближаются с относительно грацильными сериями Средней Карелии.

С целью выяснения систематического положения серии из Кюлялахти на фоне синхронных материалов Северо-Восточной Европы при помощи программы Б. А. Козинцева CANON был проведен многомерный анализ методом канонических корреляций. В исследовании учитывались краниометрические данные по 14 признакам (№ по Мартину и др.): 1, 8, 17, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS:SC, 75 (1). К анализу были привлечены 50 краниологических серий, характеризующих средневековое население современных территорий Северо-Запада России, Эстонии и Латвии.

Результаты сравнительного анализа подтверждают выводы о том, что морфологический комплекс местного населения имеет специфические черты, отличающие его от большинства групп рассматриваемого региона. Положение групп в пространстве первых двух канонических векторов, суммарно охватывающих около 40 % изменчивости признаков, отражено на графике (рис. 1).

Дифференциация групп в пространстве первого канонического вектора определяется в первую величинами угла выступления носа (0.87), наименьшей ширины лба (0.67), скулового диаметра (0.63) и высоты лица (0.55). Все перечисленные признаки имеют общий вектор изменчивости в сериях.

Вектор достаточно отчетливо дифференцирует группы по оси Восток—Запад. Область отрицательных значений занимают группы кривичей, а также группы восточных областей Новгородской земли, выделяющиеся относительно узким лицевым скелетом с умеренно выступающим носом. В противоположной части графика сконцентрировались серии с территории Ижорского плато и Прибалтики. При этом массивные и широколицые черепа из могильника Кюлялахти занимают «западную» область графика, сближаясь с выборками балтов и населением Ижорского плато.

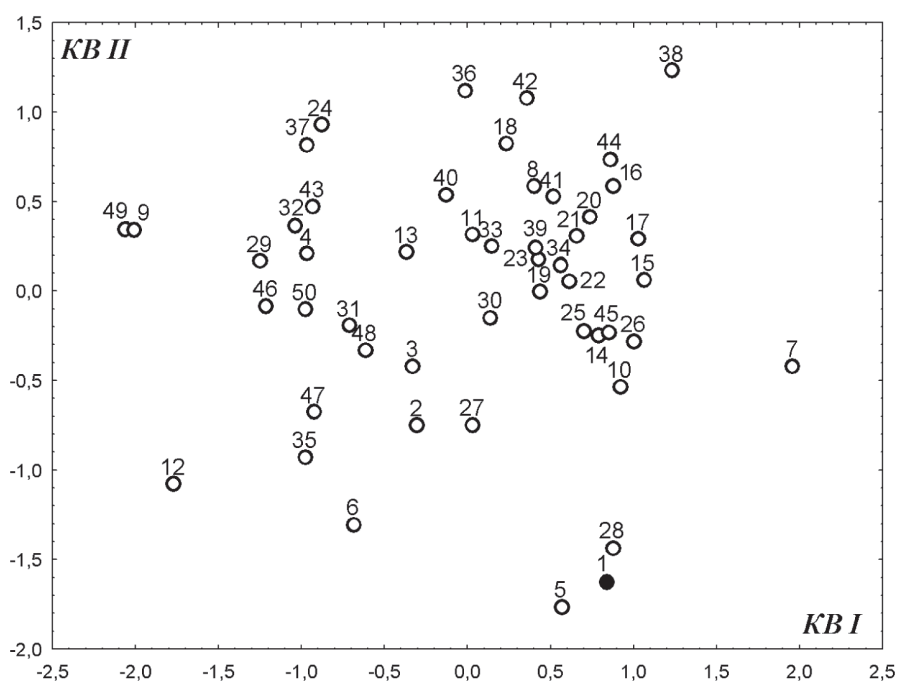

Рис. 1. Положение 50 мужских краниологических серий эпохи Средневековья в пространстве I и II канонических векторов:

1 — Кюлялахти (конец XIII — XV в.);	27 — Йбуга, Пыхтицы (XI—XIV вв.);
2 — Псков (XIV—XVI вв.);	28 — Отепя (XIV—XVI вв.);
3 — Конезерье (XIII—XIV вв.);	29 — Новинки (XI—XIII вв.);
4 — Славенка (XIII—XIV вв.);	30 — Володино (XI—XIII вв.);
5 — Раглицы А (XIV—XVI вв.);	31 — Старая Тотьма (XIII—XV вв.);
6 — Раглицы Б (XIV—XVI вв.);	32 — Большой Сабск (XV—XVI вв.);
7 — Удрай (XI—XIV вв.);	33 — Войносово (XII—XV вв.);
8 — Озертицы (XII—XIV вв.);	34 — Верхневольский (XI—XIV вв.);
9 — Юго-Восточное Приладожье (XI—XIII вв.);	35 — Чайгино (XI—XV вв.);
10 — Лашковицы (XII—XVI вв.);	36 — Селпилс (XIII—XV вв.);
11 — Бегуницы (XII—XIII вв.);	37 — Мартыньсалы (XIV—XV вв.);
12 — курганы Вологодской обл. (XI—XIII вв.);	38 — Тервете (XV—XVII вв.);
13 — Сланцевский р-н (XI—XIV вв.);	39 — восточные латыши (XV—XVII вв.);
14 — Беседа (XII—XIV вв.);	40 — Старая Рига (XIII—XIV вв.);
15 — Калитино, Таровицы (XII—XIII вв.);	41 — Икшкиле (XIV—XV вв.);
16 — Артюшкино и др. (XII—XIII вв.);	42 — Упланты (XIII—XIV вв.);
17 — Борницы и др. (XII—XIII вв.);	43 — Вайдас (XIII—XVI вв.);
18 — Ожогово (XIII—XIV вв.);	44 — Яунпиебалга (XI—XIV вв.);
19 — Рутилицы (XIII—XV вв.);	45 — Вологда (Софийский собор) (XIV—XVI вв.);
20 — Волосово (XIII—XIV вв.);	46 — кривичи Костромской обл. (X—XIV вв.);
21 — Волгово (XIII—XIV вв.);	47 — кривичи Ярославской обл. (X—XIV вв.);
22 — Плещевицы (XIII—XIV вв.);	48 — кривичи Тверской обл. (X—XIV вв.);
23 — Глядино, Дятлицы (XIII—XIV вв.);	49 — кривичи Владимирской и Рязанской обл. (X—XIV вв.);
24 — Жабино, Загорицы, Смедово (XIII—XIV вв.);	50 — кривичи Московской и Рязанской обл. (XII—XIII вв.).
25 — Варбола (XVI—XVII вв.);	
26 — Виски (XIV—XV вв.);	

Источники: 1 — наст. публ.; 2–9 — Санкина 2000; 10, 11 — Хартанович, Чистов 1984; 12 — Коваленко 1975; 13 — Алексеева 1963; 14–24 — Седов 1952; 25–28 — Марк 1956; 29–33 — Гончарова 2000; 34, 35 — Санкина 2004; 36–44 — Денисова 1977; 45 — Хартанович, Ширококов 2010б; 46–50 — Алексеев 1969; Алексеева 1973

Второй канонический вектор отражает различия между группами в первую очередь по ширине (0,82) и высоте орбиты (0,44), а также величине высотного диаметра (–0,37). Нагрузки на остальные признаки не являются значимыми. Таким образом, определяющим признаком для межгрупповой дифференциации является форма орбит. Пространство вектора обуславливается различиями между основной частью балтских групп Латвии, с одной стороны, и сериями из Кюлялахти, Раглиц (погребениями в каменных ящиках) и Отепя — с другой. Большая часть финских и славянских групп занимает промежуточное положение между данными контрастными вариантами.

Не вдаваясь в подробное описание положения балтских и славянских групп на графике в контексте изучения роли различных компонентов в формировании антропологического состава средневекового населения Ижорского плато и Новгородской земли в целом, отметим, что группы словен новгородских образуют обособленное скопление относительно славянских групп соседних территорий. Первые отчетливо сближаются с населением территории современной Латвии, однако это сходство сочетается с разной направленностью изменчивости признаков в группах славян и балтов. Эстонские серии занимают периферийное положение относительно представленных в группах Ижорского плато антропологических вариантов и морфологически несколько различаются между собой.

Из синхронных для выборки из Кюлялахти краниологических материалов с территории Северо-Восточной Европы наиболее близкие аналогии фиксируются в сериях черепов XIV–XVI веков из «каменных» могил в Раглицах (Новгородская область) и могильника Отепя (Эстония). Это сходство не является бесспорным свидетельством прямых генетических связей между группами. Однако результаты анализа в целом согласуются с гипотезой о сохранении антропологических особенностей древнейшего северо-европейского населения в локальных европейских популяциях.

Большая часть территориально близких групп первой половины — середины II тысячелетия н.э. относится к иным антропологическим типам, история формирования которых связана с финскими и славянскими группами региона. Морфологические характеристики трех названных выше серий не имеют прямых аналогий среди синхронных материалов и могут рассматриваться в качестве подтверждения консервации некоторых вариантов древнейшего на этой территории краниологического комплекса. Узкая локализация распространения данного комплекса в XVIII — начале XX века не является следствием влияния поздних процессов смешения групп и, по всей видимости, характеризовала ареал специфичного северо-европейского типа и в первой половине II тысячелетия н. э. (табл. 2).

Как уже было указано выше, характеристика женских черепов из могильника Кюлялахти несколько отличается от преобладающей в мужской выборке. Так, женскую выборку Кюлялахти характеризуют значительно меньшие размеры черепной коробки при близких величинах основных указателей, а также значительно более низкий лицевой скелет, чем следовало

Таблица 2

**Средние размеры и указатели мужских черепов из Кюлялахти и некоторых
краниологических серий с территории Северо-Запада России и Восточной
Прибалтики**

Признаки (№ по Маргину и др.)	Кюлялахти конец XIII — XV век	Раглицы XIV–XVI века [Санкина 2000]	Отепя XIV–XVI века [Марк 1956]	Ижора Липово XVII–XVIII века [Хартанович 2004]	Карелы XVIII — начало XX века [Хартанович 1986]	Звейниекки мезолит [Денисова 1975]	Звейниекки средний и поздний неолит [Денисова 1975]
1	186.1	179.5	187.6	175.0	179.2	187.6	188.1
8	145.4	145.8	143.5	145.1	145.2	136.5	142.0
17	144.1	140.6	138.0	138.0	139.6	140.2	139.3
9	101.6	99.5	97.2	97.9	97.8	96.8	99.3
45	135.0	135.1	134.9	134.5	134.4	136.9	139.9
48	73.4	70.8	70.6	68.8	71.3	70.4	69.5
55	50.4	51.1	50.6	50.3	51.3	51.8	51.8
54	25.0	24.8	24.9	25.5	24.7	24.8	25.4
51	41.8	40.7	40.3	41.6	41.8	43.6	44.2
52	31.5	32.3	31.0	32.0	33.1	32.3	32.4
77	140.8	141.2	139.7	142.4	141.5	139.8	141.9
zm	126.8	126.8	125.5	127.7	127.1	125.5	130.1
SS:SC	50.1	45.1	40.7	45.3	46.5	51.8	50.9
75 (1)	29.0	30.0	30.4	30.2	29.4	31.7	28.9

бы ожидать, если исходить из межполовой вариабельности морфологических характеристик по материалам поздних карельских серий. Представляется, что различия в характеристиках мужской и женской выборок из Кюлялахти не могут быть исчерпывающе объяснены исключительно половым диморфизмом внутри группы. Сравнительный анализ показывает, что среди синхронных памятнику антропологических материалов краниологический комплекс женских черепов Кюлялахти показывает более широкий круг близких связей, чем мужская выборка.

К анализу методом канонических корреляций были привлечены женские выборки из тех же памятников, краниологические материалы которых ранее использовались для исследования мужских групп. Всего были использованы данные 40 выборок; различия в численности связаны с тем, что от привлечения ряда женских серий с территории Прибалтики и Ижорского плато пришлось отказаться из-за отсутствия краниометрических данных (полного или по отдельным признакам).

Для дифференциации групп в пространстве первого вектора определяющими являются различия по ширине орбиты (0.68), наименьшей ширине

лба (0.63), продольному диаметру (0.63) и углу выступания носа (0.59). Как и в случае с мужскими выборками, первый вектор разграничивает восточные и юго-восточные группы славян региона, с одной стороны, и балтов, финское и славянское население Ижорского плато — с другой (рис. 2). Однако в данном случае дифференциация проявляется скорее в виде общей

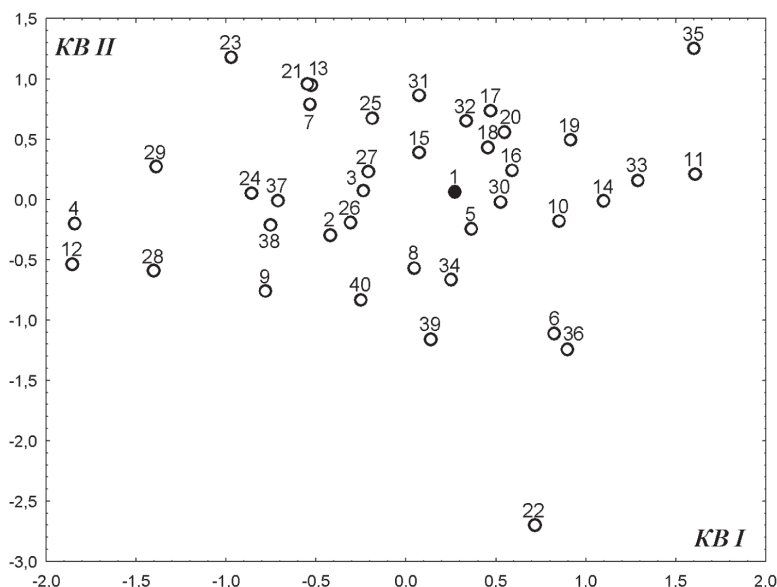

Рис. 2. Положение 40 женских краниологических серий эпохи Средневековья в пространстве I и II канонических векторов:

1 — Кюлялахти (конец XIII—XV вв.);	22 — Отепя (XIV—XVI вв.);
2 — Псков (XIV—XVI вв.);	23 — Новинки (XI—XIII вв.);
3 — Конезерье (XIII—XIV вв.);	24 — Володино (XI—XIII вв.);
4 — Славенка (XIII—XIV вв.);	25 — Старая Тотьма (XIII—XV вв.);
5 — Раглицы А (XIV—XVI вв.);	26 — Большой Сабск (XV—XVI вв.);
6 — Раглицы Б (XIV—XVI вв.);	27 — Войносолово (XII—XV вв.);
7 — Удрай (XI—XIV вв.);	28 — Верхневольский (XI—XIV вв.);
8 — Озертицы (XII—XIV вв.);	29 — Чайгино (XI—XV вв.);
9 — Юго-Восточное Приладожье (XI—XIII вв.);	30 — Мартыньсалы (XIV—XV вв.);
10 — Лашковицы (XII—XVI вв.);	31 — восточные латыши (XV—XVII вв.);
11 — Бегуницы (XII—XIII вв.);	32 — Икшкиле (XIV—XV вв.);
12 — курганы Вологодской обл. (XI—XIII вв.);	33 — Упланты (XIII—XIV вв.);
13 — Сланцевский р-н (XI—XIV вв.);	34 — Вайдас (XIII—XVI вв.);
14 — Беседа (XII—XIV вв.);	35 — Яунпиебалга (XI—XIV вв.);
15 — Калитино, Таровицы (XII—XIII вв.);	36 — Вологда (Софийский собор) (XIV—XVI вв.);
16 — Артюшкино и др. (XII—XIII вв.);	37 — кривичи Костромской обл. (X—XIV вв.);
17 — Ожогоно (XIII—XIV вв.);	38 — кривичи Ярославской обл. (X—XIV вв.);
18 — Ругилицы (XIII—XV вв.);	39 — кривичи Тверской обл. (X—XIV вв.);
19 — Волосово (XIII—XIV вв.);	40 — кривичи Московской и Рязанской обл. (XII—XIII вв.).
20 — Волгово (XIII—XIV вв.);	
21 — Жабино, Загорицы, Смедово (XIII—XIV вв.);	

Источники: 1 — наст. публ.; 2–9 — Санкина 2000; 10, 11 — Хартанович, Чистов 1984; 12 — Коваленко 1975; 13 — Алексеева 1963; 14–24 — Седов 1952; 25–28 — Марк 1956; 29–33 — Гончарова 2000; 34, 35 — Санкина 2004; 36–44 — Денисова 1977; 45 — Хартанович, Ширококов 20106; 46–50 — Алексеев 1969; Алексеева 1973

тенденции, нежели в положении скоплений конкретных групп. Второй вектор определяют в первую очередь ширина орбиты (0.68) и угол выступания носа (-0.55). По данным признакам выборка из могильника Отепя занимает обособленное положение на фоне синхронных групп региона. Однако в отличие от дифференциации мужских групп как серия Раглиц, так и особенно серия из Кюлялахти не выделяются среди групп Ижорского плато.

Результаты канонического анализа позволяют предположить, что наблюдаемые морфологические различия между мужской и женской выборками Кюлялахти в действительности отражают круг брачных связей средневекового населения Северо-Западного Приладожья (рис. 2). Помимо выборки из погребений в каменных ящиках в Раглицах, близкие в целом для женской выборки характеристики демонстрирует целый ряд серий с территории Ижорского плато (Озертицы, Рутилицы, сборная серия из Артюшкино, Городни, Рогатино, Торосово, Ущевиц и др.). Учитывая небольшую численность анализируемой серии, можно предположить, что выявленное морфологическое сходство хотя, вероятно, и не отражает непосредственно генетическое родство групп населения, оставивших данные памятники, однако все же указывает на направление развития брачных связей жителей Северо-Западного Приладожья в рассматриваемое время.

Предположение о том, что различия в краниологических характеристиках мужской и женской частей серий могут быть связаны с кругом брачных связей населения, оставившего могильник, в определенной степени подтверждаются результатами внутригруппового анализа. Целью последнего являлось выявление возможных связей между степенью морфологического сходства черепов погребенных и территориальной близостью в относительном расположении соответствующих захоронений на площади могильника. Наличие такой зависимости, как предполагается, может свидетельствовать о родственных связях между погребенными, то есть о генетической обусловленности различной степени морфологического сходства черепов в пределах могильника. На первом этапе методом главных компонент был проведен анализ внутригрупповой дифференциации мужских черепов по данным краниометрических измерений. По результатам анализа первых двух главных компонент, охватывающих большую часть изменчивости признаков в серии, была рассчитана матрица расстояний, отражающая степень сходства и различия между морфологическими характеристиками черепов из могильника. На плане могильника была также построена матрица, отражающая относительные расстояния между центральными точками могильных ям для тех погребенных, краниометрические характеристики черепов которых были подвергнуты анализу главных компонент. Между полученными матрицами расстояний был рассчитан коэффициент корреляции. Аналогичная операция была проведена по данным женской части выборки.

Поскольку значительная часть черепов имеет плохую сохранность, для статистического анализа были привлечены данные по сокращенной краниометрической программе. Анализ главных компонент проводился по семи

признакам (№ по Мартину: 1, 17, 5, 55, 51, 52), что позволило использовать данные по максимально возможному числу черепов: 7 мужским и 7 женским.

Первые две главные компоненты суммарно охватывают 85 % изменчивости признаков внутри мужской серии, при этом первая компонента отражает около 71 % изменчивости. Дифференциация черепов по первой компоненте в первую очередь определяется величиной высотного диаметра (0.95) и высотой носа (0.91), имеющих общее направление изменчивости. Вторая компонента главным образом отражает различия между черепами по ширине орбит (0.67).

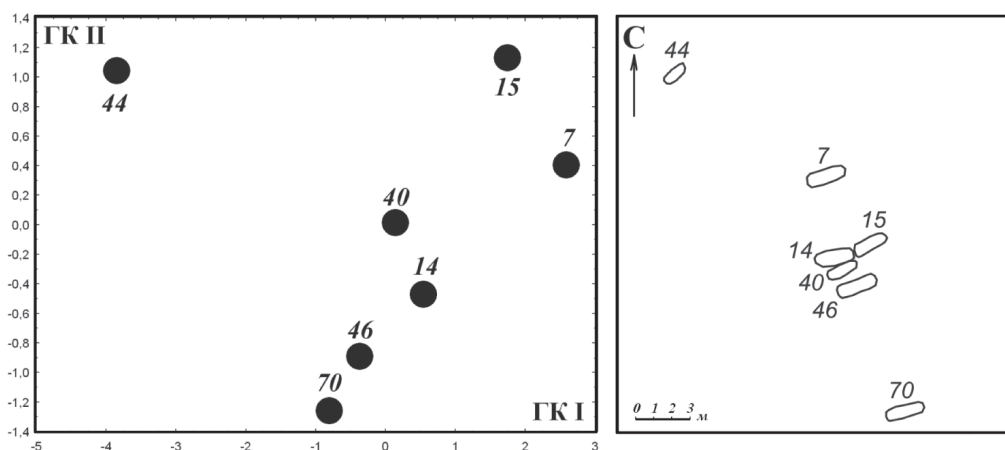

Рис. 3. Результаты анализа первых двух главных компонент по данным измерений мужских черепов Кюляяхти и план расположения соответствующих погребений

Сравнение с планом могильника показывает, что для мужской части выборки относительное морфологическое сходство черепов находится в полном соответствии с относительным расположением соответствующих погребений (рис. 3).

Коэффициент корреляции между матрицей расстояний, вычисленных по первым двум главным компонентам, и матрицей расстояний, рассчитанных между центрами могильных ям, составляет около 0.7 при $p < 0.001$. Таким образом, между степенью морфологического сходства черепов и расположением погребений фиксируется статистически значимая положительная связь. По всей вероятности, эта связь является отражением традиции, в соответствии с которой погребения родственников совершаются в непосредственной близости друг от друга.

Следует отметить, что анализ данных для женской выборки не выявил никаких связей между морфологическим сходством черепов и расположением соответствующих погребений. Коэффициент корреляции между полученными матрицами расстояний имеет небольшую отрицательную величину и не является значимым ($r = -0.14$).

Вероятно, эти различия не являются случайными. Они в полной мере согласуются с той картиной, которую следовало бы ожидать, исходя из вирилокальной схемы формирования семьи. Напомним, что при такой схеме супруги селятся на территории расселения рода мужа. Как правило, после смерти жены ее хоронят на родовом кладбище мужа. Именно в этом случае в относительном расположении погребений следует ожидать той закономерности, при которой тела близких родственников по мужской линии располагаются на близких участках некрополя, тогда как захоронения женщин, генетически не связанных между собой, совершаются по принципу близости к захоронению супруга.

Безусловно, в рассматриваемое время вирилокальный тип брака был преобладающим в регионе. Его влияние на формирование выборки прослеживается по материалам Кюлялахти лишь в качестве частного случая и не является уникальным. В значительной степени следствием традиции вирилокального брака можно считать более строгое соответствие антропологической и культурно-географической дифференциации мужских серий по сравнению с женскими, часто выявляемое при изучении палеоантропологического материала.

Таким образом, результаты анализа средневековой краниологической серии из могильника Кюлялахти Калмистомяки подтверждают гипотезу об антропологической преемственности средневековой *корелы* и карельских групп XVIII — начала XX века. Полученные данные согласуются с высказанным ранее предположением о сохранении в облике средневекового населения Северо-Западного Приладожья морфологических черт древнейшего на рассматриваемой территории североевропейского антропологического типа.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969.

Алексеева Т. И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху Средневековья // Труды Института этнографии. Новая серия. 1963. Т. 82. С. 122–143.

Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Алексеева Т. И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы: (Сравнительный антропологический аспект) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология сахтышских стоянок). М., 1997. С. 18–41.

Гончарова Н. Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами их происхождения. Народы России: от прошлого к будущему. Антропология. М., 2000. Ч. 2. С. 66–94.

Гохман И. И. Антропологические особенности древнего населения Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 216–222.

Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

Денисова Р. Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977.

Коваленко В. Ю. К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 49. С. 92–107.

Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // Балтийский этнографический сборник трудов Института этнографии АН СССР. 1956. Т. 32. С. 170–228.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

Санкина С. Л. Антропология средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез: Сб. к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004. С. 83–107.

Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. XV. С. 72–85.

Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.

Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник МАЭ. Л., 1991. Т. 44: Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. С. 108–125.

Хартанович В. И. Краниология ижор // Расы и народы. М., 2004. Вып. 30. С. 96–124.

Хартанович В. И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 20–21.

Хартанович В. И., Чистов Ю. К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 74–105.

Хартанович В. И., Широбоков И. Г. К краниологии средневекового населения Северо-Западного Приладожья (Предварительный анализ материалов из могильника Кюлялахти Калмистомяки) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 222–230.

Хартанович В. И., Широбоков И. Г. Новые краниологические данные к происхождению карел (Могильник Кюлялахти Калмистомяки) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010а. № 1. С. 138–147.

Хартанович В. И., Широбоков И. Г. К антропологии средневекового населения г. Вологды (краниологические материалы из погребений близ Софийского собора и Паркового переулка) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб, 2010б. С. 228–234.

Якимов В. П. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей // Вопросы антропологии. М., 1960. Вып. 4. С. 62–70.

Таблица 3

**Индивидуальные значения признаков на мужских черепках
из Кюлялахти Калмистояки**

При- зна- ки	Коллекционный номер (номер погребения)									
	7388-2 (7)	7388-6 (14)	7388-7 (15)	7388-17 (40)	7388-19 (44)	7388-20 (46)	7388-28 (70)	7388-29 (75)	(85)	(88)
1	196	184	187	185	173	192	185	192	181	—
8	—	145	158	146	—	152	131	141	145	—
8:1	—	78.8	84.5	78.9	—	79.2	70.8	73.4	80.1	—
17	151	144	152	145	133	139	большой	—	145	—
17:1	77.0	78.3	81.3	78.4	76.9	72.4	—	—	80.1	—
17:8	—	99.3	96.2	99.3	—	91.4	—	—	100.0	—
20	128	124	128	126	—	123	123	123	123	—
5	116	101	103	103	94	100	100	100	100	—
9	—	99	114	—	—	95	98	102	—	—
9:8	—	68.3	72.2	—	—	62.5	74.8	72.3	—	—
10	—	127	140	—	—	125	—	—	—	—
32	—	88	—	—	—	89	—	—	—	—
Pg-m	—	79	—	—	—	79	—	—	—	—
12	—	113	117	121	—	119	—	—	118	—
40	—	95	95	—	98	94	—	—	—	—
40:5	—	94.1	92.2	—	104.3	94.0	—	—	—	—
43	—	109	115	—	—	100	99	—	—	—
45	—	—	136	137	—	132	—	—	—	—
45:8	—	—	86	94	—	87	—	—	—	—
46	—	100	101	—	—	91	95	—	—	—
48	73	74	74	—	—	74	72	—	—	—
48:45	—	—	54.4	—	—	56.1	—	—	—	—
48:17	48.3	51.4	48.7	—	—	53.2	—	—	—	—
51	43	42	44	42	41	41	40	—	—	41
51a	40	39	41	38	36	39	38	—	—	—
52	32	34	32	33	26	31	32	—	—	32
52:51a	80.0	87.2	78.0	86.8	72.2	79.5	84.2	—	—	—
54	25	25	24	28	—	23	25	—	—	—
55	52	52	53	48	43	50	50	—	—	55
54:55	48.1	48.1	45.3	58.3	—	46.0	50.0	—	—	—
SC	10.3	9.7	—	—	5.5	10.5	11	—	—	—
SS	6.1	4.5	—	—	2.7	5.2	5.1	—	—	—
SS:SC	59.2	46.4	—	—	49.1	49.5	46.4	—	—	—
DC	—	24.4	—	—	—	22.5	20.5	—	—	—
DS	—	14.6	—	—	—	11.5	12.1	—	—	—
DS:DC	—	59.8	—	—	—	51.1	59.0	—	—	—
77	—	143.1	144.5	—	—	139.6	136.2	—	—	—

Окончание таблицы 3

zm	—	128.3	127.8	—	—	132.0	119.1	—	—	—
72	84	88	88	—	—	87	82	—	—	—
73	88	90	93	—	—	94	83	—	—	—
75 (1)	—	31	—	—	—	—	27	—	—	—
FC	—	5.3	—	—	—	2.8	1.9	—	—	4.3

Таблица 4

**Индивидуальные значения признаков на женских черепках
из Кюлялахти Калмистомяки**

Признаки	Коллекционный номер (номер погребения)						
	7388-13 (25)	7388-16 (38)	7388-18 (41)	7388-22 (50)	7388-23 (51)	7388-25 (58)	7388-27 (63)
1	175	179	166	—	164	165	188
8	135	140	130	—	140	—	133
8:1	77.1	78.2	78.3	—	85.4	—	70.7
17	130	138	128	—	126	125	133
17:1	74.3	77.1	77.1	—	76.8	75.8	70.7
17:8	96.3	98.6	98.5	—	90.0	—	100.0
20	111	—	111	110	110	—	—
5	98	93	94	104	88	—	107
9	92	96	92	95	95	94	97
9:8	68.1	68.6	70.8	—	67.9	—	72.9
10	109	—	108	—	116	—	—
32	85	—	89	87	—	—	88
Pg-m	75	—	84	82	—	—	84
12	104	105	104	104	115	—	106
40	95	—	91	—	87	—	—
40:5	96.9	—	96.8	—	98.9	—	—
43	97	—	96	103	99	—	—
45	119	—	—	—	129	—	—
45:8	88.1	—	—	—	92.1	—	—
46	90	—	—	—	92	—	—
48	64	66	60	70	59	61	—
48:45	53.8	—	—	—	45.7	—	—
48:17	49.2	47.8	46.9	—	46.8	—	—
51	42	42	41	41	39	43	41
51a	37	39	36	39	36	40	38
52	30	29	30	32	31	29	32
52:51a	81.1	74.4	83.3	82.1	86.1	73.4	84.2
54	23	—	26	22	26	—	23
55	45	50	46	49	48	46	49
54:55	51.1	—	56.5	44.9	54.2	—	46.9

Окончание таблицы 4

SC	9.0	7.5	8.5	8.3	9.5	8.0	10.0
SS	3.7	3.3	5.0	3.5	3.2	3.3	4.8
SS:SC	41.1	44.0	58.8	42.2	33.7	41.3	48.0
DC	20.5	20.0	20.0	20.0	19.0	20.6	—
DS	12.3	11.5	12.4	9.9	9.7	11.9	—
DS:DC	60.0	57.5	62.0	49.5	51.1	57.8	—
77	136.2	137.3	136.6	139.9	145.8	141.4	—
zm	126.4	—	—	—	125.3	—	—
72	84	—	84	—	82	—	—
73	89	85	89	—	85	—	—
75 (1)	22	—	—	—	—	—	неболь- шой
FC	4.3	2.9	6.4	2.0	5.4	—	1.0

Научное издание

Станислав Владимирович Бельский

**Могильник Кюлялахти Калмистомяки
в Северо-Западном Приладожье
(археологические исследования 2006–2009 годов)**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор Т.В. Никифорова
Корректор К.С. Оверина
Верстка Н.И. Пашковской

Подписано в печать 20.05.2012.
Формат 70×108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 17.
Заказ № .

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24